

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ГРУППА „ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН“

КРОВАВАЯ ЗЕМЛЯ

САГА О НАТАНИЭЛЕ СТАРБАКЕ

книга четвертая

БЕРНАРД
КОРНУЭЛЛ

В этой последней и вдохновляющей истории о приключениях Натаниэля Старбака во время Гражданской войны в США Нат получает под своё командование штрафной батальон: пеструю группу трусов, воров, дезертиров и убийц. Собираясь присоединиться к армии генерала Роберта Ли, солдаты Старбака доберутся до Харперс-Ферри как раз вовремя, чтобы принять участие в проведенном Каменной стеной Джексоном захвате гарнизона войск Союза. Оттуда полк попадет прямо в кошмар сражения при Шарпсберге, у реки Антиетэм-Крик, которое навсегда останется в памяти как самый кровавый день той войны. Там мужество и чувство долга Старбака и его солдат подвергнутся такому испытанию, как никогда прежде.

Часть первая

Глава первая

Шел дождь. Весь день шел дождь. Сначала это был скорый, теплый дождик, принесенный порывистым южным ветром, который, однако, к середине дня сменился на восточный, и дождь усилился. Он хлестал тяжелыми, обжигающими каплями. Сила его была такова, что впору было открыть судоходство. Дождь барабанил по солдатским палаткам, непригодным к таким испытаниям. Дождь заливал недостроенные земляные укрепления, брошенные янки у Кентервиля. Дождь смывал землю с неглубоких могил, выкопанных сразу за Булл-Ран, и побелевшие тела убитых, похороненных едва ли пару дней назад, всплыли на поверхность, словно мертвецы в Судный день. Почва в Виргинии была красной, и вода, бежавшая широкими грязными ручьями в сторону Чесапикского залива, окрасившись в ее цвет, казалась смешанной с кровью.

Стоял первый день сентября 1862 года. В Вашингтоне солнце должно было зайти только в шесть тридцать четыре, но уже в полчетвертого в Белом Доме зажгли газонакалильные сетки, Пенсильвания-авеню утопала в грязи по высоту ботинка, а открытые канализации Суомп-пудла заполнились до краев. Дождь хлестал по балкам и строительным лесам недостроенного купола Капитолия, и насквозь промокшие раненые, доставленные из Манассаса, где северяне потерпели поражение, лежали на мраморном полу ротонды.

В двадцати милях к западу к Вашингтону медленно тянулись беглецы — остатки разбитой армии Поупа. Мятежники пытались преградить им путь, но из-за дождя вместо столкновения получилась сплошная неразбериха. Пехота жалась в укрытии под набухшими от сырости деревьями, артиллеристы безбожно проклинали промокшие пороховые заряды, кавалеристы пытались успокоить лошадей, до смерти перепуганных ударами молнии. Майор Натаниэль Старбак, командир Легиона Фалконера из состава бригады Свиерда, принадлежавшей, в свою очередь, корпусу Джексона Северовиргинской армии, пытался не промочить бумажный патрон. Высыпая порох в ствол винтовки, он укрывал патрон шляпой, но головной убор промок, и порох, который он стряхивал с вощеной бумаги, собирался подозрительными комками. Смяв бумагу, он затолкал ее поверх пороха в ствол, сплюнул туда же пулю и с силой загнал заряд глубже. Отведя назад курок, он извлек из сумки на поясе капсулю, надел его на брандтрубку и прицелился сквозь серебристую стену дождя. Полк его расположился на опушке насквозь вымокшего леса, фронтом на север — туда, где через побитое ливнем кукурузное поле виднелся еще один лес, в котором укрылись янки. Старбак не видел цели, но всё равно потянул спусковой крючок. Курок ударил по капсулю, тот в ответ выплюнул облачко дыма, но порох в казенной части упорно отказывался воспламениться. Старбак выругался. Отведя назад курок, он удалил использованный капсулю и вставил новый. Еще одна попытка — но упрямая винтовка не стреляла.

— Хоть камни швыряй в ублюдков, результат тот же, — пробормотал он под нос. С той стороны донесся винтовочный выстрел, но в ливне след от пули над головой Старбака немедленно потерялся. Нат пригнулся, сжимая бесполезную винтовку, и задумался, какого же черта ему теперь делать.

Вообще-то, предполагалось, что он пересечет кукурузное поле и выбьет из дальних лесов янки, но северян там был минимум полк, усиленный парой полевых орудий. И они уже успели потрепать выдохшийся в сражениях полк Старбака. Сначала, когда Легион наконец пробрался сквозь промокшие под ливнем кукурузные стебли, Старбаку показалось, что звуки

орудий — не более, чем гром. Затем он заметил, что роты на левом фланге попали под жестокий обстрел, потом увидел и артиллеристов-янки, которые поворачивали орудия, готовясь ударить во фланг по другим отрядам Легиона. Старбак приказал открыть огонь по орудийным позициям, но лишь несколько стрелков сумели сохранить порох сухим, поэтому он велел выжившим отступить, пока пушки вновь не загрохотали. Он прислушался к глумящимся над отступающими мятежниками северянам. Теперь же, спустя двадцать минут, Нат всё еще пытался найти какой-нибудь путь в обход поля или через него. Но местность слева была открытой и простреливалась вражескими орудиями. В лесах справа укрывались янки.

Легион явно не заботило, остались ли янки или ушли, так как теперь их врагом стал дождь, а не северяне. Шагая к левому флангу своей цепи, Старбак заметил, что солдаты старались не попадаться ему на глаза. Они молились, чтобы он не отдал очередного приказа атаковать, никто из них не желал выходить из леса на затопленное кукурузное поле. Всё, чего они желали, так это прекращения дождя, возможности разжечь костры и получить время на сон. В первую очередь сон. В последние месяцы они вдоль и поперек исходили северные округа Виргинии; они сражались; они разбили врага; опять маршировали и сражались, и теперь устали от походов и сражении. Их мундиры превратились в лохмотья, ботинки развалились, а пайки заплесневели, они донельзя устали, и с точки зрения солдат, янки могли удерживать мокрый лес за кукурузным полем сколько угодно. Они лишь желали отдохнуть. Многие из них, несмотря на дождь, уже уснули. Они лежали у кромки леса подобно мертвецам, подставив раскрытые рты дождю, их бороды и усы пропитались и сочились влагой. Другая часть солдат, действительно мертвых, лежала, словно заснув в залитом кровью кукурузном поле.

— Я думал, мы одерживаем вверх в этой чертовой войне, — поприветствовал Старбака капитан Дейвис.

— Если не перестанет лить, — ответил Старбак, — мы позволим подойти чертову флоту и выиграть за нас. Можешь рассмотреть орудия?

— Они всё еще там. — Дейвис кивнул в сторону темного леса.

— Ублюдки, — выругался Старбак. Он был зол на себя, что не заметил орудия, прежде чем отдал приказ атаковать. Две пушки были замаскированы за бруствером из веток, но тем не менее он проклинал себя за неспособность заметить ловушку. Небольшая победа янки задела его за живое, и чувство досады усиливалось неуверенностью в действительной необходимости атаки, ведь кроме них, кажется, никто и не сражался. Изредка где-то в мрачном влажном сумраке раздавалось рывканье пушки, иногда трескотня ружейной пальбы перекрывала звуки низвергавшегося дождя, но эти звуки не касались Старбака, и он не получал дальнейших распоряжений от полковника Свиерда со времени первого срочного приказа пересечь кукурузное поле. Возможно, надеялся Старбак, сражение зашло в тупик. Может, никого оно и не заботит. Враг и так отходил к Вашингтону, так почему бы просто не позволить ему уйти?

— Откуда ты знаешь, что орудия не отошли? — спросил он Дейвиса.

— Дают о себе знать время от времени, — лаконично ответил тот.

— Может, они ушли? — предположил Старбак, но не успел он договорить, как выстрелила одна из пушек янки. Она была заряжена картечью — жестяным цилиндром, набитым ружейными пулями, который разрывается на выходе из дула орудия, разбрасывая пули, как гигантский заряд крупной дроби, и они прошли листву деревьев над Старбаком.

Орудие было нацелено слишком высоко, и его огонь никого не ранил, но град свинца низверг поток воды и листьев на несчастную пехоту Старбака. Старбак, скрючившийся рядом с Дейвисом, вздрогнул от неожиданного душа.

— Ублюдки, — повторил он, но бессильное ругательство потонуло в треске грома, разорвавшего небо с медленно замершим грохотом. — Было время, — кисло заметил Старбак, — когда я считал, что орудия гремят как гроза. Теперь думаю, что гроза гремит как орудия, — он мгновение обдумывал эту мысль. — Как часто тебе доводилось слышать пушки в мирное время?

— Никогда, — признался Дейвис. Его очки покрылись каплями дождя. — Разве что на Четвертое июля.

— Четвертого и на День Эвакуации, — произнес Старбак.

— День Эвакуации? — спросил Дейвис, никогда до этого о нем не слышавший.

— Семнадцатое марта, — ответил Старбак. — День, когда мы выперли англичан из Бостона. В бостонском парке палят из пушек и пускают фейерверки.

Старбак был бостонцем, северянином, сражавшимся с себе подобными на стороне мятежного Юга. Он дрался не из-за политических убеждений, а скорее, из-за ошибок молодости, выбросивших его на мель на Юге в начале войны, и теперь, спустя полтора года, он стал майором армии конфедератов. Он едва ли был старше большинства возглавляемых им солдат, и даже моложе многих, но полтора года непрерывных сражений наложили на его узкое смуглое лицо печать суровой возмужалости. Иногда он изумленно подмечал, что на самом деле должен был бы всё еще учиться на священника на факультете богословия в Йеле, но вместо этого скорчился в промокшем до нитки мундире за затопленным кукурузным полем, строя планы, как прикончить таких же промокших янки, сумевших убить его людей.

— Сколько у тебя сухих зарядов? — спросил он Дейвиса.

— Наверное, с дюжину, — неуверенно протянул Дейвис.

— Заряди и жди здесь. Я хочу, чтобы ты прикончил чертовых канониров, когда я дам тебе знать. Я пришлю тебе подмогу.

Он хлопнул Дейвиса по спине и побежал назад в лес, где направился дальше на запад, пока не достиг первой роты и капитана Траслоу, низкорослого, коренастого и неутомимого человека, которого Старбак повысил с сержанта до капитана всего несколькими неделями ранее.

— Есть сухие заряды? — спросил Старбак, плюхнувшись рядом с капитаном.

— Завались, — Траслоу сплюнул в лужу табачную слюну. — Приберегал огонь для тебя.

— А ты весь полон уловов, а? — довольно сказал Старбак.

— Полон здравого смысла, — угрюмо проворчал Траслоу.

— Мне нужен один залп по канонирам. Вы с Дейвисом прикончите артиллеристов, а я поведу через поле остальной Легион.

Траслоу кивнул. Он был скупым на слова вдовцом, таким же суровым, как и ферма в горах, которую он оставил, чтобы сражаться с северными захватчиками.

— Жди моего приказа, — добавил Старбак и отступил назад к деревьям, хотя их густая листва была давно пропитана ливнем и плохо защищала от дождя. Казалось невозможным, что дождь может продолжаться так долго и быть таким злобным, однако ливень не переставая бил по деревьям с неослабевающей дьявольской силой. На юге вспыхнула молния, затем над головой раздался настолько сильный раскат грома, что Нат вздрогнул от звука. Боль резанула лицо, и он отшатнулся, упал на колени и прижал ладонь к левой щеке.

Когда Нат убрал руку от лица, то увидел, что ладонь в крови. Минуту он беспомощно смотрел, как дождь растворял и смывал кровь с ладони, затем, попытавшись встать, Нат понял, что слишком слаб. Его трясло, и он подумал, что его сейчас вырвет, потом испугался, что опорожнится кишечник. Нат жалобно стонал, как раненый котенок. Одна часть его мозга знала, что с ним всё в порядке, что рана была легкой, он мог видеть, мыслить и дышать, но ему не удавалось побороть дрожь, хотя он перестал издавать бессмысленные кошачьи звуки и глубоко вдохнул влажный воздух. Он сделал еще один вдох, вытер кровь со щеки и заставил себя встать. Раскат грома, понял Нат, на самом деле представлял собой разряд картечи из второго орудия янки, и одна из ружейных пуль отколола щепку от дерева, которая и разрежала ему лицо до скулы. Дюймом выше, и Нат лишился бы глаза, однако рана была чистой и пустяковой. Нат прислонился к покрытому шрамами стволу дерева и закрыл глаза, пока был один в лесу. Выведи меня отсюда живым, молился он, сделай это, и я больше никогда не буду грешить.

Нат устыдился себя. Он повел себя так, словно это была не царапина, а смертельная рана, но у него до сих пор бурлило в кишечнике от страха, пока он шагал на восток, к правофланговым ротам. Эти роты были наименее преданы ему, они отказывались быть под командованием перебежчика с севера, именно эти роты Нату придется выгнать на открытое кукурузное поле из их жалких укрытий. Их отказ атаковать был продиктован не только отсутствием преданности, но и естественным стремлением вымокших, уставших и несчастных людей скорее притаиться и сидеть неподвижно, чем подставлять себя под вражеские винтовки.

— Штыки! — заорал Старбак, проходя позади цепи. — Примкнуть штыки! — Он предупреждал их, что им снова придется выступить, и услышал ворчание некоторых солдат, но Нат проигнорировал их угрюмый вызов, поскольку не знал, был ли он в состоянии им противостоять. Он испугался, что его голос будет звонким, как у мальчишки, если он на них накинется. Нат задавался вопросом, что же, во имя всевышнего, с ним происходит. Одна маленькая царапина, и он съезжился до дрожащего и беспомощного состояния! Нат говорил себе, что это всего лишь из-за дождя, который раздул его усталость до страдания. Он нуждался в отдыхе так же, как и его люди, и точно также ему нужно было время, чтобы реорганизовать Легион и раскидать смутьянов по разным ротам, однако скорость, с какой велась кампания в северной Виргинии, лишила армию Ли такой роскоши как время.

Кампания началась с мощного наступления северянина Джона Поупа на Ричмонд, столицу Конфедерации. Это наступление было остановлено, а затем разбито во время второй битвы при Булл-Ран, и теперь армия Ли теснила оставшихся янки назад к реке Потомак. Если повезет, думал Старбак, янки войдут в Мэриленд, и конфедераты получат несколько дней, в которых так нуждались, чтобы перевести дыхание и найти обувь и одежду для солдат, похожих скорее на толпу бродяг, чем на армию. И всё же эти бродяги исполнили всё, что от них требовала страна. Они ослабили и уничтожили недавнюю попытку янки захватить Ричмонд, а сейчас вытесняли из Конфедерации превосходящую армию северян.

Нат обнаружил лейтенанта Ваггонера на правом фланге цепи. Питер Ваггонер был хорошим человеком, набожным солдатом, который жил с винтовкой в одной руке и Библией в другой, и если кто-либо из его роты трусил, то получал удар одним из этих двух внушительных орудий. Лейтенант Коффмэн, еще юнец, сидел скорчившись рядом с Ваггонером, Старбак послал его за капитанами других правофланговых рот.

— Вы в порядке, сэр? — нахмурился Ваггонер.

— Царапина, просто царапина, — ответил Старбак. Он слизнул со щеки соленую кровь.

— Вы ужасно бледный, — произнес Ваггонер.

— Этот дождь — первое приличное купание за две недели, — добавил Старбак. Дрожь прекратилась, но Нат тем не менее почувствовал себя актером, когда ухмыльнулся Ваггонеру. Он делал вид, что не испуган и всё хорошо, но его разум был норовист, как необъезженный жеребенок. Нат отвернулся от лейтенанта и взгляделся в деревья с восточной стороны, выискивая остальную бригаду Свиерда. — Там по-прежнему кто-то есть? — задал он вопрос Ваггонеру.

— Люди Хаксалла. Они ничего не делают.

— Спасаются от дождя, да?

— Никогда не видывал такого дождя, — проворчал Ваггонер. — Вечно его нет, когда он нужен. Никогда не идет весной. Зато всегда перед сбором урожая или во время сенокоса.

Из леса, занятого янки, донесся винтовочный выстрел, и пуля ударилась о клен позади Ваггонера. Здоровяк обиженно нахмурился в сторону янки, словно счел пулю признаком невоспитанности.

— Вы знаете, где мы сейчас? — поинтересовался он у Старбака.

— Где-то недалеко от Флетлика, где бы ни было это чертово место, — ответил Нат. Он знал только, что Флетлик протекал где-то в Северной Виргинии. Они выгнали янки из их укреплений в Кентервиле и теперь пытались захватить брод, через который отступали северяне, хотя Старбак за весь день не увидел ни ручья, ни дороги. Полковник Свиерд сказал Нату, что ручей называется Флетлик-Бранч, хотя на самом деле полковник не был этом уверен. — Вы слышали когда-нибудь о Флетлике? — теперь уже Старбак спросил Ваггонера.

— Ни разу не слышал, — ответил Ваггонер. Он, как и большинство солдат Легиона, был выходцем из центральной части Виргинии и не знал подходов к Вашингтону.

Старбаку понадобилось полчаса, чтобы организовать атаку. На это должно было уйти несколько минут, но из-за дождя все медлили, а капитан Мокси как всегда возразил, что атака — лишь трата времени, потому что её, как и первую, ждет провал. Мокси был молодым и малопривычным человеком, которого возмущало повышение Старбака. Большая часть Легиона недолюбливала Мокси, но в этот дождливый полдень он оказался единственным, кто выразил то, о чем думали почти все. Солдаты не хотели сражаться. Они слишком вымокли, замерзли и устали, чтобы сражаться, и даже Старбаку хотелось забыться сном, но несмотря на опасения, он чувствовал, что если человек хоть раз поддастся страху, то будет делать это снова и снова, пока совсем не останется храбрости. Военная служба, как понял Нат, не имела ничего общего с комфортом, а командование полком заключалось не в предоставлении людям того, что им хочется, а в принуждении делать то, что им всегда казалось невероятным. Военная служба связана с победами, а победа невозможна, если прятаться на краю леса под проливным дождем.

— Мы выступаем, — решительно заявил Нат. — Таков приказ, и мы, черт возьми, выступаем.

Мокси пожал плечами, словно Старбак был глупцом.

Еще больше времени ушло на подготовку четырех правофланговых рот. Они примкнули штыки, затем поплелись к краю поля, где в огромной луже бурлила вода, стекавшая туда из канав. Янки периодически стреляли, пока Старбак подготавливал Легион, каждый выстрел осыпал занятые южанами деревья раскаленным облаком картечи, словно пытаясь

отговорить конфедератов от враждебных намерений. Пушечный выстрел оставлял едкое облако дыма, которое как туман сносилось дождем. Становилось все темнее и темнее — неестественно ранние сумерки, вызванные пропитанными влагой серыми тучами. Старбак расположился на левом фланге атакующих, самом ближнем к ружьям янки, он вытащил штык и примкнул его к дулу винтовки. У него не было ни сабли, ни лычек, а револьвер, по которому бы янки догадались, что он офицер Конфедерации, был спрятан в кобуре за спиной, где враг не мог его увидеть. Нат убедился, что штык прикреплен надежно и сложил ладони рупором.

— Дейвис! Траслоу! — прокричал он, удивляясь, как мог чей-либо голос преодолеть шум дождя и порывы ветра.

— Вас понял! — отозвался Траслоу.

Старбак замешкался. Коль скоро Нат выкрикнул следующий приказ, он принял окончательное решение сражаться, и его снова захлестнул приступ мучительной дрожи. Страх лишал его сил, но Нат заставил себя перевести дыхание и выкрикнуть приказ.

— Пли!

Последовал слабый залп, просто треск, похожий на хруст кукурузных стеблей, но Старбак, к своему удивлению, вскочил на ноги и бросился в кукурузу.

— Вперед! — закричал он на солдат за спиной, продвигаясь между твердыми спутанными стеблями. — Вперед!

Он знал, что должен возглавить атаку, и мог лишь надеяться, что Легион следует за ним. Он слышал, как кто-то рядом продирается по полю, а на правом фланге Питер Вагонер ободрял своих солдат, но Старбак слышал также, как сержанты орут на копуш, чтобы вставали и шли вперед. По этим крикам он догадался, что некоторые по-прежнему трусят под прикрытием леса, но не смел обернуться, чтобы посмотреть, сколько людей последовали за ним, чтобы солдаты не решили, будто он остановил атаку. Она была нестройной, но всё же они бросились вперед, и Старбак слепо гнал солдат, ожидая, что в любое мгновение схлопочет пулю. Один из его солдат издал слабый боевой клич мятежников, но никто его не подхватил. Они слишком устали, чтобы издавать эти жуткие возгласы.

По полю мимо пригнутых кукурузных верхушек мелькнула пуля, и с поникших початков полилась вода. Пушка молчала, и Старбак впал в ужас, решив, что два орудия поворачивают, чтобы накрыть его атаку. Он снова крикнул, поторапливая солдат, но они продвигались медленным шагом, потому что поле было слишком топким, а кукуруза слишком перепутанной, мешая бежать. Когда до янки оставалось не больше расстояния выстрела, северяне замолчали, и Старбак понял, что они наверняка сдерживают огонь, пока потрепанная серая масса атакующих не окажется на расстоянии мишени. Он хотел съежиться в предчувствии этого неминуемого залпа, упасть между мокрых стеблей, прижаться к земле и дожидаться окончания войны. Он был слишком напуган, чтобы кричать, думать или сделать что-либо еще, кроме как вслепую ринуться в сторону темных деревьев, до которых теперь оставалось лишь тридцать шагов. Так глупо казалось погибнуть ради брода черед Флетлик, но глупость этого предприятия не объясняла его страх. Это было нечто более глубинное, в чем он не позволял самому себе признаться, потому что подозревал, что это было лишь чистой трусостью. Но мысль о том, как его недруги в Легионе будут над ним смеяться, если увидят этот страх, заставляла его двигаться.

Он поскользнулся в луже, дернулся, чтобы восстановить равновесие, и помчался дальше.

Ваггонер по-прежнему бодро выкрикивал на правом фланге, но остальные просто устало тащились по мокрой кукурузе. Мундир Старбака так промок, словно он переходил реку. Он чувствовал себя так, будто никогда уже не сможет обсохнуть и согреться. Из-за насквозь промокшей тяжелой одежды каждый шаг давался с трудом. Нат попытался закричать боевой клич, но он превратился в что-то вроде сдавленного рыдания. Если бы не шел дождь, он бы решил, что плачет, но янки так и не открыли огонь, а вражеский лес теперь был уже близко, очень близко, и ужас последних ярдов вселил в него безумную энергию, бросившую его через последние поникшие стебли, по очередной широкой луже прямо в лес.

И там он обнаружил, что враг ушел.

— Господи Иисусе! — воскликнул Старбак, не зная, то ли он пытался ругнуться, то ли молился. — Господи Иисусе! — повторил он, с облегчением уставившись на опустевший лес. Он остановился, тяжело дыша, и огляделся по сторонам, но в лесу и правда было пусто. Враг исчез, не оставив ничего, кроме отсыревшей бумаги от патронов и двойной колеи, показывающей, что они вытащили из леса две пушки.

Старбак окликнул оставшиеся на кукурузном поле роты и осторожно зашагал через лесополосу, пока не добрался до ее противоположного края, а оттуда взгляделся в широкое исхлестанное дождем пастбище, на котором вышел из берегов ручей. В поле зрения не было врага, лишь большой дом на далекой возвышенности, наполовину скрытый за деревьями. Разряд молнии высветил силуэт дома, а потом усилившийся дождь закрыл строение, словно поднимающийся на море туман. Дом показался Старбаку прекрасным особняком, издевательским напоминанием о комфортабельной жизни, которую можно было бы вести к этой стране, не раздирай ее война.

— И что теперь? — обратился к нему Мокси.

— Твои люди заступят в караул, — ответил Старбак. — Коффмэн! Найди полковника и скажи ему, что мы пересекли кукурузное поле.

Нужно было похоронить мертвых и найти раненых.

Прерывистый шум сражения полностью затих, сдав поле битвы дождю, грому и холодному восточному ветру. Опустилась ночь. В глубине леса замелькали жалкие костры, но большинству не хватало навыков, чтобы развести огонь под таким ливнем, так что солдаты просто дрожали, гадая, что именно сейчас сделали и зачем, а также куда делся враг и принесет ли им следующий день тепло, пищу и отдых.

Полковник Свицерд — худой, в потрепанной одежде и с клочковатой бородой — нашел Старбака после наступления темноты.

— Без проблем пересекли кукурузное поле, Нат? — спросил полковник.

— Да, сэр, совершенно без проблем.

— Молодец, — полковник протянул руки к костру Старбака. — Я устрою молитвенное собрание через несколько минут. Надо полагать, вы не придете?

— Нет, сэр, — ответил Старбак, как отвечал каждый вечер, когда полковник приглашал его на молитвы.

— В таком случае я помолюсь за вас, Нат, — отозвался полковник, в точности так же, как и обычно. — Определенно.

Старбак хотел только спать. Просто заснуть. И ничего более. Но молитва может помочь, подумал он. Что-то ведь должно помочь, потому что он испугался, и Господь знает это, знает, что он превращается в труса.

Старбак снял промокшую одежду, не в силах выносить, как она натирает, и повесил ее над остатками костра в надежде хоть немного высушить, а потом завернулся во влажное одеяло и заснул несмотря на дождь, хотя этот сон был лишь дрянной имитацией отдыха, потому что время от времени он пробуждался, и его сны были смесью дождя, промокших деревьев, раскатов грома и призрачного силуэта отца, преподобного Элияла Старбака, который насмехался над робостью сына.

— Всегда знал, что ты с гнильцой, Натаниэль, — говорил в его сне отец, — гнилой до мозга костей, как прогнившая древесина. Нет у тебя стржня, вот в чем твоя проблема.

А потом отец, приплясывая, безо всяких повреждений прошел под огнем пушек, а себя Старбак видел прижавшимся к мокрой земле. Салли тоже присутствовала в его сне, но это не особо утешало, потому что она его не узнала, а просто прошла мимо, исчезнув в пустоте, а потом он пробудился окончательно, когда кто-то потряс его за плечо.

Поначалу он подумал, что это продолжение сна, а потом испугался, что, должно быть, янки пошли в атаку, и быстро выкатился из-под сырого одеяла и потянулся за винтовкой.

— Всё в порядке, майор, это не янки, всего лишь я. Вас там человек дожидается.

Его разбудил Люцифер.

— Человек вас ждет, — повторил он, — и такой красавчик.

Люцифер был мальчишкой, слугой Старбака и беглым рабом, однако весьма высокого о себе мнения, чему способствовали озорные и сардонические шутки. Он так и не открыл свое настоящее имя, настаивая, чтобы его называли Люцифером.

— Хотите кофе?

— А есть?

— Могу украсть.

— Ну давай, укради, — ответил Старбак. Он встал, чувствуя боль в каждой мышце, и подхватил винтовку с безнадежно отсыревшим, как он помнил, зарядом. Прощупал одежду, но она еще не просохла, а огонь давно угас.

— Который час? — крикнул он вслед Люциферу, но парнишка уже исчез.

— Едва перевалило за половину шестого, — ответил ему незнакомый голос. Старбак в чем мать родила вышел из-за деревьев и увидел укрытую плащом фигуру на коне. Незнакомец захлопнул крышку часов и, откинув край плаща, опустил прибор в специальный кармашек. До того, как алая накидка с подкладкой снова заняла подобающее ей место, Старбак успел заметить нарядный мундир, явно не знакомый с почерневшими следами пороха или кровавыми пятнами.

— Мейтленд, — отрекомендовался верховой. — Подполковник Нед Мейтленд, — он покосился на обнаженного Старбака, но обошелся без замечаний. — Я прибыл из Ричмонда, и у меня для вас имеются приказы, — добавил он.

— Для меня? — тупо переспросил Старбак. Он до сих пор не проснулся, поэтому безуспешно пытался сообразить, с чего бы кому-то в Ричмонде посылать ему приказы, в которых он нуждался гораздо меньше, чем в нормальном отдыхе.

— Вы майор Старбак? — спросил Мейтленд.

— Да.

— Приятно познакомиться, майор, — произнес Мейтленд и, свесившись с седла, протянул Нату руку. Старбак, посчитав жест несколько неуместным, замешкался, но

отказываться от рукопожатия было бы грубо, поэтому он шагнул к лошади и пожал протянутую руку. Полковник быстро одернул ее, словно опасаясь, что Старбак испачкает ее, и натянул снятую было перчатку. Он пытался скрыть свою реакцию от Старбака, который, по мнению полковника, смахивал на ходячий кошмар. Тело его было бледным и тощим, тогда как лицо и руки потемнели от солнца. Сгусток крови пересекал щеку Старбака, а черные волосы свисали длинными космами. Мейтленд же чрезвычайно гордился собственной внешностью и старался поддерживать щегольский вид. Он был несколько юн для подполковника, может быть, лет тридцати, но уже отпустил густую бороду и тщательно завитые усы, которые пропитывал ароматным лосьоном.

— Тот парнишка — ваш слуга? — он кивнул в направлении убежавшего Люцифера.

— Да, — Старбак, собрав влажную одежду, теперь натягивал ее на тело.

— Вы разве не знаете, что черным не полагается иметь оружие? — заметил Мейтленд.

— Им и в янки стрелять не полагается, но у Булл-Ран он парочку-таки ухлопал, — буркнул Старбак. Он уже успел выдержать битву с Люцифером на тему револьвера Кольта, который подросток желал таскать с собой, и повторять этот опыт с каким-то там выскочкой-полковником из Ричмонда у него не было сил.

— Что за приказы? — спросил он Мейтленда.

Полковник Мейтленд не ответил — его взгляд был устремлен сквозь бледноватые лучи восходящего солнца на особняк за рекой.

— Шантильи, — задумчиво произнес он. — Полагаю, это Шантильи.

— Чего? — переспросил Старбак, натягивая сорочку и сражаясь с немногими оставшимися пуговицами.

— Вон тот дом. Он называется "Шантильи". Славное местечко. Я танцевал там пару раз и непременно станцую еще, когда прогоним янки... где я могу найти полковника Свицерда?

— Стоящим на коленях, надо полагать, — ответил Старбак. — Вы мне приказы дадите или нет?

— Разве вам не положено называть меня "сэр"? — вежливо спросил Мейтленд. Однако вежливость эта несла оттенок нетерпения, вызванного враждебностью Старбака.

— Держи карман шире, — кратко ответил Старбак, сам удивленный агрессивностью, которая, похожа, становилась одной из главных черт его характера.

Мейтленд решил не доводить дело до конфликта.

— Мне предписано передать вам приказы в присутствии полковника Свицерда, — объяснил он и замолчал, ожидая, когда Старбак закончит справлять нужду под деревом. — Вы выглядите юным для майора, — заметил он, пока Старбак застегивал брюки.

— Вы выглядите юным для полковника, — угрюмо отрезал Старбак. — Мой возраст, полковник, может волновать лишь меня да парня, что вырежет его на надгробном камне, если он у меня будет. У многих солдат его вообще нет, если, конечно, они не сражаются, сидя за столом в Ричмонде.

Отпустив это оскорбительное замечание человеку, который весьма смахивал на сражающегося из-за стола, Старбак, наклонившись, завязал шнурки ботинок, снятых им с мертвого янки у Кедровой горы. Дождь прекратился, но воздух весь пропитался влагой, а трава — водой. Несколько легионеров вышли из-за деревьев, чтобы потарашиться на щеголя-подполковника. Офицер терпеливо выдержал их осмотр, дожидаясь, пока Старбак захватит свой мундир. С пригоршней кофеиных зерен вернулся Люцифер, получивший от Старбака указание отнести их к палатке Свицерда. Нат нахлобучил отсыревшую шляпу и махнул

Мейтленду.

— Сюда.

Старбак нарочно повел разодетого Мейтленда сквозь наиболее труднопроходимые участки леса, принудив, таким образом, полковника спешиться. Полковничий плащ с шелковой подкладкой немедленно промок. Мейтленд не протестовал, Старбак тоже молчал. Они вышли к палатке Свиерда, где, как и предсказывал Нат, полковник как раз молился. Вход в палатку был распахнут. Полковник стоял на коленях на полу палатки, Библия лежала перед ним на походной койке.

— Он познал Господа нашего три недели назад, — громко, чтобы потревожить полковника, сказал Старбак, обращаясь к Мейтленду. — И с тех пор беспрестанно приседает Ему на уши.

За три недели произошло настоящее чудо — Свиерд из отупевшей от пьянства развалины превратился в славного солдата. Сейчас же он, в сорочке и серых панталонах, повернул свой зрячий глаз к потревожившим утреннюю молитву людям.

— Господь простит вас за это вторжение, — великодушно объявил он. Поднявшись на ноги, он натянул подтяжки на худые плечи. Мейтленд невольно содрогнулся при виде Свиерда, который выглядел еще непрезентабельней, чем Старбак. Полковник был худощавым, испещренным шрамами мужчиной с неопрятной бородкой, пожелтевшими зубами и без трех пальцев на левой руке.

— Ногти грызет, — пояснил Старбак, заметивший взгляд, брошенный Мейтлендом на три обрубка.

Мейтленд поморщился и шагнул вперед с протянутой рукой. Свиерд, казалось, удивился жесту, но вполне дружелюбно пожал ее, а затем кивнул Старбаку.

— Утро доброе, Нат.

Старбак, не ответив, кивнул в сторону Мейтленда:

— Подполковник Мейтленд. Имеет для меня приказы, но говорит, что сначала хочет увидеть вас.

— Что ж, вы меня увидели, — обратился к Мейтленду Свиерд, — так что передайте Нату приказы.

Но Мейтленд сначала подвел коня к ближайшему дереву и привязал его к свисающей ветке. Он расстегнул седельную сумку и извлек пакет с бумагами.

— Вы меня не помните, полковник? — спросил он через плечо, застегивая сумку.

— Увы, нет, — настороженно ответил Свиерд, опасаясь, что встретил человека из своего дохристианского прошлого. — А должен?

— Ваш папаша моему сбыл несколько рабов. Двадцать лет назад.

Свиерд расслабился, поняв, что его старые грехи тут ни при чем:

— Наверное, вы были еще мальчиком, полковник.

— Был, но я помню, как ваш отец убеждал моего, что рабы — хорошие работники. Но как бы не так, они оказались чертовски плохими работниками.

— В торговле, — ответил Свиерд, — говорят: какой хозяин, такие и рабы, — полковник говорил ровно, хотя из слов его было понятно, что Мейтленд ему, как и Старбаку, крайне не нравился. Возможно, обоим претило чувство надменности; возможно, их раздражало вторжение в жизнь человека, который явно никогда не слышал свист пролетающих над головой пуль.

— Люцифер скоро принесет кофе, — сказал Свиерду Старбак.

Полковник подхватил пару походных стульев и пригласил Мейтленда садиться. Сиденьем для Старбака послужил перевернутый ящик, еще один заменил стол.

— Ну и где ваши приказы, полковник? — спросил Свинерд.

— Тут, — ответил Мейтленд, кладя бумаги на ящик. Он прикрыл их шляпой, чтобы Старбак и Свинерд не забрали их раньше времени. Сняв мокрый плащ и явив собеседникам безукоризненный мундир, украшенный двойным рядом начищенных до рези в глазах латунных пуговиц. Оба плеча были украшены парой золотых звезд, который вполне могли быть и впрямь изготовлены из настоящего золота. Рукава же его были расшиты, по всей видимости, золотой нитью. Потертый китель Старбака не знал ни золота, ни латуни, ни даже нашитых погон его ранга — лишь разводы белой соли там, где пот впитался в ткань. Мейтленд протер сиденье стула и подтянул украшенные желтыми лампасами брюки перед тем, как сесть. Он приподнял шляпу, отложил запечатанные бумаги и протянул Свинерду одиночный листок.

— В соответствии с отданными мне приказами докладываю о своем прибытии, полковник, — донельзя официально произнес он.

Свинерд развернул бумагу, пробежав ее глазами. Моргнув, он прочел ее снова. Взгляд его уперся в Мейтленда, затем снова в бумагу.

— Когда-нибудь принимали участие в сражениях, полковник? — Старбаку послышалась горечь в тоне Свинерда.

— Я некоторое время служил с Джонстоном.

— Я не об этом спрашиваю, — ровно ответил Свинерд.

— Я видел сражения, полковник, — сухо произнес Мейтленд.

— Принимали участие? — свирепо выплюнул Свинерд. — Я спрашиваю, стояли вы когда-нибудь в стрелковой цепи? Стреляли из своего оружия, перезаряжали его под прицелом шеренг янки? Было у вас такое, полковник?

Мейтленд покосился на Старбака, и Нат, несколько растерявшись от этих разговоров, увидел в брошенном на него взгляде толику вины.

— Я видел сражения, — упрямо ответил Мейтленд.

— Сидя верхом на штабной лошади, — съязвил Свинерд. — Это далеко не то же самое, полковник, — с грустью заметил он. Наклонившись вперед, он выдернул запечатанные бумаги и бросил на колени Старбаку. — Не будь моя душа спасена, — заметил он, — не будь я искупан в исцеляющей крови Христа, я бы испытывал жгучее желание немедленно выругаться. И мне кажется, Господь простил бы меня за это. Мне жаль, Нат, даже передать не могу, как мне жаль.

Старбак сорвал печати и развернул бумаги. Первый лист оказался пропуском, дающим ему право посетить Ричмонд. Вторая бумага оказалась адресованным ему приказом доложить по прибытии в ричмондский лагерь "Ли" полковнику Холборроу. Майору Старбаку также предписывалось принять на себя командование Вторым специальным батальоном.

— Сукин же ты сын... — тихо произнес Старбак.

Свинерд, взяв у Ната приказы, прочел их, затем вернул обратно.

— Они забирают тебя, Нат, а взамен Легион достается мистеру Мейтленду, — имя новоприбывшего он выговорил с горечью.

Мейтленд проигнорировал тон Свинерда. Он достал серебряный футляр, вытащил сигару и поджег ее шведской спичкой, а потом безмятежно устался на мокрый лес, где

солдаты бригады Свинерда пытались разжечь костры и кромсали галеты тупыми штыками.

— Сомневаюсь, что дождь продолжится, — беззаботно произнес он.

Старбак снова прочитал приказ. Он командовал Легионом всего несколько недель, и на этот пост его назначил генерал-майор Джексон собственной персоной, но теперь ему приказали передать своих людей этому хлыщу из Ричмонда и принять командование неизвестным батальоном.

— Почему? — спросил он, но никто не ответил. — Хрень Господня! — выругался он.

— Это неправильно! — присоединился к его протестам Свинерд. — Полк — это штука деликатная, полковник, — объяснил он Мейтленду. — Не только янки могут превратить его в осколки, но и собственные офицеры. У полка была черная полоса, но Нат снова превратил его в нормальное подразделение. Не имеет никакого смысла сейчас менять командующего.

Мейтленд лишь пожал плечами. Он был человеком привлекательной наружности, пользующимся своим положением с холодной самоуверенностью. Если он и сочувствовал Старбаку, то не выдавал этого, а просто пропустил все протесты мимо ушей.

— Это ослабит мою бригаду! — рассердился Свинерд. — Почему?

Мейтленд беспечно махнул сигарой.

— Я лишь гонец, полковник, лишь гонец.

На секунду могло показаться, что Свинерд набросится на Мейтленда с ругательствами, но он совладал с этим импульсом и просто покачал головой.

— Почему? — повторил он. — Бригада отлично сражалась! Неужели всем плевать на то, что мы сделали на прошлой неделе?

Похоже, всем было плевать, по крайней мере тем, кого знал Мейтленд. Свинерд на мгновение закрыл глаза, а потом посмотрел на Старбака.

— Мне жаль, Нат, правда жаль.

— Сукин сын, — сказал Старбак, не обращая ни к кому конкретно. Хуже всего было то, что он был северянином, сражающимся за Юг, и Легион Фалконера стал его домом и убежищем. Он опустил глаза на приказ. — А что за Второй специальный батальон? — спросил он Мейтленда.

На мгновение можно было подумать, что Мейтленд не ответит, а потом элегантный полковник криво улыбнулся Старбаку.

— Полагаю, больше он известен под названием Желтоногие, — сообщил он своим раздраженным и насмешливым тоном.

Старбак выругался и поднял глаза к затянутому облаками небу. Желтоногие получили свое прозвище и потеряли репутацию за неделю весенних сражений, когда Ли в конце концов отогнал от Ричмонда армию северян под командованием Макклелана. Джексон привел своих людей на помощь из долины Шенандоа, и среди них был Шестьдесят шестой виргинский полк, только что собранный и отправленный на первое сражение близ холма Малверн. Они побежали, не от ожесточенной схватки, а просто от первых же разорвавшихся рядом снарядов. Прозвище Желтоногие отражало цвет их штанов, после того как они обмочились от страха.

— Обоссались все разом, — сообщил Траслоу Старбаку, услышав эту историю, — прям новое болото напрудили.

Позже было решено, что полк собрали слишком наспех, слишком мало обучали и слишком плохо им командовали, так что их винтовки передали тем, кто имел желание сражаться, а полк отправили на переподготовку.

— Так кто такой полковник Холборроу? — спросил Свинерд Мейтленда.

— Он занимается обучением штрафных батальонов, — беззаботно ответил Мейтленд. — Разве на прошлой неделе один из них здесь не сражался?

— Чёрт, ну да, — подтвердил Старбак. — И чертовски плохо.

Штрафной батальон, принимавший участие в сражении на прошлой неделе, был сборищем уклоняющихся от своих обязанностей и отставших на марше солдат, и он не продержался и нескольких минут.

— Чёрт! — повторил Старбак. Теперь, похоже, Шестьдесят шестой виргинский переименовали в штрафной батальон, а значит, их боевой дух был не выше, чем когда они заслужили свое прозвище, учитывая поведение Первого штрафного батальона, и выучка вряд ли лучше.

Люцифер поставил две кружки с кофе на импровизированный стол и, поглядев на расстроенную физиономию Старбака, отошел подальше, чтобы трое офицеров не решили, будто он подслушивает.

— Это безумие! — с новыми силами запротестовал Свинерд. — Кто отправил этот приказ?

— Военный департамент, конечно, — ответил Мейтленд.

— А кто именно из Военного департамента? — напирал Свинерд.

— Разве вы не можете прочитать его подпись, полковник?

Имя под приказом ни о чем не говорило ни Старбаку, ни Свинерду, но Гриффину Свинерду пришло в голову подозрение, откуда могут исходить эти бумаги.

— А генерал Фалконер служит в Военном департаменте? — спросил он Мейтленда.

Тот вытащил изо рта сигару, сплюнул кусочек табачного листа, оставшийся на губах, и пожал плечами, словно вопрос был неуместным.

— Генерал Фалконер — заместитель военного министра, — ответил он. — Нельзя же оставить достойного человека без дела только от того, что его невзлюбил Том Джексон.

— И генерал Фалконер назначил вас командовать Легионом, — предположил Свинерд.

— Полагаю, генерал замолвил за меня словечко, — признался Мейтленд. — Легион — виргинский полк, полковник, так что генерал рассудил, что и командовать им должен выходец из Виргинии. И вот я здесь, — улыбнулся он Свинерду.

— Вот сукин сын, — сказал Старбак. — Фалконер. Мне следовало догадаться.

Генерал Вашингтон Фалконер являлся основателем Легиона и командиром бригады, пока Джексон не сместил его за некомпетентность. Фалконер покинул армию в убеждении, что ответственность за его бесчестье несли Старбак и Свинерд, но вместо того, чтобы удалиться в свое сельское имение и беречь раны, он отправился в Ричмонд и использовал свои связи и состояние, чтобы получить пост в правительстве. Теперь, находясь в безопасности в столице Конфедерации, Фалконер решил отомстить тем двоим, которых считал своими злейшими врагами. Свинерду он отправил человека одного с ним звания, который, без сомнения будет постоянным источником раздражения, а карьеру Старбака Фалконер попытался разрушить полностью.

— Без сомнения, он и от меня хотел бы отделаться, — заметил Свинерд. Он отвел Старбака подальше от палатки и расхаживал вместе с ним взад-вперед, чтобы их не услышал Мейтленд. — Но Фалконер знает, кто такой мой кузен.

Кузен Свинерда был издателем "Ричмонского наблюдателя", самой влиятельной из пяти ежедневных газет столицы Конфедерации, и эти родственные связи, очевидно, сдержали

Фалконера от попытки отомстить Свинерду, но Старбак был более простой добычей.

— Но есть кое-что еще, Нат, — продолжал полковник, — Еще одна причина, по которой Мейтленду досталась ваша работа.

— Потому что он виргинец, — с горечью произнес Старбак.

Свинерд покачал головой.

— Мейтленд ведь пожал вам руку, так?

— Да. Ну и что?

— Он хотел понять, масон ли вы, Нат. А вы им не являетесь.

— Какая, к чёрту, разница?

— Большая, — отрезал Свинерд. — В нашей армии полно масонов, как и в армии янки. а масоны приглядывают друг за другом. Фалконер — масон, как Мейтленд, да и я тоже, если на то пошло. Масоны неплохо мне послужили, Нат, но что они сделали для вас! Желтоногие! — полковник затряс головой от подобной жуткой перспективы.

— Больше я ни для чего не гожусь, полковник, — согласился Старбак.

— А это что еще означает?

Старбак поколебался, стесняясь признаться, но ему нужно было рассказать кому-нибудь о своих страхах.

— Думаю, я превращаюсь в труса. Вчера я смог лишь пересечь кукурузное поле, но не уверен, что смогу это повторить. Полагаю, я истощил всё то мужество, которым обладал. Может, батальон трусов заслуживает труса в качестве командующего.

Свинерд покачал головой.

— Мужество — это вам не бутылка виски, Нат. За один раз не опустошить. Вы просто учитесь ремеслу. В первом сражении мальчишка считает, что может победить кого угодно, но через некоторое время понимает, что сражение превосходит всех нас вместе взятых. Храбрость заключается не в неведении, а в том, чтобы преодолеть это понимание, Нат. В следующий раз с вами всё будет в порядке. И помните, враг трусит в точности так же. Это только в газетах мы все герои. На самом деле в большинстве своем мы просто испуганные придурки, — он замолчал и пошевелил мокрые листья носком сапога, от которого отрывалась подметка. — А Желтоногие вовсе не трусы, — продолжал он. — С ними что-то пошло не так, это точно, но там ровно столько же храбрецов, сколько и в любом другом батальоне. Полагаю, им просто нужен хороший командир.

Старбак поморщился, надеясь, что Свинерд говорит правду, но по-прежнему не желая покидать Легион.

— Может, мне следует встретиться в Джексоном? — предложил он.

— Чтобы изменить этот приказ? — спросил Свинерд, а потом вместо ответа покачал головой. — Старина Джек не слишком любит людей, оспаривающих приказы, Нат, даже если эти приказы очевидно безумны, а этот приказ не безумен. Он странный, только и всего. К тому же, — он улыбнулся, пытаясь ободрить Старбака, — вы вернетесь. Мейтленд здесь долго не протянет.

— Если он пойдет сражаться разодетым во всё это золото, — мстительно заявил Старбак, — янки с ним в два счёта разделаются.

— Ну не настолько же он глуп, — возразил Свинерд, — но долго он здесь не задержится. Я знаю Мейтлендов, они всегда были людьми из высшего общества. Держали экипажи, хороших лошадей и много акров плодородной земли. Растили хорошеньких дочерей, заносчивых мужчин и прекрасных лошадей, вот кто такие Мейтленды. Похожи на

Фалконеров. А мистер Мейтленд приехал к нам не потому, что хочет командовать Легионом, Нат, он приехал, потому что должен хоть раз покомандовать в сражении, прежде чем станет генералом. Мистер Мейтленд нацелился сделать карьеру и знает, что придется провести месячишко в грязных сапогах, если хочет подняться выше. Он очень скоро уедет, а вы сможете вернуться.

— Нет, если Фалконер решит что-нибудь предпринять по этому поводу.

— Так докажите, что он неправ, — энергично заметил Свинерд. — Превратите Желтоногих в отличное подразделение, Нат. Если кто и может это сделать, то это вы.

— Иногда я недоумеваю, почему дерусь в этой проклятой стране, — горько заявил Старбак.

Свинерд улыбнулся.

— Ничто не мешает вам вернуться обратно, Нат, абсолютно ничто. Просто идите на север, и скоро будете дома. Вы этого хотите?

— Нет, чёрт возьми.

— Так докажите, что Фалконер ошибается. Он считает, что штрафной батальон с вами покончит, так докажите, что он не прав.

— Будь проклята его сволочная душонка.

— Это работа Господа, Нат. А ваша задача — сражаться. Так делайте ее хорошо. И я направлю требование, чтобы ваше подразделение вошло в мою бригаду.

— И насколько это вероятно?

— Я масон, не забывайте, — ухмыльнулся Свинерд, — и могу попросить о парочке одолжений. Вы вернетесь обратно к друзьям.

Мейтленд встал, когда два потрепанный офицера вернулись обратно в палатку. Он выпил одну из двух чашек кофе и принялся за вторую.

— Вы представите меня офицерам полка, Старбак?

— Окажу вам эту услугу, полковник, — ответил Старбак. Может, его и раздражал человек, который должен был его сменить, он он не стал чинить Мейтленду препятствия, потому что Легиону предстояло сражаться с янки вне зависимости от того, кто им будет командовать, и Старбак не хотел, чтобы их боевой дух упал еще ниже. — Я поговорю с ними о вас, — неохотно пообещал он.

— Но не думаю, что после этого вам стоит здесь задерживаться, — уверенно заявил Мейтленд. — Нельзя служить двум господам, не об этом ли говорится в одной хорошей книге? Так что чем быстрее вы уедете, Старбак, тем лучше для солдат.

— В смысле, лучше для вас, — откликнулся Старбак.

— И это тоже, — холодно согласился Мейтленд.

Старбак потерял Легион и получил батальон проклятых, а значит, что жизнь его разрушена, и каким-то образом ему предстояло это пережить.

Глава вторая

Люцифер не обрадовался.

— Ричмонд, — сказал он Старбаку вскоре после того, как они прибыли в город, — мне не по вкусу.

— Тогда проваливай, — угрюмо бросил Старбак.

— Я об этом подумываю, — отозвался Люцифер. Он всегда надувался, когда ощущал нападки на свое достоинство, а задеть его гордость было проще простого. Он был лишь мальчишкой самое большее пятнадцати лет, а из-за маленького роста выглядел двумя годами младше, но за эти немногие годы жизнь преподала ему немало уроков, и он обладал самоуверенностью, которая завораживала Старбака в той же степени, что и загадочное прошлое мальчишки. Люцифер никогда напрямую не говорил о своем прошлом, а Старбак и не спрашивал, потому что понял, что каждый раз просто получает новую версию. Очевидно, мальчик был попавшим к северянам беглым рабом, и Старбак подозревал, что Люцифер пытался добраться до убежища на Севере, когда был задержан прибывшей в Манассас армией Джексона. Но жизнь Люцифера до этого дня, как и его настоящее имя оставалась тайной, как было загадкой и по какой причине он решил остаться со Старбаком после того, как вновь попал в лапы южан.

— Ты ему нравишься, вот почему, — объяснила Старбаку Салли Траслоу. — Он знает, что ты предоставишь ему полную свободу, и достаточно проказлив, чтобы этой свободы желать. Когда-нибудь он подрастет, и ты его больше не увидишь.

Старбак с Люцифером прошли по промокшим полям сражений до станции во Фредериксберге и сели в поезд железнодорожной дороги Ричмонд-Фредериксберг-Потомак до столицы. Пропуск Старбака давал ему разрешение лишь на одно место в пассажирском вагоне, а Люцифер поместился в товарном вместе с другими неграми. Поезд запыхтел, дернулся, задрезжал, задрожал и наконец медленно пополз на юг, а на заре Старбака разбудил крик ричмондской молочницы. Станция железной дороги Ричмонд-Фредериксберг-Потомак находилась в самом сердце города, и рельсы бежали прямо посередине Брод-стрит. Старбаку показалось странным разглядывать знакомый город через закопченное стекло медленно ползущего вагона. Разносчики газет бежали вдоль поезда, предлагая экземпляры "Наблюдателя" или "Стража", а мимо вагонов мелькали на тротуарах пешеходы, жмущиеся по бокам улицы, пока медленно и с лязгом проезжал поезд. Старбак затуманенным взором смотрел через окно, мрачно подмечая, на скольких дверях висели черные метки, сколько женщин были в трауре, сколько калек просили милостыню на тротуарах и сколько мужчин носили на руках повязку из черного крепа.

Старбак убедил себя, что он не пойдет к Салли. Сказал себе, что она больше не его возлюбленная. Салли нашла любовника — доброго друга Старбака, Патрика Лассана, французского кавалериста, который якобы был военным наблюдателем со стороны французской армии, но на самом деле скакал в атаки с Джебом Стюартом. Старбак сказал себе, что Салли больше не имеет к нему отношения, и продолжал это повторять, когда стучал в выкрашенную голубым дверь около портняжной мастерской на углу Четвертой и Грейс-стрит.

Салли была ему рада. Она уже встала и занималась делами. Она приказала рабам подать Старбаку завтрак, состоящий из кофе и хлеба.

— Хлеб дрянной, — объяснила Салли, — но другого не достать. Как и приличного кофе, если уж на то пошло. Чёрт, да вместо кофе я использую желуди, пшеничные зерна и цикорий. Ничего хорошего не осталось за исключением сигар и моего предприятия.

В своем предприятии Салли была мадам Ройял, самым дорогим медиумом Ричмонда, и предлагала недешевые сеансы, дабы соединить мертвых и живых.

— Всё это — сплошное шарлатанство, — презрительно объяснила она, — я просто говорю им то, что они хотят услышать, и чем больше я с них беру, тем больше мне верят, — она пожала плечами. — Скучнейшее дело, Нат, но всё лучше, чем работать по ночам, — она имела в виду бордель на Маршалл-стрит, где Салли впервые обнаружила в себе предпринимательскую хватку.

— Могу себе представить.

— Сомневаюсь в этом, Нат, — добродушно посмеялась Салли и смерила его долгим оценивающим взглядом. — Ты похудел. Выглядишь усталым как мул. А это след от пули на лице?

— Щепка от дерева.

— Девушкам это понравится, Нат. Вряд ли тебе особо нужна помощь по этой части, но скажи им, что это пуля, и они будут жаждать тебя приласкать. И рабом обзавелся?

— Я ему плачу, когда могу, — попытался оправдаться Старбак.

— В таком случае ты просто полный придурок, — произнесла она с нежностью. — Прямо как Дилейни.

Дилейни служил адвокатом в Военном департаменте, но его обязанности оставляли массу свободного времени для ведения разнообразных дел, включающих самый роскошный ричмондский бордель, а также затянутые крепом помещения, где Салли стряпала свои беседы с мертвецами. Впервые Салли повстречалась с Дилейни, работая в его борделе, но не просто работая, а будучи самой востребованной девушкой Ричмонда. Она была единственным ребенком капитана Траслоу и воспитывалась в тяжелом и неблагодарном труде на его ферме на холме, но сбежала оттуда в объятья города, эти перемены было легко осуществить благодаря ее поразительной внешности. Салли обладала обманчиво мягкими чертами лица, копной золотистых волос и ясным умом вдобавок к привлекательности, но в Салли Траслоу было нечто гораздо большее, чем данная природой красота. Она знала, как следует работать и как извлечь из этой работы прибыль, и теперь стала скорее деловым партнером Дилейни, чем его работницей.

— Дилейни — глупец, — язвительно произнесла она. — Позволяет своему мальчишке-слуге обводить его вокруг своего маленького пальчика, а может, и ты такой же. Так давай взглянем на твоего парнишку. Хочу удостовериться, что за тобой присматривают.

И тут Люцифер был вызван в гостиную, где тотчас же попал под чары Салли, которая признала в нем человека, что, как и она, сам зарабатывает на свой путь вверх со скалистого дна.

— Но почему ты носишь оружие, парень? — спросила она Люцифера.

— Потому что я в армии, мисс.

— Чёрта с два. Если в этом городе тебя поймут с оружием, парень, то сдерут шкуру и отправят вниз по реке. Тебе чертовски повезло, что ты до сих пор жив. Сними его. Немедленно.

Люцифер, сопротивлявшийся всем прежним попыткам себя разоружить, послушно отстегнул кобуру. Люцифер явно испытывал благоговение перед Салли и не выразил ни малейшего протеста, когда она велела ему спрятать револьвер в багаже Старбака, а потом отправила его на кухню.

— Скажи там, пусть тебя накормят, — сказала она.

— Да, мисс.

— В нем течет кровь белых, — отметила Салли, когда Люцифер удалился.

— Думаю, да.

— Чёрт, да это же очевидно.

Она плеснула себе еще странно пахнущего кофе, а потом выслушала рассказ Старбака о причине, по которой он оказался в Ричмонде. Она иронически сплюнула при упоминании имени Вашингтона Фалконера.

— Этот город полон слухов о том, почему он покинул армию, — сказала она, — но он явился сюда, словно выше всех этих слухов. Сияющий, словно медный чайник, и заявив, что Джексон просто ему позавидовал. Позавидовал! А у твоего генерала Джексона, Нат, враги кишат, как вши, и куча народа готова посочувствовать Фалконеру. Он довольно скоро получил новый пост. Думаю, ты прав, и за ним приглядывают масоны. Дилейни наверняка знает, он масон. Так что ты теперь будешь делать?

Старбак пожал плечами:

— Мне приказано явиться в лагерь "Ли". Доложить полковнику Холборроу.

Особого желания выполнять приказ у него не было. Сомневаясь, что сумеет командовать худшим батальоном армии Юга, он, ко всему прочему, уже начал скучать по товариществу Легиона.

— Я знаю Холборроу, — произнесла Салли. — Не лично, — поспешно добавила она, — но он довольно важная шишка в городе.

Старбак ничуть не удивился такой осведомленности — Салли держала ухо востро, подхватывая любой намек или слух, с тем чтобы позже выдавать их за мистическое знание во время сеансов.

— У него водятся деньжата, — продолжила она. — Бог его знает, откуда, до войны он всего лишь заведовал исправительным учреждением где-то в Джорджии. Тюремщик, понимаешь? А теперь распоряжается подготовкой и экипировкой вспомогательных войск в лагере "Ли", хотя сам основную часть времени торчит в Скримерсвиле.

— В борделях?

— В них. И еще посещает петушинные бои.

— Он что, играет в азартные игры? — поинтересовался Старбак.

В ответ на такую святую простоту Салли лишь покачала головой:

— Нет, он ходит туда полюбоваться на птичьи перышки, — съязвила она. — Чему тебя в этом твоём Йеле только учили?

Рассмеявшись, Старбак взгромоздил ноги в грязных ботинках на украшенную декоративной вышивкой оттоманку, стоящую на восточном ковре. Всё в этой комнате говорило о безупречном вкусе хозяйки. Ненавязчиво, но дорого. С каминной полки в пустоту уставился бюст Наполеона. Книги в кожаных обложках стояли рядами в шкафчиках со стеклянными дверцами, полки которых были заняты еще и фарфором.

— Хорошо устроилась, Салли, — заметил Старбак.

— А иначе и смысла нет, как считаешь? — спросила она. — Пока думаешь, скинь свои

ноги с моей мебели.

— Я думал больше о том, чтобы поспать, — даже не пошевелившись, сообщил Старбак.

— Черт тебя подери, Нат Старбак, — выпалила Салли. — Ты что, удумал остаться здесь?

Он покачал головой:

— Просто подумал, может быть, позволишь угостить тебя обедом в "Спотсвуде", а потом прогуляешься со мной к "Ли".

Салли дождалась, пока он устранил непотребство в виде своих ботинок на оттоманке.

— Ну-ну, — произнесла она, — и с чего бы мне вдруг соглашаться?

Старбак улыбнулся:

— С того, Салли, что, раз уж мне довелось тащить толпу трусов на войну, им лучше знать, что я везунчик. И кто может быть везучее человека, с которым под ручку будет гулять девушка вроде тебя?

— Приятно знать, что янки твой бойкий язычок не отстрелили, — заметила она, скрывая удовольствие от комплимента. — Но ты что, решил тащиться в "Спотсвуд" в таком виде?

— А мне больше надеть нечего, — он хмуро оглядел потрепанный мундир. — Да ну к черту, если одежда подходит для сражений — значит, подойдет и для отеля "Спотсвуд".

Спустя шесть часов насытившийся Старбак с Салли и Люцифером направился к западу от города. Салли взяла дамскую шляпку и накинула шаль поверх простого голубого платья, которое скрыть ее красоту не могло никоим образом. Украшенным вышивкой зонтиком она закрывалась от солнца, которое наконец-то вышло из-за туч, поглощая остатки ураганного ливня и покрывая все дымкой.

Они прошли мимо исправительного учреждения штата, пересекли кладбище Голливуд, где свежевскопанная земля лежала шеренгами, словно батальоны мертвецов, и обогнули городскую водокачку. Наконец они увидели лагерь "Ли" — на широком отвесном склоне, возвышавшемся над рекой и каналом. Старбак раньше бывал в лагере и запомнил его как мрачное местечко, созданное временно. Прежде на этом месте располагалась ричмондская центральная ярмарка, но война превратило это место в огромный сборный пункт для батальонов, предназначенных для обороны Ричмонда. Теперь эти подразделения дислоцировались на северной границе Виргинии, лагерь же превратился в полосу грязной земли. Тут призывники обучались азам боевой подготовки, отставших от своих частей присоединяли к новым батальонам. Когда война только началась, лагерь стал излюбленным местом для ричмондцев, приходивших поглазеть на муштруемые войска. Затем новизна спала, и ныне немногие приходили к отсыревшим, заброшенным на вид казармам, рядом с которыми рядами стояли трухлявые палатки, хлопая на ветру.

Холм по-прежнему украшали лагерные виселицы, тюрьма была окружена несколькими деревянными постройками, в которых, по всей видимости, и томились нынешние обитатели "Ли".

Сержанты, развлекавшиеся бросанием подковы, подтвердили догадку Старбака — в хибарах размещался Второй специальный батальон. Нат направился вверх по холму, на котором проводились учения полудюжины рот.

Несколько унылых рабочих латали развалюги-хижины, среди которых, подобно дворцу в окружении лачуг, возвышался дом, являвшийся, по словам сержантов, штаб-квартирой Холборроу. Дом представлял собой прекрасное двухэтажное здание с широкой верандой,

помещениями для рабов и кухней на заднем дворе. У входа торчали два флагштока, один — с "Южным Крестом", боевым знаменем Конфедерации, второй — с голубым флагом, несшим герб Виргинии.

Старбак остановился, чтобы посмотреть, как муштруют роты. Похоже, в этом было мало смысла, потому что солдаты и без того были достаточно умелы, но даже малейшая ошибка вызывала у сержанта шквал оскорблений. Он был высоким и долговязым, с неестественно длинной шеей и голосом, который можно было услышать и на противоположном берегу реки вплоть до Манчестера. Войска были не вооружены, просто маршировали, останавливались, поворачивали и снова шагали. Некоторые носили серые мундиры, но большинство — ставшие такими обыденными ореховые, которые проще было производить. По меньшей мере половина солдат, как с тревогой отметил Старбак, маршировала без ботинок, босиком.

Когда они подошли ближе к штабу, где четыре офицера развалились в походных креслах на веранде, Салли взяла Старбака под руку. Один из бездельничающих офицеров направил подзорную трубу в сторону Старбака и Салли.

— Тобой любят, — сказал Старбак.

— Я ради этого и потеряла полдня, правда ведь?

— Да, — гордо подтвердил Старбак.

Салли снова остановилась, чтобы посмотреть на подразделения на плацу, которые вернули ей пристальный взгляд, насколько мог позволить сержант.

— Это твои солдаты? — спросила она.

— Мои.

— Да не так уж они плохи, а?

— Как по мне, выглядят нормально, — согласился Старбак. Он уже попытался проникнуться доверием к этим презираемым всеми войскам.

— Они ведь могут убивать янки, правда? — спросила Салли, почувствовав опасения Старбака. Она стряхнула заскорузлую грязь с рукава его мундира, не потому, что решила, что от этой грязи можно избавиться, а потому что знала — прикосновение его немного взбодрит. Потом ее рука замерла. — А это что?

Старбак повернулся и увидел, что Салли смотрит на деревянного коня для наказаний, воздвигнутого между двумя бараками. Конь представлял собой длинную доску, уложенную ребром на пару высоких козел, а наказание заключалось в том, что человека сажали на острый край доски, пока под весом собственного тела его пах не превращался в одну сплошную боль. На коне сидел заключенный со связанными руками и ногами, чтобы не смог слезть, а вооруженная охрана стояла рядом с лестницей, которую использовали, чтобы забраться на это устройство.

— Это наказание называется "конь", — пояснил Старбак. Дикая боль, как мне рассказывали.

— В этом ведь и состоит цель наказания? — сказала Салли. В детстве ей досталось немало колотушек, и от них она стала толстокожей.

Стоящий под конем человек, похоже, задал сидящему на нем вопрос. Заключенный покачал головой, и тот дернул его за связанные ноги, так что пленный издал вопль.

— Вот дерьмо, — выругался Старбак.

— Разве это не часть процесса? — спросила Салли.

— Нет.

Салли заметила на лице Старбака отвращение.

— Становишься мягкотелым, Нат?

— Я не возражаю против наказания солдат, но не пытками же. И я думаю о них, — он кивнул в сторону рот на плацу, молчаливо наблюдающих за конем. — Военское подразделение — штука деликатная, — повторил он обращенные к Мейтленду слова Свионерда, — лучше всего с ним можно управиться, когда солдаты дерутся с врагом, а не друг с другом, — он зажмурился, когда охранник снова дернул заключенного за ноги. — Вот чёрт, — выругался он, не желая вмешиваться, но в той же степени не желая больше наблюдать за жестокостью. Он зашагал к коню.

Дергающий заключенного за ноги сержант повернулся и поглядел на приближающегося Старбака. Нат не носил знаков отличия, и на его левом плече висела винтовка, что намекало на то, что он рядовой, но вел он себя уверенно, а рядом с ним находились дама и слуга, так что он мог оказаться и офицером, и сержант обеспокоился.

— В чем он провинился? — спросил Старбак.

— Его наказали, — ответил коренастый и бородатый сержант. Он жевал табак и сделал паузу, чтобы сплюнуть струю желтоватой слюны на траву. — Приказ сержанта Кейза, — добавил он, словно этого объяснения было вполне достаточно.

— Я вижу, что его наказали, — сказал Старбак, — но спросил, в чем он провинился.

— Его наказали, — упрямо твердил сержант.

Старбак встал так, чтобы видеть вытянутое лицо заключенного.

— Что ты сделал? — спросил он его.

До того, как тот смог ответить, занимающийся муштрой сержант покинул роты на плацу и направился в сторону коня.

— Никто не должен разговаривать с наказанными заключенными! — пугающим голосом заорал он. — Вам это известно, сержант Уэббер! Наказание есть наказание. Наказание превращает этот трусливый дерьмовый сброд в солдат, — он резко остановился в двух шагах от Старбака. — Если у вас есть вопросы, — разъяренно бросил он Старбаку, — задавайте их мне.

— А вы кто такой? — спросил тот.

На лице высокого сержанта отразилось изумление, словно каждый должен был его знать. Он не дал немедленного ответа, а вместо этого пристально оглядел Старбака в надежде понять его статус. Присутствие Салли и Люцифера убедило его, что Старбак — офицер, хотя его возраст предполагал, что не тот офицер, которого стоило умиротворить.

— Сержант Кейз, — рявкнул он.

Длинная шея и маленькая голова сержанта Кейза вызвали бы смех у любого, дурацкую внешность не скрашивала и жидкая бороденка вкупе с тонким сломанным носом, но в темных глазах сержанта было столько злобы, что они превращали смех в страх. Его взгляд был пустым, твердым и безжалостным. Старбак отметил, что долговязая внешность сержанта была обманчива — он не был слаб, несмотря на хрупкость телосложения он был худым, но мускулистым. Его форма была безукоризненна, каждая пуговица блестела, каждая складка отглажена, а каждая лычка сияла. Сержант Кейз выглядел именно так, как, в представлении Старбака, должны выглядеть солдаты, до того, как понял, что по крайней мере в Конфедерации они обычно просто чёртовы оборванцы.

— Сержант Кейз, — снова повторил тот, надвигаясь на Старбака, — и я здесь команду, — подчеркнул он.

— Так что же натворил заключенный? — спросил Старбак.

— Натворил? — возмутился Кейз. — Натворил? Это не ваше собачье дело. Ни на йоту.

— Из какого он батальона? — напирал Старбак, кивнув на заключенного.

— Да хоть бы из чертовых Колдстримских гвардейцев [\[1\]](#), - заревел Кейз, — это всё равно не ваше дело.

Старбак поднял глаза на заключенного. Его лицо побелело от боли и застыло в попытке не показывать эту боль.

— Батальон, солдат? — рявкнул Старбак.

Тот скривился, но смог выдать одно слово:

— Штрафной.

— Тогда это мое дело, — сказал Старбак. Он достал из кармана складной нож, открыл его и разрезал связывающую лодыжки заключенного веревку. Это движение заставило того завывать, а сержант Кейз угрожающе прыгнул вперед.

Старбак помедлил и заглянул Кейзу в глаза.

— Я офицер, сержант, — заявил он, — и если вы только прикоснетесь ко мне своей чертовой лапой, я позабочусь о том, чтобы вы провели остаток дня верхом на этом коне. Неделю ходить не сможете. Может, и месяц, черт возьми.

Сержант Кейз сделал шаг назад, а Старбак разрезал последние веревки и положил руку на башмак заключенного.

— Готов? — обратился к нему он, а потом с силой дернул, стащив заключенного с доски. Тот плюхнулся на мокрую землю, где замер, пока Старбак присел и разрезал веревку на запястьях.

— Так что он натворил? — спросил Старбак сержанта Кейза.

— Сукин сын, — сказал сержант, хотя непонятно кому — то ли Старбаку, то ли заключенному, а потом резко повернулся и зашагал вместе со своим приятелем.

Заклученный застонал и попытался встать, но боль в паху была слишком сильной. Он подполз к одному из козел коня и подтянулся, чтобы сесть, а потом привалился к деревяшке. Его глаза увлажнились, а дыхание было неглубоким и сдавленным. Даже Салли вздрогнула, увидев столь явную боль.

— Оружие, — наконец произнес он.

— Оружие? — спросил Старбак. — А что с ним?

— Сукин сын ворует оружие, — заявил освобожденный заключенный, а потом вынужден был замолчать из-за боли. Он схватился за пах, сделал глубокий вдох и затряс головой в попытке избавиться от кошмарных страданий. — Вы спрашиваете, почему я на коне? Из-за оружия. Я должен был разгружать винтовки. Мы получили двадцать ящиков. Хороших. Но Холборроу велел нам переложить их в ящики с надписью "брак" и вместо них выдал простые ружья. Ричмондские. Дьявол, — он сплюнул и на мгновение закрыл глаза от приступа боли, заставившего его скорчить гримасу. — А я не хочу стрелять по янки дробью, вот уж нет, когда у нас есть пули минье. Вот почему я поспорил с этим сукиным сыном сержантом Кейзом.

— И где теперь винтовки? — спросил Старбак.

— Чёрт их знает. Наверное, проданы. Холборроу плевать, раз уж мы всё равно никогда не попадем на войну. Мы ведь не будем драться, понимаете? Просто служим для того, чтобы получать припасы, которые этот сукин сын будет продавать, — солдат нахмурился. — А вы кто?

— Поттер! — донесся из штаба новый и сердитый голос. — Поттер, сукин ты сын! Скотина! Безмозглый вонючий кусок дерьма! Осел черножопый! — говорящий был высоким и худым офицером в расшитом галуном сером мундире, ковылявшим в сторону Старбака, помогая себе тростью с серебряным набалдашником. Впереди офицера с аккуратной эспаньолкой и тонкими усами, тщательно напомаженными до тонких кончиков, вышагивал сержант Кейз. Офицер тяжело опирался тростью в дерн, помогая себе при каждом шаге, а между ними взмахивал ей в сторону изумленного Старбака.

— Где тебя черти носили, Поттер? — заревел офицер. — Где тебя носило, парень?

— Он с тобой говорит? — озадаченно спросила Старбака Салли.

— Дьявол, парень, ты что, надрался? — надрывался хромой офицер. — Поттер, черножопый безмозглый кусок дерьма, ты нализался что ли?

Старбак собрался уж было отрицать, что он Поттер и что пьян, но потом у него возник озорной порыв.

— Ничего не говорите, — шепнул он Салли и Люциферу, а потом покачал головой. — Я не пьян, — сказал он офицеру, когда тот подошел поближе.

— Вот чем ты платишь за доброту? — набросился на него офицер. На плечах он носил погоны полковника. — Мои извинения, мэм, — свободной рукой он прикоснулся к краю шляпы, — но я не выношу опозданий. Не выношу. Напился, Поттер? — полковник подошел ближе к Старбаку и ткнул свой бородкой в сторону гладко выбритой щеки Ната. — Дыхника, Поттер, а ну дыхни! — он принюхался и сделал шаг назад. — Вроде перегаром не пахнет, — с сомнением произнес полковник, — так почему же, мать твою так, простите мэм, ты снял рядового Ротвела с коня? Отвечай!

— Леди это расстроило, — ответил Старбак.

Полковник снова посмотрел на Салли и на сей раз заметил, что она удивительно красива..

— Холборроу, мэм, — представился он, сняв широкополую шляпу и обнажив тщательно завитые золотистые волосы. — Полковник Чарльз Холборроу к вашим услугам, — какое-то мгновение он просто ее разглядывал, а потом его голос неожиданно смягчился: — Мне следовало бы знать, что вы прибудете из Джорджии. Нигде в мире нет таких прекрасных девушек, как в Джорджии, и это есть непреложный факт. — Могу душу за это заложить, мэм, это факт. Преподобный Поттер ведь рассказывал, что его сын женат и привезет сюда свою дорогую женушку, но никогда не говорил, как вы прекрасны, — Холборроу бесстыдно скользнул взглядом вниз, чтобы рассмотреть фигуру Салли, а потом схватил ее руку для поцелуя. — Безусловно рад с вами познакомиться, миссис Поттер, — сказал он, не выпуская ее руку из своей.

— А уж как я рада, полковник, — Салли прикинулась польщенной восхищением Холборроу и не отдернула руку.

Холборроу прислонил трость к бедру, чтобы накрыть другой рукой ладонь Салли.

— И вас расстроило наказание, мэм, вот оно как? — заботливо поинтересовался он, поглаживая руку Салли.

— Полагаю, что так, сэр, — робко произнесла Салли и шмыгнула носом.

— И впрямь неприятное зрелище для дамы, — согласился Холборроу. — Но вы должны понять, мэм, что этот болван ударил сержанта Кейза. Ударил его! Это серьезное военное преступление, мэм, и ваш муж не имел права вмешиваться. Совершенно никакого. Так ведь, сержант Кейз?

— Сэр! — рявкнул Кейз, это явно был его способ высказать согласие с офицером.

Холборроу отпустил руку Салли и шагнул ближе ко Старбаку.

— Сержант Кейз, парень, из Северной Каролины, но последние четырнадцать лет провел в британской армии. — Так ведь, Кейз?

— Сэр! — рявкнул Кейз.

— В каком полку, Кейз? — спросил Холборроу, по-прежнему глядя в глаза Старбаку.

— В Седьмом полку королевских стрелков, сэр!

— А пока ты, Поттер, мамкину титьку сосал, уж простите меня, мэм, сержант Кейз сражался! Сражался, парень! Так ведь, Кейз?

— В сражении на Альме, сэр! В осаде Севастополя! — рявкнул Кейз, и у Старбака создалось впечатление, что он слушает хорошо отрететированный диалог.

— Но сержант Кейз — патриот, Поттер! — продолжал Холборроу, — и когда янки разрушили Союз и напали на нас, сержант Кейз покинул службу ее величества, чтобы сражаться за Джефа Дэвиса и свободу. Его послали сюда, Поттер, чтобы превратить Желтоногих из кучки школьниц в настоящий полк. Так ведь, Кейз?

— Сэр!

— А ты, — Холборроу плюнул в сторону Поттера, — смел отменить приказ человека вроде сержанта Кейза! Стыдись, парень. Стыдись! Сержант Кейз успел забыть о военном деле больше, чем ты когда-либо знал и когда-либо узнаешь. И если сержант Кейз говорит, что человек заслуживает наказания, то его следует наказать! — Холборроу сделал шаг назад и снова взял Салли за руку. — Но из-за того, что вы словно луч сияющего солнца Джорджии, мэм, сегодня я избавлю вас от лицемерия чего-либо малоприятного. Думаю, ваш муж выучил урок, так что благодарю вас, сержант Кейз, — Холборроу кивнул сержанту, который бросил на Старбака злобный взгляд и твердой походкой направился обратно на плац. Полковник приказал освобожденному заключенному убраться с глаз долой, а потом, всё еще держа за руку Салли, повернулся обратно к Старбаку. — Так где же ты был, парень? Твой отец написал мне, что ты покинул Атланту десять дней назад. Письмо сюда дошло, а ты нет! Десять дней! Чтобы добраться от Атланты до Ричмонда десяти дней многовато, парень. Снова прикладываешься к бутылке?

— Это всё моя вина, — заговорила тоненьким испуганным голоском Салли. — У меня была лихорадка. Очень скверная, сэр.

Услышав выдумку Салли, Люцифер прыснул от смеха, и голова Холборроу резко повернулась.

— Еще один смешок, парень, и я тебя до самых черных костей исхлестаю. Это твой ниггер? — спросил он Старбака.

— Да, — ответил тот, гадая, как ему теперь выкрутиться из всего этого вранья.

— Да, сэр, — поправил его Холборроу. — Забыл, что я полковник, Поттер?

— Да, сэр. То есть нет, сэр.

Холборроу, не выпуская руки Салли, покачал головой, заметив явное смущение Старбака.

— Так как поживает твой отец?

Старбак пожал плечами.

— Полагаю, — начал он и снова пожал плечами, потому что воображение внезапно ему изменило.

— Идет на поправку, — вмешалась Салли. Она наслаждалась этим спектаклем гораздо

больше Старбака, который, хотя и начал его, но уже сожалел об обмане. — Хвала Господу, — прибавила Салли, наконец высвободив пальцы из хватки Холборроу, — совершенно определенно поправляется.

— Хвала Господу, — сказал Холборроу. — Но ты для него был такой непосильной ношей, парень, — рывкнул он Старбаку, — вы уж простите, что я грубоват, миссис Поттер, но если чей-то сын становится тяжелой ношей, то ему нужно сказать об этом четко и ясно.

— Безусловно, — твердо согласилась Салли.

— Мы ожидали твоего прибытия неделю назад! — прикрикнул Холборроу на Старбака, а потом одарил Салли желтозубой улыбкой. — Приготовили для вас комнату, мэм. Постель, столик для умывания и шкаф. Преподобный хотел устроить вас с комфортом. Не сопли подтирать, как он выразился, но устроить с комфортом.

— Вы слишком добры, сэр, — сказала Салли, — но я буду ночевать у моей сестры Элис в городе.

Холборроу выглядел разочарованным, но Салли говорила твердо и он не стал оспаривать это заявление.

— Приобретение вашей кухни — большая потеря для нас, мэм, — сказал он, — но вы же останетесь выпить лимонада и отведаете персиков? Я равнодушен к хорошим персикам, как и все выходцы из Джорджии.

— С удовольствием, сэр.

Холборроу взглянул на Люцифера, который нес потрепанный багаж Старбака.

— Отправляйся на кухню, парень. Двигай черной задницей! Ступай!

Холборроу снова повернулся к Старбаку.

— Надеюсь, у тебя в этом саквояже найдется приличный мундир, парень, потому что тот, который ты носишь, это просто позор. Позор. И где, черт возьми, лейтенантские лычки? — он показал на плечи Старбака. — Продал их за вышивку, парень?

— Потерял, — безнадежно заявил Старбак.

— Печально на тебя смотреть, Поттер, печально. Когда твой отец написал и попросил моей помощи, он многое мне объяснил. сказал, что ты — чистое разочарование, настоящий укор доброму имени Поттеров, так что не могу сказать, что не предупрежден относительно тебя, но попробуй только напиток при мне, парень, и я тебе задницу надеру так, что посинеет, вы уж простите меня, мэм.

— Вы прощены, полковник, — ответила Салли.

— Вот твой отец, — продолжал отчитывать Старбака Холборроу, — никогда не пьет. Каждый раз, когда мы приводили приговор в исполнение, преподобный приходил в тюрьму помолиться с говнюками, вы уж простите меня, мэм, но ни капли спиртного не выпил. Ни капли! Даже после того, как мы вешали и оттаскивали этих говнюков, вы уж простите меня, мэм, все ощущали нужду в успокоительных возлияниях, но твой отец пил один лишь лимонад. Однако он частенько говаривал, что ты, парень, тоже кончишь на виселице, он будет возносить молитву рядом с тобой, а по другую руку буду стоять я, готовый выбить из-под твоих ног табурет. Вот он и послал тебя сюда, Поттер, чтобы ты научился дисциплине! — последнее слово он выкрикнул Старбаку в лицо. — А теперь, мэм, — он снова вернул всё свое внимание Салли, — дайте мне вашу прелестную ручку, и мы вместе испробуем персики, после чего, мэм, если позволите, я отвезу вас обратно в город в своем экипаже. Сегодня не лучший день для прогулок. Маленько жарковато, и прекрасной леди вроде вас следует передвигаться в экипаже, вам не кажется?

— Вы слишком добры, — ответила Салли. Она сунула левую руку, на которой подозрительно отсутствовало обручальное кольцо, в складки шали. — Никогда не ездила в экипаже, — жалостливо промолвила она.

— Мы приучим вас к роскоши, — произнес Холборроу похотливым тоном, — как и должно прелестной девушке из Джорджии, — он повел ее к дому, у подножия лестницы положив свою свободную руку вокруг ее талии. — Я передвигаюсь в экипаже с тех пор, как пуля янки сделала мою правую ногу бесполезной. Непременно расскажу вам эту историю. Но пока, мэм, позвольте помочь вам подняться по лестнице. Здесь есть пара гнилых досок, — Холборроу практически приподнял Салли над ступенями веранды, — присаживайтесь, мэм, рядом с капитаном Деннисоном.

Четверо офицеров, все капитаны, встали, чтобы поприветствовать Салли. Капитан Деннисон оказался худым гладко выбритым человеком с исполосованным оставшимися после какой-то болезни шрамами лицом, в результате чего его щеки и лоб превратились в сплошные язвы. Он выдвинул вперед плетеное кресло и смахнул пыль с подушек. Холборроу махнул в сторону Старбака.

— Это лейтенант Мэтью Поттер, так что слухи подтвердились.

Четверо офицеров засмеялись над шуткой Холборроу, а полковник провел Салли вперед, его правая рука по-прежнему твердо держалась за ее тонкую талию.

— А это его жена. Простите, дорогая, не имею чести знать ваше имя.

— Эмили, — сказала Салли.

— Самое чудесное имя, которое я слышал в жизни, клянусь бессмертной душой. Садитесь же, мэм. Вот это капитан Деннисон, капитан Картрайт, капитан Пил и капитан Липпинкотт. Чувствуйте себя как дома, а я устрою вашего мужа. Не возражаете, если я сразу загрузу его работой? Ему следовало прибыть на службу еще неделю назад.

Холборроу хромяя провел Старбака в мрачную прихожую, где на гнутой деревянной вешалке громоздились серые офицерские кители.

— Лишь Господу известно, почему такая порядочная дама вышла замуж за паршивого сукиного сына вроде тебя, Поттер, — проворчал полковник. Иди сюда, парень. Если твоя жена не останется, то и спальня тебе не нужна. Можешь поставить сюда походную кровать и спать прямо неподалеку от места службы. Это была контора майора Мейтленда, но нынче сукин сын получил повышение и настоящий батальон, так что мы ожидаем какого-то сукина сына янки по имени Старбак. А когда он сюда явится, Поттер, я не хочу, чтоб он распекал меня из-за незаконченной бумажной работы. Понял меня? Так что давай, разберись в них!

Старбак промолчал и просто уставился на груды лежащих в беспорядке бумаг. Значит, поначалу Мейтленд получил назначение к Желтоногим? Удивительно, но ублюдку явно удалось убедить своих собратьев по ложе дернуть за ниточки, так что Мейтленд получил повышение и командование Легионом, а Старбак — штрафной батальон.

— Ты что, заснул, парень? — Холборроу придвинул свою физиономию к лицу Старбака.

— А что я должен делать, сэр? — уныло спросил Старбак.

— Приберись тут. Просто приберись. Ты должен быть адъютантом Второго специального батальона, так ведь? Вот и займись этим, парень, а я покуда развлеку твою женушку, — Холборроу поковылял из комнаты, громко захлопнув за собой дверь. Внезапно она снова отворилась, и из-за угла высунулось узкое лицо полковника. — Я пришлю тебе лимонада, Поттер, но никакого спиртного, ясно тебе?

— Да, сэр.

— Никакого спиртного, Поттер, пока ты под моим командованием.

Дверь снова с грохотом захлопнулась, с такой силой, что весь дом, казалось, затрясся, а потом Старбак выдохнул и нырнул в кожаное кресло, стоящее у заваленного бумагами письменного стола. Во что он впутался, черт возьми? Он испытал искушение покончить с обманом немедленно, разве что из него можно было извлечь кой-какую пользу. Он был уверен, что если бы назвался майором Старбакам, то ничего бы не узнал, потому что Холборроу позаботился бы о том, чтобы прикрыть дефекты в подготовке и амуниции штрафного батальона, а презираемый всеми лейтенант Поттер явно был человеком, от которого нет нужды скрываться. А кроме того, подумал Старбак, теперь он не видел красивого способа раскрыть обман. Лучше изображать болвана и проследить за проделками Холборроу, а потом он может вернуться в город и найти Бельведера Дилейни, который позаботится о том, чтобы Старбак прекрасно провел время в теплой постели в следующие несколько ночей.

Он начал просеивать горы бумаг. Тут были счета за провизию и боеприпасы, срочные письма с требованием подписать счета и вернуть в соответствующий департамент. Тут были гроссбухи, списки и дополнения к спискам, перечни заключенных из военных тюрем Ричмонда. Не все солдаты штрафного батальона были из Желтоногих, по меньшей мере пятую часть набрали из тюрем, добавив к трусам закваску из мошенников. Под перечнем заключенных Старбак обнаружил адресованное майору Эдварду Мейтленду письмо из ричмондского арсенала, где признавалось, что Специальный батальон должен быть экипирован винтовками, и предлагалось вернуть двадцать ящиков ружей. В тоне письма сквозило недовольство, которое предполагало, что Мейтленд использовал свое влияние, чтобы заменить паршивые ружья современным оружием, и Старбак вздохнул, поняв, что ему снова придется вступить за этой в бой. Он отложил письмо в сторону, а под ним обнаружил пожелтевшее письмо, адресованное Чарльзу Холборроу и подписанное преподобным Симеоном Поттером из Декатура, штат Джорджия. Старбак склонился над ним, читая.

Преподобный Поттер, как оказалось, служил капелланом в тюремном ведомстве штата Джорджия и написал своему старому знакомому, и похоже, именно знакомому, а не другу, Чарльзу Холборроу, с просьбой помочь со старшим сыном Мэтью. Почерк письма с четкими линиями темных чернил с неизбежностью напомнил Старбаку почерк собственного отца. В письме говорилось, что Мэтью являлся жалким подобием своей покойной матери, позором семьи и постыдным провалом христианского воспитания. Несмотря на обучение в лучших заведениях юга и окончание медицинской школы в Саванне, Мэтью Поттер пошел по скользкой дорожке.

"Его сгубили горячительные напитки, — писал преподобный Поттер, — а теперь, как мы слышали, он женился, вот уж бедная девочка, а впоследствии был изгнан из полка из-за беспробудного пьянства. Я пристроил его помощником у нашего кузена в Миссисипи в надежде, что тяжелый труд послужит его спасению, но вместо того, чтобы исполнить свой долг, он настоял на вступлении в батальон Хардкастла, но даже в качестве военного на него, похоже, нельзя положиться. Мне больно об этом писать, но моля Вас о помощи, я обязан быть чистосердечным, и втройне обязан ради веры своей в Иисуса Христа, коего денно и ночью молю призвать Мэтью к раскаянию. Я вспоминаю об одолжении, которое однажды для Вас сделал, что и Вы, без сомнения, хорошо помните, и в качестве ответной любезности прошу найти должность для сына, который больше не является желанным гостем под моей

крышей".

Старбак усмехнулся. Лейтенант Поттер, очевидно, был просто скопищем бед, и Старбак гадал, что за одолжение сделал преподобный Поттер, которое Холборроу счел достаточно ценным, чтобы принять лейтенанта на службу. Это одолжение преподобный Поттер очень тонко подчеркнул в письме, это предполагало, что священник считает долг Холборроу значительным. Письмо заканчивалось такими словами:

"Я считаю, что это пойдет Мэтью на пользу, а его старший офицер хвалил его поведение в сражении при Шайло, но если он не отучится потреблять спиртное, боюсь, что он обречен на вечные муки ада. Моя жена присоединяется ко мне, посылая Вам наши молитвы и просьбы о любезной помощи в этом печальном деле".

В конце письма была приколата записка, очевидно, руки Холборроу: "Буду благодарен, если Вы его наймете".

Значит, Мейтленд согласился, и Старбак размышлял, насколько осязаемы были благодарности Холборроу.

Дверь отворилась, и появился мятежный Люцифер со стаканом лимонада.

— Мне велели принести это, лейтенант Поттер, — язвительно произнес он, подчеркивая фальшивое имя насмешливыми интонациями.

— Тебе здесь не нравится, Люцифер? — спросил Старбак.

— Он бьет своих людей, — ответил Люцифер, мотнув головой в ту сторону, откуда слышался голос Холборроу. — Вы же не собираетесь здесь оставаться, да? — с тревогой спросил он, заметив, с каким комфортом Старбак устроился, положив ноги на край письменного стола майора.

— На некоторое время, — сказал Старбак. — Полагаю, я больше выясню в шкуре лейтенанта Поттера, чем майора Старбака.

— А что если заявится настоящий мистер Поттер?

Старбак ухмыльнулся.

— Поднимется дьявольская кутерьма, Люцифер.

Люцифер фыркнул.

— Меня он бить не будет!

— Я об этом позабочусь. И мы надолго здесь не задержимся.

— Вы просто безумны, — заявил Люцифер. — Мне следовало продолжать двигаться на север. Лучше уж выслушивать проповеди в лагере для беглых рабов, чем жить в местечке вроде этого.

Люцифер засопел от отвращения и отправился обратно на кухню, оставив Старбака разбираться с оставшейся грудой бумаг. Ни один из списков батальона не был полным, но похоже, он насчитывал около ста восьмидесяти человек. Капитанов было четверо — Деннисон, Картрайт, Пил и Липпинкотт, а сержантов восемь, один из которых, воинственный Кейз, присоединился к батальону всего месяц назад.

Через полчаса в контору заглянула Салли. Она закрыла за собой дверь и озорно засмеялась.

— Чёрт побери, Нат, и что это вообще значит?

Старбак встал и махнул на беспорядок в комнате.

— Начинаю испытывать сочувствие к лейтенанту Поттеру, кем бы он ни был.

— Ты здесь останешься? — спросила Салли.

— Может, на одну ночь.

— В таком случае, я прощаюсь с моим дражайшим мужем, а потом полковник отвезет меня в своем экипаже обратно в город, и я уверена, предложит с ним отужинать. Скажу, что слишком устала. Ты уверен, что хочешь остаться?

— Я бы выглядел полным придурком, если бы прямо сейчас рассказал, кто есть на самом деле, — ответил Старбак. — И вообще, в этих бумагах наверняка можно кое-что нарыть.

— Узнаешь, откуда эта свинья берет деньги, — сказала Салли. — Это может пригодиться, — она встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. — Приглядывай за капитаном Деннисоном, Нат, он настоящая змея.

— Это тот тип с привлекательным личиком, правильно?

Она скривилась.

— Я подумала, что это сифилис, но ошиблась, потому что он не трясется и не пускает слюни как слабоумный. Может, это просто какая-то кожная болезнь. Надеюсь, что ему больно.

Старбак ухмыльнулся.

— Вымаливал у тебя поцелуй, да? — предположил он. — И полагаю, что он хочет чего-то большего, чем просто поцелуй, а?

— Думаю, что да, — поморщилась Салли и дотронулась до щеки Старбака. — Бывайте, Мэтью Поттер.

— И вам всего хорошего, Эмили Поттер.

Через несколько минут Старбак услышал звон упряжи, когда перед домом остановился экипаж полковника. Послышались прощания, а потом экипаж тронулся.

И Старбак внезапно почувствовал себя одиноким.

В сотне миль от Старбака, в той долине, где между густыми рощами росла кукуруза, в зарослях скорчился беглец, прислушиваясь к звукам погони. Он был высоким и полным молодым человеком, который ныне страдал от голода. Четыре дня назад он потерял лошадь в сражении при Манассасе, а вместе с ней и седельную сумку с провизией, так что все эти четыре дня не ел ничего, кроме галет, которые стянул с мертвого мятежника на поле битвы. Теперь, когда он находился в дюжине миль от поля битвы, его живот сводило от голода, и беглецу приходилось грызть незрелую кукурузу, зная, что кишечник оплатит ему за эту диету. Он устал от войны. Хотел найти хорошую гостиницу с горячей ванной, мягкой постелью, приличной едой и не очень приличной женщиной. Он мог всё это себе позволить, потому что вокруг живота носил набитый золотом пояс, и хотел лишь выбраться к чёрту из этой сельской местности, которую прочесывали победившие мятежники в поисках беглецов-северян. Остаток армии северян отступил к Вашингтону, и молодой человек хотел к ней присоединиться, но заплутал во время проливного дождя, и оказалось, что в тот день он прошел шесть миль на запад, а не на север, и теперь пытался снова проложить путь на север.

Он носил синий китель армии Севера, но незастегнутым и без ремня, так что мог в любую секунду от него избавиться и натянуть серый, который снял с того же мертвеца, что и галеты. Китель мертвеца был немного маловат, но беглец знал, что сможет заговорить зубы патрулю мятежников, если те его обнаружат и допросят. У него было бы больше проблем, найди его северяне — хотя он и дрался за янки, но говорил с явным акцентом южной

глубинки, а глубоко в карманах брюк припрятал бумаги, удостоверяющие его личность как капитана Уильяма Блайза, заместителя командующего конного полка Гэллоуэя, кавалерийского подразделения северян, состоящего из перешедших на другую сторону южан. Предполагалось, что конный полк Гэллоуэя займется разведкой, передвигаясь по тропам Юга с той же уверенностью, как и люди Джеба Стюарта, но глупец Гэллоуэй привел их напрямик в сражение у Манассаса, где их перестрелял полк конфедератов. Билли Блайз знал, что Гэллоуэй мертв, и считал, что он заслужил смерти за то, что впутался в полноценное сражение. Он решил, что наверняка большая часть людей Гэллоуэя тоже погибла, но ему было плевать. Ему просто нужно было сбежать на север и найти какое-нибудь очередное комфортное местечко, где он мог бы остаться в живых до конца войны. А в этот день, считал Блайз, для тех южан, которые остались верны Союзу, начнется богатая пожива, и он не собирался лишать себя такой награды.

Но он также не намеревался попасть в тюрьму Конфедерации. Если пленения нельзя будет избежать, он собирался скинуть синий китель, натянуть серый и заболтать солдат. А потом он нашел бы другой путь обратно на север. Нужно было просто достаточно хитроумно всё спланировать, приложив немного сообразительности, и если ему будет сопутствовать удача, этого окажется достаточно, чтобы избежать встречи с тем множеством людей в южных штатах, которые мечтали затянуть веревку на пухлой шее Билли Блайза. Одну такую веревку уже почти для него приготовили в начале войны, и только благодаря отчаянной смелости Билли удалось ускользнуть от семьи той девушки и сбежать на север. Черт возьми, подумал он, дело не в том, что он мерзавец. Билли Блайз никогда не считал себя таковым. Может, немного резковат и любит хорошо провести время, но отнюдь не мерзавец. Просто сообразительнее большинства других, а ничто быстрее чужого ума не провоцирует зависть.

Он ободрал зубами початок и пожевал твердые зерна. Они оказались отвратительными на вкус, и он уже ощущал их действие в животе, но просто умирал с голоду и ему нужно было подкрепиться, чтобы продолжать путь. Черт возьми, решил он, в последние несколько недель всё шло наперекосяк! Ему не стоило связываться ни с майором Гэллоуэем, ни с армией янки. Нужно было отправиться далеко на север, скажем, в Нью-Йорк. Туда, где не звучали пушки. Туда, где можно сделать деньги и произвести впечатление на девушек.

В лесу послышался треск ветви, и Блайз замер. По крайней мере, попытался замереть, но ноги неконтролируемо тряслись, в животе бурчало от перевариваемой кукурузы, и он моргал, когда пот щекотал уголки глаз. Где-то вдалеке послышался голос. Молю Господа, чтобы это оказался северянин, подумал он, а потом поразился, с чего это янки проиграли все сражения. Билли Блайз поставил всё свое будущее на победу Севера, но каждый раз, когда федералисты встречались с солдатами в сером, они оказывались побежденными. Так просто не должно быть! Теперь северян снова отделали, и Билли Блайз жевал сырую кукурузу, одетый в мундир, который еще не высох после последнего ливня, что прошел два дня назад.

Заржала лошадь. Сложно было сказать, откуда исходил этот звук, и поначалу ему показалось, что из-за спины, но затем Билли услышал медленный стук копыт прямо перед собой и потому в замешательстве и очень осторожно высунул голову из листвы, пока не смог разглядеть всё кукурузное поле. У дальнего леса собрались густые тени, но внезапно через облака пробился яркий солнечный луч, и он увидел всадников. Северяне! Синие мундиры. От ножен, пряжек, упряжи и карабинов отражался солнечный свет, а потом мелькнули белые яблоки глаз, когда лошадь закатила глаза и фыркнула. Другая лошадь настороженно дернула ушами. Подозрительные кавалеристы остановились на краю кукурузного поля. Там

была примерно дюжина всадников с карабинами наготове, все смотрели через поле куда-то слева от Билли, и их напряженные позы оставили его неподвижным. Что их обеспокоило? Он очень медленно повернулся, но ничего не разглядел. Были ли рядом мятежники? Над кукурузой порхала синешейка, и Билли решил, что ее яркие перья — хорошее предзнаменование, и уже готов был встать во весь рост и окликнуть кавалеристов, как вдруг их командир сделал знак рукой, и всадники прищипорили лошадей в кукурузу. Билли застыл. Один из кавалеристов убрал карабин в кобуру и вытащил из ножен саблю, и этот жест убедил Билли, что пока не время привлекать внимание всадников. Крикни он, и вместо ответа прилетит залп пуль минье, так что он просто смотрел, как лошади шумно продвигаются по негнущейся кукурузе.

Снова заржала лошадь, на сей раз звук шел определенно из-за спины Билли, и он тихо обернулся, раздвинув листву и всматриваясь в пестрые лесные тени. Он задержал дыхание, гадая, что происходит, и внезапно увидел движение в дальнем конце кукурузного поля, моргнул от попавшего в уголок глаза пота и заметил там лошадь. Одинокую лошадь без седока. Лошадь, которая явно нуждалась в привязи. Оседланную лошадь с поводьями, но без всадника. Лошадь для Билли Блайза, решил он, обдумывая, как безопаснее всего привлечь внимание нервных кавалеристов-янки, а потом внезапный винтовочный залп разорвал в ключья теплый вечер.

От страха Билли громко вскрикнул и резко сел на землю. Никто не услышал его крик, потому что лошади северян издали жуткое ржание. Этот звук вырвался из кукурузы, а потом раздался еще один залп и ненавистный вопль мятежников вместе с громким отдающим приказом голосом. Это была засада. Лошадь без седока оказалась наживкой, которая вытащила янки на длинное и узкое кукурузное поле, где за деревьями скрывались мятежники, и теперь всадники были либо мертвы, либо ранены, либо отчаянно пытались ускакать прочь. Снова раздался треск винтовок, и Билли увидел, как выгнул спину всадник в синем мундире, выпустив удила, а потом свалился со скачущей галопом лошади. Еще две лошади без седоков неслись на север, а один кавалерист бежал с болтающимися у ног ножнами. Два северянина, похоже, нашли укрытие в дальнем лесу, но кроме них от небольшого патруля янки в живых не осталось никого. Всё это заняло меньше минуты.

— Поймайте лошадей! — рявкнул кто-то. Янки в кукурузе звал на помощь отчаянным и наполненным болью голосом. Ржала лошадь, а потом резкий выстрел оборвал этот жалобный звук. Мятежники засмеялись, и Билли услышал стук перезаряжаемых винтовок. Мятежники, очевидно, ловили лошадей — ценный трофей для армии, испытывающей нехватку хороших скакунов, и Билли надеялся, что они этой наградой и удовольствуются, но потом офицер снова закричал.

— Поищите выживших! Осторожнее, но ищите как следует.

Билли выругался. Он подумывал пуститься наутек, но решил, что слишком слаб и не сможет состязаться с хорошо тренированными солдатами, а кроме того, производимый им шум заставит мерзавцев повернуть и устроить на него охоту, так что вместо этого он стянул голубой китель и надел поношенный серый, а потом затолкал предательскую синюю одежду глубоко в кусты, прикрыв ее толстым слоем прелых листьев. Он застегнул серый китель и ремень на поясе и стал ждать. Черт побери, подумал он, будь оно всё проклято, но в ближайшие несколько недель придется играть роль мятежника, пока он не найдет другой способ вернуться на север.

Шаги приблизились, и Билли решил, что пора играть свою роль.

— Вы южане? — громко спросил он. Шаги остановились. — Я Билли Тамлин! Билли Тамлин из Нового Орлеана, — крикнул он. С настоящим именем у него не было будущего, только не когда так много людей в Конфедерации хотели накинуть веревку на шею Билли Блайза. — Вы мятежники? — спросил он.

— Я не вижу тебя, — произнес голос без всякого выражения: без благосклонности, но и без враждебности, однако затем последовал явно враждебный звук взводимой винтовки.

— Я встаю, ребята, — ответил Билли, — очень медленно. Я прямо перед вами. — Билли встал и поднял руки вверх в знак того, что безоружен. На него смотрела парочка нечесанных мятежников, державших винтовки с примкнутыми к ним штыками. — Слава Всевышнему, ребята, — произнес Билли, — да святится имя его, аминь.

На обоих лицах читалась только настороженность.

— Как ты сказал, тебя зовут? — спросил один из мужчин.

— Капитан Билли Тамлин, ребята. Из Нового Орлеана, Луизиана. Я неделями скрывался и теперь очень рад вас видеть. Не против, если я опущу руки? — Билли начал опускать руки, но почерневшее дуло винтовки быстро заставило его снова их поднять.

— Скрывался? — спросил второй.

— Меня схватили в Новом Орлеане, — объяснял Билли с сильнейшим южным акцентом, — я был в плену на севере. Но я удрал, ясно? И здорово проголодался, ребята. Сойдет даже кусок галеты. Или щепотка табака. Не видал хорошего табака с того дня, как меня схватили.

Через час капитана Билли Тамлина представили подполковнику Неду Мейтленду, люди которого обнаружили беглеца. Полк Мейтленда расположился лагерем, и в вечерний воздух просачивался дымок сотен костров. Мейтленд, будучи учтивым и щедрым хозяином, гостеприимно предложил недавно сбежавшему пленнику жилистую куриную ножку, несколько сваренных вкрутую яиц и фляжку коньяку. К счастью, он не стал интересоваться подробностями мнимого пребывания Блайза в плену у северян, предпочтя обсуждать общих знакомых из числа выдающихся семей Нового Орлеана. Билли Блайз достаточно пробыл в Новом Орлеане, чтобы пройти эту проверку, особенно когда понял, что Мейтленд был менее осведомлен о городском обществе, чем он сам.

— Полагаю, — немного погодя произнес Мейтленд, — вам лучше сообщить в свою бригаду.

— Нельзя ли мне остаться здесь? — предложил Блайз. Мейтленд будет доброжелательным командующим, прикидывал он, и Легион будет находиться достаточно близко к янки, чтобы Блайз мог легко перейти линию фронта.

Мейтленд покачал головой. Он бы с удовольствием оставил Билли Тамлина в Легионе, поскольку большая часть нынешних офицеров, по его мнению, не соответствовала нужному уровню, но у него не было полномочий назначать нового капитана.

— Вы бы мнегодились, — признал Мейтленд, — уверен. Похоже, все мы скоро двинемся на север, предстоит много сражаться, а у меня не хватает хороших офицеров.

— Вы вторгнетесь на Север? — поинтересовался Билли Блайз, ужаснувшись этой мысли.

— К северу отсюда нет ничего, кроме чужой земли, — иронично заметил Мейтленд, — прискорбно, но я не могу оставить вас в Легионе. Много изменилось с тех пор, как вы были в плену, капитан. Мы больше не выбираем и не назначаем офицеров. Всем заведует военный департамент Ричмонда, полагаю, вы должны обратиться туда. По крайней мере, если вам

нужно жалованье.

— Жалованье не помешало бы, — согласился Блайз и через час оказался в компании менее располагающего командира бригады. Полковник Гриффин Свинерд допрашивал Блайза о пребывании в плену недолго, но строже, чем Мейтленд.

— Где вас держали? — спросил он.

— В Массачусетсе, — ответил Блайз.

— Где конкретно? — допытывался Свинерд.

Блайз тут же растерялся.

— В Юнионе, — наконец ответил он, решив, что в каждом из штатов, хоть Соединенных, хоть Конфедеративных, должен быть городок под названием Юнион. — Во всяком случае, неподалеку, — нескладно добавил он.

— Мы должны благодарить Господа за ваше освобождение, — произнес Свинерд, и Блайз с готовностью согласился, затем сообразил, что должен упасть на колени, чтобы выразить благодарность. Он неуклюже опустился на колени и закрыл глаза, пока Свинерд благодарил Всевышнего за освобождение раба его, Билли Тамлина, из плена, после чего Свинерд сказал Билли, что старший офицер штаба бригады выдаст капитану Тамлину пропуск с разрешением представить рапорт в штаб армии.

— В Ричмонде? — спросил Блайз, абсолютно не огорчившись. В Ричмонде врагов, с которых он бы знал, у него не было, все его враги были дальше на юге, так что Ричмонд станет прекрасным местом отдыха на короткий промежуток времени. И по крайней мере, в столице Конфедерации он будет избавлен от кровопускания, которое, несомненно, последует, если Роберт Ли переведет эту с трудом собранную армию в рваной форме через Потомак, в тучные поля Севера.

— Вас могут послать в Ричмонд, — произнес Свинерд, — или назначить в здешний батальон. Решение зависит не от меня.

— Стараюсь быть полезным, насколько смогу, — лицемерно отозвался Билли Блайз. — Это все, о чем я молю, полковник, быть полезным. Билли Блайз делал то, что Билли Блайз делал лучше всего. Приспосабливался.

Глава третья

— Вы говорите не как южанин, Поттер, — заявил капитан Деннисон, и трое других капитанов, ужинавших за столом, обвиняюще уставились на Старбака.

— Моя матушка была родом из Коннектикута, — пояснил Старбак.

— Сэр, — поправил Старбака Деннисон. Капитан Деннисон был сильно пьян, он даже чуть не уснул за мгновение до того, но теперь проснулся и злобно смотрел на Старбака через стол. — Я капитан, а ты кусок навоза, иначе именуемый лейтенантом. Называй меня сэр.

— Моя мама была родом из Коннектикута, сэр, — послушно ответил Старбак. Он играл роль незадачливого Поттера, но уже не получал от этого удовольствия. Порывистость, если не сказать, явное безрассудство заманило его в ловушку лжи, и он знал, что чем дальше остается в этой роли, тем труднее будет выйти из неё с достоинством, но Нат понимал, что ему нужно еще кое-что узнать, пока в лагерь "Ли" не прибыл настоящий лейтенант Поттер.

— Так ты впитал акцент матери вместе с молоком, а, Поттер? — вопрошал Деннисон.

— Полагаю, так оно и было, сэр.

Деннисон откинулся на спинку стула. Болячки на его лице влажно поблескивали в слабом свете плохих свечей, стоявших на обеденном столе с остатками ужина из жареной курицы, риса и бобов. На десерт предлагались столь любимые полковником Холбороу персике, хотя сам полковник отсутствовал. Полковник, отвезя Салли в город, видимо, остался там, чтобы бурно провести ночь, предоставив Старбаку разделить ужин с компанией четырех капитанов. В лагере было множество других офицеров, но они питались где-то еще, похоже, никто из них не хотел сносить оскорбления горстки офицеров, оставшихся с Желтоногими.

Что неудивительно, подумал Нат, даже те несколько часов, что он провел в лагере, подтвердили его худшие опасения. Солдаты Второго специального батальона были удручены и деморализованы, от дезертирства их уберегали только постоянное присутствие военной полиции и страх наказания. Сержанты противились назначению в батальон и развлекали себя мелкой тиранией, а батальонные офицеры, подобные Томасу Деннисону и его сподручным, никак не облегчали жизнь солдат. Батальоном заправлял сержант Кейз, и те, кто пользовался его расположением, процветали, а остальные страдали.

Старбак побеседовал с некоторыми из солдат, и они, считая его безобидным лейтенантом и к тому же человеком, который осмелился снять пленника Кейза с "коня", говорили без утайки. Некоторые, как спасенный Натом Кейтон Ротвел, хотели сражаться и расстроились, что Холбороу не собирался отправлять батальон на север, в армию Ли. Ротвел не был поначалу Желтоногим, но его отправили в Специальный батальон после обвинения в дезертирстве из своего полка.

— Я ушел, чтобы помочь семье, — объяснил он Нату, — мне нужен был всего лишь недельный отпуск, потому что жена была в беде, — добавил он.

— В какой беде? — спросил Старбак.

— Просто в беде, — отрезал Ротвел.

Он был крупным человеком крепкого сложения и напоминал Старбаку лейтенанта Ваггонера. Старбак подозревал, что в сражении Кейтон Ротвел хорошо себя покажет. Он

знал, что еще пятьдесят таких, и батальон станет не хуже любого другого в армии Ли, но основная часть солдат была близка к мятежу от скуки и осознания того, что вся армия конфедератов их презирает. Они были Желтоногими, низшими из низших, и ничто так не подчеркивало этот статус, как то оружие, которое они получили.

Это оружие по-прежнему находилось на складе, но Старбак нашел висящий за дверью конторы ключ и отпер служивший арсеналом барак, где обнаружил ящики со старыми гладкоствольными ружьями. Старбак смёл с одного ружья пыль и поднял его. Оно выглядело неуклюжим, удерживающее ствол деревянное ложе от времени усохло, так что крепившиеся к нему крюки болтались. Он осмотрел затвор и разглядел штамп со словом "Виргиния", а под спусковым крючком было написано "Ричмонд, 1808". Поначалу, должно быть, оружие имело кремниевый замок, а через некоторое время его переделали в капсюльный, но несмотря на эти усовершенствования ружье оставалось ужасным. Эти старые ружья, произведенные для войны с британцами, не имели дульной резьбы, а значит, пуля не вращалась в полете, и потому ружьям не хватало точности винтовок. С пятидесяти шагов длинное ружье 1808 года могло оказаться столь же смертоносным, как и винтовка Энфилда, но на большем расстоянии оно было безнадежно неточным. Старбак видел во время сражений много солдат с такими старинными ружьями и жалел их, но совершенно точно знал, что во время летней кампании у северян захватили тысячи современных винтовок, и казалось просто невыносимым вооружать солдат этими музейными экспонатами. Подобное антикварное оружие служило сигналом, что Специальный батальон находится на задворках армии, но это было правдой, которую, вероятно, солдаты уже знали. Они никому не были нужны.

Сержант Кейз увидел открытую дверь арсенала и пошел на разведку. Его высокая фигура заполнила дверной проем, и в пыльном помещении стало темно.

— Ты, — решительно произнес он, увидев Ната.

— Я, — достаточно любезно подтвердил Нат.

— Вы любите совать нос, куда не следует, лейтенант, — произнес Кейз. Его угрожающая фигура маячила в пыльном помещении, а тусклые, безжалостные глаза смотрели на Старбака подобно глазам хищника, оценивающего свою добычу.

Старбак швырнул в сержанта ружье, швырнул достаточно сильно, чтобы вынудить Кейза отступить на шаг, когда он поймал оружие.

— Вы хотели воевать с янки с помощью вот этого, сержант? — спросил Нат.

Кейз повертел ружье в своей огромной правой руке, словно оно весило не больше стебля кукурузы.

— Не будут они воевать, лейтенант. Не годятся они для сражений. Вот почему и тебя к нам прислали, — маленькая голова Кейза дергалась взад-вперед на нелепой шее, когда он выплевывал свои оскорбления. — Потому что ты не годишься для сражений. Ты чертов пьяница, лейтенант, так что не надо говорить мне о сражениях, Ты понятия не имеешь, что это такое. Я был королевским стрелком, парень, настоящим солдатом, парень, и знаю военное дело и как сражаться, и знаю, что ты для этого не годишься, иначе не был бы здесь.

Кейз с силой отдернул ружье, попав Старбаку по рукам. Высокий сержант сделал шаг еще дальше вглубь арсенала, приблизив свой сломанный нос к Старбаку.

— И еще кое-что, парень. Еще раз воспользуешься своим званием, чтобы меня осадить, и я приколочу твою шкуру к дереву и поессу на тебя. А теперь положи ружье туда, где нашел, верни ключи от арсенала и вали на свое место.

Не сейчас, сказал себе Старбак, не сейчас. Еще не пришло время поставить Кейза на место, так что он послушно опустил ружье в ящик, смиренно протянул Кейзу ключ и пошел прочь.

Теперь, за ужином, Старбак опять стал предметом для насмешек, только на сей раз со стороны Томаса Деннисона и его приятелей, которые избрали своей мишенью человека, являвшегося, по их мнению, слабаком. Капитан Липпинкотт протянул Старбаку персик.

— Полагаю, вы предпочитаете бренди, Поттер, — сказал он.

— Полагаю, что да, — ответил Старбак.

— Сэр, — немедленно поправил его Деннисон.

— Полагаю, что да, сэр, — послушно повторил Старбак. Ему уже пришлось так долго играть роль идиота, что он решил не открывать свою истинную личность, но давалось ему это с трудом. Он велел себе успокоиться и еще недолго поиграть роль неудачника.

Липпинкотт подвинул свой стакан с бренди в сторону Старбака, чтобы тот осмелился его схватить, но Старбак не пошевелился.

— Конечно, можно сказать кое-что и в пользу пьянства, — заявил Липпинкотт, забрав стакан обратно, — вы наверняка всю службу проведете во сне. Лучше, чем околачиваться вокруг и валять дурака. Так ведь, Поттер?

— Так, — согласился Старбак.

— Сэр, — поправил Деннисон и икнул.

— Сэр, — повторил Старбак.

— Не могу сказать, что я не рад здесь находиться, — хмуро продолжил Липпинкотт, — но, черт побери, могли бы предоставить нам хоть какие-нибудь развлечения.

— В Ричмонде их полно, — беззаботно заметил Деннисон.

— Если есть деньги, — заявил Липпинкотт, — а у меня их нет.

Деннисон откинулся в кресле.

— Ты бы предпочел находиться в боевом подразделении? — спросил он Липпинкотта. — Тебя всегда могут перевести, если ты этого хочешь, Дэн. Скажу Холборроу, что ты жаждешь уехать.

Липпинкотт, человек с землистым цветом лица и жидкой бородкой, промолчал. Большую часть офицеров Желтоногих перевели либо на службу в гарнизоне, либо в военную полицию, но нескольких отправили на фронт, и эта судьба явно беспокоила оставшихся капитанов, хотя не Деннисона, чье кожное заболевание являлось достаточной причиной, чтобы избежать этой неприятной участи. Он осторожно дотронулся до одной из отвратительных язв на лице.

— Если бы доктора могли это вылечить, — произнес он тоном, который предполагал его уверенность в том, что болезнь неизлечима, — я бы пошел добровольцем на фронт.

— Ты говоришь о лекарстве, Том? — спросил Липпинкотт.

— Конечно, — рявкнул Деннисон. — Ты что, не можешь его унюхать?

Старбак и правда чувствовал какой-то лекарственный запах, и удивительно знакомый, едва различимый мерзкий запах его беспокоил, но Нат так и не смог его распознать.

— Что это за лекарство, сэр? — спросил он.

Деннисон помедлил, размышляя, не слишком ли дерзок этот вопрос, но потом пожал плечами:

— Керосин, — ответил он.

Старбак нахмурился.

— Это что, стригущий лишай? — спросил он, а потом добавил, — сэр.

Деннисон фыркнул.

— Год в медицинском колледже и вы всё уже знаете, да? Не лезьте не в свое дело, Поттер, а советы я получу от настоящего доктора.

Липпинкотт взглянул на блестящие нарывы и поежился.

— У тебя-то проблем нет, Том, — с обидой произнес он, — но что если Старбак захочет, чтобы мы воевали? Холборроу не сможет держать нас здесь вечно.

— Холборроу — полковник, — сказал Деннисон, снова икнув, — а Старбак — майор, так что Холборроу получит, что хочет, а Старбак может обоссаться от злости. И черт возьми, — прибавил он возмущенно, — никто из нас не будет служить под командованием Старбака. Он чертов северянин, а я не буду выполнять приказы чертова северянина.

Картрайт, пухлый человек с обидой на лице и светлыми кудрявыми волосами, кивнул в знак согласия.

— Ты должен был принять командование вместо Мейтленда, — сказал он Деннисону.

— Я это знаю, ты знаешь, и Холборроу знает, — согласился Деннисон, неуклюже вытащил из кармана сигару и прикурил ее от ближайшей свечи. — И мистеру Старбаку придется это усвоить, — закончил он, когда сигара загорелась.

Пил, худой юноша, казавшийся лучшим среди этой малопривлекательной компании, вытер персиковый сок с гладковыбритого подбородка и покачал головой.

— Почему нам присылают Старбака? — спросил он, не обращая ни к кому конкретно. — Наверное, хотят, чтобы мы отправились воевать. Иначе зачем его к нам присылать?

— Потому что этот сукин сын больше нигде не нужен, — рявкнул Деннисон, — и от него хотят избавиться.

— Он имеет определенную репутацию, сэр, — вмешался Старбак, наслаждаясь собой.

Темные глаза Деннисона изучали Старбака в мерцающем свете плавающих свечей.

— Невелика должна быть репутация, чтобы произвести впечатление на пьяницу, — пренебрежительно заявил он, — и я не припоминаю, чтобы кто-нибудь приглашал вас к разговору, лейтенант.

— Простите, сэр.

Деннисон продолжал рассматривать Старбака и наконец ткнул в его сторону сигарой.

— Я вот что вам скажу, Поттер, жена у вас прехорошенькая.

— Полагаю, что так, сэр, — согласился Старбак.

— Очень-очень хорошенькая, — сказал Деннисон. — Достаточно хорошенькая, чтобы вскружить пару голов. Слишком хорошенькая для пропойцы вроде вас, не правда ли?

— Она весьма привлекательна, сэр.

— А вы пьяница, — заметил Деннисон, — а пьяницы не особо хороши, когда речь идет о даме. Понимаете, о чем я, Поттер? Пьяницы не созданы для этого, да? — Деннисон, и сам достаточно пьяный, засмеялся над своей остротой. Старбак выдержал взгляд капитана, но ничего не ответил, и Деннисон принял его молчание за трусость. — Знаете, где ваша хорошенькая жена проводит вечер, Поттер?

— Со своей кузиной Элис, сэр, — ответил Старбак.

— Или, может, ужинает с полковником Холборроу? — предположил Деннисон. — Полковник наверняка питает такие надежды. Надел лучший мундир, начистил сапоги и набриoliniл волосы. Полагаю, он считает, что ваша Эмили может с благосклонностью

отнестись к небольшому развлечению. Может, к петушиным боям?

Остальные капитаны захохотали в ответ на эту шутку, а Деннисон затаился сигарой.

— И может, — продолжал он, — ваша Эмили пришла в такое отчаяние после того, как вышла за вас замуж, что даже скажет Холборроу "да". Как думаете, получится из нее матрас под одеялом Холборроу, Поттер?

Старбак промолчал, и Деннисон презрительно покачал головой.

— Вы просто жалкий кусок дерьма, Поттер, именно так. Бог знает, что эта девушка в вас нашла, но думаю, ей нужно открыть свои прелестные глаза, — он снова затаился и уставился на Старбака. — Думаю, мне и самому стоит заглянуть к малютке. Вы не возражаете, лейтенант Поттер, если я выражу свое почтение вашей женушке? Моей коже пойдет на пользу целительное прикосновение женских рук.

Пил выглядел смущенным, но остальные капитаны улыбались. Оба были слабаками и наслаждались возможностью увидеть, как безжалостно насмежаются над еще более слабым человеком. Старбак откинулся в кресле, которое при этом заскрипело.

— И как вы оцениваете свои шансы с ней, сэр? — спросил он Деннисона.

Тот, похоже, удивился вопросу, но всё равно сделал вид, что его обдумывает.

— С красоткой вроде нее? У такого привлекательного парня вроде меня? О, я бы сказал, весьма приличные, лейтенант.

— По пятибалльной шкале, как вы их оцените, сэр? — настаивал Старбак. Два из пяти? Один? Три?

Деннисон нахмурился, не вполне понимая, идет ли разговор в нужном русле.

— Весьма приличные, я бы сказал, — повторил он.

Старбак печально покачал головой.

— Черт, сэр, я знаю Эмили, и Эмили никогда особо не нравились сифилитики и уроды вроде вас, сэр, прошу меня простить, сэр, но я не думаю, что у вас больше одного шанса из пяти. Хотя и этого-то много, учитывая, насколько она привлекательна, но вот насколько вы везучи? Вот в чем вопрос, не так ли, сэр? — он улыбнулся Деннисону, который не вернул улыбку. Никто из капитанов больше не улыбался, они уставились на Старбака, который вытащил револьвер Адамса, пока произносил эту речь, и ногтем вытащил четыре из пяти капсулей из ячеек барабана. Он высыпал капсули на пустую тарелку и снова посмотрел на Деннисона через пламя свечи. — Насколько вы удачливы, сэр? — спросил Старбак и направил вороненое дуло револьвера в испуганные глаза Деннисона, поставив курок в среднее положение, так чтобы барабан мог свободно вращаться. Он крутанул барабан, и ни один из капитанов не шевельнулся, когда револьвер издал серию мелких щелчков, которые прекратились, когда барабан остановился. Старбак отвел курок назад. — Один шанс из пяти, капитан, сэр, — сказал он, — так что давайте посмотрим, правильная ли ставка. Он нажал на спусковой крючок, и Деннисон тревожно подпрыгнул, когда курок попал по пустой ячейке. — Не в этот раз, сэр, — произнес Старбак.

— Поттер! — заорал Деннисон, но потом заткнулся, когда Старбак во второй раз поставил курок в среднюю позицию и крутанул барабан.

— Конечно, джентльмен вроде вас не удовлетворится первым отказом дамы, не так ли, сэр? — спросил Старбак и снова взвел курок, который издал два едва заметных щелчка. Старбак видел, что ячейка перед курком пуста, но никто за столом не знал, какая из них заряжена. Они видели лишь пули в ячейках барабана, но не брандтрубки в задней части. Старбак улыбнулся. — Итак, моя Эмили один раз вам отказала, капитан, но вы наверняка

попросите ее во второй раз, не правда ли? У вас же манеры не как у козла, вы наверняка попросите во второй раз, — он выпрямил руку, словно рассчитывая на отдачу револьвера.

Картрайт потянулся за собственным револьвером, но Старбак тут же нацелил оружие на испуганное лицо, и Картрайт успокоился. Старбак перевел револьвер обратно на Деннисона.

— Вот и второй шанс, капитан, сэр. Дорогая Эмили, пожалуйста, приляг и сыграй для меня роль матраса. Давайте посмотрим, насколько вам повезет во второй раз., капитан, — он снова нажал на спусковой крючок, и Деннисон вздрогнул, когда пустой щелчок громким эхом прокатился по комнате. Старбак немедленно крутанул барабан в третий раз и выпрямил руку.

— Вы безумны, Поттер, — сказал Деннисон, внезапно протрезвев.

— И к тому же трезв, — добавил Старбак, потянувшись левой рукой за бренди Картрайта и выпив его одним глотком. — А когда напьюсь, стану еще более безумным, так каковы ваши шансы с моей женой, капитан, как по-вашему? Вы собираетесь спросить ее в третий раз, не доставит ли она удовольствия себя оседлать?

Деннисон подумывал достать собственный револьвер, но тот был застегнут в кобуре, и капитан знал, что не имеет ни единого шанса выхватить оружие до того, как пуля мелькнет через пламя свечи и раздробит ему череп. Он облизал губы.

— Я думаю, у меня нет шансов, лейтенант, — ответил он.

— Я тоже так думаю, капитан, и еще я думаю, что вы должны передо мной извиниться.

Деннисон поморщился при этой мысли.

— Можете идти к черту, Поттер, — с вызовом ответил он.

Старбак нажал на спусковой крючок, немедленно отвел курок в среднее положение и крутанул барабан в четвертый раз. Когда он остановился, Старбак взвел курок, и на сей раз увидел, что единственный капсюль ждет удара курка. Он улыбнулся.

— Три раза вам повезло, капитан, но надолго ли хватит вашей удачи? Я жду извинений.

— Я прошу прощения, лейтенант Поттер, — выдавил Деннисон.

Старбак поставил курок на место, засунул Адамса в кобуру и встал.

— Никогда не начинайте дело, которое не сможете закончить, капитан, — сказал он, наклонился и взял заполненную наполовину бутылку бренди. — Полагаю, это я смогу закончить, хотя и без компании. Теперь вы можете приятно побеседовать.

И вышел из комнаты.

В Вашингтоне стояла душная и дождливая ночь, и ни одно дуновение ветерка не прогнало густую вонь от размокшего мусора, скопившегося в южном конце Семнадцатой улицы, лишь в нескольких ярдах от шатров госпиталя, установленных в форме эллипса. Сточные воды Бухты Убийц [\[2\]](#) добавляли собственное зловоние к воздуху над столицей Севера, которая была более обычного наводнена военными. Эти люди отправились с армией Джона Поупа на Ричмонд, но вместо этого Роберт Ли отогнал их назад от берегов Булл-Ран, и теперь они устроили полевые лагеря внутри кольца укреплений Вашингтона и толпились в тавернах столицы.

Молодой офицер-кавалерист спешил по Пенсильвания-авеню к пересечению с Семнадцатой улицей, где снял широкополую шляпу, чтобы посмотреть вверх, на уличный фонарь. В Вашингтоне на каждом перекрестке на стекле фонарей черной краской писали

название улицы, весьма остроумное решение, и как только молодой человек убедился, что находится в нужном месте, он направился по Семнадцатой до трехэтажного кирпичного здания, окруженного густыми деревьями. Уличные фонари показывали то место, где торец здания упирался в переулок и ступени вели к охраняемой двумя часовыми в синих мундирах двери, и когда юноша представился, ему велели идти назад, к входу в сад со стороны Пенсильвания-авеню. Он спустился обратно и нашел проход, ведущий между темнеющими в ночи деревьями к впечатляющему портику с шестью массивными колоннами, за которым скрывалась небольшая дверь, охраняемая четырьмя синемундирниками. Газовые фонари освещали желтым портик и поджидающий владельца экипаж.

Пробило девять часов, когда кавалеристу позволили войти в прихожую, где очередной часовой спросил его имя.

— Фалконер, — ответил юноша. — Капитан Адам Фалконер.

Часовой сверился со списком, нашел имя Адама и велел ему оставить саблю в ножнах на подставке для зонтиков, а потом подняться на один лестничный пролет, повернуть налево и идти до самого конца коридора, где он найдет дверь, помеченную именем человека, который его вызвал. Часовой отбарабанил указания и вернулся к чтению "Ивнинг Стар", где объявлялось, что генерал-майор Джордж Макклелан вновь назначен командующим армии северян.

Адам Фалконер поднялся по лестнице и прошел по длинному мрачному коридору. Здание принадлежало Военному департаменту и было средоточием всех военных усилий Севера, но в этих темных проходах не чувствовалось никакой спешки, а шаги Адама отдавались так одиноко, словно он шел по заброшенному склепу. Основная часть окошек над дверями контор была темной, хотя в конце коридора виднелся огонек, и в этом тусклом свете Адам увидел имя "Полк. Торн", написанное белыми буквами на черной двери. Он постучал и получил приглашение войти.

Он оказался в неожиданно просторной комнате с двумя высокими окнами, закрытыми как от дождя, так и от мошкеры, которая билась о ставни. Стены комнаты были увешаны картами, у окна стоял большой стол, а две маленьких конторки занимали остальную часть комнаты. Все столы были завалены бумагами, растекающимися по стульям и деревянному полу. Под высоким потолком шипели две чугунные газовые лампы, а между окон гулко тикали напольные часы. В комнате стоял высокий мужчина в мундире с прямой, как телеграфный столб, спиной, рассматривая видневшиеся над деревьями освещенные окна Белого дома.

— Фалконер, так? — спросил он, не повернувшись от окна.

— Да, сэр.

— Меня зовут Торн. Лайман Торн. Полковник Лайман Торн.

У него был грубоватый и очень низкий, почти сердитый голос, а его лицо, когда он резко повернулся к Адаму, вполне соответствовало голосу, потому что Торн оказался сухопарым человеком с седой бородой и горящими глазами, а загорелые щеки покрывали глубокие морщины. Больше всего выделялись совершенно белые волосы, густые и длинные, находящиеся в достаточном беспорядке, чтобы придавать Торну вид бородатого двойника Эндрю Джексона^[3]. Полковник держался гордо и прямо, хотя при ходьбе припадал на правую ногу, а значит, по всей видимости, получил ранение в левую. Он некоторое время рассматривал Адама, а потом снова отвернулся к окну.

— В последние два дня в Вашингтоне празднуют, — прорычал он.

— Да, сэр.

— Макклелан вернулся! Джона Поупа отстранили, а новому Наполеону снова отдали командование армией, так что Вашингтон празднует, — Торн сплюнул в латунную плевательницу и взглянул на Адама. — Вы не отмечаете это назначение, юный Фалконер?

Адам был ошарашен вопросом.

— Я не думал об этом, сэр, — наконец неуклюже заявил он.

— А я не праздную, юный Фалконер. Боже ты мой, вовсе нет. Мы дали Макклелану сотню тысяч солдат, переправили его на Виргинский полуостров и приказали взять Ричмонд. И что он сделал? Пошел на поводу у своих страхов. Просто нес всякую чушь, вот что он делал, болтал ерунду! Дрожал, пока мятежники наскребли кучку отвратительных солдат и выпихнули его обратно к морю. А теперь эта размазня снова наш главнокомандующий, и вы знаете почему, юный Фалконер? — вопрос, как и остальные слова Торна, был направлен скорее в сторону окна, чем Адаму.

— Нет, сэр.

— Потому что больше некому командовать. Потому что во всей великой республике мы не можем найти лучшего генерала, чем малыш Джордж Макклелан. Ни единого! — Торн снова сплюнул. — Я признаю, что мы можем вымушгровать войска, но при этом не знаем, как они должны воевать, не знаем, как ими командовать. Этот человек — просто плут! — Торн рявкнул последнее слово и резко повернулся, снова посмотрев на Адама. — Где-то в республике есть человек, который сможет разбить Роберта Ли, но положи руку на сердце, могу сказать, что мы его пока не нашли. Но найдем, Фалконер, найдем, и тогда сотрем в пыль так называемую Конфедерацию, камня на камне от нее не оставим. Камня на камне. Но пока мы его не нашли, наш долг — нянчиться с новым Наполеоном. С помощью кнута и пряника мы должны научить его не бояться призраков и не воображать врагов там, где их нет. Короче говоря, мы должны отнять его от груди Пинкертона. Вы знаете Пинкертона?

— Слышал о нем, сэр.

— Чем меньше слышали, тем лучше, — огрызнулся Торн. — Пинкерстон даже не военный! Но Макклелан верит ему, и в то самое время, как мы с вами стоим и беседуем, Пинкерстон вновь становится главой всего разведуправления. Он командовал им на полуострове, и что из этого вышло? Он выдумал мятежников из ниоткуда. Он заявил новому Наполеону, что там сотни тысяч людей, когда на самом деле была кучка голодных бродяг. Пинкерстон проделает это снова. Помяните мои слова, Фалконер. Не пройдет и недели, как нам скажут, что у Ли двести тысяч солдат, и малыш Макклелан не осмелится атаковать из страха потерпеть поражение. Мы снова будем болтать всякие глупости, бояться, и пока мы все ссым в штаны, Роберт Ли нападет. Вас не удивляет, что Европа смеется над нами?

— Разве, сэр? — пробормотал Адам, придя в замешательство от этой тирады.

— Смеется, Фалконер, смеется. Американскую гордость посрамил мятеж, мы кажемся беспомощными, и европейцам это нравится. Они это скрывают, но если Роберт Ли уничтожит Макклелана, тогда, полагаю, мы увидим на Юге европейские войска. Французы с радостью бы присоединились, но они не двинутся без решения Британии, а Британия не вступит в игру, пока не увидит, чья сторона побеждает. Вот поэтому-то Роберт Ли и атакует нас, Фалконер. Смотрите! — Торн подошел к карте восточного побережья, висевшей позади его стола. — Мы трижды пытались захватить Ричмонд. Трижды! И каждый раз нас разбивали. Ли контролирует всю Северную Виргинию, так что же помешает ему двинуться дальше на север? Сюда, Фалконер, в Мэриленд, а может, и еще дальше, в Пенсильванию. —

Полковник продемонстрировал эту угрозу, проведя по карте рукой. — Он заберет наш богатый урожай для своих голодающих солдат, разобьет Макклелана и покажет европейцам, что мы не в состоянии защитить собственные земли. К весне, Фалконер, на стороне Конфедерации будет маршировать сто тысяч европейских солдат, и что мы тогда будем делать? Вести мирные переговоры, конечно же, и республика Вашингтона и Джефферсона просуществует всего восемьдесят лет, а следующие восемьдесят чудовищно ослабят Северную Америку, Фалконер, — Торн склонился над столом и пристально посмотрел на Адама. — Нельзя, чтобы Ли победил, Фалконер. Нельзя, — авторитетно заявил полковник словно Адам был лично ответственен за спасение республики.

— Да, сэр, — ответил Адам и понял, что это был слабый ответ, но его заворожил напор Лаймана Торна. По лицу Адама струился пот. Ночь была душной, и дождь не избавил от влажности, а от горящих газовых ламп в комнате стояла удушающая жара.

Полковник указал Адаму на кресло, затем сел сам и зажег сигару от пламени настольного рожка, от которого тянулся длинный резиновый провод к ближайшей газовой люстре. Как только сигара разгорелась, он отодвинул рожок и бумаги в сторону, откинулся на спинку кресла и вытер лицо, словно неожиданно устал.

— Вы ведь скалаваг, так? — поинтересовался он.

— Да, сэр, — ответил Адам. Скалавагом назывался южанин, сражавшийся за Север, и противоположность перебежчикам.

— И три месяца назад вы были мятежником и служили в штабе Джонсона, я прав? — продолжал Торн.

— Да, сэр.

— И в то время, Фалконер, наш новый Наполеон маршировал в сторону Ричмонда. Нет это неверный глагол. Он подползал к Ричмонду, пока сыщик Пинкертон, — язвительно произнес Торн, — убеждал малыша Джорджа, что у мятежников двести тысяч солдат. Вы отправили донесение, которое бы опровергло это заблуждение, но оно не дошло. Какой-то умный засранец с той стороны подменил вашу депешу своей, и Ричмонд выжил. Я чуть не поймал того засранца, Фалконер, я даже сломал ногу, но у меня ничего не вышло, — полковник скривился и затянулся сигарой. В комнате повис дым как от винтовочного выстрела.

— В то время, Фалконер, — продолжил Торн, — я работал в департаменте генеральной инспекции. Выполнял работу, которую никто не хотел делать. Теперь у меня более высокий пост, но от этого не стало больше сторонников, чем когда я инспектировал отхожие места или выяснял, зачем нужно столько канцелярских служащих. Но сейчас, Фалконер, у меня есть власть. Не у меня, а у моего хозяина, который живет в том доме, — он ткнул сигарой в сторону Белого Дома. — Вы понимаете меня?

— Думаю, да, сэр.

— Президент, Фалконер, полагает, как и я, что этой армией в основном управляют кретины. Армия, разумеется, считает, что страной правят дураки, возможно, и те, и другие правы, но сейчас, Фалконер, я бы поставил свои деньги скорее на дураков, чем на кретинов. Официально я всего лишь офицер связи, но на деле, Фалконер, я ставленник президента в армии. Моя задача — не допустить, чтобы кретины стали еще слабоумнее. Мне нужна ваша помощь.

Адам промолчал, не из-за того, что не хотел помочь, а потому что его удивил Торн и его слова. К тому же они приободрили Адама. Север, несмотря на всю свою мощь, казалось,

беспомощно барахтался на фоне энергичности мятежников, и Адам считал это бессмысленным, но наконец появился человек, сила которого была под стать вызывающему поведению врага.

— Вам известно, Фалконер, что ваш отец стал заместителем военного министра Конфедерации? — спросил Торн.

— Нет, сэр.

— Что ж, теперь знаете. Со временем, возможно, это пригодится, но не сейчас, — Торн притянул к себе лист и повалил стопку бумаг, упавших рядом с газовым рожком. Загорелся уголок бумаги, который Торн энергично загасил, словно всё время занимался тушением случайных возгораний. — Вы покинули Конфедерацию три месяца назад и вступили в отряд Гэллоуэя? — спросил он, вычитывая сведения из выбранного им документа.

— Да, сэр.

— Он был достойным человеком, этот Гэллоуэй. Выдвинул пару блестящих идей, за что, конечно, эта армия оставила его без солдат и средств. Но с его стороны было чертовски глупо ввязываться в сражение. Предполагалось, что вы разведчики, а не ударные войска. Гэллоуэй погиб, верно?

— Боюсь, что так, сэр.

— А его заместитель пропал, может быть, мертв, а, может, в плену. Как его звали?

— Блайз, сэр, — резко сказал Адам. Он никогда не любил и совсем не доверял Билли Блайзу.

— Значит, отряд Гэллоуэя, как я понимаю, приказал долго жить, — произнес Торн. — Вам там нечего делать, Фалконер. Вы женаты?

Адама удивил этот неожиданный вопрос.

— Нет, сэр, — покачал он головой.

— Совершенно правильно. Ранняя женитьба — это ошибка, — Торн на мгновение смолк. — Я сделаю вас майором, — резко произнес он, затем жестом оборвал поток неуклюжих благодарностей Адама. — Я повышаю вас не потому, что вы этого заслуживаете, я еще этого не знаю, но если будете работать, вас будут без конца изводить безмозглые штабные офицеры, а чем выше чин, тем менее оскорбительными будут нападки.

— Да, сэр, — промолвил Адам.

Торн затянулся сигарой и посмотрел на Адама. Ему понравился его облик. Майор Адам Фалконер был молодым светловолосым человеком с бородкой и квадратным, заслуживающим доверия лицом. Торн знал, что Адам инстинктивно поддерживал Союз и был честен, но, быть может, размышлял полковник, эти качества не подходили для такого дела. Может, ему нужен был бродяга, но выбор зависел не от Торна.

— Итак, что вы должны делать, Фалконер? Я расскажу, — он снова встал и начал расхаживать взад и вперед позади стола. — У нас сотни приверженцев во вражеском тылу, но от большей части нет никакого толку. Они видят проходящий мимо полк мятежников и приходят в такой ужас от длины колонны, что сообщают о десятке тысяч солдат, когда на самом деле видели только тысячу. Они отправляют донесения, сыщик Пинкертон умножает это число на три, у малыша Джорджа подкашиваются ноги, и он просит прислать к нему еще один армейский корпус. Вот так мы и ведем эту войну, Фалконер.

— Да, сэр, — ответил Адам.

Торн поднял оконную раму, чтобы выпустить из комнаты сигарный дым. В комнату проникла вонь городской канализации и рой мошек, обреченно полетевший к желто-синим

огонькам газовых рожков.

— Но у меня есть горстка собственных агентов, и один из них очень ценен, — Торн снова повернулся к Адаму. — Он ленив, и я уверен, что его преданность Северу — всего лишь циничный расчет касательно итогов войны, но он может сообщить нам планы мятежников, все! Сколько? Где? Когда? То же самое, что попытались сделать вы на полуострове. Но он робок. Его патриотические чувства не настолько велики, что он не боится того, что мятежники накинут ему пеньковую петлю на шею, поэтому он осторожен. Он будет отправлять нам донесения, но используя только собственные средства. Он не станет рисковать жизнью, пытаясь пересечь линию фронта, но сказал, что я могу послать к нему курьера, который возьмет на себя этот риск, настояв на том, чтобы это был человек, которому он может доверять, — Торн остановился, чтобы затянуться сигарой, а потом ткнул ею в Адама. — Он назвал вас.

Адам промолчал. Он пытался представить того, кто подходил под описание Торна, того, кого Адам хорошо знал в родной Виргинии, но не смог подобрать ни лица, ни имени из своих спутанных воспоминаний. На мгновение ему показалось, что это его отец, но он отогнал эту мысль. Отец никогда бы не предал Виргинию, как сделал Адам.

— Могу я узнать... — начал Адам.

— Нет, — перебил его Торн, — Я не назову его имени. Оно вам и не нужно. Если получите донесение, тогда, возможно, поймете, кто это, но сейчас вам это не поможет. По правде говоря, Фалконер, я не знаю, что вам поможет. Знаю только, что один слабый человек из Конфедерации сказал мне, что будет передавать донесения вам, всё остальное — загадка, — Торн развел руки в знак своего недовольства неудобными и непонятными условиями, которые он описал. — Я не знаю, как мой агент вас найдет. Я не могу понять, как вы найдете его. Он не станет рисковать, а вам придется. Могу сказать только одно. Неделию назад я отправил этому человеку послание с требованием найти любой предлог, чтобы попасть в штаб-квартиру Ли, и у меня нет причин думать, что он ослушается. Ему это не понравится, но он сделает то, о чем я прошу. Он будет держаться ближе к штабу Ли, а вы будете держаться ближе к штабу Макклелана. Малыш Джордж сочтет вас помехой, но у вас будут бумаги, говорящие, что вы работаете на генеральную инспекцию и готовите отчет об эффективности сигнальной системы армии. Если малыш Джордж попытается вам помешать, сообщите мне, и я вас спасу.

Торн на мгновение замялся, внезапно обеспокоенный беспомощностью своих действий. Он сказал Адаму правду, но не сообщил, насколько шаткой была вся затея. Несколько недель назад его человек в Ричмонде назвал ему Адама как надежного курьера, но не в связи с этим планом, и сейчас, находясь в совершенном отчаянии, Торн нанимал Адама в надежде, что его упрямый агент-южанин каким-то образом узнает о планах Ли и сообщит их Адаму. Шансы на успех были ничтожны, но надо было что-то делать, чтобы нейтрализовать пораженческие донесения Пинкертон и предотвратить ужасающую перспективу победы южан, которая побудит проклятых европейцев приехать и сплясать на развалинах Америки.

— У вас есть хорошая лошадь? — спросил Торн Адама.

— Очень хорошая, сэр.

— Вам понадобятся деньги. Вот, — он вытащил из ящика стола сумку с монетами. — Золото Соединенных Штатов, Фалконер, его хватит, чтобы подкупить мятежников и, возможно, чтобы избежать беды. Полагаю, хотя это лишь догадка, что мой человек пошлет вам весточку, сообщив, когда покинет место своего расположения. Это место будет

находиться глубоко в тылу врага, Фалконер, так что вам понадобится хорошая лошадь и способность подкупить любого мерзкого мятежника, который будет вам досажать. Завтра утром вы отправитесь в лагерь на острове Аналостин и встретитесь с капитаном Бидвеллом. Он расскажет вам всё, что вам понадобится относительно языка сигнальщиков, чтобы вы смогли со знанием дела разговаривать с малышом Джорджем о телеграммах и флажках. А потом вы последуете за малышом Джорджем и будете ждать сообщения. Возьмите с собой золото. Это всё.

Адам, хоть разговор и был явно окончен, медлил. У него осталось много вопросов, но резкость Торна не придавала ему мужества, чтобы их задать. Полковник открыл чернильницу и начал писать, так что Адам просто подошел к столу и поднял тяжелую сумку, и лишь когда он спустился в прихожую и застегивал ремень с саблей, ему пришло в голову, что Торн так и не спросил, хочет ли он рискнуть своей жизнью, пересекая линию фронта.

Но, может, Торн уже знал ответ. Адам был патриотом, и ради столь любимой им страны мог пойти на любой риск, и потому по требованию шпиона отправится навстречу предательству и будет молиться за победу.

Старбак принес бренди в контору, запер дверь и положил заряженный револьвер Адамса рядом с собой. Он слышал, как вернулся Холборроу, а потом четыре капитана отправились в свои постели наверху, и через некоторое время Нат заснул, но опасался мести капитана Деннисона, и потому спал урывками, хотя к тому времени, как горны нестройными голосами протрубили подъем, Старбак дремал и при этом звуке резко пробудился. Вид невыпитой бутылки бренди напомнил ему о стычке прошлым вечером, и он позаботился о том, чтобы засунуть револьвер за пояс, перед тем как пройти через весь дом к заднему двору, где он окатил себя ведром воды. Бунтующий Люцифер глядел на него из кухонной двери.

— Мы уедем через час или около того, — сказал ему Старбак. — Возвращаемся в город.

— Хвала небесам.

— Принеси мне кофе и воду для бритья, хорошо? И хлеб.

Вернувшись в бывшую контору Мейтленда, Старбак пробежал глазами бумаги, чтобы отыскать все полезные сведения о батальоне. Он решил, что в этот день откроет свою истинную личность, но только после того как выторгует взамен на найденные сведения кой-какую пользу для себя, а для этого ему понадобится тот, кто умеет торговаться. Ему нужен был адвокат, Бельведер Дилейни, и потому он провел рассветные часы, составляя длинное письмо Дилейни. Письмо помогло ему привести мысли в порядок. Он решил, что отправит с письмом Люцифера, а потом тот сможет подождать в квартире Салли. Составление письма заняло почти добрый час, но наконец с ним было покончено, и он позвал Люцифера. С побудки прошло немало времени, но в большом доме никто еще и не пошевелился. Похоже, ни Холборроу, ни четверо капитанов батальона не были ранними пташками.

Дверь за спиной Старбка отворилась.

— Можем идти, — произнес он, не поворачивая головы.

— Сэр? — раздался робкий голос в ответ.

Старбак резко повернулся. В дверях стоял не Люцифер, оттуда высунулось маленькое встревоженное личико, окруженное длинными каштановыми кудряшками. Старбак уставился на девушку, а та рассматривала его с явным ужасом в глазах.

— Мне сказали... — начала она, но запнулась.

— Да?

— Мне сказали, что лейтенант Поттер здесь. Мне сказал сержант, — девушка снова замолчала. Старбак услышал, как внизу Холборроу приказывает рабу принести ему воды для бритья.

— Проходите, — сказал Старбак. — Пожалуйста, проходите. Могу я взять ваш плащ?

— Я не хочу доставлять неприятности, — ответила девушка. — В самом деле не хочу.

— Дайте мне ваш плащ. Садитесь, прошу вас. Это кресло подойдет. Могу я узнать ваше имя, мэм? — Старбак чуть не назвал ее мисс, но увидел блестящее на левой руке дешевое обручальное кольцо.

— Я Марта Поттер, — очень тихо произнесла она. — Я не хочу никаких неприятностей. Правда не хочу.

— Вы их и не доставите, мэм, совершенно, — заверил Старбак.

Он подозревал, что это и есть настоящая миссис Поттер с той секунды, когда каштановые кудряшки робко появились в дверном проеме, и боялся, что настоящий лейтенант Поттер находится где-то неподалеку. Это станет досадной помехой, потому что Старбак собирался открыть свою подлинную личность в нужное время, а не под принуждением обстоятельств, но он скрыл свою тревогу, когда Марта боязливо примостилась на краешек кресла. На ней было домотканое платье, вывернутое наизнанку, так что нижняя юбка превратилась в верхнюю, чтобы скрыть изношенность материи. Светло-коричневое платье было сшито аккуратно, а шаль, хотя и потрепанная, — тщательно вычищена.

— Мы вас ждали, мэм, — сказал Старбак.

— Правда? — удивилась Марта, словно раньше никто не оказывал ей такой любезности. — Просто... — начала она и замолчала.

— Да? — попытался подбодрить ее Старбак.

— Он здесь? — с нетерпением спросила она? — Мой муж?

— Нет, мэм, его здесь нет, — ответил Старбак, и Марта начала всхлипывать. Слезы не были демонстративными, она плакала тихо, и эти молчаливые рыдания смутили Старбака. Он попытался нащупать в кармане кителя носовой платок, но не обнаружил его, как и не смог найти в конторе ничего подходящего, чтобы вытереть слезы. — Может быть, кофе, мэм? — предложил он.

— Я не хочу доставлять неприятности, — ответила она сквозь приглушенные рыдания, пытаясь промокнуть слезы бахромчатым краем шали.

Появился Люцифер, готовый к отъезду в Ричмонд. Старбак жестом велел ему выйти.

— И принеси нам кофе, Люцифер, — крикнул он ему вслед.

— Да, лейтенант Поттер, — отозвался тот из прихожей.

Девушка дернула головой.

— Он... — начала она и остановилась. — Неужели я? — опять попыталась она и снова разразилась слезами.

— Мэм, — Старбак сел напротив и наклонился к ней. — Вы знаете, где ваш муж?

— Нет, — зарыдала она. — Нет!

Он постепенно вытянул из худощавой девушки ее историю. Люцифер принес кофе и присел в углу конторы, своим присутствием постоянно напоминая Старбаку об обещании покинуть ненавистное место. Марта вытерла слезы рукавом, глотнула кофе и поведала

печальную историю, как она выросла в маленькой деревушке Гамбург, штат Теннесси, в нескольких милях к северу от границы со штатом Миссисипи.

— Я сирота, сэр, — сказала она Старбаку, — меня воспитывала бабушка, но прошлой зимой она почувствовала недомогание и умерла на Рождество.

После чего, по словам Марты, ее отправили работать в одну семью в Коринфе, что в штате Миссисипи.

— Но я была там несчастна, сэр. Они плохо со мной обращались, действительно плохо. Хозяин, сэр, он... — она запнулась.

— Могу себе представить, — произнес Старбак.

Она шмыгнула носом и рассказала, как в мае в город вернулись войска мятежников и она повстречалась с Мэтью Поттером.

— Он так красиво говорил, сэр, так красиво, — сказала она. Брак с Поттером показался ей сбывшейся мечтой, как и побег от злобного нанимателя, так что через несколько дней после знакомства Марта стояла в гостиной дома баптистского священника, обвенчавшись с военным.

Потом она обнаружила, что ее новоиспеченный муж — пьяница.

— В первые несколько дней он не пил, сэр, но это потому, что все запасы спиртного заперли. А потом он где-то нашел выпивку и уже не останавливался. Он не так уж плохо себя вел выпивши, сэр, не как некоторые. В смысле, он никого не бил, когда был пьян, просто так и не протрезвел. Полковник Хардкасл вышвырнул его из полка за пьянство, и я не могу его в этом винить, но Мэтью на самом деле неплохой человек.

— Но где же он, мэм? — спросил Старбак.

— В том-то и дело, сэр, — она снова зарыдала, но смогла продолжить.

После того, как Поттера выгнали из Третьего миссисипского пехотного батальона, он воспользовался небольшими сбережениями Марты, чтобы добраться до своего дома в Джорджии, где его отец отказался принять как Поттера, так и его новую жену.

— Некоторое время мы пробыли в Атланте, сэр, а потом его папенька велел нам отправиться сюда и повидаться с полковником Холборроу. Он выслал денег, чтобы сюда добраться, сэр, с его стороны это был воистину христианский поступок. Мы с Мэтью приехали сюда три дня назад, и с тех пор я его не видела.

— Так он пьет где-то в Ричмонде? — сухо предположил Старбак.

— Полагаю, что так, сэр.

— Но где вы остановились? — поинтересовался Старбак.

— В пансионе у миссис Миллер на Благотворительной улице, только миссис Миллер говорит, что комнаты — никакая не благотворительность, если вы меня поняли, и если мы не заплатим к утру, она меня вышвырнет, сэр, вот я и пришла сюда. Но я не хочу доставлять неприятности, — она выглядела так, словно вот-вот снова расплачется, но вместо этого нахмурилась. — Вы ведь не полковник Холборроу, сэр?

— Нет, мэм, — Старбак помедлил и одарил Марту улыбкой, которая с его точки зрения, должна была ее приободрить.

Она ему нравилась, частично потому, что выглядела такой хрупкой и робкой, а частично, виновато признался он себе, потому что под маской страданий скрывалась удивительная красота. А кроме того, как он подозревал, в ней была та упрямая твердость, которая, вероятно, ей бы понадобилась, чтобы пережить брак с Мэтью Поттером.

— Я ваш друг, мэм, — сказал он ей. — Поверьте. Я притворялся вашим мужем и делал

его работу, чтобы он не попал в беду. Понимаете? Но теперь нам нужно его разыскать.

— Аллилуйя, — пробормотал Люцифер.

— Вы делали его работу, сэр? — спросила Марта, не веря, что кто-то мог быть так добр к ее никчемному мужу.

— Да, — ответил Старбак. — А теперь мы все выберемся отсюда и найдем Мэтью. А если кто-нибудь с нами заговорит, мэм, то прошу вас молчать. Обещаете мне это?

— Да, сэр.

— Тогда пойдете, — Старбак протянул Марте ее тонкий плащ, собрал бумаги, помедлил, дабы убедиться, что за дверью никого нет, и повел Люцифера и Марту через прихожую и веранду. День обещал быть жарким и солнечным. Старбак поспешил к ближайшему бараку, надеясь ускользнуть, не попадаясь никому на глаза, но со стороны дома его окликнули:

— Поттер!

Марта вскрикнула, и Старбаку пришлось ей напомнить об обещании молчать.

— Оставляйтесь здесь, — сказал он, — вы оба.

Потом он развернулся и пошел обратно к дому.

Окликнул его капитан Деннисон, который теперь перепрыгивал через ступеньки крыльца. Капитан выглядел так, словно его подняли с постели — без кителя и натягивая на плечи ярко-красные подтяжки, спеша в сторону Старбака.

— Вы мне нужны, Поттер, — заявил он.

— Похоже, вы меня нашли, — сказал Старбак, вставая перед сердитым капитаном.

— Обращайтесь ко мне "сэр", — теперь Деннисон стоял совсем рядом со Старбаком, так что запах мази, которую капитан накладывал на покрытое болячками лицо, был почти непереносимым. Это был какой-то кисловатый запах, но не керосин, и внезапно Старбак его опознал, и вместе с рвотным позывом на него нахлынули воспоминания о ричмондской тюрьме. — Обращайтесь ко мне "сэр", — повторил Деннисон, ткнув Старбаку пальцем в грудь.

— Да, сэр.

Деннисон поморщился.

— Прошлой ночью вы мне угрожали, Поттер.

— Правда, сэр?

— Правда, черт возьми. Так что либо вы немедленно вернетесь в дом и извинитесь перед лицом остальных офицеров, либо вам придется столкнуться с последствиями.

Старбак сделал вид, что обдумывает варианты, и пожал плечами.

— Полагаю, я предпочитаю последствия, капитан, сэр.

Деннисон мрачно усмехнулся.

— Вы жалкий глупец, Поттер, просто глупец. Вот и прекрасно. Знаете Кровавый ручей?

— Смогу его найти, сэр.

— Найдете его сегодня в шесть, Поттер, если потрудитесь спросить кого-нибудь, где в Ричмонде проводят дуэли. У Кровавого ручья, у подножия холма Чимборасо на другом конце города. В шесть. Приведите секунданта, если найдете какого-нибудь идиота, кто согласился бы вас поддержать. Мои секундантом будет полковник Холборроу. И еще кое-что, Поттер.

— Сэр?

— Постарайтесь быть трезвым. Нет никакого удовольствия пристрелить пьяного.

— В шесть, сэр, трезвым, — ответил Старбак. — Жду с нетерпением, сэр. И еще кое-

что, сэр.

Деннисон обернулся.

— Да? — подозрительно спросил он.

— Поскольку вы меня вызвали, то оружие выбираю я. Это так ведь делается?

— Так выбирайте, — беспечно отозвался Деннисон.

— Сабли, — мгновенно произнес Старбак с достаточной уверенностью, чтобы Деннисон удивленно моргнул. — Сабли, капитан! — беззаботно повторил он, когда развернулся и пошел прочь. Запах лекарства выдал секрет Деннисона, и Старбак внезапно понял, что с нетерпением ожидает дальнейших событий.

Глава четвертая

Подполковник Свинерд стоял на берегу реки и благодарил Господа за то, что сохранил ему жизнь и дал возможность лицезреть это мгновение. Небольшой бриз поднимал рябь на воде, и мириады мелких брызг сверкали, отражая сияющее на безоблачном небе солнце. По меньшей мере три оркестра играли единственную мелодию, которую могли бы исполнять в этот день, хотя полковник сожалел о том, что они не играют в унисон, а весело состязаются в праздновании этого знаменательного события. Свинерда похлопывал покалеченной левой рукой по ножнам в такт ближайшему оркестру, а потом, сам того не осознавая, начал петь.

"Дорогая мама, — тихо затынул полковник, — разорви цепи тирана. Мэриленд! Виргиния взывает не втуне, Мэриленд! — он повысил голос, когда его захлестнули эмоции. — Она встретит на равнине собратьев. Смерть тиранам! Это гордый напев быстро прогонит льстецов. Мэриленд, мой Мэриленд!

Со стороны ближайшей роты Легиона Фалконера раздались аплодисменты, и Свинерд, не заметив, что повысил голос настолько, что его могли слышать, покраснел, когда обернулся на эти иронические хлопки. Было время, и не так уж давно, когда солдаты чертыхались при виде Гриффина Свинерда, но они были побеждены христианской благодатью, а точнее, той работой, которую она проделала со Свинердом, и теперь полковник знал, что солдаты его любят, и благодаря этому благословенному дару сегодня он мог всплакнуть, хотя и так уже плакал от радости.

Потому что армия Юга Роберта Ли, которая снова и снова сражалась с вторгнувшимися в страну северянами, переправилась через Потомак.

Они шли на север.

Конфедерация перенесла войну в Соединенные Штаты Америки. Уже год как янки топтали землю Юга, грабили его фермы и бахвалились тем, что опустошат его столицу, но теперь южане сами стали захватчиками, и огромная темная масса людей переходила брод под боевыми знаменами Юга.

— Я слышу раскаты далекого грома, — пел Свинерд, и на сей раз Легион запел вместе с ним, их голоса у реки слились в удивительно гармоничную мелодию. — Мэриленд! Старый горн протрубит, Мэриленд! Он не мертв, и не глух, и не нем, ура! Он выкинет северный мусор! Он дышит, пылает и он придет, он придет! Мэриленд, мой Мэриленд!

— Хорошо поют, Свинерд, хорошо поют! — говорившим был Нед Мейтленд, новый командир Легиона, пришпоривший лошадь в сторону Свинерда. Тот был пешим, потому что его лошадь, единственный предмет роскоши, которым он обладал, отдыхала. Людям вроде Мейтленда нужны были три ездовые лошади и четыре вьючных мула для пожитков, чтобы окружить себя комфортом во время кампании, но Свинерд отказался от всей этой мишуры. Он владел лошадью, потому что командующий бригадой иначе не справился бы со своей работой, и унаследовал палатку и слугу от Таддеуса Бёрда, но палатка принадлежала армии, а слуга, слабоумный по имени Хирам Кетли, должен был вернуться на службу к Бёрду, как только тот поправится от полученной у Кедровой горы раны.

— А что вы будете делать, Мейтленд, когда вернется Бёрд? — спросил Свинерд, поддразнивая самоуверенного Мейтленда, приехавшего на войну с двумя палатками,

четырьмя слугами, бадьей для принятия ванн и серебряными столовыми приборами, которыми он ел отварные овощи.

— Я слышал, что он не вернется, — ответил Мейтленд.

— А я слышал, что вернется. Его жена написала Старбаку, что он поправляется, и когда он вернется, вам придется отдать ему Легион. Он его настоящий командующий.

Мейтленд отмахнулся.

— Есть куча других вакансий, Свинерд.

— Думаете, меня могут убить, да? Рассчитываете стать командующим бригадой? Похоже на то, Мейтленд, отвечу за вас. Во сколько обошелся этот мундир?

— Достаточно дорого, — Мейтленд вел себя безмятежно и редко заглывал наживку Свинерда, возможно потому, что знал — его связи в Ричмонде обеспечат ему спокойное продвижение по службе до высших армейских чинов. Главным трюком, по мнению Мейтленда, было получить достаточно военного опыта, чтобы придать этому продвижению правдоподобие, достаточно, но не более того. Он вытащил из седельной сумки бинокль и направил его на противоположный берег, в Мэриленде, где Свинерд увидел, как в реку вошел эскадрон кавалеристов Стюарта. Всадники зачерпывали шляпами воду и брызгали ей друг в друга, как дети. Армия пребывала в праздничном настроении.

— Вот бы у Легиона по-прежнему был оркестр, — сказал Свинерд, когда ближайшие музыканты в энный раз начали играть "Мэриленд, мой Мэриленд". — Раньше он у нас был, но пропал. По крайней мере, пропали все инструменты.

— Похоже, у Легиона много чего пропало, — легкомысленно заявил Мейтленд.

— Что вы имеете в виду, интересно? — спросил Свинерд, пытаясь скрыть вызванное снисходительным тоном Мейтленда раздражение. Свинерд не был уверен, что Мейтленд намеревался произвести именно то впечатление, которое у него получилось, но выглядел он высокомерным человеком, неодобрительно взирающим на всё, с чем встретится.

— Главным образом офицеры, — ответил Мейтленд. — Большинство офицеров, похоже, были произведены в это звание в последние несколько недель.

— Мы сражаемся, — заметил Свинерд, — а значит, офицеров убивают. В Ричмонде вы об этом не слышали?

— До нас доходили слухи, — мягко произнес Мейтленд, протирая линзы бинокля. — Но даже если и так, Свинерд, мне нужны люди получше.

— Которые знают, как есть галеты с помощью ножа и вилки? — предположил Свинерд. Мейтленд пропустил сарказм мимо ушей.

— Я говорю об уверенных в себе людях. Уверенность воодушевляет. Взять юного Мокси. Какая жалость, что он уехал.

Капитан Мокси отправился в Ричмонд, чтобы служить адъютантом Вашингтона Фалконера.

— Мокси был бесполезен, — заявил Свинерд. — Если бы я собрался воевать, Мейтленд, мне хотелось бы иметь дело не со слабаками вроде Мокси, а с людьми вроде Ваггонера и Траслоу.

— Но едва ли их можно назвать вдохновляющими, — язвительно отметил Мейтленд.

— Победа — лучшее вдохновение, — ответил Свинерд, — а люди вроде Траслоу ее приносят.

— Возможно, — признал Мейтленд, — но я бы положился на Мокси. Или на этого парня Тамлина.

Свинерду пришлось на секунду задуматься, кто такой Тамлин, а потом он вспомнил человека из Луизианы, заявившего, что он был в плену на Севере со времен падения Нового Орлеана.

— Вам он нужен? — удивился он.

— Он кажется достойным человеком, — сказал Мейтленд. — И готовым служить.

— Вы так думаете? Мне кажется, для человека, который провел пять месяцев в тюрьме у янки, он выглядит слишком упитанным, но наверное, наши бывшие собратья могут позволить себе хорошо кормить пленных. Я бы назвал юного Тамлина скользким типом.

— Он уверен в себе, это точно, — отозвался Мейтленд. — Полагаю, вы послали его в Ричмонд?

— В Винчестер, — сказал Свинерд. Винчестер в долине Шенандоа являлся базой снабжения кампании, и все оставшиеся вне подразделений военные пересылались туда, чтобы получить новое назначение. — По крайней мере, его не навязжут бедняге Старбаку, — добавил Свинерд.

— Старбак мог бы считать себя счастливым, если бы навязали, — ответил Мейтленд, снова наставив бинокль на противоположный берег. Тот берег густо зарос лесом, но за деревьями Мейтленд видел вражеские угодья, залитые ярким солнечным светом.

— Если Старбаку повезет, — произнес Свинерд, — он вернется в бригаду. Я потребовал, чтобы его батальон прислали к нам, если его прикомандируют к армии.

Мейтленд поежился при мысли, что снова встретится с Желтоногими. Его назначение командующим этого батальона было низшей точкой карьеры, и лишь энергично дергая за все ниточки он смог спастись.

— Сомневаюсь, что мы их увидим, — сказал он, не в силах скрыть облегчение. — Они не готовы выступить в поход и не будут готовы еще многие месяцы.

И никогда, подумал он, если полковник Холборроу этим займется.

— И с какой стати они вообще нам нужны? — добавил он.

— Потому что мы христиане, Мейтленд, и никого не можем отвергать.

— Кроме Тамлина, — едко отозвался Мейтленд. — Выглядит так, словно они для нас годятся, Свинерд.

К бригаде скакал посыльный. Лошади с брызгами тянули через брод экипаж из госпиталя под аккомпанемент ободрительных криков со стороны ближайших войск. В этом экипаже находился Роберт Ли, поранивший руки, пытаясь успокоить испуганную лошадь. Раненый командующий, подумал Свинерд, не есть хорошее предзнаменование, но он отмел эту языческую мысль, когда к Мейтленду подъехал гонец, решивший, что этот элегантный подполковник и есть командующий бригадой.

— Вот тот, кто вам нужен, — Мейтленд указал на Свинерда.

Посыльный привез приказ бригаде Свинерда пересечь реку, и тот, в свою очередь, оказал Легиону честь повести бригаду на землю Севера. Полковник шел мимо построенного в колонну поротно Легиона.

— Помните, ребята, — снова и снова восклицал он, — никакого мародерства! Никаких грабежей! Выписывайте расписки за всё, что берете! Покажите им, что мы христианская страна! Вперед!

Первая рота Траслоу подождала, пока по броду прошлепает батарея южнокаролинских пушек, а потом направилась на дорогу и вниз по грязному склону в воду. Знаменосцы шли с единственным флагом Легиона, который нес лейтенант Коффмэн, пытаясь держать боевое

знамя высоко, несмотря на ветер, пока его хилое тело боролось с бурлящим течением Потомака по пояс в воде. Он храбро двигался вперед, словно исход всей войны зависел от того, удержит ли он знамя с бахромой над водой. Многие солдаты спотыкались, не из-за ран, а потому что до мозолей натерли ноги в дрянных башмаках, и прохладная вода была для них словно целительный бальзам. Некоторые, однако, отказались переходить реку. Свинерд задержался, чтобы поговорить с полудюжиной подобных солдат под предводительством сухопарого капрала из четвертой роты. Его звали Барридж, и он был хорошим солдатом и постоянным посетителем молитвенных собраний полковника, но теперь, как всегда уважительно и упрямо, Барридж настаивал, что не должен подчиняться приказам Свинерда.

— Не наше дело идти на север, полковник, — твердо заявил он.

— Ваше дело — подчиняться законному приказу, Барридж.

— Нет, если он идет вразрез с совестью, полковник, и вам это известно. Для нас законно защищать свои дома, а не атаковать чужие. Если какой-нибудь янки сунется на юг, я убью его для вас, но не пойду на север устраивать резню, — объявил Барридж, и его товарищи закивали в знак одобрения.

Свинерд приказал отвести этих солдат назад, туда, где военная полиция собирала других таких же, которые не желали расширять войну за пределы своей родной земли. Свинерду жаль было терять этих шестерых, потому что они были среди лучших в бригаде, но этот спор он бы никогда не выиграл, так что попрощался с ними и последовал за Легионом через реку. Некоторые окунулись с головой в воду, чтобы слегка вымыть волосы, но большинство поспешило на северный берег, взбираясь на землю Мэриленда, потом они пересекли мост через Чесапикский залив и канал Огайо, которые лежали сразу за рекой. И вошли на территорию врага.

Это было прекрасное место с благоустроенными фермами, хорошей лесистой землей и невысокими холмами, пейзаж ничем не отличался от того, который они покинули, только эти холмы, фермы и леса управлялись вражеским правительством. Здесь развеялся другой флаг, и это придавало остроту ничем не примечательному сельскому пейзажу. Не то чтобы большинство солдат из пяти полков бригады Свинерда считали Мэриленд врагом, они скорее считали его рабовладельческим штатом, который принудили остаться в Союзе из-за географического положения, и многие надеялись, что вторжение конфедератов привлечет толпу новобранцев под флаги с диагональным крестом мятежников. Однако как бы ни симпатизировал Мэриленд мятежу, он всё же был вражеским штатом, и то тут, то там над фермами с вызовом развевались звездно-полосатые флаги, показывая, что это территория янки.

Но гораздо больше было флагов Конфедерации, в основном самодельных, с блеклыми цветами и нечетким изображением, но они приветствовали армию Ли, и когда после полудня солдаты Свинерда проходили по Бакистауну, небольшая толпа, радуясь прибытию мятежников, уже охрипла от криков. У дороги расставили ведра с водой и лимонадом, а женщины разносили вдоль усталой колонны подносы с печеньем. Пара домов в Бакистауне была заперта, а ставни захлопнуты, но основная часть деревни приветствовала вторжение. Пока колонна шла по городу, оркестр из Техаса играл неизбежный "Мэриленд, мой Мэриленд". Мелодия стала отрывочной, превратившись в какофонию звуков, когда местные жители снабдили музыкантов сидром, пивом и виски.

Бригада ковыляла дальше, стоптанные башмаки поднимали клубы белой пыли, дрейфующие с легким ветерком на запад. В миле от Бакистауна вдруг где-то далеко на

востоке послышался треск стрельбы, и некоторые солдаты потянулись за своими потрепанными винтовками, словно готовясь к сражению, но больше выстрелов не последовало. Впереди простиралась щедрая и спокойная местность, греясь в теплых лучах летнего солнца. Господь был в небесах, и в мире всё казалось прекрасным, а армия Ли шла на север.

Старбак шагал по Ричмонду. Оставив Люцифера с небольшим багажом и письмом к Дилейни в доме Салли, он повел Марту Поттер на экскурсию по всем питейным заведениям Ричмонда. Официально спиртные напитки были под запретом, но с тем же успехом правительство могло запретить дышать.

Старбак начал с наиболее уважаемых заведений, расположенных вблизи станции железной дороги Ричмонда-Питерсберга на Бёрд-стрит. Именно там Марта видела мужа в последний раз. Старбак отбросил посещение борделей, рассудив, что пьяного мужчину в течение трех дней ни одна шлюха терпеть не будет, им было бы куда проще обчистить карманы Мэтью Поттера в первую же ночь и бросить где-нибудь на улице на попечение военной полиции. Протрезвевшего офицера тут же отправили бы в лагерь "Ли". Если он до сих пор не прибыл, значит, лейтенант находился в алкогольном раю — или того хуже.

Старбак последовательно понижал ранг посещаемых питейных заведений. Поначалу места, в которые он совался, еще претендовали на некую степень утонченности высшего общества, но чем дальше, тем хуже становились и обстановка, и алкоголь. Он постучался в дюжину заведений на Локуст-Элли, но и там следы пропавшего лейтенанта не обнаружилось. Затем поиски привели его на Мартин-стрит, из окон тамошних домов высывались шлюхи, и Марта покраснела:

— У него бы не хватило денег пить все эти дни, сэр.

— А вдруг, кто его знает, — возразил Старбак.

— В моем кошельке валялось не больше трех долларов.

— На три доллара можно надолго застрять в этом городке, мэм, — ответил Старбак. — Я полагаю, у него был с собой китель? Пара башмаков, револьвер?

— Да, всё это.

— Тогда он мог продать все свои вещи и пить три месяца подряд. Ад его заberi, — выругался он, затем извинился: — Простите мои выражения, мэм, но он должен быть там. В Аду. Думаю, вас лучше отвести к мисс Салли.

— Я иду с вами, — настояла Марта. Несмотря на застенчивость, девушкой она была упрямой, и Старбаку ни за что не удалось бы убедить ее оставить поиски.

— Мэм, в Аду беспокойно.

— А вдруг он ранен?

А вдруг он мертв, подумалось Старбаку.

— Мэм, я настаиваю.

— Настаивайте, сколько влезет, сэр, — упрямылась Марта, — но я иду. А если вы не возьмете меня, я просто пойду за вами.

Старбак извлек револьвер и проверил, на месте ли все пять капсулей.

— Мэм, — сказал он, — место, в которое я иду, неспроста назвали Адом. Оно находится в Скримерсвиле. Отвратительные названия, мэм, и места тоже отвратительные.

Даже военные полицейские меньше чем ротой туда не ходят.

Марта нахмурилась:

— Там преступники? — спросила она.

— Можно и так сказать, мэм. Дезертиры, полно ворья и до чёрта рабов. Только это не смиренные рабы, мэм. Они с металлургического завода Тредегара и крепки, как те шгуковины, что они там ворочают.

— Какого черта, — сказала Марта, — я ниггеров не боюсь.

— А следовало бы, мэм.

— Я иду с вами, майор.

Он повел ее вниз по холму, мимо похожего на сарай заведения Джонни Уоршама, где столы для карточных игр сгрудились рядом со сценой, на которой танцевала труппа девушек, в перерывах развлекавая клиентов наверху. Двое чернокожих в котелках на голове охраняли вход и холодно и бесстрастно взглянули на Старбака. Он провел Марту по деревянному мосту, перекинутому через запруженный нечистотами ручей, а потом в переулок, идущий между сырыми кирпичными стенами.

— Вы неплохо знаете город, да, сэр? — спросила Марта, поднимая юбки, чтобы перешагнуть через валяющийся на мостовой зловонный мусор.

— Я служил здесь несколько недель в военной полиции, — объяснил Старбак. То были малоприятные недели, которые закончились тюремным заключением по подозрению в шпионаже в пользу Севера. Робкий коротышка-офицер по имени Гиллеспи превратил жизнь Старбака в тюрьме в ад, и Нат лелеял планы ему отомстить.

Он перешагнул через груды отбросов и завернул на безымянную улицу. Здесь висело тяжелое зловоние металлургического завода, а грохот из доменных печей перекрывал звуки бегущей неподалеку реки, ныряющей в быстрины. В дымном сумраке лежала дюжина рабов, которые подняли бутылки со спиртным в ироническом приветствии, когда мимо прошел Старбак.

— Почему они не на работе? — удивилась Марта.

— Их труд очень тяжел, — ответил Старбак. — Нельзя пороть человека, который тяжело трудится, мэм. Приходится давать им некоторую свободу, когда рабов отправляют на металлургический завод, они могут уходить и приходить по своему усмотрению. Пока они остаются здесь и не выходят в центр города, никто не возражает. Это их территория, а не наша.

— Но ведь Мэтью не мог сюда прийти, правда?

— Многие солдаты поступают именно так. Здесь нет никаких правил, а выпивка дешевая.

У угла стоял безумный проповедник в черном пальто по щиколотку, возвещая благие вести о том, что город посетил Христос, но никто его не слушал. В стельку пьяная женщина-карлица каталась по мостовой, распевая, но больше людей на улицах не было. Полдень был колдовским часом в Аду, когда солнце светило ярче всего и обитатели Скримерсвиля спали, готовясь к своим ночным занятиям. Старбак наугад выбрал таверну и нырнул внутрь. На скамейках скрючились несколько солдат, но Поттера среди них не было. Один предложил Марте доллар, чтобы она поднялась с ним наверх, а другой посмотрел на нее, похотливо вздохнул, а потом его вырвало.

— Я вам говорил, — сказал Старбак, выведя ее обратно на улицу, — что это не место для леди.

— Черт возьми, майор, — решительно заявила Марта, — настоящая леди не вышла бы замуж за Мэтью Поттера. И вообще, я и кое-что похуже слышала.

В этот день она и правда услышала кое-что похуже, но держалась поближе к Старбаку, пока они исследовали лачуги вдоль каналов, где находилась большая часть заведений Ада. Запахи вызывали тошноту: смесь угольного дыма, блевотины, нечистот и самогона. Их немедленно выпихнули из одного из заведений четверо чернокожих, игравших в карты. В углу помещения сидела худая белая женщина с покрытым синяками лицом. Когда вошел Старбак, она сплюнула, а один из мужчин поднял дробовик и ткнул им в лицо незнакомца.

— Она не хочет, чтобы вы здесь находились, мистер, — сказал чернокожий.

Старбак понял намек и попятился обратно в переулок.

— Я разыскиваю друга, — поспешно объяснил он.

— Но не меня, солдатик, и не их, — раб махнул в сторону своих приятелей, — и не ее, и никого, кто бы находился здесь, — он помолчал и окинул Марту долгим оценивающим взглядом. — Хотя она может войти.

— Не сегодня, — отозвался Старбак.

— Ему не следовало разговаривать так заносчиво, — запротестовала Марта, когда дверь захлопнулась. — И откуда у него ружье? Это не разрешено!

— Мэм, — вздохнул Старбак, — я объяснил вам, что здесь нет правил. Он с удовольствием бы затеял драку, и через минуту дюжина чернокожих от меня бы живого места не оставила.

— Так не должно быть.

— Изнанка Дикси, мэм. Сладкая свобода, — он мягко направил Марту ко входу в переулок, чтобы увести ее подальше от разъяренной женщины, которая гналась по улице за мужчиной, выкрикивая ему вслед оскорбления. Ссора разрослась, когда к ней присоединились соседи.

— Гравитация общества, — сказал Старбак.

— Что это значит?

— Это значит, что мы все идем вниз, мэм, пока не опустимся на самое дно.

— Некоторые и начали не слишком высоко.

— Так продолжайте подъем, мэм, продолжайте подъем.

Господи, подумал Старбак, если бы не армия конфедератов, он, наверное, оказался бы в этих трущобах. Он сбежал из Новой Англии из-за женщины, стал ради нее вором, и лишь разразившаяся война открыла ему возможности. Что бы он делал без войны, гадал Старбак. Стал бы клерком и искал утешения в дешевой выпивке и женщинах, наверное. А чем он займется, когда война закончится?

— Вы женаты? — внезапно спросила Марта.

— Нет, мэм,

Старбак распахнул дверь и обнаружил за ней арену для петушиных боев и виде круга, огороженного тюками соломы. По покрытому перьями и кровавыми пятнами полу бегали крысы, и Старбак наполнил хибару солнечным светом. На соломенных тюках, предназначенных для зрителей, спал военный, но он не был пропавшим лейтенантом.

— Мэтью хорош собой, — сказала Марта, осмотрев спящего, у которого недоставало одного глаза и большей части зубов.

— Поэтому вы и вышли за него? — спросил Старбак, вернувшись на улицу.

— Жениться на скорую руку, да на долгую муку, — всегда повторяла моя бабушка, —

печально заметила Марта.

— Я слышал подобный совет, — согласился Старбак и перешел на другую сторону улицы, открыв очередную хлипкую дверь. И за ней они обнаружили Мэтью Поттера.

Точнее, Марта узнала человека, спящего на деревянном полу крыльца, которое заскрипел под их шагами. Из-под досок врассыпную бросились крысы, побежав в сторону канала.

— Мэтью! — воскликнула Марта, встав на колени возле мужа, на котором не было ничего, кроме серых штанов.

Поттер не проснулся. Он застонал и завертелся во сне, но не открыл глаза.

— Я всё гадала, придет ли за ним хоть одна душа, — у двери крыльца появилась чернокожая женщина.

— И давно он здесь? — спросил у нее Старбак.

— Так давно, что я думала, он корнями врос. Любит выпивку, да?

— Я слышал, просто обожает.

Женщина вытерла нос уголком фартука и усмехнулась.

— Милый парень. Так славно говорит. Даже жаль его немного. Я даже накормить его пыталась, но он не желает есть, только спиртное лакает.

— Он продал вам свою сорочку, так?

— И китель, и ботинки. Всё, что имел.

— А револьвер?

— Он бы этого не сделал, сэр. Это же против закона, так? — она ухмыльнулась, и Старбак усмехнулся в ответ. — Говорит, что из Джорджии, — сказала женщина, уставившись на распростертого лейтенанта.

— Так и есть.

— Сын священника, да? Эти всегда хуже всех, — засмеялась женщина. — Он немного танцевал и даже стихи читал. Милые стишки, я бы всю ночь его слушала, да только он свалился. Это его жена?

— Да.

— Вот уж не повезло. Никогда не понимала, почему хорошие женщины выходят за дрянных мужчин.

— К счастью для нас, они поступают именно так, да?

Она улыбнулась.

— Собираетесь его забрать?

— Полагаю, что так.

— Что ж, он неплохо провел время. Он об этом не вспомнит, но так оно и было. Печально думать, что он, возможно, получит пулю янки, такой милый парень.

— Он не просыпается! — запричитала Марта.

— Проснется, — обещал ей Старбак и оттащил ее от мужа, заставив зайти в хибару. — Ждите здесь, — велел он, и как только увел ее с крыльца и закрыл дверь, взял Поттера за подмышки и сначала усадил его, а потом поставил на ноги. Это было не сложно, потому что Поттер был высоким, но хрупкого сложения и тощим как столб. Старбак прислонил лейтенанта к стене хибары.

Поттер наконец зашевелился.

— Сколько времени?

Как и сказала Марта, он обладал привлекательной внешностью, прямыми белокурыми

волосами и светлой недельной щетиной. Его вытянутое худое лицо с тонкими чертами придавало Поттеру вид страдающего благородства, и когда он был трезв, вероятно, можно было предположить в нем одухотворенность и некоторую артистическую чувственность, но сейчас, когда он мучился от жуткого похмелья, лейтенант выглядел просто как побитый и несчастный щенок. И щенок очень молодой, решил Старбак, точно не старше девятнадцати. Лейтенант попытался поднять голову и вяло моргнул.

— Здравствуйте, — только и смог он сказать.

Старбак с силой врезал ему в живот, так что даже выдохнул от усилия, и Поттер широко открыл глаза, а потом согнулся пополам. Он чуть не упал, но Старбак отпихнул его обратно к стене и предусмотрительно отошел в сторону, когда Поттера вырвало. Старбак сделал еще шаг в сторону, чтобы брызги блевотины не попали ему на ботинки.

— Иисусе, — пожаловался Поттер, вытерев рот. — Вы чего?

— Встать, лейтенант.

— О, Иисусе. Господи Иисусе, — попытался распрямиться Поттер. — Боже милостивый, — застонал он от приступа головной боли. Он смахнул с лица длинную прядь волос. — Вы кто? — спросил он. — Назовитесь.

— Твой лучший друг, сукин ты сын, — ответил Старбак. — В твоём желудке еще что-нибудь осталось?

— Больно, — сказал Поттер, потеряв желтоватую кожу в том месте, куда Старбак его ударил.

— Встань прямо, — рявкнул Старбак.

— Я солдат! Солдат! — воскликнул Поттер, сделав слабую попытку встать по стойке смирно. — Господь хочет, чтобы я стал солдатом, — его снова затошнило. — О Боже.

Старбак оттолкнул его к стене.

— Стой прямо, — велел он.

— Дисциплина, — произнес Поттер, попытавшись выпрямиться. — Лекарство от всех моих недугов.

Старбак схватил Поттера за длинные светлые волосы и припечатал его к стене, тем самым заставив лейтенанта взглянуть ему в глаза.

— Что тебя излечит, сукин ты сын, так это забота о жене.

— Марта? Она здесь? — немедленно приободрился Поттер, оглядываясь направо и налево. — Я ее не вижу.

— Она здесь. И искала тебя. Какого черта ты ее бросил?

Поттер нахмурился, силясь вспомнить события последних нескольких дней.

— На самом деле я ее не бросал, — наконец сказал он. — Я некоторое время просто шатался по улицам и не уделял ей внимания, это верно. Мне нужно было выпить, понимаете, и я встретил друга. Знаете, как это бывает? Вы приезжаете в незнакомый город, испытывая жажду, и первый, с кем сталкиваетесь, оказывается школьным приятелем. Думаю, это работа провидения. Будьте любезны, сэр, отпустите мои волосы, меня сейчас опять стошнит. Спасибо.

Он успел произнести последнее слово до того, как согнулся пополам и испустил последнюю жалкую порцию блевотины. Он застонал, закрыл глаза и снова медленно принял вертикальное положение.

— Теперь всё, — убедительно заявил он и посмотрел на Старбака. — Я вас знаю?

— Майор Старбак.

— Ах Старбак! Известное имя! — сказал Поттер, и Старбак уже приготовился выслушать очередные нападки на своего отца, знаменитого врага Юга, но Мэтью Поттер имел в виду другого Старбака. — Первый помощник капитана на "Пекоде" [\[4\]](#), правильно?

— Считай меня капитаном Ахавом, лейтенант.

Поттер тут же бросил взгляд на ноги Старбака.

— Не многовато ли ног для этой роли? Или одна из них костяная? — хихикнул Поттер и вздрогнул от пронзившей его боли.

— Мне следует обрадоваться нашей встрече?

— Да, черт возьми, еще как. А теперь пошли, сукин сын, мы будем драться на дуэли.

Поттер в ужасе уставился на Старбака и покачал головой.

— Это не для меня, сэр. Точно не для меня. Я не возражаю против драки, но только не на пистолетах на заре.

— Она на саблях и на закате. Пошли! Не наступай сюда!

Но было уже слишком поздно. Поттер поставил босую ногу на лужу блевотины, поморщился и последовал за Старбаком в таверну, где взволнованная Марта бросилась в слабые объятия мужа. Старбак подумывал выкупить ботинки и сорочку лейтенанта, но потом решил не тратить деньги попусту. Поттер мог получить обмундирование со складов лагеря "Ли", а до этого времени обойтись без рубашки и ботинок.

Он убедил лейтенанта, который теперь преисполнился угрызениями совести, выйти на улицу. Марта вела Поттера под руку, а тот пытался объяснить свое поведение.

— Я не специально, моя дорогая, непредумышленно, как сказали бы адвокаты. Это была просто прихоть, случайная идея, дружеский жест ради старого приятеля. Томас Снайдер, вот как его зовут, и он может засвидетельствовать чистоту моих мотивов. Нынче он артиллерист, как он мне сказал, и частично оглох. Из-за всего этого грохота, понимаешь? Как бы то ни было, я просто составил ему компанию. Мы вместе учились в школе, зубрили букварь Макгаффи, вместе суммировали, вычитали и делили, вместе и напились, за что я приношу свои извинения. Больше такого не случится до следующего раза. О Боже, неужели и правда придется идти?

— Придется, — отозвался Старбак.

— Я не люблю сильных и шумных людей, — заявил Поттер, но послушно поплелся за Старбаком вверх по холму в сторону Мейн-стрит. — Армия полна сильных и шумных людей. Эта жизнь их привлекает. Полагаю, поесть ты ничего не захватила, мой птенчик? — поинтересовался он у Марты.

— Нет, Мэтью.

— Или хоть глоточек выпить?

— Нет, Мэтью!

— Воды, дорогая, просто воды. Минутку, капитан Ахав! — воскликнул Поттер, оторвался от жены и поковылял через улицу в сторону лохани с водой для лошадей, у которой уже находилась потрепанная ломовая лошадь. Поттер встал рядом и окунул лицо в воду, плеснув ею на волосы, а потом начал жадно пить.

— Мне так стыдно, — сказала Марта.

— Мне он нравится, — ответил Старбак, и произнося эти слова понял, что говорит правду. — Действительно нравится.

Поттер выпрямился и рыгнул. Он извинился перед лошадьё, похлопав ее по шее, и нетвердой походкой зашагал обратно к жене.

— Мой отец, — обратился он ко Старбаку, — всегда отстаивал ту точку зрения, что осознание своих ошибок ведет к исправлению, но я не вполне убежден в этой истине. Могу ли я исправиться, осознав, что меня снедает вечная жажда, что я слишком образован и ненадежен? Думаю, что нет. Не могли бы вы оба простить меня на еще одно волнующее мгновение? — он подошел к ближайшей стене, расстегнул штаны и шумно пустил струю на кирпичи. — Ох, боже ты мой, — произнес он, подняв глаза, — в одно место заливается, а из другого выливается.

— Так стыдно, — прошептала Марта.

— Ты сказала "стыдно", о свет моей беспросветной жизни? — громко прокричал Поттер от стены. — Стыдно? Разве поэты не пишут? Разве помазанный на царствие король не опустошает свой мочевого пузыря? Разве Джорд Вашингтон не мочится? Неужели Господь наш избавлен от необходимости пускать струю?

— Мэтью! — возмутилась шокированная Марта. — Он совершенен!

— А это, любовь моя, была совершенная струя, — он повернулся к ним, застегивая штаны, и повелительно махнул Старбаку. — Вперед, капитан Ахав! Смерть Моби Дику! Пусть настигнет нас кара божья, если мы не настигнем и не убьем Моби Дика! Вперед, соратники!

Салли, как и обещала, ждала у ювелирного магазина "Митчелл и Тайлер" на Мейн-стрит, а с ней, как и надеялся Старбак, был Бельведер Дилейни. Адвокат был одет в один из тех дорогостоящих мундиров, что он заказал в мастерской Шаффера, но никакое портняжное искусство не могло скрыть совершенно невоенное нутро Дилейни. Он был невысоким, пухлым и добродушным человеком, чьи таланты заключались в том, чтобы делать деньги и потешаться над слабостями других. Официально он являлся капитаном юридического отдела Военного департамента Конфедерации, и этот пост, похоже, не требовал никаких усилий кроме получения жалования и ношения военной формы, когда это было удобно. В тот день он щеголял майорскими звездочками.

— Вы получили повышение? — спросил Старбак, радостно поприветствовав старого приятеля.

— Я посчитал это звание соответствующим, — величественно заметил Дилейни. — Кажется, никто не обладает полномочиями ни повысить меня, ни понизить, так что я сам выбрал подходящее своим достоинствам звание. В свое время, прямо как заполненный газом воздушный шар, я поднимаюсь до самых головокружительных высот. Дорогой Нат, вы выглядите ужасно! В шрамах, в грязи, каким-то потрепанным. Именно до этого доводит военная служба?

— Да, — ответил Старбак и представил голого по пояс лейтенанта Поттера, который, похоже, испугался Дилейни. Марта нервно пожала адвокату руку и отступила, прижавшись к своему опозоренному мужу.

— Сюда, — сказала Старбаку Салли, и они направились по Мейн-стрит на восток, — тебе понадобится это, — она протянула ему одну из сабель Лассана.

Старбак пристегнул ремень с саблей к поясу.

— Вы что-нибудь нашли? — спросил он Дилейни.

— Разумеется, я ничего не нашел, — раздраженно буркнул адвокат. — Я не детективное бюро, а простой стряпчий, — Дилейни помедлил, чтобы приподнять фуражку, приветствуя проходящего мимо знакомого. — Но вполне очевидно, чем занимается Холборроу. Использует Специальный батальон как дойную корову. Кормит его объедками и получает с

этого прибыль. Он не хочет, чтобы батальон отправился на войну, потому что это будет означать потерю дохода.

— Что это значит? — спросил Старбак.

Дилейни вздохнул.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это ведь очевидно, разве нет? Правительство отправляет Специальному батальону ботинки, и Холборроу их продает другому полку, а потом пишет в правительство жалобу, что ботинки были с браком. Через некоторое время он получает новые ботинки и опять их продает. То же самое с винтовками, фляжками, шинелями и всем остальным, что он может выдоить из системы. Он действует с умом, чтобы его не разоблачили, но ясно, что именно в этом и заключается его игра. Вы действительно собираетесь драться на дуэли?

— Этот сукин сын бросил мне вызов, — воинственно ответил Старбак и, не в силах скрыть раздражения, снова взглянул на адвоката. — Так вы мне поможете? — спросил он. В тщательно составленном письме, которое он написал этим утром, Старбак поведал о своих подозрениях, что Холборроу украл и продал предназначенные Специальному батальону винтовки. Он надеялся, что Дилейни каким-то образом сможет найти этому свидетельства в Военном департаменте, но теперь его надежды рухнули.

— Я могу вам помочь, — сказал Дилейни, — в качестве адвоката.

— В смысле, пригрозите Холборроу?

Дилейни вздохнул.

— Вы такой несообразительный, Нат, просто безнадежно несообразительный. Чем я могу ему угрожать? Я ничего не знаю. Однако я могу кое на что намекнуть. Могу посеять сомнения. Могу притвориться, что знаю то, чего не знаю. Могу предположить, что будет проведено официальное расследование, а это вполне возможно, лишь возможно, и тогда он скорее решит прийти к соглашению, нежели раскроет мой блеф. Сколько в батальоне солдат?

— Сто восемьдесят девять.

— Ага, уже кое-что. Он получает пайков и жалованье на двести шестьдесят, — Дилейни улыбнулся, заметив то, чем может воспользоваться. — Скажу вам вот что. Холборроу не был ранен пулей янки. Искалеченная нога — результат падения с лошади, и всё не так плохо, как он прикидывается. Он не хочет отправиться на войну, понимаете? Вот и разыгрывает раненого. Всё, чего он хочет — это вести безопасную и прибыльную войну в тучном Ричмонде, и полагаю, пойдет ради этого на многое. Но чего хотите вы, Нат?

— Вы знаете, чего я хочу.

— Две сотни винтовок? — Дилейни покачал головой. — Они давно проданы. Сомневаюсь, что Холборроу сможет вернуть хотя бы пятьдесят, но приложу все усилия. Но вы и впрямь хотите, чтобы вас отправили в армию Ли?

Такого было главное требование Старбака — чтобы Холборроу подтвердил, что Специальный батальон готов сражаться и его можно отправить на фронт.

— Почему? — с искренним удивлением спросил Дилейни. — Почему бы вам просто не воспользоваться дарованным Господом отдыхом, Нат? Разве вы недостаточно сражались?

Старбак не вполне был уверен в ответе. Какая-то его часть, огромная, темная и напуганная часть, боялась сражения, как ребенок боится ночных чудовищ, но он по-прежнему считал, что должен отправить свой батальон на войну. Нат сомневался, что сможет жить с осознанием того, что увиливает, пока другие дерутся, но дело было не только

в этом. Единственное, чем он обладал, так это воинской репутацией. У него не было семьи, богатства и какой-либо позиции в обществе кроме звания офицера Конфедерации, и если он предаст это звание, прячась от войны, то потеряет гордость. Он не хотел отправляться на фронт, но знал, что должен это сделать.

— Я солдат, — не к месту ответил он.

— Никогда вас не понимал, — весело произнес Дилейни, — но может, следующие несколько недель дадут мне ответ. Я и сам вступаю в армию Ли.

— Вы? — поразился Старбак. Он остановился в переулке и посмотрел на своего друга. — Вы идете в армию?

— Страна зовет! — высокопарно воскликнул Дилейни.

— Для чего?

Дилейни пожал плечами и пошел дальше.

— Это действительно была моя идея. Никто мне этого не приказывал, Нат, но мне пришло в голову, что это неплохая мысль. Ли вторгся на Север, вы в курсе? Что ж, так оно и есть, и там будет полно всяких сложностей, связанных с законом. Если кто-то украдет собственность врага, это является кражей? Для вас это может показаться тривиальным, но когда война закончится, придется улаживать массу тяжб между двумя юрисдикциями, и кажется вполне благоразумным попытаться это предвосхитить.

— Вы возненавидите военные действия, — сказал Старбак.

— Уверен в этом, — с готовностью согласился Дилейни.

По правде говоря, у адвоката не было ни малейшего желания присоединиться к армии Ли, но от кое-кого из Вашингтона пришел сердитый приказ, и Дилейни, убежденный в том, что Север выиграет войну, и не желавший стоять на стороне проигравших, взвесил свое будущее и решил, что дискомфорт короткой военной кампании послужит хорошей инвестицией. Он по-прежнему возмущался безапелляционным требованием Торна заняться шпионажем в штабе Ли, потому что Дилейни полагал, что может собрать все разведданные в уютных гостиных Ричмонда, а не в каком-нибудь грязном бивуаке в сельской глуши, и сомневался, что его посвятят во что-либо важное. Это была лишь потеря времени, как он считал, но Дилейни не осмеливался перечить Торну, если хотел получить по окончании войны награду из Вашингтона, и потому изобрел причину, чтобы вступить в армию Ли, и теперь со смесью ужаса и мрачных предчувствий готовился к поездке на север.

— Завтра утром, — провозгласил он, — Джордж собрал в дорогу немного вина и табака, так что мы не останемся совсем без удобств.

Джордж был его рабом.

— Вы просто чертов глупец, если везете на войну дорогое вино. Его украдут.

— Какая подозрительная точка зрения, — сказал Дилейни.

Он пытался скрыть свои страхи и радовался вечернему развлечению на ричмондской площадке для дуэлей. Дуэли были запрещены, но ричмондское общество противников дуэлей по-прежнему квартировало через два дома от дорогостоящего борделя Дилейни, занимаясь сбором средств и преследованием тех, кто участвовал в драке ради чести. Но благочестивые намерения сотен подобных обществ так и не привели к исчезновению дуэлей в Конфедеративных штатах. Ричмондская площадка для дуэлей находилась сразу за чертой города, у подножия холма Чимборасо, на котором растянулся военный госпиталь. Старбак повел своих спутников вверх по Эльм-стрит, по дощатому настилу через заполненный грязью и мусором Кровавый ручей, впадающий в реку Джеймс, и добрался до пустыря,

зажатого между отрогом холма и железной дорогой Йорк-ривер. Площадку для дуэлей, находящуюся в тени высокой и лишенной окон лесопилки, обрамляли низкие покрытые сажей деревца.

Экипаж полковника Холборроу стоял в конце ведущей с лесопилки дороги, а Холборроу с Деннисоном расхаживали взад-вперед по истоптанной траве, тем, где происходили дуэли.

— Поттер! — похромал вперед Холборроу, когда Старбак вышел на залитую последними косыми лучами солнца площадку. — Ты арестован! Слышишь меня, парень? Ты не будешь драться на дуэли! Ты отправляешься обратно в лагерь "Ли", где я разжалую тебя в рядовые, если не объяснишься. Где тебя носило весь день? Ты пьян, парень? Ну-ка дыхни!

— Я не Поттер, Холборроу, — сказал Старбак. — Вот Поттер, — он показал на полураздетого лейтенанта, облокотившегося на перила деревянного мостика, пересекавшего Кровавый ручей. — Жалкий пьяный сукин сын, да? А с ним его жена. Хотите поговорить с ними, пока я поучу Деннисона хорошим манерам?

Речь Старбака оказала именно тот эффект, который он ожидал. Озадаченная физиономия Холборроу поворачивалась от Поттера к Старбаку, но полковник не издал ни слова, лишь бессвязный возмущенный лепет. Старбак хлопнул полковника по плечу и направился к Деннисону.

— Готовы, капитан? — спросил он.

— Вы кто такой? — закричал ему вслед Холборроу.

Старбак посмотрел Деннисону в глаза и ответил:

— Майор Натаниэль Старбак, полковник, из Легиона Фалконера, а теперь командующий Вторым специальным батальоном. По мнению капитана Деннисона, проклятый янки, за которого не имеет смысла драться. Разве это не ваши слова, капитан?

Деннисон побелел, как полотно, но промолчал. Старбак, пожав плечами, расстегнул перевязь с саблей и скинул китель. Он извлек клинок и, бросив ножны на одежду, дважды со свистом взмахнул саблей в воздухе.

— Полагаю, капитан, это вы заставили полковника арестовать меня, — обратился он к Деннисону, — раз уж вы такой трус. Я знал, что драться со мной вам не захочется, но теперь-то у вас шансов нет, — он снова взмахнул клинком и улыбнулся в ответ на искаженное страхом лицо Деннисона. — В Йеле у нас был клуб фехтования, — доверительно сообщил он капитану, — там-то мы, чертовы янки, и учились драться, — сам Старбак не состоял в этом клубе, но говорить об этом сопернику было ни к чему. — Конечно, всякой европейской чуши там было сверх меры. Освобождение от захвата, действие на оружие противника, — он продемонстрировал впечатляющий крученный выпад. — Захват с четвертой позиции на вторую, — Нат, снова взмахнув клинком в очередном бессмысленном росчерке, вскинул оружие в приветственном жесте. — Готовы, Деннисон? — поинтересовался он. — У меня еще дела вечером, так что давайте заканчивать.

— Это Поттер? — полковник Холборроу, в спешке даже забыв про свою хромоту, подбежал к Старбаку: — Вы хотите сказать, это Поттер?

— Не стоит кричать, — укоризненно заметил Старбак. — Лейтенант Поттер в тяжелейшем похмелье, Холборроу. Я нашел жалкого сучонка в подворотнях Ада.

— Черт подери, — произнес так и не пришедший в себя от удивления Холборроу. — Тогда какого черта вы делали в "Ли"?

Старбак улыбнулся:

— Приглядывал за вами, Холборроу, чтобы доложить в Военный департамент. Видите вон того низкого, пухлого человечка? Это майор Бельведер Дилейни из департамента юстиции. Сегодня он мой секундант, но и от разговора с вами он тоже не откажется, — Старбак перевел взгляд на Деннисона. — Я передумал приводить с собой хирурга, капитан. Я знаю, что это противоречит дуэльному кодексу Уилсона [5], но сам я всегда считал, что дуэль можно завершить лишь смертельным исходом. Вы не согласны?

— Он из департамента юстиции? — Холборроу стукнул Старбака по руке тростью, указав на Дилейни.

— Его глава, — ответил Старбак, снова оборачиваясь к объятому ужасом Деннисону. — Готовы, капитан?

Холборроу снова стуком тросточки потребовал к себе внимания:

— Вы правда Старбак?

— Правда.

— Скользкий же вы сукин сын, — заметил Холборроу не без толики невольного восхищения.

— Рыбак рыбака видит издалека, — ответил Старбак.

— Не пожалуете ли в экипаж, полковник? — Дилейни присоединился к ним и указал в сторону коляски. — Мне кажется, дела, подобные нашим, лучше решать в обстановке приватности. Давайте оставим Старбака наедине с его мясницкими наклонностями? Он от них без ума, — Дилейни улыбнулся Деннисону, — но вот мне вид крови до ужина претит.

Холборроу забрался в экипаж. Дилейни последовал за ним, и дверца захлопнулась. Чернокожий кучер бесстрастно наблюдал со своего места за Старбаком, который снова взмахнул саблей.

— Готовы, капитан? — обратился Нат к Деннисону.

— Вы Старбак? — вяло поинтересовался Деннисон.

Старбак, нахмурившись, словно ища вдохновения, глянул налево и направо. Затем перевел взгляд на Деннисона:

— Сэр, — ответил он, — я — майор. Вы же — капитан, то есть жалкий кусок навоза, который зовется капитаном. Разве не так?

— Сэр, — проямлил жалкий Деннисон.

— Да, — ответил на его вопрос Нат, — я Старбак.

— С вами я не ссорился, — ответил Деннисон и, помолчав, добавил: — Сэр.

— Как бы не так, Деннисон, как бы не так. Какая разница, чью жену вы оскорбили? Собственно, та леди — не моя жена, — он махнул в сторону Салли, наблюдавшей с дальнего края. — Но она — мой близкий друг.

— Я не хотел оскорбить ее, сэр, — заявил Деннисон, отчаянно пытаясь избежать знакомства с изогнутым клинком Старбака.

— Вы, Деннисон, оскорбили меня тем, — жестко ответил Старбак, — что решили, будто бы можете унижать младшего по званию. Повторите подобное в моем батальоне еще раз, капитан, и я вашу задницу надеру до крови, а потом разжалую в рядовые. Вам понятно?

Деннисон секунду таращился на Старбака, затем кивнул:

— Так точно, сэр.

— А теперь обсудим ваш недуг, капитан, — продолжил Старбак.

Деннисон снова зыркнул на него, но с ответом не нашелся.

— Лишай здесь ни при чем, — сказал Старбак, — как и псориаз. Такого тяжелого

случая экземы я и подавно не встречал. Что же прописал вам ваш врач?

— Скипидар, — тихо ответил Деннисон.

Старбак плашмя приложил клинок к одной из поблескивающих язв на щеке Деннисона. Капитан дернулся от боли, но все же стерпел прикосновение стали.

— Это ведь не скипидар это, правда? — спросил Старбак. Капитан промолчал. — Это кротоновое масло, капитан, вот что это такое. Никакой доктор вам его не прописывал. Втираете себе сами, а? Каждое утро, каждую ночь вы обрабатываете этим свою кожу, разве нет? Должно быть, больно до чертиков, но зато никто вас ни в жизнь не отправит на передовую, а? Кротоновое масло уберегает вас от пуль чертовых янки, да?

Деннисону не хватало духа даже посмотреть Старбаку в глаза, не говоря уже о том, чтобы ответить. Нат медленно провел клинком вдоль язвы. Он хорошо помнил кротоновое масло — отвратительное слабительное средство, которое лейтенант Гиллеспи вливал ему в глотку, пытаясь выбить признание в шпионаже. На щеках Старбака, там, куда попадало маслом, оставались язвы, похожие на оспинки. Было ясно, как день, что Деннисон использовал слабительное для имитации недуга, который оставил бы его в Ричмонде — в безопасности.

— А что дальше, капитан? — спросил Старбак. — Будете глотать ружейный порох, чтобы вызвать рвоту? Я в курсе всех подобных трюков, поганая скотина, всех до последнего. А значит, следующее, что вы сделаете — это выбросите к чертям ваше масло, понятно?

— Так точно, сэр.

— Выбросите масло, умоете лицо чистой водой — и я обещаю вам, что к моменту встречи с янки в бою вы будете настоящим красавчиком.

Деннисон усилием воли заставил себя посмотреть Старбаку в глаза. И взгляд его выражал ненависть. Человеком он был гордым, но его унизили. И всё же у него не хватало смелости восстановить свою гордость, сразившись с собственным командиром. Старбак поднял ножны и китель.

— Отношения у нас с вами не заладились, — сказал он Деннисону. — Но кроме нас никто не знает о том, что произошло, а я не скажу. Так что возвращайтесь в лагерь, капитан, приведите в порядок лицо и убедитесь наконец, что рота готова к сражению. Потому что именно это я планирую сделать с батальоном — заставить его сражаться.

Он хотел, чтобы эти слова прозвучали примирительно, но вместо благодарности в глазах Деннисона плескалась лишь горечь. Старбак почувствовал искушение дать капитану пинка, чтобы ублюдок катился к чертям и гнил в собственном убожестве. Но ему требовался каждый офицер. Да и с какой стати освобождать Деннисона от его долга? Он должен сражаться — так же, как и любой другой, защищая свою страну.

Внезапно распахнулась дверца экипажа, и Дилейни неловко спрыгнул на землю. За ним последовал полковник Холборроу, правда, гораздо медленней, с преувеличенной хромотой. Дилейни взял Старбака под руку и отвел его подальше, чтобы не услышали Деннисон и полковник.

— Мы с полковником достигли взаимопонимания, — объяснил он. — Он считает, что его долг, как патриота — освободить Конфедерацию от тяжелой и дорогостоящей обязанности расследовать детали его командования специальным батальоном, хотя, конечно, по его утверждению, всякое подобное расследование бессмысленно. И он, кстати, полагает, что под вашим командованием батальон славно проявит себя в сражении.

Старбак, услышав новости, ужаснулся. Он получил то, чего добивался.

— Так мы отправляемся на север?

— Вы ведь этого хотели? — спросил Дилейни. От него не ускользнула реакция Старбака.

— Да, — ответил Нат, — этого.

— Выступаете через два дня, — добавил Дилейни. — Не думаю, что Холборроу доставляет удовольствие видеть вас лишнюю минуту.

— Черт возьми! — выругался Старбак. Два дня! — А мои винтовки?

— Тридцать.

— Тридцать! — воскликнул Старбак.

— Нат, Нат! — Дилейни предостерегающе поднял руку. — Я ведь говорил, что не в моих силах решить этот вопрос. Остаток винтовок распродан, я это знаю и вы это знаете, но Холборроу ни за что в этом не признается. Но он говорит, что может достать тридцать хороших винтовок, так что проявите благодарность. Остальные придется украсть у врага. У вас ведь к этому талант?

Старбак снова выругался, но злоба его угасла, когда он обдумал сделку, заключенную Дилейни. Он всё же получил, что хотел — командование боевым подразделением. И каким-то образом за несколько дней ему предстоит превратить Специальный батальон в отряд, способный выстоять против янки. Черт, он превратит своих бойцов в настолько специальный батальон, что другие подразделения Конфедерации будут горько сожалеть, что они тоже не были штрафными батальонами.

— Спасибо, Дилейни, — неохотно выдавил он.

— Я прямо-таки оглушен вашей бурной благодарностью, — улыбнулся адвокат. — А сейчас, надо полагать, вы бы хотели славно провести вечерок за мой счет?

— Нет, — ответил Старбак, потому что если Желтоногим и правда предстояло отправиться на север, ему было чем заняться. Выучить солдат, найти им башмаки и сделать батальон эффективным, и чтобы сотворить это чудо оставалось всего два дня. Два дня, прежде чем они отправятся к ожидающим янки. Прежде чем Желтоногие вернутся на войну.

Глава пятая

Адам Фалконер никогда еще не чувствовал себя столь бесполезным и нежеланным, потому что всего через полдня в штабе Макклелана он понял, что ему совершенно нечем заняться. Некоторое время штаб упрямо оставался в Вашингтоне, и новый Наполеон настаивал, что кое-какие необходимые приготовления невозможно устроить с седла на поле битвы или по телеграфу, так что пока армия в синих мундирах медленно двигалась на запад, ее командующий спал в уютной постели в своем доме на Пятнадцатой улице. Когда войска ушли, на Вашингтон опустилась тревожная тишина, беспокойства добавляли и слухи о действиях мятежников. Поговаривали, что всадники в сером появлялись в Пенсильвании, в Огайо подожгли амбар, а в Филадельфии для обороны города собрали ополчение, но у этих слухов не было ни малейших твердых оснований. Никто не сообщал, что видел Ли или грозного Джексона, хотя газеты Севера рады были опубликовать любую искусную фантазию при образовавшейся нехватке реальных фактов. Говорили, что у мятежников сто пятьдесят тысяч человек, что они планируют взять Балтимор и нацелились на Вашингтон, что они направляются к Нью-Йорку и под угрозой даже Чикаго. Армия северян, расположившаяся неподалеку от Вашингтона, в зеленых полях Мэриленда, с жадностью читала газеты в ожидании Макклелана. А в это время новый Наполеон разъезжал по столице Союза оставляя визитные карточки в многочисленных фешенебельных домах, и на каждой картонке были тщательно выведены буквы РРС, которые озадачивали получателей, пока французский посол не объяснил, что эти буквы означают *Pour Prendre Cong?* и тем самым в вежливой манере сообщают о том, что военный покидает родной дом и отправляется на войну.

— *Pour Prendre Cong?!* — буркнул Адаму полковник Лайман Торн. — Кого он думает этим поразить, черт подери?

У Адама не было ответа. Его беспокоило, что всегда в присутствии Торна он словно бы терял дар речи. Ему бы хотелось произвести на полковника впечатление, но вместо этого Адам либо попадал в ловушку односложных ответов, либо вообще молчал. На сей раз он промолчал и лишь стукнул лошадь каблуками, чтобы она побежала еще чуть быстрее, а потом склонился к шее кобылы, когда она перепрыгивала через зигзагообразную изгородь.

Лошадь Торна приземлилась секундой позже кобылы Адама. Они ехали на запад по сельской местности, очевидно обезлюдившей, местности с аккуратными фермами, садами и осушенными полями.

— Где же все? — спросил Адам после того, как они проскакали мимо очередной безукоризненной и выкрашенной в белый цвет фермы с чисто подметенным двором и дровяником между вязами, где четко, словно солдаты на так любимом Макклеланом параде, рядами выстроились поленья, мимо свежеевыкрашенного колодца, но не заметили ни следа человеческого присутствия.

— Внутри, — отозвался Торн. — Разве вы не видите, как наверху колышутся занавески? Эти люди не глупцы. Где им еще быть, когда поблизости две армии? Вы спустите всё ценное в подвал, зароете наличные в огороде, зарядите дробовик, намажете грязью лица дочерей, чтобы не выглядели привлекательными, запряжете повозку и будете ждать, кто явится.

— Мятежники здесь не пойдут, — заверил Адам, прилагая все усилия, чтобы

поддерживать разговор с грозным Торном, но даже это бодрое замечание удостоилось презрительного ответа:

— К черту мятежников, где наши кавалерийские патрули? Черт возьми, Фалконер, Ли уже два дня как на Севере, а мы ни черта не знаем о том, чем он занят. И где наши разведчики? Эта местность должна ими просто кишеть. Они должны наступать друг другу на пятки, но Макклелан их не выпустил. Он не хочет, чтобы его драгоценным лошадям причинили вред, — насмешка Торна была преисполнена горечи и злости. — Малыш Джордж двигается вперед с той же скоростью, как девственница в казарме. А Ли напирает. Я показывал вам последний образчик выдумок Пинкертона?

— Нет, сэр.

Всадники остановились на вершине длинного зеленого холма, откуда открывался хороший вид на запад. Торн вытащил массивный бинокль, обтер линзы полый кителя и надолго всмотрелся вдаль. Он не заметил ничего тревожного и опустил бинокль.

— Пинкертона утверждает, что у Ли в Мэриленде сто пятьдесят тысяч человек, и считает, что еще шестьдесят тысяч размещаются чуть к югу от Потомака и готовы ринуться в атаку на Вашингтон, как только Макклелан бросится разбираться с Ли, — Торн сплюнул. — Ли не такой глупец. Не станет он растрачивать армию в атаке фортов Вашингтона! У него не хватит людей. Удивлюсь, даже если у него и шестьдесят тысяч есть, годных для драки, но без толку указывать на пугающие Джорджа факты, от этого он просто становится еще упрямей. Малыш Джордж верит в то, во что хочет верить, а он желает верить, что у противника больше солдат, потому что в таком случае не станет бесчестьем уклониться от драки. Черт возьми, дали бы они мне армию на недельку. Тогда бы к концу недели от мятежа ничего бы не осталось, это я вам обещаю.

Полковник замолчал и развернул карту. Адам отчаянно хотел понять, почему же армия не поставила Торна командующим, но не стал задавать этот вопрос, хотя потом полковник всё равно на него ответил.

— Я не вхожу в круг избранных, Фалконер. Не воевал в Мексике и не был в Вест-Пойнте, не проводил свой досуг в мирное время в лести придуркам в мундирах, рассказывая идиотские истории, как резал команчей. В мирное время я строил для армии казармы, так что якобы не должен ничего смыслить в военном деле. Я не вхожу в таинственное братство. Вы когда-нибудь видели, как малыш Джордж разглагольствует о военном деле? Он прямо рыдает! В глазах стоят слезы! — Торн насмешливо фыркнул. — К черту рыдания, пока вы не дадите людям повод проливать слезы. Нельзя выиграть войну без потерь, и многих потерь, кровь зальет страну от конца до края. А потом уж можно порыдаться. Но не надо всей этой белиберды про священные связи, братство, честь и долг. Наш долг — победить, только и всего.

— Да, сэр, — только и сказал Адам. Он не был уверен, что ему понравилась речь полковника, потому что Адам представлял войну как нечто мистическое. Он, конечно, знал, что в войне нет ничего хорошего, что это нечто ужасное, но когда она велась с честью и патриотизмом, то становилась благородной, и Адам не желал думать, что это лишь прикрытая мундирами резня.

Он взял протянутый полковником бинокль и послушно навел его в сторону запада. Он гадал, почему этот немолодой человек так внезапно появился в штабе армии и предложил столь долгую поездку по Мэриленду, но Адам, и сам одинокий, и представления не имел ни о степени одиночества полковника, ни о его страхах. Торн, наблюдая, как армию

возглавляли глупцы, боялся, что она растратит все силы, не успев победить в войне, и опасался, что никак не сможет предотвратить эту трагедию, но должен был сделать всё возможное.

— Один человек, — внезапно произнес он.

— Сэр? — Адам опустил бинокль.

— Один единственный человек может всё изменить, Фалконер.

— Да, сэр, — повторил Адам, поежившись от неуместности ответа и желая поспрашивать Торна о необычном шпионе, который назвал Торну имя Адама. Как Адаму с ним связаться? Или этому человеку с Адамом? Адам уже задавал Торну подобные вопросы и получил честный ответ, что Торн не знает, но Адам хотел бы вернуться к этому разговору в поисках любого намека на то, как он сможет стать полезным в этом деле.

Торн снова взял бинокль.

— Полагаю, это Дамаск, — сказал он, указывая на небольшую группу домов, притулившихся на вершине длинной гряды примерно милях в пяти, — и если мятежники двигаются на Вашингтон, а это не так, то они были бы там, — Торн сложил жесткую карту и засунул ее в карман. — Давайте пообедаем в Дамаске, Фалконер. Может, по дороге на нас снизойдет озарение.

Лошади поскакали рысью вниз по длинному зеленому склону, туда, где по брюхо в тихом ручье стояло стадо коров. Перед Адамом теперь простиралась широкая полоса тучной низменности, хорошо увлажненной, с сочной растительностью, где торчали рощицы и бежала сеть небольших ручьев. Без сомнения, когда-то здесь были только болота, но многие поколения тяжело трудились, чтобы их осушить, приручить и сделать пригодными, и Адам, глядя на результаты честного труда, преисполнился любовью к своей стране. Для Адама эта любовь была реальной, достаточно реальной, чтобы он покинул родную Виргинию ради борьбы за воссоединение Соединенных Штатов. Другие страны могли похвастаться более величественными обрядами, могущественными замками, великолепными соборами и просторными дворцами, но нигде кроме Америки, как пылко верил Адам, не было столько проявлений скромности, добродетели и честного труда. Это страна простого человека, и Адама желал, чтобы она таковой и оставалась, потому что считал, что ничто не стоит так дорого, чем простые, добытые усердием достижения.

— Грезите, Фалконер? — рявкнул Торн, и Адам мотнул головой, увидев, что со стороны рощи в миле впереди показались три всадника. Всадники в сером. — Вижу, у наших друзей есть тут кавалерийские разведчики, — сухо заметил полковник, осаживая лошадь, — так что похоже, мы всё-таки не перекусим в Дамаске.

Он вытащил полевой бинокль и осмотрел троих мятежников.

— Выглядят паршиво, это точно, но могу поклясться, что за карабинами хорошо ухаживают, — он поднял бинокль, чтобы взглянуть на гребень холма, где стоял Дамаск. Торн гадал, неужели он ошибся, и Ли продвигается к Вашингтону, и в таком случае полковник ожидал заметить присутствие на холмах артиллерии, но ничего не увидел.

— Всего лишь патруль, — пренебрежительно сказал он, — и не более того. Ли не двигается этим путем, — он развернул лошадь. — Нет смысла попадать в плен, Фалконер, — давайте вернемся.

Но Адам уже пустил лошадь вперед. Полковник снова повернулся.

— Фалконер! — рявкнул он, но Адам не обратил на него внимания. Он снова прищорил лошадь, и кобыла вскинула голову и подняла копыта, перейдя на галоп.

Три мятежника сняли карабины, но не стали целиться в одинокого всадника, скачущего к ним. Северянин не вытащил саблю и был без оружия, он просто скакал напрямик к врагам. Несколько секунд Торн гадал, не собирается ли Адам снова вернуться на юг, а потом юноша развернул лошадь, перепрыгнул через ручей и помчался под углом к вражеским разведчикам, которые внезапно поняли его намерения. Они заулюлюкали, как охотники, увидевшие в открытом поле лису, и пришпорили лошадей. Началась настоящая гонка. Адам бросил им вызов, и три мятежника приняли его, погнавшись за северянином. Эта сельская игра была стара как мир, только в этот день призом являлась жизнь, а наказанием — плен. Адам придержал лошадь, наблюдая через плечо, как три преследователя перешли на галоп. Он дразнил их, продолжая осаживать свою прекрасную кобылу, и лишь когда ближайший южанин находился в тридцати или сорока шагах, отпустил удила и предоставил лошади бежать во всю прыть.

Она просто летела. Это была не обычная лошадь, а одна из лучших лошадей конезавода Вашингтона Фалконера в городе Фалконер округа Фалконер, штат Виргиния. В кобыле текла арабская кровь, скрещенная с выносливой американской породой, и Адам доверял способностям отца выращивать отличных лошадей гораздо больше, чем его политическим суждениям. Он и сам заулюлюкал, словно эхом от безумных криков преследователей. В конце концов, это война! Вызов, гонка, состязание, нечто, что будоражит кровь и придает остроты скучным дням. Кобыла скакнула через ручей, снова набрала скорость, сделав три или четыре шага, и перепрыгнула через изгородь, а потом перешла на галоп по только что вспаханному под озимую пшеницу полю. Борозды усложняли ей бег, но казалось, она этого не замечает.

Торн наблюдал за гонкой, поскакав на восток, параллельно Адаму, и заметил в нем нечто большее, чем вялая обеспокоенность, которую молодой человек обычно демонстрировал. Но увиденное не вполне понравилось Торну. Он решил, что Адам будет искать острые ощущения, чтобы испытать себя, не ради забавы, не чтобы почувствовать вкус порока, а просто чтобы пройти через горнило собственных ожиданий. Адам, подумал Торн, с легкостью может себя погубить, чтобы доказать, что он достойный человек.

Но только не сейчас. Сейчас он унизил троицу хваленых кавалеристов Джеба Стюарта. Гонка по вспаханному полю увеличила разрыв между Адамом и преследователями, и он в очередной раз придержал лошадь, а три преследователя, увидев, как Адам намеренно замедлили бег, преисполнились еще большей решимости схватить насмехающегося врага. Они заметили, что его лошадь устала, ее бока побелели от пота, и южане посчитали, что еще через полмили она наверняка остановится, чтобы перевести дыхание, так что всадники вонзили шпоры и загикали свой охотничий призыв.

Адам поскакал еще медленней. Затем, выбрав направление, он внезапно стукнул каблуками и послал кобылу в сторону широкого ручья, извивающегося между крутыми берегами. Его обрамлял тростник, скрывая границу берега и воды, но Адам, который ездил верхом с того дня, когда впервые смог сесть на пони, не колебался. Он не въехал в поток на всей скорости, а позволил кобыле осмотреться и самой выбрать темп, а потом дотронулся каблуками до ее боков, чтобы дать понять, чего от нее ожидает. Наблюдавшему издалека Торну казалось, что кобыла двигается слишком медленно, чтобы перепрыгнуть поток, но внезапно она собралась и безо всяких усилий перелетела через широкий ручей. Адам позволил ей пробежать немного по дальнему берегу, развернул ее и остановился, чтобы взглянуть на преследователей.

Двое мятежников предпочли свернуть, а не перепрыгивать через ручей. Третий, храбрее товарищей, стукнул каблуками, пытаясь пересечь его в галопе. Лошадь начала прыжок с того же места, что и кобыла Адама, но приземлилась слишком близко, нырнув в заросли жесткого тростника. Ее передние ноги подкосились, а плечо ударилось с ломающей кости силой о противоположный берег. Всадник вылетел из седла и распростерся в ручье, проклиная раненую лошадь, пытающуюся встать. Животное снова покачнулось и заржало от боли в сломанной ноге.

Адам дотронулся до края шляпы в ироническом приветствии и развернулся. Ни один из двух уцелевших всадников не побеспокоился достать карабин, а третий, барахтавшийся в каше из грязи и воды, которую взбивала его раненая лошадь, вытащил револьвер, молясь, чтобы в результате купания не промок порох в заряженных ячейках барабана. Он взвел оружие, проклиная потерю лошади. Кавалеристы южан использовали собственных лошадей, и хороший конь был на вес золота. Теперь его лошадь была бесполезна, лишь испытывала боль, этот мерин со сломанной ногой больше ни на что не годился. Южанин схватил поводья и притянул к себе голову лошади. Он на мгновение заглянул в ее полные ужаса глаза, прицелился и выстрелил. По нагретой солнцем местности прокатилось эхо единственного выстрела, а лошадь с пулей в голове резко дернулась и затихла.

— Сукин ты сын, — сказал мятежник, наблюдая, как Адам спокойно уезжает, — чертов сукин сын.

Поезд пополз вперед, сцепки с лязгом дернулись, гармошкой передавая это движение по всему длинному составу, а потом он вновь остановился.

Стояла ночь. Машина некоторое пыхла, а потом смолкла. Шлейф посеребренного лунным светом дыма вился из пузатой трубы, плыл над темными полями и черным лесом. Где-то вдаль желтый огонек во тьме выдавал кого-то бодрствующего в ночи, но в остальном землю поглотила мгла, лишь кое-где прорезаемая отблесками луны. Старбак потер локтем окно и глянул наружу, но не смог ничего рассмотреть за окном, покрытым золотыми бликами мерцающих вагонных фонарей, поэтому поднялся и прошел между спящими на полу фигурами к тамбуру в задней части вагона, откуда смог бросить тревожный взгляд на дюжину вагонов в хвосте состава, где расположись солдаты его спецбатальона. Если кто-либо из его людей желал дезертировать, то неспешная ночная поездка предоставляла им отличную возможность, но местность по обе стороны остановившегося состава казалась пустынной. Он глянул назад в вагон, заметив, что капитан Деннисон проснулся и раскладывает пасьянс. Его лицо еще не зажило, но болячки подсохли, и через недели две не останется никаких следов губительного действия кроконового масла.

Прошло три дня с момента противостояния Старбака и Деннисона на дуэльной арене, три дня, за которые спецбатальон с трудом, но всё же ухитрился подготовиться к поездке на север, и уже добраться до станции Катлетт, где они сошли с поезда и прошагали пять миль по пересеченной местности до Гейнсвиля, где ждали, пока не появился поезд из Манассаса. Марш по пересеченной местности избавил батальон от хаоса Манассаса, где инженеры Конфедерации всё еще старались восстановить железнодорожный узел, отбитый у янки в прошлом месяце.

— Считайте, вам повезло, — сказал Холборроу Старбаку, — что вас послали поездом.

На самом деле, как было известно Старбаку, власти считали, что батальону не вынести длительного перехода на север. Они полагали, что солдаты или безнадежно отстанут и разбредутся или будут дезертировать целыми группами, поэтому батальон везли к месту боевых действий в относительной роскоши. К северу от Манассаса, с западной стороны Голубого хребта, на рассвете им предстоял двухдневный марш-бросок на север по главной дороге долины к Винчестеру, ставшему опорной базой Ли на время кампании по вторжению за Потомак.

Деннисон собрал карты, зевнул и перетасовал их привычным жестом. Старбак тайно наблюдал за ним. Деннисона, как он выяснил, растил дядя, наказывавший мальчика за то, что его родители умерли в нищете. Результатом явилась непомерная гордость Деннисона. Но эти сведения не прибавили Старбаку симпатий к капитану. Деннисон был врагом — простым и явным. Он был унижен Старбаком и отомстит при первой же возможности. Вероятно, во время сражения, отметил Старбак, и сама мысль о противостоянии снарядам и пулям янки незамедлительно заставила Старбак вздрогнуть. Малодушие грызло его, подтачивая уверенность.

Неожиданно заревел локомотив. Топку тут же открыли, и пламя печи ярко осветило поля, но свет померк, когда поезд с грохотом двинулся вперед. Мэтью Поттер пробрался сквозь переполненный вагон и распахнул дверь.

— Не думаю, что мы ехали со скоростью больше десяти миль в час с тех пор как покинули Ричмонда. Ни минуты, — сказал он.

— Это всё рельсы, — ответил Старбак. — Старые, неправильно подогнанные, расшатанные рельсы, — он сплюнул в ночь. — И можешь не сомневаться, янки двигаются нам навстречу не по негодным рельсам.

Поттер рассмеялся и протянул Старбаку прикуренную сигару.

— Я слышу отголосок северного превосходства?

— Там знают толк в прокладке железных дорог, и не сомневайся. Нам остается лишь молиться, что они не начнут делать хотя бы наполовину таких же хороших солдат, как наши, — Старбак затаился. — Я думал, ты спал.

— Не могу, — признался Поттер. — Должно быть, результат трезвости, — он вяло улыбнулся. Уже три дня он не брал в рот и капли спиртного. — Не могу сказать, что чувствую себя хоть на йоту лучше, — продолжил он, — думаю, даже похуже.

— С твоей женой всё в порядке? — поинтересовался Старбак.

— Спасибо, кажется, да, — ответил Поттер.

Старбак заставил Дилейни заплатить просроченную арендную плату Поттера и устроил Марту Поттер у родителей Джулии Гордон в Ричмонде. Сама Джулия жила в госпитале Чимборасо, где работала сестрой милосердия, и Старбаку удалось повидаться с ней лишь на считанные мгновения, но их хватило, чтобы лишить его покоя. Холодная рассудительность Джулии заставила его почувствовать себя приземленным, неловким и лишила дара речи, и он гадал, почему смог набраться отваги пересечь залитое дождем кукурузное поле, а вот храбрости признаться Джулии в том, что без ума от нее, ему не доставало.

— Выглядите несчастным, майор, — заметил Поттер.

— Марте будет довольно уютно с Гордонами, — ответил Старбак, не обратив внимание на замечание лейтенанта. — Мать иногда нестерпима, но преподобный Гордон — достойный человек.

— Но если она проведет долгое время в этом доме, — уныло протянул Поттер, — я

окажусь женатым на новообращенной христианке.

— Разве это плохо?

— Черт, это совсем не то качество, что привлекло меня в Марте, — в свойственной ему манере криво ухмыльнулся Поттер. Он оперся на поручни тамбура и принялся рассматривать проплывавшую мимо местность. Небольшие красные искринки кружились в столбе дыма паровоза, некоторые падали на землю, лежа словно приземлившиеся светлячки, которые таяли позади, пока поезд с пыхтением поднимался по восточному краю Голубого хребта. — Бедняжка Марта, — тихо вздохнул Поттер.

— Почему? — удивился Старбак. — Разве она не получила желаемое? Получила мужа, сбежала из дома.

— Ей достался я, майор, ей достался я. Жизнь несправедлива, — пожал плечами Поттер. Старбак обнаружил, что большая часть обаяния лейтенанта заключалась именно в таких откровенных признаниях своей ничтожности. Его приятная внешность и безнравственное поведение притягивали к нему женское сострадание как мотыльков к пламени свечи, и Старбак изумленно наблюдал, как над ним суетились Джулия и Салли. Но заботу о нем проявляли не только женщины, кажется, он пленял даже мужчин. Солдат спецбатальона не объединяло почти ничто, кроме общих обид, но все сплотилось в удивительном стремлении защитить Мэтью Поттера. Их удивляла его склонность потакать своим слабостям, они даже завидовали человеку, способному три дня беспробудно пить, и сделали джорджийца неформальным талисманом батальона. Старбак думал, что лейтенант станет обузой, но до сего момента он оказался лучшим, что случилось с презираемыми всеми Желтоногими, потому что Поттер получал удовольствие от самого существования.

Но для того, чтобы батальон сплотился, потребуется нечто большее, нежели один обаятельный негодяй. За те два дня до начала похода Старбак проявил максимум энергии. Он убедил полковника Холборроу выдать ботинки, обмундирование, фляги и даже удержанное жалование батальона. Он заставил солдат маршировать по дороге Брука и поощрил их сидром из таверны Брума после одного особенно изнуряющего марша, хотя и сомневался, что поощрение или опыт марша будут иметь большое значение, когда они присоединятся к знаменитому тяжелыми переходами войску Джексона. Он заставил зарядить допотопные ружья крупной дробью и стянул из лагеря "Ли" пару дюжин самых потрепанных палаток, используя их в качестве мишеней. Первый залп пронизал верхушки палаток, но оставил нижнюю часть совершенно нетронутой, и Старбак позволил солдатам осмотреть палатки.

— Янки не стоят на такой высоте, как верх палаток, — втолковывал он им. — Вы высоко целитесь. Цельтесь им по яйцам, ребята, даже в колени, берите ниже.

Они дали второй залп, и на этот раз он прошил истрепанное полотно на нужной высоте. Больше боеприпасов для подобной практики в стрельбе по мишеням Старбак выделить не мог, ему оставалось лишь надеяться, что Желтоногие не забудут преподанный урок, когда им навстречу двинутся солдаты в синих мундирах.

Он пообщался с солдатами, избегая разговоров о том, что они получили второй шанс, но уверяя, что в них нуждаются на севере.

— То, что с вами произошло на холме Малверн, — сказал он, — могло случиться с каждым. Дьявол, ведь подобное почти произошло и со мной в моем первом сражении.

Как он узнал, у холма Малверн часть батальона смешалась и побежала, когда снаряд янки накрыл лошадь полковника, который вел их в наступление. Лошадь разнесло в

кровавые ошметки, забрызгавшие лица центральных рот, и такого шокирующего знакомства с войной хватило, чтобы обратить перепуганных людей в беспорядочное бегство. Остальные, решив, что угодили в засаду, последовали за ними. Они не были единственным подразделением, необъяснимо бросившимся бежать, но на свое несчастье проделали долгий путь, отступая из самой гущи схватки на глазах у множества других батальонов. Позор намертво к ним пристал, и лишь сражение могло его смыть.

— Наступит день, — сказал батальону Старбак, — когда вы сможете гордиться своей принадлежностью к Желтоногим,

Старбак также поговорил с офицерами и сержантами. Офицеры оказались замкнутыми, а сержанты несговорчивыми.

— Люди не готовы сражаться, — заявил сержант Кейз.

— Никто не готов, — согласился Старбак, — но тем не менее, мы должны сражаться. Если будем дожидаться, пока полностью подготовимся, сержант Кейз, к этому времени нас уже захватят янки.

— Нас еще не захватили, — возразил Кейз, — и из того, что я слышал, сэр, — он сумел вложить в свою почтительную речь оттенок ядовитого презрения, — именно мы идем в наступление. Просто неправильно это, вести беделог на войну, если они не готовы сражаться.

— Я думал, от вас требуется привести их в боевую готовность, — возразил Старбак, необдуманно позволив вовлечь себя в перепалку.

— Мы делаем свою работу, сэр, — ответил Кейз, осторожно втянув других сержантов на свою сторону в этом споре, — и как вам скажет любой заправский солдат, сэр, хорошую работу сержанта не разрушит в одно мгновение звездный мальчик, — он наградил Старбака гнусной ухмылкой. — Звездный мальчик, сэр. Молодой офицер, желающий прославиться, сэр, и ожидающий, что его солдаты костями лягут ради его славы. Просто позор, сэр.

— Завтра выступаем, — ответил Старбак, проигнорировав Кейза. — Солдаты приготовят трехдневный паек и сегодня ночью разберут обмундирование, — он побрел восвояси, не обратив внимания на насмешку Кейза. Старбак знал, что оказался не на высоте в стычке с сержантом. Еще один противник, устало подумал он, еще один чертов враг.

— Так что же происходит? — поинтересовался Поттер, когда поезд медленно пополз в гору.

— Желал бы я знать.

— Но мы отправляемся воевать?

— Думаю, да.

— Но мы не знаем куда.

Старбак покачал головой.

— Доберемся до Винчестера и получим новые приказы. Так мне сказали.

Поттер затаился.

— Как вы считаете, люди готовы сражаться? — спросил он.

— А ты как считаешь? — в свою очередь спросил Старбак.

— Нет.

— И я тоже думаю, что нет, — признался Старбак. — Но если бы мы прождали всю зиму, готовности им бы это не прибавило. Загвоздка не в подготовке, а в настрое.

— Пристрелите сержанта Кейза, это их приободрит, — предложил Поттер.

— Дай им сражение, — сказал Старбак. — Подари им победу.

Хотя как достичь ее с такими офицерами и сержантами, он не знал. Будет своего рода чудом, если ему удастся довести солдат до поля битвы.

— Ты ведь был при Шайло? — спросил он Поттера.

— Был, — ответил тот, — но должен признаться, что всё прошло как в тумане. Нельзя сказать, что я был пьян, но и трезвым то состояние не назвать. Но я помню чувство радостного возбуждения, что несколько странновато, не считаете? Но подобное говорил и Джордж Вашингтон, помните? Когда описывал, как его пьянил свист пуль. Как думаете, может, все дело в нашем поиске источника возбуждения? Как у заядлых игроков?

— Думаю, ставок с меня хватит, — угрюмо протянул Старбак.

— Ах, — понимающе воскликнул Поттер. — У меня на счету лишь одно сражение.

— Дважды Манассас, — холодно сказал Старбак, — и Господь знает сколько оборонительных боев за Ричмонд, Лисберг, сражение у Кедровой горы. Небольшая стычка под дождем несколько дней тому назад, — он пожал плечами. — Достаточно.

— Но еще больше сражений на подходе, — заметил Поттер.

— Да, — Старбак сплюнул кусочек табака под колеса поезда. — И всё равно остаются сучьи дети, думающие, что мне нельзя доверять, потому что я янки.

— Тогда почему вы сражаетесь на стороне Юга? — поинтересовался Поттер.

— А вот это, Поттер, — ответил Старбак, — вопрос из числа тех, на которые мне нет нужды отвечать.

Оба умолкли, когда колеса состава заскрежетали при подъеме. Вонь горячей осевой смазки вагонов смешалась с ароматом дыма из топки паровоза. Они поднялись достаточно высоко, чтобы рассмотреть освещенные луной земли на западе. Мозаика крошечных огоньков выдавала местонахождение отдаленных деревень и ферм, а яркое свечение небольших пожаров от занявшейся травы показывало две изогнутые линии путей, пройденных поездом на пологом подъеме.

— Тебе когда-нибудь доводилось участвовать в стычках застрельщиков? — внезапно спросил Старбак.

— Нет.

— Как считаешь, справишься? — поинтересовался Старбак.

Поттер казался потрясенным столь серьезным вопросом.

— Почему я? — наконец спросил он.

— Потому что капитан застрельщиков должен быть независимым засранцем и не бояться принимать рискованные решения.

— Капитан? — удивился Поттер.

— Ты меня слышал.

Поттер затаился.

— Конечно, — согласился он.

— Получай свою роту, — продолжил Старбак. Сорок человек. Также получишь тридцать винтовок, — он размышлял об этом весь день и наконец решил рискнуть. Никто из четырех его действующих капитанов не произвел впечатления человека, способного взять на себя ответственность, но Поттер отличался нахальством, которое могло сослужить добрую службу в линии застрельщиков. — Ты знаешь, чем занимаются застрельщики?

— Понятия не имею, — ответил Поттер.

— Вы наступаете впереди батальона. Рассеиваетесь цепью, используете укрытие и подстреливаете чертовых стрелков янки. Беспощадно тесните сукиных детей, пока не

отбросите назад, и начинаете стрелять в главную цепь, пока не прибудет остальная часть батальона. Выиграй дуэль застрельщиков, Поттер, и ты на полпути к победе, — он замолк, втянув дым в легкие. — Не будем пока об этом объявлять, пока не пройдем день настоящего марша. Стоит посмотреть, кто из солдат сможет выдержать темп, а кто нет. Нет смысла ставить в стрелковую цепь слабаков.

— Полагаю, вы были застрельщиком? — спросил Поттер.

— Да, какое-то время.

— Тогда почту за честь.

— К дьяволу честь, — проворчал Старбак. — Просто оставайся трезвым и бей без промаха.

— Слушаюсь, сэр. — ухмыльнулся Поттер. — Марте польстит стать женой капитана.

— Так не разочаровывай ее.

— Боюсь, моя дорогая Марта обречена на вечные разочарования. Она верит, что возможно и даже и необходимо, чтобы все мы вели себя как примерные ученики воскресной школы. Она говорит, что честность — самая лучшая привычка, семь раз отрежь и один раз отмерь, не занимай и не давай займы [\[6\]](#), честность всего дороже, поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой, и всю эту высокопарную чушь, но я не уверен, что это возможно, когда страдаешь жаждой и недостатком воображения, — он выбросил из тамбура окурки сигары. — Вы когда-нибудь желали, чтобы война длилась вечно?

— Нет.

— А я да. Чтобы кто-то кормил меня, одевал, подхватывал, когда мои крылья сложаются. Знаете, что пугает меня, Старбак? Я боюсь мира, когда не будет больше армии — моей тихой гавани. Останутся лишь люди, ожидающие, что я буду зарабатывать себе на жизнь. Это тяжело, очень тяжело, действительно жестоко. Какого черта я буду потом делать?

— Работать, — спокойно ответил Старбак.

Поттер рассмеялся.

— А что вы будете делать, майор Старбак? — понимающе спросил он.

Дьявол меня разрази, если я знаю, подумал Старбак, дьявол меня заберет, если знаю.

— Работать, — сурово произнес он,

— Несгибаемый капитан Старбак, — изрек Поттер, но Старбак уже вернулся в вагон.

Поттер покачал головой и всмотрелся в убывавшую ночь, подумав обо всех поездах, везущих войска в синих мундирах навстречу этому, в одиночестве с грохотом ползущему и пытящему на своем пути на север. Безумие, подумал он, сплошное безумие. Мы для богов — что мухи для мальчишек [\[7\]](#). Он был готов расплакаться.

Если что и ужасало Бельведера Дилейни, так это страх, что его раскроют и схватят, потому что он слишком хорошо знал, какая судьба его ждет после этого. Камера в ричмондской тюрьме, безжалостные допросы, суд перед лицом презрительно глядящих людей и мстительная толпа с бледными физиономиями, жадно наблюдающая, как он стоит с веревкой на шее на высокой виселице. Он слышал, что некоторые мочатся в штаны во время повешения, и что если палач делает свою работу плохо, а так оно обычно и бывает, то смерть наступает после медленной мучительной агонии. Зеваки радостно загогочат, когда он обмочится, а веревка вопьется в его шею. Даже от одной этой мысли в кишечнике забурчало.

Он не был героем и никогда не представлял себя героем, он был просто сообразительным, аморальным и добродушным малым. Дилейни нравилось делать деньги, как и быть щедрым. Все считали его другом, и Дилейни заботился, чтобы так они и думали. Он не любил проявления злобы, оставляя ее лишь в мыслях о недругах, а если хотел кого-нибудь задеть, то делал это тайно, так, что жертва никогда бы не заподозрила, что причиной ее несчастий является Дилейни. Именно так Дилейни предал Старбака во время весенней кампании северян по захвату Ричмонда, и Старбак оказался на волосок от виселицы янки. Дилейни искренне сожалел об ожидающей Ната судьбе, но никогда не жалел о своей роли в этом деле. Дилейни обрадовался, когда Старбак вернулся, даже пришел в восторг, потому что Старбак ему нравился, но завтра он бы снова его предал, если бы решил, что может извлечь из этого предательства прибыль. Дилейни не только не испытывал дискомфорта из-за такого противоречия, но даже не считал это противоречием, просто судьбой. Один англичанин не так давно написал книгу, которая расстроила священников, потому что в ней утверждалось, что человек, как и все другие виды, происходит не от божественного момента творения, а омерзительным образом от Бог знает каких примитивных существ с хвостами, когтями и окровавленными клыками. Дилейни не мог припомнить имя автора, но одна фраза из книги отложилась в его мозгу — выживает наиболее приспособленный. Что ж, Дилейни выживет.

И выживание зависело только от него самого, вот почему Дилейни так тщательно заботился о том, чтобы не обнаружили его предательства. Полковник Торн знал, что он шпионит для Севера, и возможно, рассказал об этом еще паре человек, хотя Дилейни и просил его этого не делать, но кроме него о том, кому на самом деле присягнул в верности Дилейни, знал лишь Джордж, слуга адвоката. Дилейни щепетильно называл Джорджа именно слугой, а не рабом, хотя тот именно им и был, и обращался с Джорджем с уважением. "Мы создаем комфорт друг другу" — любил повторять Дилейни, и Джордж, услышав этот отзыв, тут же озарялся улыбкой. Когда в роскошную квартиру Дилейни на ричмондской Грэйс-стрит приходили посетители, слуга вел себя как и любой другой на его месте, хотя наедине Джордж с Дилейни казались больше приятелями, чем рабом и хозяином. Некоторые проницательные люди пронюхали про эту близость, и она их развеселила. Это была просто еще одна сторона эксцентричной натуры Дилейни, считали, что Дилейни с Джорджем вместе состарятся, и если адвокат умрет первым, то Джордж унаследует значительную часть состояния хозяина вместе со свободой. Джордж даже взял фамилию Дилейни.

В тех случаях, когда Дилейни нужно было послать Торну новости, риск всегда принимал на себя Джордж. Именно он относил послания некоему человеку в Ричмонде, который затем отправлял их на север, но сейчас слуга не мог доставить послание. В армии мятежников он чувствовал себя столь же неудобно, как и хозяин, потому что не обладал навыками, которые провели бы его через военные заставы. Джордж мог приготовить салат, поджарить утку или взбить вкуснейший заварной крем. Он мог довести до совершенства соус, распознать хорошее вино и одинаково свободно играть на флейте или скрипке. За несколько часов работы он мог так переделать купленный у ричмондских портных сюртук, что всякий бы поклялся, что он сшит в Париже или Лондоне. Джордж был знатоком фарфора и неоднократно возвращался в квартиру Дилейни с новой безделушкой из Мейсена или Лиможа, купленной у обнищавшей из-за войны семьи, дабы заполнить брешь в коллекции хозяина. Но Джордж не умел прятаться в рощах как снайпер или скакать, как

один из кавалеристов Джеба Стюарта.

А Дилейни знал, что именно эти навыки ему понадобятся, если когда-либо придется послать полезные разведданные Торну. Несколько недель назад, когда Торн разочаровался в способности северян шпионить за противниками и потребовал, чтобы Дилейни каким-то образом внедрился в штаб Ли, адвокат предвидел эти трудности. Джорджу не хватало сноровки, чтобы доставить сообщение, а Дилейни недоставало как сноровки, так и мужества, и потому он предложил, чтобы курьером стал Адам Фалконер, хотя всё равно до сих пор не придумал способа с ним связаться. Всё это вызывало беспокойство.

Пока Дилейни ехал на север, он не позволял себе погрузиться в это беспокойство. Больше он волновался о том, как сможет добыть полезные для Торна сведения, всё это предприятие причиняло как Дилейни, так и Джорджу чудовищные неудобства, но Дилейни знал, что должен показывать свою готовность к нему, если хочет когда-либо получить награду за тайную преданность Северу, так что адвокат согласился на несколько недель дискомфорта, после чего сможет вернуться домой, принять горячую ванну, глотнуть коньяку и выкурить французскую сигарету из своих запасов, а потом вновь послать Торну сообщение старым безопасным способом. В этой записке он выразит сожаления по поводу молчания в течение нескольких недель и объяснит, что не смог выяснить ничего стоящего.

Однако на самом деле он кое-что выяснил. Уже через несколько минут после прибытия в штаб Ли он понял, что держит в руках судьбу Севера и Юга. Черт побери, но Торн был совершенно прав. В штаб Ли нужно было заслать шпиона, и этим шпионом был Дилейни, который теперь знал всё, что планировал Роберт Ли, но как адвокат, так и его слуга были в такой же степени способны доставить эти сведения армии северян, как если бы находились на обратной стороне луны.

Дилейни добрался до армии Ли во Фредерике, прекрасном городке, лежащем среди широких полей Мэриленда. Его девять улиц бежали с востока на запад, а шесть — с севера на юг, и этого числа оказалось достаточно, чтобы убедить местных жителей, что это поселение достойно носить звание города, как гордо гласила надпись на станции боковой ветки железной дороги, ведущей на север от дороги Балтимор-Огайо. По этой ветке богатый урожай пшеницы и овса из этой области уже отправили на восток, в Балтимор, и на юг, в Вашингтон, а на полях осталась лишь кукуруза, хотя значительную ее часть уже собрали голодные мятежники.

— Я бы предпочел найти ботинки, а не кукурузу, — проворчал полковник Чилтон. Он был виргинцем и, как и все квартировавшие в Ричмонде офицеры высшего командного состава, хорошим знакомым Дилейни. Чилтон, беспокойный человек лет сорока пяти, теперь стал начальником штаба Ли, этот пост он получил скорее благодаря педантичной старательности, чем воинскому чутью. — Значит, Ричмонд прислал нам адвоката вместо ботинок, — поприветствовал он прибытие Дилейни.

— Увы, — откликнулся тот, разведя рукам. — Иначе меня бы здесь не было. Как поживаете, сэр?

— Полагаю, неплохо, учитывая жару, — признал Чилтон, — а вы, Дилейни? Вот уж не ожидал увидеть человека вроде вас на полях сражений.

Дилейни снял шляпу, нырнул в палатку Чилтона и уселся на предложенный стул. Тень от полотна предоставляла небольшую передышку от жары, превратившей поездку в наполненный пылью и потом ад.

— У меня всё хорошо, — сказал он и в ответ на просьбу объяснить свое присутствие

начал молоть хорошо отрепетированную чепуху о том, как Военный департамент озабочен последствиями войны с точки зрения закона, поскольку действия, которые на земле Конфедерации сочли бы преступлением, по отношению к врагу могут попасть совсем в другую категорию. — Это совершенная terra incognita, как говорят адвокаты, — неуклюже закончил Дилейни, обмахивая лицо широкополой шляпой. — У вас не найдется лимонада?

— Вода в кувшине, — махнул Чилтон в сторону потертой эмалированной бадьи, — достаточно приличная, чтобы пить без кипячения, не то что в Мексике! — Чилтон любил напоминать окружающим, что воевал в той победоносной кампании. — И могу вас заверить, Дилейни, что в нашем штабе прекрасно знают, как обращаться с гражданским населением на территории врага. Мы не варвары, чтобы о нас ни говорили эти проклятые северные газеты. Картер! — прокричал он в сторону палатки адъютантов. — Принеси мне приказ один-девянсто-один.

Потный служащий с измазанными в чернилах руками принес в палатку затребованный приказ, который Чилтон быстро пробежал глазами и сунул Дилейни в руки.

— Вот, прочтите сами, — сказал начальник штаба. — Вернусь через пару минут.

Оставшись в палатке в одиночестве, Дилейни прочел лишь первый параграф выданного ему приказа под названием "Специальный приказ № 191. Штаб армии Северной Виргинии. 9 сентября 1862 года". Карандашом рядом с заголовком клерк нацарапал "Ген. Д.Х.Хилл". В первом параграфе, который бегло проглядел Дилейни, солдатам запрещалось выходить в город Фредерик без письменного разрешения командира подразделения. В качестве подкрепления этому указу в городе расположилась военная полиция, чтобы успокоить жителей, опасющихся грабежей и мародерства со стороны прожорливой орды полуголодных и плохо одетых солдат. Этот параграф в точности соответствовал сфабрикованным Дилейни опасениям и оправдывал его присутствие в армии.

— И это правильно, — сказал адвокат в пустоту, хотя на самом деле ему было плевать, даже если бы солдаты обобрали Фредерик до нитки.

Он налил себе кружку теплой воды, выпил, поморщился от ее вкуса, а потом, поскольку читать больше было нечего, снова вернулся к приказу. Второй параграф провозглашал, что транспортные средства местных ферм должны быть реквизированы, чтобы отвезти больных и раненых в Винчестер.

— Бедняги, — сказал Дилейни, пытаясь представить кошмарное путешествие трясущегося в лихорадке больного в провонявшей навозом крестьянской телеге. Он обмахнулся приказом, гадая, куда запропастился Чилтон, наклонился, чтобы выглянуть из палатки, и увидел стоящего навтыжку рядом с лошадьми Джорджа, но никаких следов Чилтона.

Он вернулся в палатку и прочитал третий параграф: "Армия возобновит продвижение завтра", начинался он, и внезапно Дилейни похолодел, когда его глаза пробежались по исписанной убористым почерком странице. Приказ начинался с обычных требований о поведении армии и снабжении транспортом раненых, но заканчивался полным описанием всех планов Роберта Ли на следующие несколько дней. Всех. Каждое место назначения каждой дивизии всей армии.

— Господи Иисусе, — вымолвил Дилейни, и вдруг его охватил приступ ужаса при мысли о том, что его могут схватить. Какая-то часть его желала отбросить приказ и притвориться, что он никогда его не видел, но другая жаждала славы, которая точно его ждет, если он сможет провезти эти бумаги через линию фронта.

Генерал Джексон снова перейдет реку и к утру пятницы захватит железную дорогу Балтимор-Огайо. Он займет Мартинсберг и отрежет дорогу, по которой мог бы отступить гарнизон федеральных сил в Харперс-Ферри.

Генералу Лонгстриту было приказано выступить к Бунсборо, независимо от того, где бы у черта на куличках он не находился. За Лонгстритом последует генерал Маклоуз, но затем свернет, чтобы помочь захватить Харперс-Ферри. Генерал Уолкер будет действовать совместно с Джексон и Маклоузом, отрезав вторую дорогу на Харперс-Ферри, и когда гарнизон северян сдастся, три генерала должны будут присоединиться к остальной армии в Бунсборо или Хейгерстауне. Хейгерстауне? Дилейни был не слишком силен в географии, но приблизительно уверен, что Хейгерстаун был мэрилендским городком неподалеку от границы с Пенсильванией, в то время как Харперс-Ферри находился в Виргинии! Значит, несомненно, одна часть армии Ли направляется на север, а другая на юг, что делало обе группировки уязвимыми для отдельных ударов.

Руки Дилейни почти утратили чувствительность. Бумага подрагивала. Он закрыл глаза. Возможно, сказал он себе, он в этом не разобрался. Он не был военным. Может, имело смысл разделить армию? Но в его обязанности не входило решать, имело ли это смысл, лишь отослать эти известия в ставку армии Севера. Скопируй их, глупец, сказал он себе, но только лишь открыл глаза, пытаясь разыскать на столе Чилтона перо или карандаш, как услышал шаги снаружи.

— Дилейни! — окликнул его бодрый голос.

Дилейни вынырнул из палатки и увидел, что Чилтон вернулся вместе с самим генералом Ли. На мгновение обыкновенно учтливое Дилейни захлестнуло смущение. Приказ по-прежнему был у него в руке, именно это его и смущало, но затем адвокат вспомнил, что приказ вручил ему сам Чилтон, поэтому никаких обвинений за это ему не предъявить.

— Рад видеть вас генерал, — наконец сумел приветствовать Дилейни генерала Ли.

— Надеюсь вы простите меня, если я не пожму вам руку, — сказал Ли, выставив свои забинтованные в лубки руки в качестве объяснения. — Небольшая недомолвка с Бродягой [8]. Уже пошел на поправку. И другая хорошая новость — Макклелан вновь назначен главнокомандующим федералистов.

— Я тоже об этом слышал, — подтвердил Дилейни.

— А значит, наш противник опять начнет канителиться, — с удовлетворением заключил Ли. — Макклелан — человек неоспоримых достоинств, но принятие решений не входит в их число. Чилтон шепнул мне, что вы тут, чтобы приглядывать за нами?

Дилейни улыбнулся.

— В действительности я здесь, генерал, чтобы понаблюдать за боевыми действиями, — ложь вышла связной. — В противном случае, — продолжил он, смахнув с серого кителя пылинки, — создается впечатление, что я не заслужил этот мундир.

Ли улыбнулся в ответ.

— Что ж, Дилейни, наблюдайте за боевыми действиями всеми доступными методами, но не приближайтесь слишком близко к ребятам Макклелана, мне будет жаль потерять вас. Отужинаете с нами сегодня вечером? — Он повернулся, когда писарь, принесший копию приказа 191 в палатку Чилтона, вновь объявился с кипой конвертов, которые нерешительно передал полковнику Чилтону. — Это приказ? — спросил Ли Чилтона.

— Семь копий, — кивнул писарь, — а оригинал полковника Чилтона находится в руках у этого джентльмена, — он указал на Дилейни, который виновато размахивал оригиналом

приказа.

— То есть всего восемь? — Ли нахмурился, взял у клерка конверты и пролистал их так быстро, насколько позволяла неудобная повязка, чтобы прочитать имена адресатов. — Генералу Хиллу тоже необходим этот приказ? — спросил Ли, размахивая адресованным генералу Д.Х.Хиллу пустым конвертом, который явно ожидал оригинала приказа, находящегося в руке Дилейни. — Джексон же наверняка скопировал для Хилла всё важное?

— Лучше быть в этом уверенными, генерал, — успокаивающе произнес Чилтон, забрав у генерала конверты и последний экземпляр приказа у Дилейни. Он сложил приказ и засунул его в конверт.

— Вам лучше знать, — сказал Ли. — Итак, Дилейни, какие новости из Ричмонда?

Дилейни пересказал кое-какие слухи из правительства, пока Чилтон поместил в конверт последнюю копию приказа 191 и положил его вместе с остальными на край стола рядом со входом в палатку. Ли, находящийся в дружелюбном расположении духа, поделился с Дилейни надеждами на ближайшие дни.

— Я бы предпочел выступить в Пенсильванию, но по каким-то причинам федералисты оставили в Харперс-Ферри гарнизон. Какая досада. Значит, нам придется их прихлопнуть перед тем, как отправиться на север, но задержка не будет долгой, сомневаюсь, что Макклелану хватит духа вмешаться. А как только очистим Харперс-Ферри, мы и сами превратимся в досадную помеху. Перережем кой-какие железные дороги в Пенсильвании, пока Макклелан решает, что с нами делать. В конце концов ему придется драться, и когда он это сделает, молюсь, чтобы мы так его отдубасили, что Линкольн запросит мира. Другого смысла двигаться на север нет, только ради мира, — последнюю фразу генерал произнес очень серьезно, потому что как и многие южане беспокоился о правомерности вторжения в Соединенные Штаты. Законность войны, которую вела Конфедерация, основывалась на том, что Юг был пострадавшей стороной. Южане утверждали, что лишь защищают свою страну против внешнего агрессора, и многие сомневались в своем праве переносить войну через границу.

Ли остался с Дилейни еще на несколько минут, а потом повернулся в другую сторону.

— Полковник Чилтон, можно вас на пару слов?

Чилтон вызывал курьеров для доставки пакетов, но теперь последовал за Ли к палатке генерала. Дилейни снова остался один, и его поглотил вызывающий бурление в животе ужас, когда он взглянул на стопку ожидающих доставки приказов. Конверт генерала Хилла лежал сверху. Боже ты мой, подумал Дилейни, осмелится ли он? А если осмелится, как сможет переправить украденный приказ через линию фронта? Его рука тряслась, а потом его осенило, и адвокат нырнул в палатку Чилтона. Он порылся в груде бумаг на столе и нашел обращение Ли к жителям Мэриленда, которое годилось для его целей. Он два раза сложил обращение, поколебался, взглянул на чистый солнечный свет и схватил конверт с именем Хилла. Он не был запечатан. Дилейни вытащил приказ и вложил внутрь обращение, а потом затолкал украденную бумагу глубоко в карман кителя. Его сердце бешено колотилось, когда он положил всё еще незапечатанный конверт обратно на груду бумаг и вышел наружу.

— Выглядите так, словно у вас лихорадка, Дилейни, — заметил Чилтон, возвратившись к своей палатке.

— Уверен, что это пройдет, — слабым голосом отозвался Дилейни. Он удивился, что еще может стоять. Он думал об источающей запах смолы свежей сосновой древесине, на которой болтается грубая пеньковая веревка. — Это из-за жары во время поездки, —

объяснил он, — проблемы с желудком, только и всего.

— Велите своему слуге отнести ваш багаж к нашему. Я дам вам палатку, и вы сможете отдохнуть. Пришлю вам немного купороса для желудка, если он вас еще будет беспокоить. Поужинаете сегодня с нами? — Чилтон говорил об этих бытовых вещах, пока запечатывал сургучом конверты. Он не заглянул внутрь и не обнаружил сделанный Дилейни подлог. — Ваши подписи, джентльмены, — напомнил он младшим офицерам, которые должны были отнести приказы по назначению. — Позаботьтесь, чтобы за все расписались. А теперь ступайте!

Штабные офицеры разъехались. Дилейни гадал, не сочтет ли Хилл странным, что Ли прислал ему обращение, потому что наверняка уже получил этот документ, который пытался оправдать вторжение Юга на Север. "Наша армия пришла на вашу землю, — говорилось в обращении, — и готова помочь вам силой оружия вернуть те права, которые у вас отняли". Но Дилейни, если его не поймают и если он сумеет найти способ добраться до Торна или Адама Фалконера, отнимет у Юга его победу. Не будет ни мира, ни перемирия, не будет никакого триумфа Юга, лишь победа Севера, полная, сокрушающая и безоговорочная.

Если бы только Дилейни знал, как этого добиться.

Глава шестая

Старбак так и не узнал, как звали полковника. Он был высоким человеком за пятьдесят с жидкими волосами, который просто сгибался под грузом возложенной на него ответственности.

— Город, — объяснил он Старбаку, — не годится в качестве базы. Не годится, понимаете? Янки побывали тут не единожды, а что не украли они, утащили наши мерзавцы. Вам нужны ботинки?

— Нет.

— Вы их и не найдете. Генерал Ли требует ботинки. Какие ботинки? — он махнул в сторону шумной конторы, которая когда-то была бакалейной лавкой, словно демонстрируя очевидное отсутствие какой-либо обуви. — Не нужны? — до полковника дошел смысл ответа Старбака.

— Нет, сэр.

— А лишние у вас есть? — с надеждой спросил полковник.

— Ни единой пары, сэр. Но мне нужны топоры, палатки и фургоны. Особенно фургоны.

Единственным транспортным средством батальона была сколоченная вручную телега, неплохо себя показавшая на коротких маршах, в которых до сих пор участвовали Желтоногие. На телегу нагрузили драгоценные винтовки и запасные боеприпасы, сколько можно было уместить, но Старбак сомневался, что эта шаткая повозка продержится еще хоть десять миль.

— Бесплезно просить фургоны, — сказал полковник. Можете попытаться их реквизиловать у местных фермеров, но сомневаюсь, что вам повезет. Слишком много войск уже здесь прошло. Они дочиста всё обобрали.

Полковник командовал в Винчестере, лежащем на северной окраине долины Шенандоа, который теперь являлся складской базой армии Ли, направившейся на противоположный берег Потомака. Батальон Старбака высадился из поезда в Страсбурге и выступил на север во время великолепного летнего рассвета. Теперь, когда жара становилась удушающей, изнуренные солдаты ждали на главной улице Винчестера, пока Старбак пошел получать приказы.

— У меня нет никаких приказов, — заявил полковник, закончив рыться в беспорядке бумаг. — Для вас — никаких приказов. Как вы говорите, вас зовут?

— Старбак, сэр, Специальный батальон.

— Специальный? — полковник, который представился Старбаку так быстро, что тот не расслышал его имени, похоже, удивился. — Специальный, — повторил он озадаченно, а потом вспомнил. — Желтоногие! — он слегка поежился, словно Старбак был заразен. — Тогда у меня есть для вас приказы, в самом деле. Но разве ваше имя не Мейтленд?

— Старбак, сэр.

— Приказ адресован Мейтленду, — сказал полковник, снова лихорадочно роясь в бумагах на прилавке магазина. Все окна и двери были открыты нараспашку, но эта вентиляция едва ли облегчала удушливую жару. Полковник вспотел в поисках бумаг. — А Мейтленд прибудет? — спросил он.

— Я заменил Мейтленда, — терпеливо объяснил Старбак.

— Надо полагать, кто-то вытащил короткую соломинку, — заметил полковник. — Не могу сказать, что вам завидую. На войну и желающих сражаться людей вести нелегко, не говоря уж о кучке трусов. Скольких вы потеряли, добираясь сюда из Страсбурга?

— Ни одного.

— Ни одного? — недоверчиво произнес полковник.

— Я шел сзади, — сказал Старбак, дотронувшись до револьвера Адамса на боку.

— И правильно, и правильно, — согласился полковник и вернулся к поискам.

Старбак скрыл правду. Некоторые солдаты отстали, и он их собрал и принудил вернуться на дорогу, хотя к тому времени, как они завершили короткий поход, отстающие были совершенно разбиты, с мозолей на их ногах кровь просачивалась сквозь дрянные ботинки, которыми солдат снабдили в лагере "Ли". Большая часть ботинок, как считал Старбак, не продержится и недели, а значит, им придется снимать обувь с янки. Другие солдаты отстали от колонны из-за диареи, но несмотря на болезнь и истерзанные ноги, все дошли до Винчертера, хотя весь этот марш был дурным предзнаменованием. Батальон никуда не годился.

— Знаете, что здесь происходит? — спросил полковник.

— Нет, сэр.

— Мы вот-вот выйдем янки из Харперс-Ферри. А после этого только Богу известно. Нужны боеприпасы?

— Да, сэр.

— Они у нас есть, нет только повозок, — полковник нацарапал записку и протянул ее Старбаку. — Право на получение патронов. Возьмете их в амбаре в конце Мейн-стрит, но если не найдете фургон, майор, то вам сложно будет тащить всё необходимое, а я вам его не найду, — он дал Старбаку еще один лист бумаги. — Это формуляр Военного департамента с обязательством оплаты любому штатскому за реквизированную повозку, но сомневаюсь, что вы ее найдете. Город пропахало уже слишком много других подразделений. Ах да, и идите в гостиницу "Тейлор", майор.

— В гостиницу "Тейлор"?

— Вниз по улице, это всего в нескольких шагах. Здание с большим крыльцом и плохо покрашенное. Еды там тоже осталось немного, но это всё равно самое комфортабельное место в городе. Ваш товарищ вас там ждет.

— Мой товарищ? — затряс головой Старбак, совершенно сбитый с толку.

— Офицер! Вы разве не знали? Парень по имени капитан Тамлин. Отличный парень. Первоклассный! Попал в плен в Новом Орлеане и с тех пор находился в тюрьме у янки, но сумел сбежать и добраться до нас. Превосходный человек! Пока вы ехали сюда, в Ричмонде его назначили в ваш батальон на время кампании, так что я оставил его здесь. Решил, что бессмысленно отправлять его в Ричмонд, когда вы едете сюда. Он даже набрал для вас койкаких людей! Трусы и охотники до хорошего кофе, конечно, все до единого, но вам придется иметь дело с подобным мусором. Жаль будет расставаться с Билли Тамлином. Он умеет развеселить, очень компанейский. Ну вот, — он нашел нужный приказ и бросил его на прилавок. — Надеюсь, что вы не останетесь в городе, — с тревогой добавил он. — Мне и тех, кто есть, накормить-то тяжело, не говоря уже о дополнительных.

Старбак открыл приказ и проглядел его. Он улыбнулся, и запекшаяся на его лице разбавленная потом грязь покрылась трещинками.

— Отлично, — произнес он и в ответ на поднятую бровь полковника объяснил, чему так обрадовался. — Мы назначены в бригаду Свинерда.

Полковнику это имя ни о чем не говорило.

— Полагаю, вы отбываете сегодня? — с надеждой поинтересовался он.

— Мы должны ждать дальнейших приказов здесь или в Чарльзтауне, где будет удобнее.

— В таком случае вам лучше отправиться в Чарльзтаун, — решительно заявил полковник. — Это весьма приятный город. На расстоянии дневного перехода отсюда, но рано или поздно вам всё равно придется туда идти.

— Придется?

— Да, если двигаетесь на север. Чарльзтаун на нашей стороне реки, у Харперс-Ферри. Отправляйтесь туда пораньше, майор, и сможете первым выбрать место для лагеря до прихода остальной армии. И девиц тоже выберете первыми. Если они там еще остались, конечно, что вряд ли. Там побывали обе армии, но местечко всё равно достойное.

— Там есть янки?

Полковник поморщился и пожал плечами.

— Может, немного и есть. Без сомнения, гарнизон Харперс-Ферри рыскает в окрестностях в поисках зерна.

Иными словами, подумал Старбак, столь милый Чарльзтаун подвергается нападениям янки, подчистую избавлен от припасов и наполовину покинут населением.

— Выступим сегодня утром, — сказал Старбак к большому облегчению полковника. — Можете дать нам кого-нибудь, чтобы показал выход из города?

— В этом нет нужды, дорогой мой. Прямо по дороге. Прямо. Вы никак не пропустите выход.

Старбак положил приказ в карман, вышел в переулок и вызвал Поттера.

— Ты настоящий мерзавец, Поттер.

— Так точно, сэр.

— И как настоящий мерзавец раздобудь нам фургон. Тебе разрешено реквизировать транспортные средства у гражданских, но нужно за это расписаться, чтобы владелец мог получить из Ричмонда компенсацию, ясно?

— Так точно, сэр.

— Потом заберешь боеприпасы и последуешь за нами на север. Возьми дюжину человек, чтобы грузить и тянуть, — он выдал Поттеру для листка бумаги. — Люцифер!

— Майор? — мальчик подбежал к Старбаку.

— Капитан Поттер будет заниматься мародерством, а ты в этом мастер, так что ему поможешь. Мне нужна повозка, что угодно с колесами, чтобы загрузить патронами. Если местные увидят слоняющихся по улицам солдат, они попрячут всё ценное, но тебя они не заметят, так что займешься разведкой.

— Да, майор, — ухмыльнулся Люцифер и умчался.

— Деннисон! — крикнул Старбак. Деннисон был старшим капитаном и таким образом, хотел того Старбак или нет, заместителем командующего батальоном. — Поднимите их и пусть двигаются. Прямо по дороге. Просто идите, а я вас догоню.

Не было смысла ждать. Солдаты хоть и устали, но чем дольше они шли, тем лучше приспособивались, а чем дольше отдыхали в Винчестере, тем меньше желания испытывали покидать относительный комфорт города.

— А вы останетесь наслаждаться городом, майор? — злобно отозвался Деннисон.

— Я останусь, чтобы набрать еще людей. Выйду за вами через десять минут, не позже.

Солдаты неохотно поднялись на ноги. День снова обещал быть чудовищно жарким и не годился для марша, но Старбак и не собирался идти целый день. Он планировал отойти на пару миль и поискать место, где батальон мог бы устроиться на отдых, а потом закончить поход на прохладной заре следующего дня.

Он прошел по переулку и нашел гостиницу "Тейлор", которая оказалась громадным трехэтажным зданием с колоннами и нависающими над улицей балконами. Комната капитана Тамлина находилась на третьем этаже, и не обнаружив капитана в публичных помещениях, Старбак поднялся по деревянной лестнице и постучал в дверь номера.

— Убирайтесь, — раздался голос. Старбак повернул ручку и обнаружил, что дверь заперта. — И не возвращайтесь! — добавил голос.

— Тамлин!

— Убирайтесь! — крикнул тот. — Я молюсь.

Хихикнула женщина.

— Тамлин! — повторил Старбак.

— Встретимся внизу. Дайте мне полчаса! — ответил Тамлин.

Дверной замок сломался от простого толчка, и Старбак вошел внутрь, увидев пухлого и потного человека, перекатившегося по разобранной постели, чтобы дотянуться до лежащего в кобуре револьвера. Мужчина замер, заметив мундир Старбака.

— Вы кто, черт возьми? — спросил Тамлин.

— Ваш новый командир, Билли, — ответил Старбак и прикоснулся к краю шляпы в сторону девушки, схватившей замызганную простыню, чтобы прикрыть грудь. Это была хорошенькая негритянка с печальными темными глазами на обрамленном кудряшками лице. — Доброе утро, мэм, — сказал Старбак, — уверен, оно выдалось жарким.

— Вы кто? — спросил Билли Блайз, снова устроившись под простыней.

— Ваш новый командир, Билли, — повторил Старбак. Он подошел к закрытой ставнями двери на балкон и распахнул ее. С балкона он мог разглядеть встающий в строй батальон, готовый выступить, но солдаты делали всё с жалкой медлительностью. Дюжина солдат отдыхала в тени веранд, а сержанты и пальцем не пошевелили, чтобы их растормошить. — Сержант Кейз! — рявкнул Старбак. — Покажите, как настоящий солдат заставляет батальон двигаться. Быстро! Меня зовет Старбак, — бросил он через плечо Тамлину. — Майор Натаниэль Старбак.

— Иисусе, — выдохнул Билли Блайз. — Вы сын преподобного Старбака?

— Точно так. Это вас беспокоит?

— Нет, черт побери, — сказал Билли Блайз. — Просто кажется странным, что вы янки и всё такое.

— Ничуть не более странно, чем человек, валяющийся в постели таким прекрасным утром, когда нужно убивать янки, — весело ответил Старбак. На улице внизу тоже появились признаки некоторой бодрости, так что он отвернулся от окна. — А теперь вставайте, Билли, черт возьми. Я слышал, вы набрали для меня людей. Где они?

Билли Блайз щелкнул пальцами.

— В лагере, майор.

— Тогда надевайте сапоги, Билли и приведите их. Вы знаете, где в городе можно раздобыть какую-нибудь повозку?

— Вам повезет, если отыщите тачку, — сказал Тамлин. — Да здесь нет ни черта кроме

паршивых солдат и прекрасным женщин, — он шлепнул негритянку пониже спины.

Старбак заметил у рукомоЙника несколько сигар и взял одну.

— Не возражаете?

— Нет, черт возьми, угощайтесь, — ответил Билли Блайз. — Огниво на каминной полке, — он подождал, пока Старбак отвернется, и выскользнул из-под пожелтевшей простыни.

Старбак оглянулся.

— Билли, — неодобрительно заметил он. — вы что, ложитесь в постель одетым?

На животе голого розовокожего Тамлина виднелся кошель.

— Так не обращаются с дамами.

— Просто для безопасности, майор, — объяснил Тамлин, натягивая длинные подштанники. Он покраснел, покопался в кошельке и вытащил оттуда две серебряные монеты. — Вы меня извините, майор? — спросил он и бросил монеты на кровать. — Прости, что нас прервали, милашка.

Девушка схватила деньги, а Старбак уселся в плетеное кресло и водрузил пыльные башмаки на туалетный столик.

— Так вы были в тюрьме у янки, как я слышал? — спросил он Тамлина.

— Большую часть года.

— Неплохо вас там кормили, — отметил Старбак, пока Тамлин застегивал сорочку на надутом животе, который увеличился еще больше от кошелька с деньгами.

— Я был в четыре раза шире, когда меня схватили, — ответил Блайз.

— Где вас держали?

— В Юнионе, штат Массачусетс.

— В Юнионе? — удивился Старбак. — Где это, черт возьми?

— На западе, — сказал Блайз. Он встречался с отцом Старбака и знал, что семья происходит из Бостона, так что решил, что будет безопаснее поместить мифический Юнион на западе.

— В Беркшире? — уточнил Старбак.

— Думаю, да, — согласился Блайз, усевшись на кровать, чтобы натянуть сапоги. — А где это? На холмах? Мы никаких холмов не видели, майор, одни лишь высокие стены.

— Так сколько людей вы для меня нашли? Билли?

— Дюжину.

— Отставшие?

— Заблудшие овцы, майор, — ответил Блайз с ленивой усмешкой, — просто заблудшие овечки в поисках пастуха. А я, черт возьми, ищу расческу.

— Вот, — Старбак увидел на туалетном столике расческу и бросил ее Тамлину. — И вы сбежали?

Блайз поморщился, запустив расческу в длинные спутанные волосы.

— Пошел на юг, майор.

— В таком случае, у вас крепкие ноги, Билли, готовые к походу.

— А куда мы идем, майор? — спросил Блайз.

— Думаю, что в Харперс-Ферри. А когда выйдем оттуда янки, перейдем через реку и последуем на север, пока янки не взмолятся, чтобы мы остановились.

Блайз натянул серый китель.

— Черт возьми, майор, хмыкнул он, — ну и способ вы нашли знакомиться со своими

офицерами.

— Китель вам маловат, Билли, — усмехнулся Старбак. — Когда вас произвели в капитаны?

Блайз помолчал, чтобы обдумать ответ, пристегивая револьвер.

— В прошлом году, майор, в ноябре. А что?

— Потому что это делает вас старшим среди моих капитанов, а значит, моим заместителем. Если меня убьют, Билли, все мои герои станут вашими. Готовы?

Блайз собрал свои немногочисленные пожитки и запихнул их в сумку.

— Вполне готов.

Старбак встал, подошел к двери и снова прикоснулся к шляпе, бросив взгляд на девушку.

— Прошу прощения за беспокойство, мэм. — Пошли, Билли. Нам пора.

Они нагнали батальон в трех милях к северу от города. Старбак провел усталых солдат еще пару миль, а потом свернул к полоске пастбищ, граничащих с лесом и ручьем, которые явно уже неоднократно использовались в качестве места для бивуака. На траве виднелись следы от простоявших слишком долго палаток и выжженные отметины от костров, а край леса представлял собой торчащие пни, там, где войска добывали дрова. Железная дорога, ведущая от Винчестера на север, лежала в полумиле от этого места, стальные рельсы выдернула и унесла то ли одна армия, то ли другая, а дорогу, идущую параллельно уничтоженной линии, прорезали глубокие колеи от прошедших в обоих направлениях войск, которые дрались за обладание долиной Шенандоа с тех пор, как началась война. Пастбище неоднократно портили, но оно до сих пор выглядело довольно приятным местом и находилось на достаточном расстоянии от Винчестера, чтобы отбить охоту у тех, кто пожелал бы вернуться в городские таверны.

Капитану Поттеру таверны не были нужны. Он привез в лагерь боеприпасы, но после этого каким-то образом нашел бутылку виски и к вечеру был беспробудно пьян. Старбак составил список новых рот, теперь их насчитывалось пять. Он начал отбирать людей для роты застрельщиков Поттера и вписывал их имена, когда услышал приступ хриплого смеха. Поначалу он решил, что это хороший знак, возможно, моральный дух солдат наконец-то начал подниматься, но потом под грубое полотно навеса, которое служило Старбаку в качестве замены палатки, вошел капитан Деннисон. Он ковырял в зубах щепкой.

— Милый стол, майор, — сказал он.

— Сгодится, — ответил Старбак. В качестве письменного стола он использовал пень.

— Возможно, вы захотите переделать этот список, — радостно произнес Деннисон, — полагаю, вы потеряли одного капитана.

— Это еще что значит?

— Поттер надрался. Пьян как свинья. Черт, да как десяток свиней, — Деннисон выплюнул щепку. — Похоже, ему совсем нельзя доверять.

Старбак выругался, схватил китель и ремень и вышел наружу.

Поттер дурачился. Несколько человек, у которых еще оставались силы после дневного марша, начали играть в бейсбол, и Поттер настоял на том, чтобы принять участие в игре. Теперь, слегка покачиваясь, он стоял перед подающим и требовал, чтобы тот бросил мяч на идеальной высоте.

— На высоте мошонки! — крикнул он, и игроки обступили его, притворяясь, что не понимают, о чем он. Поттер расстегнул штаны и спустил их. — Вот мошонка! Здесь! Ясно?

Подающий от смеха не в состоянии был бросить мяч и послал его из-под руки слишком высоко, промазав. Поттер резко дернулся, зашатался, но восстановил равновесие.

— Ближе, ближе, — он умолк и нагнулся, чтобы подобрать бутылку и сделать большой глоток. Он заметил Старбака и опустил ее. — Капитан Ахав, сэр!

— Ты пьян? — спросил Старбак, приблизившись к Поттеру.

Поттер ухмыльнулся, пожал плечами в ответ, но не придумал ничего более остроумного.

— Наверное, — сказал он.

— Застегнитесь, капитан, — велел Старбак.

Поттер покачал головой, не в знак несогласия, а озадаченно.

— Это просто игра, капитан Ахав.

— Застегнись, — тихо повторил Старбак.

— Собираетесь на меня злиться, да? Прямо как отец, — Поттер резко замолк, когда Старбак ударил его в живот. Юноша согнулся и начал плевать в точности так же, как в тот раз, когда Старбак нашел его в Аду.

— Встать прямо, — приказал Старбак, пнув бутылку, — и застегнуться.

— Пусть сыграет, — раздался угрюмый голос. Это был сержант Кейз. — Что плохого в игре, — настаивал сержант. — Пусть сыграет.

Несколько человек одобрительно загудели. Старбак, по их мнению, испортил единственную минуту радости этого дня.

— Молодец, сержант Кейз, — откликнулся Поттер, вытирая рукавом слюну с подбородка. — Мой поставщик виски, — он нагнулся над упавшей бутылкой, но Старбак отбросил ее до того, как надвинуться на Кейза.

— Вы дали Поттеру виски?

Кейз поколебался, но кивнул.

— Это не нарушает закон, майор.

— Это нарушает мой закон, — возразил Старбак, — и вы об этом знали.

Кейз покачивался взад и вперед на каблуках. Он и сам хлебнул немного виски, и возможно, это придало ему мужества превратить свою враждебность в открытое столкновение. Его плевок приземлился около ботинок Старбака.

— Ваш закон? — засмеялся он. — Что это за закон такой, майор?

— Правила этого батальона, Кейз.

— Этот батальон, майор, — взорвался Кейз, — самое омерзительное сборище чертовых ублюдков, которое когда-либо выступало под одним знаменем. Это не батальон, майор, а куча трусов, которые не нужны ни одному приличному полку. Это не батальон, майор! Это пустое место! И у нас ничего нет. Ни фургонов, ни топоров, ни палаток, ни доктора, ни черта! Нас послали сюда не драться, майор, а как пушечное мясо.

Одобрительный гул стал громче. Отдыхающие солдаты подошли поглядеть на ссору, так что теперь почти весь батальон собрался у импровизированной игровой площадки.

— Месяц назад, — повысил голос Старбак, — я был в батальоне, который опустошили янки. Они перебили половину офицеров, сожгли повозки, уничтожили запасные боеприпасы, но через неделю мы всё равно сражались и победили. Этот батальон может сделать то же самое.

— Чёрта с два, — сказал Кейз. Другие сержанты подошли поближе, чтобы прийти ему на выручку — сомкнутые ряды угрюмых людей, уставившихся на Старбака с нескрываемой ненавистью. — Чёрта с два, — повторил Кейз. — Он, может, годится для охраны заключенных или чтобы доставлять продовольствие, но для сражений он не годится.

Старбак медленно повернулся, оглядывая обеспокоенные лица солдат.

— Думаю, они могут сражаться, сержант, — он сделал полный круг и снова посмотрел на Кейза. — Но можете ли вы?

— Я бывал в сражениях, — отрезал Кейз, — и знаю, что для этого нужно. Только не это! — он презрительно махнул рукой в сторону батальона. — Ни один приличный офицер не поведет этот мусор на войну.

Старбак сделал шаг в сторону Кейза.

— Правильно ли я понял, что вы не поведете их сражаться, сержант?

Кейз почувал, что зашел слишком далеко, но не хотел идти на попятную перед лицом своих сторонников.

— Вести их сражаться? — посмеялся он, грубо сымитировав бостонский акцент Старбака. — Как по мне, говорите как янки, майор.

— Я задал вам вопрос, Кейз.

— Я не боюсь сражаться! — вспыхнул Кейз и, так и не ответив на вопрос, попытался избежать прямого противостояния.

Старбак мог бы позволить Кейзу слезть с крючка, но решил этого не делать.

— Я задал вам вопрос, — повторил он.

— Чёрт, — сказал загнанный в угол Кейз, — эти люди не годятся для драки.

— Вполне годятся, — возразил Старбак, — это вы не годитесь, — он мог бы на этом и остановиться, но дьявольское искушение заставило его поднажать еще сильнее. — Снимите лычки, — велел он.

Кейз, оказавшись перед угрозой потери звания, принял вызов.

— Сами заберите, майор, если сможете.

Другие сержанты захлопали, приветствуя это неповиновение.

Старбак развернулся и направился к пустому теперь месту подающего. С самого начала он волновался, как завоевать авторитет в этом презираемом всеми батальоне, но так этого и не достиг. Он решил, что когда поведет их в бой, они последуют за ним, не потому что он вдохновит их своим примером, а потому что люди обычно ведут себя так, как от них ожидают. Со временем, как надеялся Старбак, сражения смоят историю батальона и объединят солдат единой целью, но кризис уже разразился, а значит, решение не могло подождать до сражения, ему придется утвердить свою власть сейчас. Сначала он исчерпает все законные пути, но Старбак знал, что обречен на неудачу, когда повернулся обратно к сержантам, которые медленно прекратили хлопать и уставились на него.

— Сержант Уэббер! Купер! Арестовать Кейза.

Оба сержанта сплюнули, но ни один не двинулся с места.

— Капитан Деннисон? — обернулся Старбак.

— Это меня не касается, — откликнулся тот. — Сами заканчивайте то, что начали, Старбак, разве не так вы мне когда-то сказали?

Старбак кивнул.

— Тогда я закончу, — и он повысил голос: — Каждая рота выберет новых сержантов. Кейз! — рывкнул он. — Принесите мне ваш китель.

Кейз, решивший устроить бучу, тут же расхрабрился:

— Сами возьмите, майор.

Настала секундная тишина, солдаты наблюдали за Старбаком, потом он снял китель и револьвер. Он вел себя осторожно, хотя и позаботился о том, чтобы этого не показывать. Кейз был высок, вероятно, сильнее Старбака, и скорее всего, не новичком в случайных драках — любой человек, пробывший четырнадцать лет в европейской армии, должен быть крепким — тогда как Старбак был выходцем из более мягкого мира респектабельного Бостона и возвращен на почитании праведности, но теперь карьера Старбака зависела от того, победит ли он этого задиристого головореза, который, вероятно, за дюжину лет не проиграл ни одной драки, но головорез был также довольно пьян, и это, посчитал Старбак, играло на его стороне.

— Ваша проблема, Кейз, — произнес Старбак, медленно приближаясь к высокому сержанту, — в том, что вы слишком долго носили красный мундир. Теперь вы не королевский стрелок, а мятежник, и если вам не нравится, как мы тут управляемся, то можете убираться к чёрту, обратно к юбкам королевы Виктории. Может, вам просто недостает мужества, чтобы драться с янки.

Он надеялся спровоцировать Кейза броситься в атаку, но верзиле хватило ума стоять на месте и позволить Старбаку подойти. Старбак резко развернулся и со всей силы пнул Кейза в пах, тут же выставив вперед левую ногу, чтобы удержаться на месте.

Кейз отклонился от пинка и мгновенно выбросил кулак слева, но Старбак увернулся и пнул Кейза по колену правой ногой. Это был жестокий удар, и Старбак отскочил, чтобы Кейз не смог до него дотянуться. Нат надеялся нанести больше повреждений, но ему помешала проворная левая рука громилы.

Кейз покачнулся от сковавшей ногу боли и скривился, но сумел выпрямиться.

— Янки, — плюнул он в Старбака.

Старбак знал, что всё нужно сделать быстро. Если драка затянется, то с каждым ударом его авторитет будет уменьшаться. Победа должна быть скорой и полной, после чего последует наказание. Тактика Кейза была очевидной. Он намеревался стоять как скала, позволяя Старбаку подойти поближе, и каждый раз, как только тот окажется в зоне досягаемости, будет причинять ему боль, пока Нат не отступит. Так вытерпи боль, сказал себе Старбак, и уложи сукиного сына.

Он шагнул вперед, глядя прямо в злобные глаза Кейза. Заметил, как приближается правая рука сержанта, и поднял левую, чтобы блокировать удар, но кулак попал в цель, и в голове зазвенело. Старбак продолжать двигаться вперед, погрузившись в зловоние нестиранного шерстяного мундира Кейза и смрадный дух табака и виски изо рта верзилы, а сержант учуял запах победы, когда схватил Старбака за волосы и потянул к своему левому кулаку.

А потом Кейз подавился, захрипел и выпучил глаза, хватая ртом воздух.

Старбак ударил сержанта в кадык. Он впечатал правую руку вперед и вверх, выставив костяшки пальцев, и больше наудачу, чем по расчету, ткнул под торчащую бороду, попав прямо в манящую цель — неестественно длинную шею Кейза. Это был жестокий удар, которому его давным-давно научил капитан Траслоу, знающий все придуманные дьяволом мерзкие трюки.

Кейз покачивался, схватившись руками за горло, чудовищная боль лишила его возможности дышать. В голове Старбака тоже звенело от удара сержанта, Нат отступил,

чтобы посмотреть, как шатается верзила, а потом снова шагнул вперед и еще раз пнул Кейза по левому колену. Громила согнулся. Старбак подождал еще немного, пока Кейз почти упал, и врезал коленом ему по физиономии. Из разбитого носа брызнула кровь, а Старбак схватил сержанта за волосы и снова стукнул коленом в лицо. Он выпустил сальные волосы, и на сей раз Кейз рухнул на четвереньки, а Старбак пнул его в живот и опустил ногу на спину, пригвоздив сержанта к траве. Из глотки Кейза вырывались хрипы. Старбак плюнул на него и обернулся к остальным сержантам.

— А теперь все снимайте лычки. Живо!

С Кейзом, блевавшим в траву, никто не осмелился ему возразить. Лицо сержанта побагровело, в сдавленном горле хрипел воздух, а глаза расширились от ужаса. Старбак отвернулся.

— Капитан Деннисон!

— Сэр? — лицо Деннисона побелело от страха.

— Возьмите нож, капитан, и срежьте с Кейза лычки, — спокойно произнес Нат.

Дэннисон выполнил приказ, а Нат тем временем надел китель и вернул револьвер на место.

— Может, еще кому-то кажется, что он лучше знает, как командовать этим батальоном? — заорал он на солдат.

Кто-то захлопал. Это был Кейтон Ротвел, и вместе с ним зааплодировали еще многие, кто ненавидел своих сержантов. Старбак жестом призвал всех к тишине и посмотрел на капитана Поттера.

— Зайдете ко мне, когда протрезвеете, Поттер, — распорядился Старбак и ушел. Ему казалось, что его должно трясти, но когда Нат посмотрел на свою окровавленную правую руку, она показалась ему совершенно неподвижной. Он нырнул в свою импровизированную палатку, и тут всё напряжение хлынуло из него, и Нат затрясся, словно в лихорадке.

Люцифер не спрашивая принес ему кружку с кофе.

— Здесь немного виски капитана Поттера, — сообщил он Нату, — я перелил остатки из бутылки. — Люцифер устался на левое ухо Старбака, в котором пульсировала боль, — здорово он вам врезал.

— Я врезал ему сильнее.

— Теперь он вряд ли будет вас любить.

— Я ему и так не нравился.

Люцифер беспокойно оглядел Старбака.

— Он захочет что-то с этим сделать.

— В каком смысле?

Люцифер пожал плечами и дотронулся до своего Кольта, который Старбак ему вернул.

— В смысле, вы должны о нем позаботиться.

— Пусть о нем позаботятся янки, — пренебрежительно отозвался Старбак.

— Дьявол, да вы ничего не можете сделать как следует! Хотите, чтобы я этим занялся?

— Принеси мне ужин, — сказал Старбак. Его ухо горело, и нужно было кое-что доделать, список новых рот теперь предстояло переписать в соответствии с новоизбранными сержантами. Некоторые из старых сержантов были переизбраны, и как подозревал Старбак, этот результат был достигнут угрозами, но имени Кейза в списке не оказалось. Последняя рота была под номером пять — наполовину сформированная рота застрельщиков. Кейтон Ротвел принес листок, исписанный неуклюжим почерком на обороте обертки от табака.

Собственное имя Ротвела красовалось наверху страницы. Старбак сидел перед своей палаткой, достаточно близко к костру, чтобы пламя освещало страницу, которую он прочел и протянул Билли Тамлину, когда тот пришел разделить последнюю вечернюю кружку кофе.

— Хорошо, — сказал Ротвелу Старбак, увидев его имя в списке. — Не совершай ту же ошибку, что и я.

— Это какую? — спросил Ротвел.

— Не обращай с солдатами слишком мягко.

Ротвел удивился.

— Вот уж не сказал бы, что вы обращаетесь с ними мягко. Уж точно не с Кейзом.

— Как он там? — спросил Старбак.

— Утром ходить будет.

— Позаботься о том, чтобы сукин сын пошел.

— Куда мы завтра отправляемся? — спросил Ротвел.

— К северу от Чарльзтауна.

— Мимо Чарльзтауна? — поинтересовался Билли Блайз, сделав акцент на слово "мимо". — А я уж надеялся, что мы там разместимся.

— Мы присоединимся к Старине Джеку и атакуем Харперс-Ферри, — объяснил Старбак, — а он не будет прохладиться в Чарльзтауне, как и мы. Хочешь кофе? — обратился он к Ротвелу.

Тот поколебался, а потом кивнул.

— Очень любезно с вашей стороны, майор.

Старбак позвал Люцифера и жестом пригласил Ротвела сесть.

— Когда я впервые с тобой встретился, сержант, — сказал Старбак в первый раз упомянув новое звание Ротвела, — ты заявил, что твоя жена в беде, и поэтому ты покинул прежний полк. Что это была за беда?

Этот прямой вопрос Ротвел встретил враждебным взглядом.

— Это не ваше дело, майор, — наконец произнес он.

— Мое, если случится снова, — столь же резко рявкнул Старбак. Его любопытство не было вызвано прихотью, он считал, что Ротвел сможет стать одним из лидеров батальона, и хотел быть уверен, что на него можно положиться. — Мое дело, если мне понадобятся новые офицеры, а пули янки умеют создавать вакансии.

Ротвел поразмыслил над словами Старбака и пожал плечами.

— Это не повторится, — мрачно заявил он и, похоже, хотел на этом и закончить, но спустя мгновение плюнул в костер. — Если только янки снова ее не изнасилуют, с горечью добавил он.

Сидящий рядом со Старбаком Тамлин неодобрительно присвистнул.

Смущенный ответом Старбак не знал, что сказать, и потому промолчал.

— Это сделал южанин, — сказал Ротвел, — но он ехал с кавалерией северян.

Теперь, когда он начал историю, его нежелание ее рассказывать испарилось. Он покопался в верхнем кармане и вытащил перевязанный бечевкой кусок брезента. Он аккуратно ее развязал и так же бережно развернул непромокаемую ткань, под которой оказался клочок бумаги. Ротвел обращался с ним, словно с реликвией, которой для него и являлась бумага. — Кучка кавалеристов-янки устроила налет на ферму, майор, — объяснил он Старбаку, — они оставили вот это. В тот день один южанин отвел мою Бекки в амбар, но ему помешали. Он сжег амбар, а на следующей неделе вернулся, сжег дом, выволок мою

Бекки в сад и жестоко ее избил, — в уголках глаз Ротвела заблестели слезы. Он шмыгнул носом и протянул бумагу Старбаку. — Вот этот человек, — тихо произнес он.

Бумага являлась официальным бланком правительства Соединенных Штатов, отпечатанным в Вашингтоне, и обещала заплатить за реквизированные у хозяйств Юга войсками США припасы. Платеж должен быть произведен в конце войны и зависел от способности семьи доказать, что никто из ее членов не поднял оружие против правительства США. Короче говоря, этот документ разрешал северянам воровать всё, что приглянется, а нацарапанную карандашом подпись на бланке Старбак прочел вслух.

— Уильям Блайз, капитан армии США.

Тамлин не шевелился, ни сказал ни слова и, похоже, даже не мог вздохнуть.

Старбак бережно сложил бланк и вернул его Ротвелу.

— Я знаю про Блайза, — сказал он.

— Правда, майор? — удивился Ротвел.

— Я был в Легионе Фалконера, когда нас атаковала кавалерия. Блайз устроил нескольким нашим офицерам ловушку в таверне и пристрелил их как собак. Вместе с женщинами. Говоришь, он южанин?

— Разговаривает как наш.

Тамлин глубоко вздохнул.

— Думаю, везде найдется паршивая овца, — сказал он, его голос так дрожал, что Старбак взглянул на него с удивлением. Тамлин не показался Старбаку человеком, которого может с легкостью тронуть история чьих-то несчастий, и Нат решил, что такая реакция на рассказ Ротвела говорит в пользу капитана. Тамлин вздохнул. — Не хотел бы я оказаться на месте мистера Блайза, когда он попадет вам в руки, сержант.

— Да уж я думаю, — согласился Ротвел и прикрыл глаза. — Ферма принадлежала моему отцу, — продолжал он, — но когда это случилось, его там не было. Он собирается всё отстроить, но теперь я и не знаю, — он уставился на огонь, откуда в воздух поднимался поток искр. — Там теперь ничегошеньки не осталось, только пепел. А моей Бекки было правда худо. И дети боятся, что это снова произойдет, — он тщательно завязал бечевку и засунул пакет обратно в карман. — Тяжело всё это, — сказал он себе под нос.

— И тебя арестовали за то, что ты хотел побыть с ней? — спросил Старбак.

Ротвел кивнул.

— Мой майор не отпустил меня на побывку. Сказал, что никто не получит отпуск, пока не разобьем янки, но черт возьми, мы так отделали сволочей у Манассаса, что я решил уйти в самоволку. И ничуть об этом не сожалею, — он хлебнул чуть теплого кофе и посмотрел на Старбака.

— Вы арестуете Кейза? — спросил он.

— Он уже в штрафном батальоне, что еще я могу ему сделать?

— Можете пристрелить сукиного сына, — предположил Ротвел.

— Позволим янки этим заняться и сэкономим правительству стоимость пули.

Ротвел не обрадовался.

— Думаю, небезопасно оставлять такого человека слоняться вокруг, майор.

Старбак согласился, но не знал, что еще предпринять. Если он арестует Кейза, то придется послать его в Винчестер под эскортом, а у него не было лишних офицеров для такого отряда, как и времени заполнять бумаги для военного трибунала. Он вряд ли мог расстрелять Кейза по собственному приказу, потому что сам затеял ссору, так что лучшим

вариантом ему показалось оставить всё как есть, но соблюдать осторожность.

— Я за ним пригляжу, — пообещал Тамлин.

Ротвел встал.

— Спасибо за кофе, майор.

Старбак смотрел, как он уходит, и покачал головой.

— Бедняга.

— Бедная женщина, — добавил Блайз и глубоко вздохнул. — Подозреваю, что мистер Блайз давным-давно исчез.

— Возможно, — сказал Старбак. — Но я был увлечен одной из девушек, которая погибла в той таверне, и когда война закончится, Билли, поищу мистера Блайза. Просто чтобы было чем заняться в этот мирный и щедушный век [\[9\]](#). Ну а пока что мне, черт возьми, делать с Поттером?

— Ничего, — сказал Блайз.

— Ничего? Дьявол, я произвел его в капитаны, а он отблагодарил меня, вдрызг напившись.

Блайз вытянул затекшую ногу, наклонился вперед и вытащил из костра горящую ветку, прикурив от нее пару сигар. Одну он предложил Старбаку.

— Думаю, придется сказать вам правду, майор.

— Какую еще правду?

Блайз махнул сигарой в сторону мерцающих костров.

— Те люди — это не обычный батальон, а вы не обычный майор. Они не слишком много о вас знают, но то, что знают, им нравится. Не могу сказать, что они вас любят, потому что они с вами даже не знакомы, но чертовски уверен, что вы их заинтриговали. Для начала, вы янки и не склонны действовать по правилам. Вы создаете собственные правила и деретесь в собственных сражениях. Им это нравится. Они не хотят, чтобы вы были как все.

— И какое, черт возьми, это имеет отношение к Поттеру? — прервал его Старбак.

— Дело в том, что солдаты, которые идут сражаться, — продолжал Блайз, словно Старбак ничего не говорил, — не хотят, чтобы их лидеры были обычными людьми. Солдаты должны во что-то верить, майор, а когда Господь предпочел остаться на небесах, им придется вместо него верить в своих офицеров. В вас, — он ткнул сигарой в сторону Старбака, — и если вы окажетесь таким, как все прочие офицеры, то они потеряют в вас веру.

— Тамлин, что за чушь вы несете?

— Нет, сэр, это не чушь. Я объясняю вам, что обычный офицер придерживается принятых в армии правил. Обычный офицер унизил бы Поттера, и это, сэр было бы ошибкой. Черт возьми, нагоните на Поттера страха, чтобы ублюдок испугался гнева Господнего, но не разжалуйте его в лейтенанты. Людям он нравится.

— Простить его? — засомневался Старбак. — Это слабость.

— Дьявол, майор, после того, что вы сделали с Кейзом, никто не сочтет вас слабаком. И вообще, Поттер внушил гордость, добыв повозку.

— Это верно.

Хотя, скорее, это Люцифер должен был стать предметом гордости батальона: обследуя боковые улочки Винчестера, мальчишка заметил стоящий в сарае великолепный катафалк. Сарай был крепко заперт, когда прибыл Поттер и владелец поклялся ему, что в сарае ничего нет, кроме тюков с сеном, но Поттер взломал замок и обнаружил черную повозку с

затемненными стеклами в окошках, бархатными занавесами и высоким черным плюмажем в серебряных держателях. Он загрузил катафалк боеприпасами, а потом за неимением лошадей причудливую повозку потянули на север солдаты.

— Он и правда заставил нас гордиться собой, — снова признал Старбак, затянувшись сигарой. По правде говоря, он не хотел наказывать Поттера, но боялся подать батальону сигнал о своей мягкотелости. — Устрою ему выволочку, — произнес он через некоторое время, — но если мерзавец это повторит, понижу его до поваренка. Может, поищите сукиного сына и пришлете его ко мне?

— Сделаю, — ответил Тамлин и скрылся в ночи.

Старбак подготовился обругать Поттера. По правде говоря, день выдался неплохим. Не то чтобы хорошим, но и не плохим. Ни один солдат не отстал на марше, Старбак встретился лицом к лицу с недругами, но не превратил их в друзей. Не исключено, что это и вовсе невозможно, но если ему это удастся, то в самом яростном горниле сражения. И чем раньше, тем лучше, подумал Старбак, а потом вспомнил кукурузное поле в Шантильи и бурлящий в кишках страх. Боже, взмолился он, не дай мне стать трусом.

Поздно ночью Старбак обошел линию пикетов, расставленных не для того, чтобы помешать вторжению врага, а против собственных дезертиров, завернулся в грязное одеяло и заснул.

Люцифер сидел неподалеку. Мальчишка устал, но не намеревался спать. Он сел снаружи и при свете угасающего костра наблюдал за самодельной палаткой, где спал Старбак, и за усеянным огоньками костров полем, где отдыхал батальон, и время от времени ласкал рукой длинное дуло револьвера Кольта, лежащего у него на коленях. Люциферу нравился Старбак, а тот не предпринял никаких мер предосторожности, значит, охранять от демонов его будет Люцифер. Потому что Люцифер знал, что они существуют, мерзкие белые демоны, только и ждущие удобного момента для мести.

Глава седьмая

Это был, возможно, худший день в жизни Дилейни. В любую минуту он ожидал, что услышит новости о пропаже драгоценной копии Специального приказа 191 и будет по всей строгости допрошен, но к его удивлению никто, похоже, не заметил, что один экземпляр украден. Армия пребывала в блаженном и слепом неведении. Основная часть войск покинула Фредерик в то самое утро, когда Дилейни стащил приказ. Они выступили на заре, чтобы окружить попавший в ловушку гарнизон федералистов в Харперс-Ферри, а остальная часть армии Ли готовилась отправиться на следующий день. Кавалерийские патрули поскакали на восток и сообщили, что армия северян всего в дне пути от Фредерика, но не выказывает готовности к продвижению. Джордж Макклелан вел себя в точности как и раньше — робко крался вперед, боясь каждой воображаемой угрозы, а сам таковой не являлся.

— Хотя он не тот человек, который бросился бы в атаку, только не когда он знает о моем прибытии, — великодушно признался Ли за обедом. Сломанные руки генерала были заново перевязаны, теперь лишь слегка, так что он постоянно сгибал пальцы с выражением удивления и благодарности, что может частично ими пользоваться. — Из Макклелана вышел бы отличный командующий обороной, — сказал Ли, неуклюже отправляя в рот ложку с бобами.

— А есть разница? — спросил Дилейни.

— О, еще какая, — Ли смахнул с бороды остаток бобов. — Атакующий идет на большой риск. Представьте игру в шахматы, Дилейни, в которой вы бы могли не делать ни одного хода, пока оппонент развивает атаку. Вы бы каждый раз выигрывали.

— Каждый раз?

— Хороший атакующий скрывает свои ходы.

— Как вы сейчас, генерал?

Ли улыбнулся.

— Бедняга Макклелан получает донесения то оттуда, то отсюда, то откуда ни возьмись. Он так и не узнает, где мы или что делаем. Конечно, он узнает, что мы осадили Харперс-Ферри, потому что услышит пушки, но сомневаюсь, что Макклелан хоть пальцем пошевелит, чтобы помочь бедолагам. А, Чилтон! Выглядите встревоженным.

На Дилейни накатило страх, но тревога полковника Чилтона проистекала от нехватки смазки, а не из-за потери Специального приказа 191.

— Смазки? — удивился Ли, бросив попытки справиться с вилкой и ложкой связанными пальцами.

— Новости с Севера, сэр. Орудия Паррота, — Чилтон плюхнулся в походное кресло и обмахнул лицо шляпой.

— Вы меня запутали, Чилтон, — сказал Ли. — Смазка? Орудия Паррота?

— Дула двенадцатифунтовых пушек могут взорваться, сэр. Один из наших ребят на Севере знаком с инспектором на заводе и говорит, это из-за того, что резкое ускорение снаряда во время выстрела вызывает внутри него трение, а оно может воспламенить снаряд, и он взорвется прямо в дуле. На заводе нашли решение — вынуть порох из снарядов и

смазать их внутреннюю поверхность, а потом снова зарядить. Стоит попробовать, как я считаю, если только мы сможем найти смазку.

— Жир? — предложил Дилейни. — Или воск?

— Можно попробовать, — недоверчиво произнес Чилтон. — Но разве воск не расплавится?

— Попробуйте жир, — сказал Ли, — но сначала поешьте. Бобы превосходны, — генерал стер пот со лба. Опять стояла удушающая жара.

Хотя Дилейни и предложил решение проблемы со взрывающимися орудиями Паррота, но до сих пор не придумал способ передать украденный приказ в армию Макклелана. Ночью, ворочаясь без сна на твердой земле, он представлял, как отчаянно скачет на восток, пока не повстречает кавалерийский патруль янки, но Дилейни знал, что не обладает необходимыми навыками верховой езды для подобного путешествия через полстраны. А кроме того, его появление возбудит любопытство у любого патруля мятежников, и это любопытство наверняка приведет к ступеням эшафота. Теперь, когда он отчаянно пытался избавиться от компрометирующего документа, ему пришла в голову последняя жалкая мысль.

— Если не возражаете, — сказал он Ли, — я бы осмотрел город, пока мы не уехали.

— Как вам будет угодно, — ответил генерал. — Чилтон выпишет вам пропуск.

— Нет опасности, что сегодня появятся янки? — с тревогой осведомился Дилейни.

— Мой дорогой Дилейни! — засмеялся Ли. — Об этом не может быть и речи, пока ими командует Макклелан. Завтра мы выступаем, но сомневаюсь, что он появится здесь и через три дня.

— В городе смотреть нечего, — мрачно заметил Чилтон, недовольный приказом выписать Дилейни пропуск.

— Один из кузенов моей матери когда-то служил здесь священником, — сказал Дилейни, выдумав причину своего любопытства, — и полагаю, он здесь похоронен.

— Кузен вашей матушки? — нахмурился Ли, пытаясь припомнить родословное древо Дилейни. — Так это был Мэттингли?

— Чарльз Мэттингли, — ответил Дилейни, у его матери и правда был кузен по имени Чарльз Мэттингли, хотя насколько знал адвокат, преподобный Чарльз был еще жив и проповедовал языческим племенам где-то в Африке. — Второй сын Томаса, — добавил он.

— Никогда не был знаком с этой ветвью вашей семьи, — сказал Ли. — Они переехали в Мэриленд, не так ли?

— В Кригерстаун, генерал. Томас многие годы был там доктором.

— И его сын скончался, да? Бедняга, он вряд ли был очень стар. Но ведь как странно думать о вас, как о родственнике священника, Дилейни.

— Чарльз принадлежал к епископальной церкви, генерал, — неодобрительно произнес Дилейни. — Так что это не считается.

Ли, и сам прихожанин этой церкви, засмеялся и открыл крышку карманных часов.

— Мне пора за работу, — провозгласил он. — Приятного вечера, Дилейни.

— Благодарю вас, сэр.

Час спустя, вооружившись пропуском, который давал ему право пройти мимо военной полиции, охраняющей лавки Фредерика, Дилейни вышел в город. В его кармане лежал экземпляр Специального приказа 191, и он был уверен, что военная полиция его остановит, обыщет и под дулом пистолета отправит в путешествие, которое закончится на ричмондской

виселище, но охраняющие город солдаты просто прикасались к шляпам, когда он показывал им выписанный Чилтоном пропуск.

Город выглядел пустынным. Присутствие армии мятежников остановило всякое передвижение по боковой ветке железной дороги, и потому сельское население не могло заниматься обычной торговлей во Фредерике. Охраняемые военной полицией лавки работали, но на улицах осталось не так много людей. Над парой домов развевался флаг мятежников, но это было похоже на случайное явление, простую формальность, и Дилейни решил, что когда в город войдет армия Макклелана, он тут же расцветет звездно-полосатыми флагами. Жителей Мэриленда, похоже, не переполняла благодарность в ответ на освобождение южанами. Некоторые радовались, но лишь кучка юнцов вызвалась присоединиться к армии Ли.

Дилейни прошел мимо мебельной лавки, притулившейся между двумя церквями. Бородатый мужчина внутри выворачивал у стульев ножки и поднял глаза на проходящего мимо офицера-южанина, но не откликнулся на его приветствие. Калека, вероятно, раненный на одном из первых сражений войны, сидел на крыльце, греясь на солнце. Он проигнорировал Дилейни, и значит, по-видимому, воевал за Север. Чернокожая женщина, возможно, рабыня, шла в сторону Дилейни с кипой белья для стирки на голове, но свернула в переулок, чтобы с ним не столкнулся. Девчушка с серьезным лицом наблюдала за ним из окна, но скрылась из вида, когда адвокат ей улыбнулся. По улице гнали пару коров, наверное, на дойку, чтобы продать молоко армии мятежников, и Дилейни сердечно поприветствовал девушку-пастушку, но она лишь коротко кивнула и поспешила дальше, видимо, испугавшись, что он попытается отнять у нее коров. Удушающая жара, казалось, стусила витающий над городом запах свежего сена и навоза, превратив его в мерзкую вонь, щекотавшую ноздри Дилейни. Он переступил через свежую коровью лепешку, и вдруг его осенило, и он был потрясен этим открытием — он ведь предал свою страну только чтобы сбежать от узколобости набожных городков вроде Фредерика. Городков с подозрительным населением, прославляющим простые добродетели и честный труд. Ричмонд был на ступень выше таких мест, но вонял табаком, а Вашингтон находился еще на одну ступень выше, но вонял амбициями, еще выше стояли Нью-Йорк и Бостон, но один вонял вульгарными деньгами, а другой — протестантскими добродетелями, и Дилейни не хотел бы поселиться ни в одном из них. Его наградой за предательство, решил он, станет должность посла: постоянный и хорошо оплачиваемый пост в Риме, Париже или Афинах, все эти города воняли пресыщением и томными ночами. Он дотронулся до кармана, в который спрятал специальный приказ. То был его пропуск в рай.

Он нашел почтовое отделение на Мейн-стрит. Мысль воспользоваться почтой США для доставки украденного приказа развеселила Дилейни. Она была очевидной и в то же время донкихотской, эта идея отвечала его вкусу к проказам. Он сомневался, что Торн одобрит подобное, потому что жизненно важные сведения приказа уже на день устарели, а к тому времени, как достигнут армии США, устареют еще на два-три дня, но Дилейни не представлял, как еще можно отправить послание.

Контора почтальона представляла собой микроскопическое помещение на задах здания с привычным деревянным прилавком, полкой с отделениями для ожидающих отправки писем и двумя длинными столами, где сортировали почту.

— Что, опять? — простонал почтальон, завидев Дилейни.

— Опять? — озадаченно переспросил тот.

— Нынче утром заходил капитан Кейдж, — возмутился почтальон, — а вчера еще какой-то малый. Как его звали, Люси? — крикнул он одной из женщин за сортировочным столом.

— Пирс! — откликнулась она.

— Майор Пирс, — обвиняюще бросил почтальон. Он был пузатым мужчиной воинственного вида с рыжей бородой. И явно симпатизировал Северу, по меньшей мере, звездно-полосатый флаг вызывающе висел на стене конторы. — Всё там, — он махнул в сторону кипы почты в корзине на прилавке, — так что разбирайтесь сами. Но с тех пор, как проверял капитан Кейдж, ничего нового не пришло.

Дилейни взял почту из корзины и внезапно понял, что имеет в виду почтальон. Все письма были адресованы на Север и все — от военных Конфедерации. Кто-то, очевидно, военная полиция, хотел быть уверенным, что никто не попытается отправить янки какие-либо сведения, и потому вскрывал и читал письма перед тем, как поставить на конверте отметку о том, что их содержимое проверено.

— Я здесь не для того, чтобы читать письма, — сказал Дилейни, хотя и открыл одно из них. Оно было от сержанта Малоуна и адресовалось его сестре в Нью-Джерси. "Бетти родила еще одного сына, но через месяц ребенок умер. Его мать чувствует себя хорошо, насколько это возможно. Кузен Джон получил ранение при Манассасе, но несерьезное".

— Настали печальные времена, — вслух прочел Дилейни, — но мы вспоминаем тебя в молитвах, — он пожал плечами, засунул письмо обратно в конверт и бросил обратно в корзину. — Вы могли бы пожертвовать одним конвертом для армии? — спросил он почтальона.

Тот поколебался, но решил, что нет смысла чинить препятствия. Он открыл ящик и вручил Дилейни конверт. Адвокат не предпринял ни малейшей попытки скрыть свои действия. Он вытащил из кармана Специальный приказ 191, засунул его в конверт и закрыл.

— Можно? — спросил он, потянувшись через стол за пером почтальона. Дилейни обмакнул его в чернила, стряхнул лишние о край чернильницы и написал печатными буквами: "Капитану Адаму Фалконеру, армия США, штаб ген. Макклелана". — Не стоило беспокоить капитана Кейджа или майора Пирса, — сказал он почтальону, а потом снова взял в руку перо и очень тщательно скопировал инициалы Кейджа. — Вот, дело сделано. Полагаю, я должен заплатить вам за марку?

Почтальон посмотрел на имя адресата, потом на подделанные инициалы и, наконец, на лицо Дилейни. И промолчал.

— Старый друг, — беззаботно заявил Дилейни, — может, это последний шанс ему написать.

Он рисковал, что почтальон не окажется сторонником Севера, но на этот риск пришлось пойти, как и рискнуть, что военная полиция не проверит корзину с почтой в третий раз.

— Вы все уходите? — спросил почтальон.

— Завтра вся армия уйдет, — подтвердил Дилейни.

— Куда?

— Через холмы, далеко отсюда, — беспечно ответил Дилейни. По его щекам струился пот. — Но я полагаю, что скоро вернутся федералисты?

— Наверняка, — подал плечами почтальон. Он взвесил письмо в руке и нарочито засунул его в ящик, а не к другим письмам из армии Конфедерации. — Оно дойдет до

адресата, — пообещал он, — только не знаю, когда.

— Весьма вам обязан.

Выйдя из почтовой конторы, Дилейни прислонился к стене. Он трясся, как в лихорадке. Боже мой, подумал он, не хватает у него духа для таких дел. Он почувствовал внезапный позыв к рвоте, но смог с ним совладать. С него градом катился пот. Какой же он идиот! Не смог удержаться, чтобы не порисоваться. Он намеренно пытался произвести впечатление на человека, который, по его мнению, симпатизировал Северу, но знал, что глупо рисковал, и мысль о петле палача снова вызвала спазм в горле.

— Вам нехорошо, майор?

Дилейни поднял глаза и увидел пожилого священника с белым воротничком, который оглядывал его с сочувствием, но с осторожностью. Без сомнений, он опасался, что Дилейни пьян.

— Это всё жара, всего лишь жара, — отозвался Дилейни.

— Тепло, — согласился священник с явным облегчением, что не выпивка явилась причиной недомогания Дилейни. — Вам нужна помощь? Может, стакан воды?

— Нет, благодарю вас. Я справлюсь, — Дилейни внезапно поднял голову, когда вдалеке послышался раскат грома. Никаких туч видно не было, но звук далекой грозы трудно было с чем-то спутать. — Может, дождь прогонит жару, — сказал он священнику.

— Дождь? — нахмурился тот. — Это не гром, — сказал он, сообразив, что имел в виду Дилейни. — Это пушки, майор, пушки, — он посмотрел на запад, вдоль по Мейн-стрит, туда, где виднелись зеленые поля и очертания палаток мятежников. — Харперс-Ферри. Это наверняка в Харперс-Ферри. Да поможет Бог тем несчастным.

— Аминь, — сказал Дилейни. Аминь.

Потому что сражение началось.

Пушки откатились по собственной колее, выплюнув из стволов дым на шестьдесят футов вперед и оставив на траве, где еще мелькали огоньки от предыдущего выстрела, выжженные отметины от пыжей. Звук орудий был таким громким, что его можно было ощутить как прикосновение, будто вздрогнула сама планета. По долине засвистели снаряды, оставляя за собой небольшие дымные следы от горящих запалов, а потом разорвались над дальним холмом брызгами грязного сероватого дыма. Дымные следы в воздухе задрожали от порыва ветра, стали тонкими и прозрачными, а потом выстрелила другая батарея, и траву перед пушками снова резко пригнуло к земле, а небо прорезали новые дымные следы. Из стволов пушек донеслось шипение, когда в дула засунули влажные банники. На холме батарея янки открыла ответный огонь, но у северян было гораздо меньше пушек, а орудия мятежников установлены на удачных позициях и хорошо нацелены, так что канониры северян погибали один за одним, пока над ними свистели осколки.

Северяне оттащили пушки с холма, оставив в обороне только пехоту. Артиллерия южан поменяла мишень, и теперь снаряды разрывались в лесу, кустах и скалах на вершине гряды. Некоторые пушки стреляли обычными снарядами, разметывая кучи глины и листьев, а другие использовали картечь, которая разрывалась в воздухе, выбрасывая в сторону обороняющихся янки ружейные пули.

— Застрельщики? — к Старбаку галопом мчался подполковник Гриффин Свинерд. —

Застрельщики? — снова прокричал он.

— Они там, полковник, — ответил Старбак.

Желтоногие находились на правом фланге бригады Свиерда, слева от Легиона, и Старбак позаботился о том, чтобы его рота застрельщиков вышла до того, как Мейтленд отправит вниз, в долину, застрельщиков Легиона. Старбак тщательно отобрал своих застрельщиков из тех людей, которые лучше всех держались на марше к северу от железной дороги. Основной части солдат марш дался нелегко, они всё медленней и медленней хромали на окровавленных и покрытых волдырями ногах, пока батальон мучительно ковылял по долине к северу от Чарльзтауна, достигнув места, как раз когда первая пехота Джексона свернула в ту же сторону после долгого перехода из Фредерика в обход Харперс-Ферри, к местности, что лежала к югу от осажденного федерального гарнизона.

Гарнизон пытался оборонять возвышенности рядом с этим речным городом, но пока не слишком решительно. Пушки янки быстро сдались, и теперь пришла очередь испытать пехоту. Единственная рота застрельщиков Старбака уже сражалась, в долине поднимались маленькие серые дымки от их винтовок. Ответные виднелись высоко на дальнем склоне, и Старбак мысленно поторапливал Поттера, чтобы поднажал, хотя, положив руку на сердце, должен был признать, что его застрельщики дерутся отлично. Они намного опередили застрельщиков Легиона. Звуки схваток застрельщиков доносились волнами треска, которые можно было слышать лишь когда прекращали огонь пушки. Свиерд смотрел в бинокль, как падают на дальнем холме снаряды мятежников. Старбак мог разглядеть лишь хаотичную и раздробленную линию пехоты в синих мундирах под яркими знаменами. Шеренга не была непрерывной. Между полками виднелись проемы, солдат не было и там, где им мешали выровнять строй кусты или скалы, а время от времени эта обороняющаяся шеренга и вовсе исчезала, когда янки прятались в ямах или за валунами.

— Не вижу окопов, Нат, — сказал Свиерд.

— И на том спасибо, Господи, — отозвался Старбак.

Свиерд поморщился, но не возмутился богохульством Старбака. Вместо этого он показал левой рукой на конец шеренги янки.

— Полагаю, вы сможете занять эту позицию? — спросил он. — Скажем, от края гряды и до орудий?

— Думаю, да, — согласился Старбак. По правде говоря, он понятия не имел, как поведут себя в драке Желтоногие. Не знал он также и как сам себя поведет в первом сражении с тех пор, как его захлестнул ужас в том исхлестанном дождем бою около особняка Шантильи. Он чувствовал, что этот ужас снова над ним навис, придав странное ощущение отделенности от тела, словно его душа наблюдает за телом и удивляется, что оно столь спокойно реагирует на приказы Свиерда.

— Подождите сначала остальных, а потом выступайте, — сказал Свиерд, развернул лошадь и поскакал к подполковнику Мейтленду, который сидел верхом позади центральной роты Легиона.

Старбак пошел к центру собственных рядов, где стоял капитан Билли Тамлин со знаменосцами. Выданный правительством штата флаг размером в четыре квадратных фута выглядел жалко по сравнению с тридцатисестьфутовым ярким шелковым полотнищем, развевающимся над Легионом. Старбак передал Тамлину приказ и вышел перед батальоном.

Задачей Старбака было приободрить людей. Их окрестили неудачниками, снабдили антикварным оружием, а теперь Нату предстояло убедить их в том, что они победят.

— У них нет пушек! — прокричал он, — одни ружья.

Наверняка янки были вооружены винтовками, но не стоило сейчас говорить правду.

— Они ужасно перепуганы, — продолжал он. — Наверняка сломаются, как только вы подойдете на расстояние выстрела, но если вы начнете колебаться, то это их воодушевит. Ни один из вас не погибнет, пересекая долину. Помните об этом! У них нет пушек! Мы пересечем долину, и когда я дам приказ, вы пойдете в атаку на ублюдков! А до этого не стреляйте. Нет смысла тратить патроны, стреляя издалека. Не стреляйте, ждите приказа идти в атаку, а потом с криком бросайтесь на них! Чем быстрее они побегут, тем больше всего побросают, чем больше солдат вы убьете, тем больше ботинок получите. А теперь примкнуть штыки!

Он повернулся, чтобы поглядеть на позицию, на которую они будут продвигаться. Слева местность круто обрывалась в сторону бегущего к Потомаку ручейка. Харперс-Ферри лежал там, где в Потомак впадала река Шенандоа, у этого слияния рек возвышались три отрога, с которых просматривался город. Войска Джексона сейчас заняли все подходы к возвышенностям и штурмовали их. Оттесни янки с этих холмов, и городской гарнизон, увеличившийся за счет других войск северян, искавших укрытия от натиска Джексона, будет подавлен артиллерией мятежников. Местные жители, просочившиеся сквозь ряды янки, рассказали южанам, что в городе попали в ловушку больше двадцати тысяч янки, и даже если это было преувеличением, это значило, что город завален провиантом, оружием и припасами — всем тем, в чем нуждался Специальный батальон.

Старбак оглянулся и увидел, что теперь батальон стоит с примкнутыми штыками. Он был небольшим, но не меньше прочих, чей размер уменьшила война. Легион был больше, но всё равно Старбак полагал, что в нем осталась лишь половина людей, выступивших к Манассасу, в первое сражение войны. Капитан Траслоу вышел из рядов Легиона с винтовкой на плече, где, как и у Старбака, не было никаких лычек, соответствующих званию.

— Твои ребята? — спросил Траслоу, кивая в сторону батальона.

— Мои, — подтвердил Старбак.

— Толк есть?

— Сейчас и узнаем.

— Вот от Мейтленда толку нет, — сообщил Траслоу, сплюнув табак на землю. — И я ему не нравлюсь.

— Удивительно, с чего бы это.

Траслоу криво ухмыльнулся:

— Ему кажется, я родом не вышел. Как там Ричмонд?

— Жарко, — ответил Старбак, зная, что не такого ответа ждал Траслоу. — И я повидался с Салли, — добавил он.

— Я так и думал. И как она? — хрипло поинтересовался Траслоу.

— Живет в роскоши, зарабатывает, учится французскому и, в целом, вертит весь мир своим маленьким пальчиком.

Траслоу скривился:

— Никогда не понимал ее. Мне всегда казалось, что у меня должен был родиться сын, а не дочь.

— Не особо-то она от тебя и отличается, — заметил Старбак. — Разве что не в пример симпатичней. Она передает тебе привет.

Траслоу что-то пробурчал и покосился на левое ухо Старбака:

— По голове дали что ли?

— Высокий парень, третий справа, последняя шеренга, — ответил Старбак, кивнув в сторону первой роты капитана Деннисона, расположенной на правом фланге. — Ему казалось, что командовать батальоном должен он, а не я.

Траслоу снова ухмыльнулся:

— И ты его переубедил?

— Я прикинул, как бы ты поступил на моем месте, а потом так и сделал.

— Да ни черта подобного, он же еще жив, нет?

Старбак хохотнул:

— Жив и, видимо, ждет не дождется возможности всадить мне пулю в спину.

— Капитан Траслоу! — полковник Мейтленд, верхом на коне и с покоящейся на плече саблей, порысил к ним от шеренг Легиона. — Вернитесь к своей роте, будьте любезны.

Траслоу сплюнул:

— Не хотел это говорить, — обратился он к Старбаку, — но твоему возвращению наверняка очень обрадуются.

— Я работаю над этим, — ответил Нат.

Траслоу потащился обратно к Легиону, проигнорировав Мейтленда, который приветственно махнул Старбаку:

— Значит, привели их? — сказал он, указывая на Специальный батальон.

— Вам казалось, что не приведу?

Пропустив вопрос мимо ушей, Мейтленд, обернувшись, разглядывал застрельщиков.

— Проблем никаких? — спросил он.

Вопрос был задан беззаботно, но Старбак почувствовал исходящую от элегантного полковника нервозность. Всё же это было первое сражение Мейтленда, хотя Старбак и сражением-то его не назвал бы. Вражеских пушек уже не было, томящаяся в ожидании пехота янки была, видимо, напряжена, как листовая пружина взведенного револьвера. Всё предвещало обычную атаку с малыми потерями, которые требовались для захвата позиций. Что находилось дальше, за хребтом — другое дело, но здесь проблем не ожидалось вовсе.

— Всё должно быть нормально, — ответил Старбак.

Над головой просвистела пуля, и Мейтленд невольно дернулся. Он надеялся, что Старбак этого не заметил.

— Знаете, в кого он целится, полковник?

— В нас, надо полагать.

— Не в нас, а в вас, — ответил Старбак. — Фигура верхом на коне, да еще с саблей. Там на хребте засел засранец с длинноствольной снайперской винтовкой. Прямо сейчас он занят тем, что вгоняет шомпол в ствол и рассчитывает в следующий раз не промахнуться.

Мейтленд слабо улыбнулся, но не сдвинулся с места. Вместо этого он покосился на Билли Тамлина, затем снова на Старбака.

— Я рад, что у вас есть Тамлин.

— Вы знакомы?

— Его спасли мои ребята. Я бы хотел оставить его в Легионе, но Свинерд настоял, чтобы всё было согласно правилам.

— Он вполне хорош, — ответил Старбак, — а хорошие офицеры мне нужны больше, чем вам, полковник.

— Вы так полагаете? — многозначительно поинтересовался Мейтленд.

— Тот стрелок, полковник, — ответил Старбак, — сейчас уже загоняет в ствол снаряженный патрон. В казенной части у него отличный, точно отмеренный порох, и он прикидывает четырехфутовую боковую поправку на ветер и совсем небольшую вертикальную поправку. Так вот, вы хотите, чтобы вас похоронили здесь, или у Мейтлендов уже есть семейный участок?

— Думаю, Голливудское кладбище более чем подойдет, — Мейтленд ответил беззаботно, хотя явно испытывал дискомфорт. — Вы говорите, осторожность — главное в доблести?

— Похоже на то.

— Тогда я желаю вам удачного дня, Старбак, — полковник коснулся шляпы, — не буду подставлять вас под выстрелы снайперов! — он развернул коня.

Старбак снял винтовку, из которой, наконец, выдул влажный порох, протолкнув его проволокой через отверстие для капсюля, и тонкой струйкой засыпал небольшое количество сухого пороха в слипшийся заряд, который, наконец, неохотно воспламенился, когда Старбак выстрелил. Он перезарядил винтовку и вложил капсюль в брандтрубку, надеясь, что это не один из тех плохих капсюлей, что внезапно начали приходить с заводов Ричмонда. Ходили слухи, что рабочие-негры намеренно саботируют армию, и, несомненно, имелся поток плохих капсюлей, заполненных чем угодно, кроме гремучей ртути. Он опустил боек на капсюль, снова повесил винтовку и пошел обратно к батальону.

Лейтенант Коффмэн, назначенный адъютантом Свиерда, бежал вниз позади строя бригады. Сумки и ножны хлопали ему по ногам, когда он бежал, придерживая шляпу одной рукой и с винтовкой в другой.

— Выдвигаться! — крикнул он полковнику Мейтленду, и побежал дальше к Старбаку.

Старбак махнул рукой, чтобы показать, что он слышал.

— Батальон! Вперед! Наподдайте им! — крикнул он.

В Легионе он, наверное, побежал бы впереди рот, но сегодня планировал следовать за своими людьми, не из страха, а просто чтобы убедиться, что они идут вперед.

— Вперед! — снова крикнул он и услышал, как Деннисон, Пил и Картрайт эхом повторили приказ.

Билли Тамлин с револьвером в руке шел позади правофланговых рот. У него не было собственной роты, но Старбак велел ему присматривать за правофланговыми, а также выполнять обязанности адъютанта, для которых Поттер оказался совершенно непригоден.

— Поторопите их, Билли! — крикнул Старбак и вернулся на свое место позади рот Липпинкотта и Пила. — Вперед! Живее!

Построенные в четыре ряда роты достаточно охотно шли вперед. Артиллерия мятежников стреляла через их головы, снаряды издавали такой звук, словно по небу перекатывались огромные бочки. Некоторых солдат этот звук заставил нервничать, как и периодические громовые удары самих пушек, но Старбак приказывал поторопиться, как только они пригибались от оглушающего шума.

— Они на вашей стороне! — кричал он. — Вперед! Сержанты! Следить за строем Следить за строем!

Некоторые бежали быстрее остальных, то ли от готовности вступить в драку, то ли от желания поскорей с ней покончить, но их спешка нарушала ровный строй батальона.

Легион еще не выступил, точнее, некоторые роты вышли вперед, когда начал наступление батальон Старбака, но Мейтленд отозвал их и теперь поспешно формировал

строй, пока на другом фланге полка по пологому склону продвигались другие батальоны Свинерда. В легком бризе развевались боевые знамена. День разрывали снаряды, пронизывал грохот пушек и раскалывал треск винтовок, а теперь он наполнился топотом сотен ног, шуршащих по траве. Один из застрельщиков похромал обратно к Специальному батальону, а другой лежал с пулей в голове и раскинутыми как у распятого руками. Какой-то солдат, вероятно, один из вооруженных старыми ричмондскими ружьями застрельщиков, уже завладел винтовкой убитого.

Легион наконец начал движение. Правофланговая рота Старбака под командованием Деннисона отстала, возможно, в надежде, что их нагонит и придет на подмогу Легион.

— Билли, подгоните их! — рявкнул Старбак. — Пусть пошевеливаются!

Билли Блайз проковылял к роте Деннисона и энергично замахал руками. Эти утренние боевые действия не пришлись ему по вкусу. Он был бы счастлив укрыться в Специальном батальоне, пока приливная волна войны не прибьет его достаточно близко к рядам янки, но не имел ни малейшего желания сражаться, в особенности в пехоте, но Билли знал, что ему придется притворяться еще некоторое время. Не было смысла переходить на сторону янки в Харперс-Ферри, потому что они были окружены и обречены. Ему придется подождать, пока батальон перейдет через реку и приблизится к основным силам Макклелана. Он решил, что до той поры будет делать лишь самое необходимое и не более того.

— Заставь их идти, Том, — приказал он Деннисону, но не стал заставлять солдат лично.

Деннисон велел роте ускорить темп, но совершенно неубедительным тоном, и хотя рота начала пошевеливаться, некоторые солдаты по предводительством Кейза намеренно медлили. Старбак подбежал к ним.

— Вперед! — заорал он. — Вперед! Быстрее!

Кейз только еще больше замедлил шаг.

Старбак вытащил револьвер и выпустил пулю в дерн позади каблуков Кейза.

— Пошевеливайся! — рявкнул он. — Вперед!

Он выстрелил во второй раз, теперь в сторону. Старбак не смотрел ни на Кейза, ни на кого-либо еще, потому что не хотел затевать еще одну свару, он лишь хотел, чтобы рота продолжала движение, и два выстрела произвели потрясающий эффект — копуши ринулись вперед с проворством напуганного кролика.

— Следите, чтобы они двигались, Билли! — рявкнул Старбак. — Капитан Деннисон! Поторопите их!

Билли Блайз был слишком поражен, чтобы ответить. Он поковылял вперед, подгоняя руками роту Деннисона, внезапно испугавшись Старбака больше, чем ожидающих на холме янки. Его страшила чистая сила гнева Старбака, но он опознал ее подлинную силу. Старбак был из тех, кто может лишь силой личности двигать батальоны, и именно ярость и решимость Старбака заставляли Желтоногих идти через долину под разрывающим воздух грохотом снарядов, которые летели над их головами. Билли Блайз решил, что Старбак принадлежит к тому типу людей, которые заставляют других умирать. Или умирают сами.

— Как вас зовут, Кейз?

Блайз поравнялся с Кейзом, который, чтобы показать свою независимость, снова начал на два шага отставать от остальных солдат первой роты.

— Кажется, вы это уже знаете, капитан, — отозвался Кейз. Его голос был еще хриплым после чудовищного удара в горло, которым его наградил Старбак.

— Я имел в виду именно имя, сержант, — сказал Блайз, намеренно восстановив Кейза в

звании.

Тот поколебался, а потом решил, что дружеский тон капитана Тамлина заслуживает ответа.

— Роберт, — признался он.

— Черт, моего брата зовут Бобби, — солгал Блайз. — Отличный парень. Может, чуток слишком налегает на выпивку, но Боже ты мой, какие он рассказывает истории! — он заметил, как Кейз искоса бросил на Старбака наполненный затаенной ненавистью взгляд. — Пристрелите его сейчас, сержант, — тихо произнес Блайз, — и тому найдется сотня свидетелей, и до того, как вы сможете плюнуть на его могилу, будете стоять перед расстрельным взводом. Это просто неразумно, Бобби. И вообще, думаете, он за вами не приглядывает? Просто продолжайте идти, сержант, и пошевеливайтесь. Похоже, мы собираемся выиграть войну, а? В этом случае он про вас забудет.

Кейз промолчал, но слегка прибавил ходу. Над головами просвистел нацеленный слишком низко снаряд мятежников, заставив некоторых солдат пригнуться. Он разорвался среди цепи застрельщиков батальона, и капитан Поттер стремглав бросился в кусты. Батальон захохотал.

— Любимый клоун Старбака, — тихо сказал Билли Блайз.

Кейз окинул его долгим и напряженным взглядом, как будто ему только что пришло в голову, что заместитель командующего батальоном может оказаться союзником.

— Если Старбак сдохнет, — нарушил тишину Кейз, — вы получите командование, капитан.

— Уверен, что мне следует поблагодарить вас, Бобби, что напомнили об этом, и если это когда-нибудь случится, то мне понадобятся опытные офицеры. А не всякие звездные мальчишки, это то самое выражение, да? Просто приличные опытные люди. Настоящие солдаты. Понимаете, о чем я? Иисусе! — последнее слово вырвалось у Билли Блайза после внезапно раздавшегося грохота пушек янки. Над долиной завывали вражеские снаряды, разрываясь среди продвигающейся пехоты и взметая землю, дым, пламя и плоть.

На вершине холма янки оставили скрытую артиллерию и теперь канониры вытащили замаскированные ветками пушки и открыли огонь по наступающей пехоте. Первый залп состоял из простых снарядов, но потом пушки зарядили картечью, и теперь каждый залп стал похож на гигантский выстрел дробью, разлетающейся из дула во все стороны. Картечь разрывалась сразу у дула, разлетаясь ружейными пулями, и Блайз в ужасе увидел, как трава перед батальоном заколыхалась, словно в сторону атакующих движется невидимая метла. Раздался глухой стук как от сильного ливня, и внезапно завыл ветер, когда по рядам пронеслось облако пуль. Солдаты падали, разворачивались, сгибались или раскачивались. У солдата рядом с Блайзом сквозь коричневый китель торчало ребро. Солдат уставился на этот белый осколок в совершенном недоумении, а потом через дыру в мундире хлынула пузырящаяся светлая кровь, заливая живот. Горлом у него тоже пошла кровь, и он упал на колени, пытаясь заговорить, а потом рухнул лицом вниз.

Блайз с Кейзом укрылись за валуном, закурив одну сигару на двоих, пока в воздухе щелкала и свистела картечь. В неразберихе рота Деннисона рассыпалась. Несколько человек продолжали двигаться вперед, другие залегли, но большинство в панике ринулись налево, где остальные роты батальона создавали иллюзию безопасности. Кейз скрючился рядом с Блайзом.

— В Севастополе и не то еще было, — сказал он. — Проклятые Иваны обстреливали нас

денно и ночью, денно и ночью. Не давали встать ни на минуту.

— Опытные солдаты, вот кого я ищу, — сказал Блайз, возвращая сигару спутнику.

— Так что будем делать со Старбаком? — скривился Кейз.

— Просто подождем Боженьку, Бобби. подождем Боженьку, и он все сделает. Разве в правильных книжках не об этом говорится?

— Вы именно этим и занимаетесь?

— Я просто жду, когда придет мое время, Бобби, но оно придет. Не вижу смысла рваться в драку. Черт, нам нужны герои, но некоторым придется дожить до конца войны и добраться до дома. Иначе янки оприходуют наших жен, а мы будем гнить в могилах.

Кейз выглянул из-за валуна, поискав вдали силуэт Старбака.

— Без винтовки многого не добьешься.

— Винтовки найдутся. Черт, не хотел бы я командовать батальоном без винтовок, — засмеялся Блайз. Он подбирал себе союзников, а этим он любил заниматься. Блайз выживал и преуспел в этом, полагая, что это хорошо у него выходит из-за обширных планов на дальнейшую жизнь, а смерть в сражении в эти планы не входила. Он выживет.

Треск вражеских орудий настолько ошарашил Старбака, что он онемел. Он обещал солдатам, что пушек не будет и они смогут безбоязненно пересечь долину, но теперь канониры противника засовывали в стволы банники, перезаряжали, и раздавался очередной залп картечи. Старбака охватил ужас, его ноги ослабели, и он вот-вот готов был захныкать, как выпоротый мальчишка. Но продолжал двигаться, не от храбрости, но потому что, казалось, не способен изменить направление или темп. Он хотел крикнуть Поттеру, чтобы повел застрельщиков вверх по склону в сторону пушек, но из его рта не вылетел ни один звук, и он вслепую побрел вперед, пока его разум подыскивал молитву, которую он не мог выговорить вслух. Страх полностью лишил Старбака самообладания, и он не мог отделаться от мысли, что никогда больше не сумеет противостоять подобному страху. Он поскользнулся на подсохшей коровьей лепешке, а в горлу подступила рвота. Ему удалось справиться с этим позывом, сделав глубокий вздох, и Старбак был уверен, что солдаты Специального батальона, которых он повел под смертоносный огонь пушек, как завел Легион в артиллерийскую ловушку, устроенную янки у Шантильи, его презирают. Он взглянул направо и с удивлением обнаружил широкий разрыв в рядах бригады. Легион исчез, хотя в проеме он заметил смешавшиеся ряды солдат, бегущих в атаку через покрытое дымом пастбище под красно-синими флагами. Рота Деннисона пропала, как и половина роты Картрайта, но остальная часть батальона по-прежнему шла вперед, хотя больше уже не четкой шеренгой. Люди рассеялись в оставленном ротой Деннисона промежутке, и краем спутанного сознания Старбак понял, что это спасет их от картечи.

По траве застучал очередной град снарядов, и солдат отбросило назад словно марионеток, которых дернули за ниточки. Канониры янки хорошо знали свое дело, целясь картечью чуть впереди атакующих мятежников, так чтобы все пули отскакивали им в лицо. Старбак ощущал в горле кислятину рвоты, но ему удалось мысленно произнести двадцать третий псалом, и осознание того, что он снова вернулся к вере отца, его и удивило, и успокоило. Он увидел, что батальон пересек долину и начал подниматься по дальнему склону. Пехота северян почти исчезла, она не отступила, а укрылась за скалами и кустами на

вершине холма. Чуть ниже застрельщики янки торопились взобраться обратно между дымными взрывами снарядов южан, и внезапно вершина тоже покрылась дымом, когда открыла огонь вражеская пехота. Через мгновение после появления дыма по долине прокатился треск пальбы. Над головами засвистели пули, хотя несколько из них вонзились в людей с гулким звуком, который издает опускающийся нож мясника. Тела откинуло назад, и над ними поднялся кровавый туман.

— Вперед! — крикнул кто-то позади Старбака.

— Не останавливаться! Вперед! Вперед!

Теперь Старбак находился среди рассеявшихся солдат, призывая их атаковать, его тело двигалось, как у лидера, хотя разум по-прежнему колебался между ужасом и необходимостью заставить левофланговые роты подниматься по склону.

Артиллерия конфедератов наконец-то нацелилась на орудия янки, и в горячем воздухе над потными канонирами затрещали взрывы.

— Вперед! — орал Старбак, потрясенный тем, что вообще способен говорить. — Вперед!

Каждый нерв в его теле вопил, призывая развернуться и бежать, забиться в какую-нибудь дыру до конца своих дней, пока над его головой мир сходит с ума, но остатки гордости и упрямство заставляли двигаться дальше и даже ускорить шаг. Он обернулся, чтобы ободрить своих неуклюжих солдат с застывшими лицами, которым мешали скатки, ранцы, сумки и ножны, так что они тяжело ступали, открыв рты.

— Вперед! — гневно призвал он, хотя злился только на себя.

Батальон по-прежнему находился в двух сотнях ярдов от вершины, слишком далеко для приказа идти на приступ, но Старбак почувствовал, что если немедленно не заставит батальон двигаться, солдаты залягут и вообще откажутся наступать. Желтоногие уже добились гораздо большего, чем в первом своем сражении, но чтобы стряхнуть остатки прежней репутации, им нужна была победа. Снаряды мятежников с воем проносились прямо над головами, разрывая барабанные перепонки и взметая фонтаны земли и дыма вдоль вершины. Винтовочная стрельба янки стала беспорядочной — солдаты стреляли, как только могли перезарядить, и Старбак, заметив, что дым от винтовок стал спорадическим, понял, что на вершине не осталось никого, кроме цепи застрельщиков. Янки не собирались сражаться за вершину, они лишь причинили некоторый ущерб, прежде чем ускользнуть, и это придало Старбаку мужества. Может, он и не погибнет на этом усеянном коровьим навозом пастбище, может, он подарит своему презираемому батальону победу, в которой тот так нуждался, и Нат снова приказал солдатам наступать, только на сей раз его крик перешел в боевой клич мятежников, и вдруг остальные подхватили этот вопль и перешли на неуклюжий бег.

Обстрел картечью прекратился. Старбак слышал лишь те звуки, которые производил сам. Топот башмаков, тяжелое дыхание, отчаянный вопль, клацание жестяной кружки по патронташу, хлопки кобуры револьвера по бедру. На вершине что-то горело, и воздух наполнился густым дымом. Взорвался очередной снаряд мятежников, пригнув куст и искромсав листву. Люди Поттера теперь построились, а сам капитан бежал рядом со Старбаком с безумным воплем. Старбак вслепую перебрался через выжженный и затянутый дымом клочок земли, где разорвался снаряд. За ним лежал застрельщик янки с вывернутой головой и скрюченными руками, его кишки вывалились на обугленную траву. Наконец-то на холме показались люди. Они стоя прицеливались и стреляли, а потом опускали оружие,

чтобы перезарядить. Рядом со Старбаком со зловещим завыванием просвистела пуля, и он тоже начал вопить как Поттер, это был дикий и чудовищный звук, вмещавший в себя весь ужас и одновременно радость сражения. Старбак хотел наказать мерзавцев, которые чуть не лишили его мужества. Он жаждал убивать.

— Вперед! — крикнул он, выплюнув это слово, когда наконец атакующие добрались до вершины пологого холма. Полковник Свицерд ошибся — вдоль гряды тянулись окопы, но янки уже их покинули, отступив к другому оборонительному рубежу, лежащему на следующем холме. Лошади тащили на него пушку северян, там ждали другие орудия и пехота, но Старбаку не приказывали атаковать дальний холм. Его задачей было оттеснить силы северян с этого холма, и она была выполнена, он выбежал на чистый, благословенный воздух, не тронутый пулями и снарядами, хотя Старбак знал, что через несколько секунд далекие пушки начнут стрельбу.

— Убейте их! — заорал он и прыгнул в пустой окоп, установив винтовку на земляном валу с обратной стороны. Он прицелился в отступающих янки и нажал на спусковой крючок, курок опустился на непригодный капсюль, и Нат выругался, сломав ноготь, когда выковыривал капсюль, а потом вставил на его место другой и снова выстрелил. Винтовка ударила по плечу, а облако дыма скрыло мишень. Рядом засмеялся Поттер. Остальные солдаты батальона из тех, кто последовал за ними, засели в других покинутых окопах и стреляли по улепетывающей пехоте янки.

Далекие пушки северян открыли огонь. Снаряды мелькали над головами и приземлялись за их спинами, а бригада Свицерда залегла на захваченном холме. Старбак перезарядил винтовку и оглянулся, чтобы понять, где находятся его люди. Он увидел, что из окопа торчит флаг и как по склону сразу за его спиной медленно ползут раненые, а Легион еще поднимается вверх. Он повернулся на север и удивился, потому что там местность круто понижалась, и между двумя небольшими холмами серебрилась река, текущая на восток. За ней, в Мэриленде, поднимался дым, там другие войска конфедератов смыкали мрачное кольцо Джексона вокруг Харперс-Ферри.

— Боже правый, мне это нравится, — заявил Поттер.

Старбак намеревался сказать, что ему следовало бы направить застрельщиков против канониров, но вместо этого его вырвало. Он опустошил желудок прямо в окоп.

— Господи, — пробормотал он, когда рвотные позывы прекратились. — Господи.

— Вот, — Поттер передал ему флягу, — это всего лишь вода.

Старбак вытер рот и отпил.

— Прошу прощения, — сказал он Поттеру.

— Что-то съели, — тактично предположил тот.

— Страх, — резко ответил Старбак.

Снаряд врезался в землю всего в нескольких ярдах перед окопом. Он не взорвался, а несколько раз перекувырнулся и зарылся в оставшуюся после рытья окопов землю.

— Думаю, следует поискать другое местечко, — произнес Поттер, провожая глазами снаряд. От раскаленного металла воздух в проделанном снарядом отверстии дрожал.

— Иди, — сказал Старбак. — Я догоню.

Оставшись в одиночестве, он присел в окопе, спустив штаны, и опорожнил кишечник. Он вспотел и дрожал. Земля тоже подрагивала от разрывов снарядов. Небо над окопом накрыла пелена дыма, но страх внезапно испарился, и Старбак встал и неуклюже натянул штаны, подпоясался, застегнул изношенный китель и подтянул скатку. Он выкарабкался из

окопа и пошел с винтовкой за спиной вдоль остальных окопов, чтобы поздравить солдат. Нат сказал им, что они молодцы и он ими гордится, а потом спустился обратно по склону, наблюдая, как отстающие боязливо поднимаются. Капитан Деннисон притворился, что подгоняет копуш, но позаботился о том, чтобы не встретиться со Старбаком, хотя капитан Тамлин радостно выбежал навстречу, раскинув руки.

— Черт, Старбак, если вы не самый храбрый человек, которого я в жизни видел, то мое имя не Тамлин, — сказал Блайз.

Старбак проигнорировал как приготовленные для объятий руки, так и комплимент.

— Что произошло с вашими ротами? — холодно осведомился он.

Резкость Старбака, похоже, не озаботила Тамлина.

— Мне удалось заставить двигаться большую часть ребят Картрайта, но только не первую роту, — он сплюнул. — Это просто мулы, Старбак, настоящие мулы. Я добрался сюда, вернулся обратно, а эти мерзавцы и не пошевелились. Сделал всё, что мог. Проклятье, Старбак, я знаю, что вы разочарованы, но Бог свидетель, я сделал всё, что мог.

— Не сомневаюсь, — искренность Тамлина убедила Старбака. — Простите, Билли.

— Выглядите измочаленным, Старбак.

— Наверное, съел что-нибудь, Билли, ничего страшного.

Старбак нашел в сумке сломанную сигару и прикурил самый большой ее огрызок.

— Не составите ли список потерь, Билли? — спросил он и направился обратно на вершину холма. Пушка янки усилила обстрел, но целилась не в захваченную гряду, а в сторону другой группы мятежников, атакующих с левого фланга. Люди Свинерда очистили холм, чтобы обороняющие его янки не смогли обойти вторую группу мятежников. Целью второй атаки было занять вершину к югу от Харперс-Ферри. Звук сражения становился то приглушенным, то более резким, наполняя воздух сероватым дымом.

Старбак снял с винтовки штык и смотрел, как Легион преодолевает последние несколько ярдов подъема. Мейтленд намеренно отвел солдат из-под обстрела картечью, и солдаты это понимали и хотя и были, вне всяких сомнений, благодарны за избавление от последнего обстрела сопротивляющихся янки, в то же время были пристыжены. Презираемые всеми Желтоногие повели себя храбрее, и солдаты Старбака насмешливо приветствовали прибывающий Легион. Старбак не стал их останавливать, хотя и знал, что рота Деннисона не заслуживает получить в награду даже этот маленький повод для гордости.

— Капитан Деннисон! — позвал он.

Деннисон шел ссутулившись вдоль гряды, пока его солдаты занимали места в пустых окопах. Деннисон ожидал нагоняя, но Старбак указал на незанятый окоп.

— Ваши люди могут устроить там пикет, — сказал он. — Цепь застрельщиков в сотне шагов вниз по склону. А вы можете остаться здесь, — он махнул в сторону окопа, который покинули они с Поттером. — Этот окоп будет вашим штабом.

— Да, сэр.

— Не беспокойтесь о снаряде. Он не взорвется. Давайте же, шевелитесь. Прыгайте, пока какой-нибудь ублюдок-снайпер на вас не попрактиковался.

— Да, сэр, — ответил Деннисон и приказал солдатам следовать за ним к другому склону холма. Старбак наблюдал, как Деннисон спрыгнул в окоп, и отвернулся.

— Над чем смеетесь, Нат? — по холму шагал полковник Свинерд, оставивший на время сражения лошадь.

— Просто мелкая месть, сэр, — теперь он этого стыдился, но не мог вернуть назад эту мальчишескую выходку.

— Ваши ребята хорошо справились, — сказал Свинерд, — действительно хорошо, думаю, они так же хорошо себя покажут и в настоящем сражении. Отлично, Нат, отлично, — он помолчал. — Знаете, почему Легион двигался так медленно?

— Нет, сэр.

— Тогда мне лучше это выяснить, — мрачно произнес полковник и зашагал в сторону Мейтленда.

А Старбак сдвинул на затылок шляпу и вытер с лица пот. Его батальон дрался в первой настоящей схватке. Желтоногие не сбежали, и жизнь снова наполнилась красками.

Глава восьмая

Адам Фалконер когда-то был противником войны. До ее начала, когда по всей Америке как пожар в прерии разгорались споры, он страстно жаждал мира, но эту страсть захлестнула горечь от разделения страны надвое. Тогда Адам вернулся домой, чтобы сражаться за родной штат, но не чувствовал свою принадлежность к нему. Он хотел жить в Соединенных Штатах и потому, рискуя разбить сердца родных, перешел через линию фронта и сменил серый мундир на синий.

Его страстная любовь к Северу, однако, не восстановилась. Вместо этого в нем зарождался гнев, взамен того, что, как он сейчас понял, было юношеским пылом, смешанным с юношеским невежеством. Один человек может всё изменить, как сказал Лайман Торн, и Адам хотел стать этим человеком. Он хотел положить конец войне, но при полной победе Севера. Человек, который когда-то был противником войны, теперь обнимался с ней как любовник, потому что война — это Господня кара для Юга. А южан следовало наказывать, как считал Адам, не за то, что они являлись рабовладельцами, а потому что разбили Союз и тем самым изгадили страну, которая, по мнению Адама, была избрана Господом, и Бог избрал Адама своим рыцарем.

Но рыцарь чувствовал себя бесполезным. Конечно, полковник Торн дал ему задание, и оно могло сыграть ту решающую роль, к которой стремился Адам, но Торн был не в состоянии дать Адаму какие-либо наставления, как выполнить эту задачу. Он жил надеждой, а не планами, и ощущал разочарование.

Разочарование усиливалось из-за неповоротливости генерала Макклелана. В четверг пополудни прибыли новости о том, что армия мятежников наконец-то покинула Фредерик и выступила на запад, но Макклелан просто отложил сообщение и заговорил о необходимости защищать Вашингтон. Отступление из Фредерика — это уловка, заявил он, чтобы оттянуть сто тысяч солдат федеральной армии от Вашингтона, пока вторая армия мятежников пересекает Потомак вниз по течению, дабы захватить столицу. А еще Макклелан боялся, что отступление мятежников может оказаться просто наживкой, чтобы выманить армию Севера из лагерей на поле битвы по выбору Ли, а у Ли, как теперь был уверен Макклелан, было двести тысяч солдат, двести тысяч демонов в серых волчьих шкурах, которые бросались в атаку с жуткими нагоняющими ужас воплями и отчаянной яростью. Макклелан не станет рисковать и не наткнется на эту ярость, как и не оставит Вашингтон без прикрытия. Он подождет.

И таким образом, пока мятежники скрывались за лежащими к западу от Фредерика горами, армия Макклелана продвигалась черепашьям шагом. Она не кинулась в погоню за мятежниками, и даже известия о том, что в Харперс-Ферри в осаде оказались пятнадцать тысяч человек, не заставили нового Наполеона поторопиться. Харперс-Ферри придется самому о себе позаботиться, пока Макклелан, пугаясь каждого слуха, пытался защитить армию от любых случайностей. Он решил, что она будет двигаться широким фронтом, но без неподобающей спешки. Главное — осторожность.

Адам не имел права голоса. Он был нежеланным майором, прикрепленным к штабу Макклелана, и его точка зрения никого не интересовала, а меньше всего Алана Пинкертона,

который руководил Секретной службой Макклелана. Адам попытался повлиять на Пинкертона, а через него и на Макклелана, поговорив с его заместителем, приятелем Адама и старшим братом его бывшего друга Ната Старбака. Джеймс Старбак был полной противоположностью Нату. Он служил в Бостоне адвокатом, был честным, аккуратным и добросовестным, и его прирожденная осторожность лишь подкрепляла раздутую Пинкертоном оценку численности мятежников. Адам поспорил с Джеймсом за ужином в четверг вечером, когда впервые услышал, что мятежники покидают Фредерик, и возразил, что вряд ли у Ли двести тысяч солдат, даже и ста тысяч нет.

— Может, шестьдесят или семьдесят, — сказал Адам, — но, вероятно, не более пятидесяти.

Джеймс рассмеялся, услышав эти цифры.

— Мы очень дотошны, Адам, очень. Уж поверь. У нас сотни донесений! Я знаю, потому что сам их сопоставляю. Сравниваю их.

— Донесения от кого? — спросил Адам.

— Ты знаешь, что я не могу сказать, — неодобрительно заметил Джеймс. Он замолчал, чтобы вытащить застрявшую в зубах куриную косточку, и аккуратно положил ее на край тарелки. — Но контрабандные повторяют то же самое, совершенно то же самое. Сегодня я разговаривал еще с двумя.

Контрабандными называли беглых рабов, которых приводили в палатку Пинкертона и расспрашивали об армии мятежников. Все они говорили одно и то же: тысячи и тысячи мятежников, бесконечные марширующие колонны и огромные пушки, разбивающие пыльные дороги своими кованными железом колесами.

— Даже если мы мы немного преувеличиваем, — продолжил Джеймс, взмахнув вилкой, — необходимо признать, что у Ли что сто семьдесят тысяч. А это больше, чем у нас!

Адам вздохнул. Еще во время весенней кампании он находился в рядах армии мятежников и знал, что солдат в сером никак не может быть сто семьдесят тысяч.

— А сколько человек во Фредерике? — спросил он.

Джеймс выглядел торжественно, как ученая сова.

— По меньшей мере сто тысяч. У нас есть прямые донесения из города.

Адам подозревал, что сообщения местных жителей по большей части основываются на слухах из газет.

— А что говорит наша кавалерия? — осведомился он.

Джеймс нахмурился и пощупал щеку указательным пальцем, прежде чем извлечь очередной кусочек кости.

— Этот цыпленок такой костлявый, — неодобрительно заявил он.

— Может, это кролик, — предположил Адам. — Так что говорит кавалерия?

Джеймс уставился на свою тарелку, освещенную свечами.

— Не думаю, что это кролик. У кроликов не бывает грудных дужек, не так ли? Уверен, что нет. И не думаю, что нашей кавалерии сегодня приказывали добраться аж до самого Фредерика. Вообще-то, уверен, что не приказывали. Возможно, проблема в том, что наши повара не умеют как следует разделять цыпленка. Я обнаружил, как один поваренок набросился на тушку с мясницким топориком! Можешь в это поверить? С топориком! Не пытался разделать птицу, а просто рубил ее. Никогда не видел ничего подобного. Он даже не выпотрошил ее как следует. Я велел ему делать так, как делала его мать, сказал, обожги кожу над свечой и тем избавишься от остатков перьев, но не думаю, что он прислушался.

— Так почему бы нам с тобой не проехаться во Фредерик? — Адам проигнорировал кулинарные проблемы, — завтра утром. На заре.

Джеймс моргнул.

— С какой целью?

— Потому что если сто тысяч человек располагались лагерем во Фредерике, — сказал Адам, — они оставили следы. Следы от костров. Скажем, десять человек у одного костра? Значит, если мы найдем на поле выжженные отметины, то сможем судить о количестве солдат у Ли.

Джеймс тихо рассмеялся.

— Дорогой мой Адам, ты представляешь себе, сколько времени у двоих человек займет подсчет тысяч выжженных отметин на траве? — он покачал головой. — Я ценю твой интерес, в самом деле, но не думаю, что мы в Секретной службе нуждаемся, прости мою резкость, в помощи любителя. Если бы ты помог нам в некоторых проблемах с сигнальной системой, мы были бы благодарны. Ты ведь что-то вроде эксперта в телеграфе, так ведь? Наши ребята, похоже, не в состоянии освоить оборудование. Наверное, посылают сообщения мясницкими топориками! — он захохотал, развеселившись от этой мысли.

Но Адаму было не до телеграфистов со слишком тяжелыми кулаками, он лишь мог предаться гневу на медлительность армии северян и непроходимую тупость Секретной службы. Он решил, что сам на заре поедет во Фредерик, не для того, чтобы посчитать следы от костров, а чтобы поговорить с горожанами, которые, возможно, дадут ему некоторое представление о численности армии Ли. Гражданские, как знал Адам, всегда преувеличивают количество войск, но, может, в городе есть кто-нибудь, кто предоставит ему сведения, искать которые у кавалерии США не было времени.

Он оседлал лошадь еще до зари и к тому времени, как за его спиной поднялось солнце, выехал уже далеко за линию застав. Лошадь с седоком отбрасывали длинные тени по обочинам пыльной белой дороги. Адам позавтракал на ходу хлебом с медом, запив его холодным чаем, пока дорога тянулась на восток, параллельно с незаконченной веткой железной дороги Метрополитен. Он чувствовал себя ненужным и бесполезным. По правде говоря, в посещении Фредерика было мало проку, потому что Адам знал — что бы он там ни нашел, если вообще что-либо обнаружит, будет преуменьшено людьми Пинкертон, которые тщательно живописали собственную картину армии мятежников, но Адаму просто нужно было чем-то себя занять, всё лучше, чем очередной праздный день в лагере Макклелана.

Местность была на удивление притихшей. Станным казалось отсутствие кукарекающих петухов, но Адам знал, что это наверняка оттого, что фуражиры мятежников прочесали эти тихие фермы в поисках продовольствия. Зима в Мэриленде будет голодной.

В Мидлбруке он напоил лошадь, а потом поехал по низменности, где ускакал от патруля мятежников. Его подавленное от тщетности полученного назначения настроение начало улучшаться по мере того, как вставало солнце, а он скакал по прекрасной местности. На ухоженных полях стояли аккуратные стога сена, а дрова были собраны в высокие штабеля, хотя, без сомнения, продвигающаяся армия вскоре покончит с результатами этого тяжелого труда. От этой картины мирной жизни на душе у Адама потеплело, и под лучами солнца он замечтался об окончании войны. Он сомневался, что сможет вернуться в Виргинию, как сомневался и в том, хочет ли вообще туда возвращаться. Он решил, что вместо этого направится в Новую Англию и выучится на священника. Адам вообразил городок с черепичными крышами, построенный вокруг сонной белой церкви посреди густых лесов, о

месте честного и тяжелого труда, о том месте, где можно учиться, проповедовать и писать. Он увидел заполненный книгами кабинет, может, над камином там будет и отцовская сабля с рукояткой из слоновой кости, захваченный Адамом трофей, теперь она висела на его боку. Саблю подарил прадеду Адама генерал Лафайет, и клинок украшала надпись по-французски "Моему другу Корнелиусу Фалконеру, который вместе со мной сражался за свободу. Лафайет". Адам представил, как его правнуки хранят это оружие на память о двух войнах, в которых добродетель одержала победу над злом. Он нарисовал в воображении кухню с тяжелой почерневшей плитой, дымящимися кастрюлями, сушеными травами и корзинами с собранными в собственном саду фруктами. Он вспомнил о Джулии Гордон в Ричмонде, гадая, признает ли она по окончании войны грехи Юга и приедет ли на Север, чтобы разделить с ним эту мечту о рае в глубокой и благочестивой тишине лесов Новой Англии.

Эти мысли перенесли его через Кларкстаун, Хайтстаун и Урбану, пока, наконец, он не пересек линию Балтимор-Огайо. Мятежники вырвали рельсы и шпалы, оставив на тучной земле шрам, но Адам знал, что инженеры Севера вскоре починят пути, и на восток и запад снова побегут вагоны. Теперь перед Адамом лежал Фредерик, но вокруг него простирались лишь покинутые поля, испещренные бледными отметинами, где стояли палатки, и темными пятнами, где горели костры. Мятежники исчезли.

Когда он въехал город, время близилось к полудню.

— Эй! Солдат! — окликнула его какая-то женщина, заметив синий мундир, — а где же остальные?

— Скоро придут, мэм, — ответил Адам, учтиво прикоснувшись к краю шляпы.

— Солдат Ли здесь больше нет, все ушли, — сказала женщина и снова принялась тереть белье о доску. — Я-то думала, вы быстрее объявитесь.

Местные жители радостно приветствовали Адама. В городе было больше сторонников Севера, чем Юга, и появления единственного военного-янки оказалось достаточным, чтобы город украсился звездно-полосатыми флагами. Они свисали из окон верхних этажей или возвышались на самодельных флагштоках. Люди подходили, чтобы позвать Адаму руку, некоторые принесли ему подарки — сигары или фляжки с виски. Адам попытался отказаться от этих сувениров, но его смутила собственная неблагодарность, так что он притворился, что отпивает из одной из фляжек, и кинул охапку сигар в карман кителя. На Мейн-стрит он спешил. С Адамом одновременно заговорила дюжина человек, рассказывая, как уходили мятежники, какова численность их армии, но признавая, что войска южан не опустошили город. Жители ожидали грабежей, но мятежники вели себя достойно, хотя настаивали на том, чтобы в оплату принимались деньги Конфедерации, которые не имели почти никакой ценности. Горожане хотели узнать, когда прибудет армия Макклелана и когда с остальной территории Мэриленда сметут захватчиков-южан. Пытаясь разобраться в этом урагане людских голосов, Адам заметил, что некоторые жители переходили на другую сторону улицы, чтобы избежать с ним встречи, а другие плевали ему вслед. Несмотря на демонстрацию флагов Севера, горожане разделились на два лагеря.

Адам хотел найти мэра или представителя городского самоуправления, но его тащили в близлежащую таверну, чтобы отметить освобождение города, которое он произвел своим приездом. Адам покачал головой. Он находился неподалеку от почты и решил, что почтальон, являясь федеральным служащим, может стать источником внушающих доверие сведений, и потому привязал поводья к столбу, забрал из седельной сумки золото Торна, чтобы оно не досталось ворами, и расталкивая докучливую толпу, направился к почтовой

конторе.

— Благословенен Господь, — поприветствовала его женщина, — наконец-то вы здесь.

— Боюсь, только лишь я, — сказал Адам и поинтересовался, на месте ли почтальон.

— Джек! — позвала женщина и махнула рукой на пустые столы. — На прошлой неделе не пришлось заниматься делами, — объяснила она. — Надеюсь, скоро всё наладим.

— Надеюсь, — согласился Адам и поздоровался с почтальоном — грузным рыжебородым человеком, который появился из небольшого заднего помещения в глубине конторы. Некоторые горожане запрудили почту вслед за Адамом, а тот, чтобы оторваться от этой разгоряченной компании, последовал за почтальоном в маленькое служебное помещение.

Почтальон оказался не слишком полезным.

— Могу сказать, что здесь побывало множество этих мерзавцев, — заявил он Адаму, — но сколько именно? — он пожал плечами. — Тысячи, тысячи и тысячи. Как вы говорите, вас зовут?

— Майор Адам Фалконер.

Почтальон уставился на Адама с подозрением.

— Майор? Не капитан?

Вопрос показался странным, но Адам подтвердил свое звание.

— Я получил повышение неделю назад, — объяснил он. Он повесил мешочек с монетами Тора на пояс, и теперь их глухое клацание его смущало.

Почтальон, похоже, не замечал этих звуков.

— А где вы служите, майор? — спросил он.

— В штабе генерала Макклелана.

— Тогда, полагаю, вы знали, что сюда приедете, майор, — загадочно произнес почтальон и отпер ящик стола, откуда извлек жесткий коричневый конверт, на котором, к вящему изумлению Адама, было написано его имя. Надпись сделали печатными буквами, и Адам не мог узнать почерк, но ощутив дрожь предвкушения, разорвал конверт и вытащил из него единственный лист.

Возбуждение переросло в изумление, почти в недоверие, когда он прочитал Специальный приказ. Поначалу, просматривая первые два абзаца, он недоумевал, с какой стати кто-то решил послать ему то, что казалось не более чем сводом рутинных бытовых правил, но потом перешел к третьему и едва сумел сдержать восторг, когда увидел, что в нем содержится вся диспозиция войск мятежников. Он держал в руках полную стратегию армии конфедератов, позиции каждой дивизии войск Ли. Это бумага была настоящим золотом, чистым слитком золота, потому что Роберт Ли разделил армию. Часть ее ушла к Харперс-Ферри, а часть двинулась на север в сторону Пенсильвании, остальные же, очевидно, охраняли дороги между этими двумя армиями. Адам прочитал приказ дважды и внезапно понял, что он не напрасно служил своей стране. Даже Макклелан, очутись у него в руках эта бумага, наверняка осознает предоставляющуюся возможность. Новый Наполеон вступит в драку с каждой частью армии Ли по отдельности и по очереди их победит, пока весь мятеж, по крайней мере в Виргинии и ближайших штатах, не будет полностью уничтожен.

— Кто дал вам это? — спросил Адам почтальона.

— Он не назвался.

— Это был офицер мятежников?

— Да, — почтальон помолчал. — Полагаю, письмо важное, потому что парень вел себя

малость странновато. Так что я держал его отдельно от других писем.

Предположим, что это ловушка? Адам всмотрелся в подпись. Р.Х. Чилтон. Он знал Чилтона, хотя и не очень хорошо. Но не ему принимать решение.

— Как этот человек выглядел?

Почтальон пожал плечами.

— Небольшого роста, упитанный. Немного, как бы это сказать... Хилый? Словно ему не следовало становиться военным.

— С бородой?

— Нет.

Дилейни? Бельведер Дилейни? Хотя сейчас личность шпиона Торна не играла большой роли, имело значение только чтобы этот драгоценный клочок бумаги в целостности и сохранности добрался до Макклелана.

— Спасибо, — горячо поблагодарил Адам и подобрал конверт, хотя в спешке порвал его, пытаясь засунуть приказ обратно.

— Возьмите этот, — почтальон протянул ему конверт большего размера, в который Адам спрятал приказ. Он собрался было положить конверт в карман, но обнаружил, что тот набит сигарами.

— Возьмите это, будьте добры, — сказал Адам, высыпав сигары на стол.

— Но не все же! — запротестовал почтальон против щедрости Адама.

— У меня их более чем достаточно, — уверил Адам. Он не курил, но Лайману Торну нравились сигары, так что Адам положил в конверт три штуки перед тем, как пожать руку почтальону. — Еще раз благодарю вас, — пылко повторил он.

Он вернулся на улицу, протиснувшись через любопытствующих, и вскочил в седло. Адам вернул золото в седельную сумку и пустил лошадь через толпу, пока, наконец, не освободился от зевак, пришпорив лошадь вниз по улице, в сторону железнодорожной станции. Мясник в забрызганном кровью фартуке вышел из-под навеса, когда Адам проскакал мимо.

— Аккуратней, солдат! — крикнул мясник. — К западу от города совсем недавно видели партизан.

Адам натянул поводья.

— Мятежники?

— Точно были не в синем, — ответил мясник.

— Я думал, мятежники ушли?

— Это те ублюдки, что за рекой. Пришли чем-нибудь поживиться, не иначе. Когда я последний раз их видел, они были далеко к западу, но шли по дуге к югу, взглянуть на станцию. Поезжайте по этой дороге, — указал он на восток, — и точно их избежите. Через десять-двенадцать миль приедете в Риджвиль, а оттуда сверните на юг.

— Спасибо, — сказал Адам и развернул лошадь, пришпорив, чтобы она перешла на рысь. Впереди ему предстояла долгая поездка, и нужно было сохранить силы животного, так что он сдержал порыв перейти на галоп. Он дотронулся до кармана, едва смея поверить в то, что там скрывается. Дилейни? Был ли этим предателем Дилейни? И Адам поразился, что употребил это слово, даже мысленно, потому что тот, кто послал приказ, не предавал Соединенные Штаты. Но был ли это Дилейни? Почему-то Адам не мог вообразить фатоватого и умного адвоката шпионом, но больше ему в голову не приходил ни один офицер конфедератов, подходящий под описание почтальона и портрет агента,

нарисованный Торном. Дилейни, робкий ричмондский адвокат с языком без костей, широкой улыбкой и наблюдательным взглядом.

Продолжая удивляться, Адам проехал мимо здания школы, а потом мимо пустой городской конюшни и часовни для негров. Он прошлепал по броду и на противоположном берегу пришпорил лошадь к длинной дороге, выходящей из города и бегущей по полям, покрытым оставшимися после лагеря мятежников шрамами. Он миновал небольшой сад, который полностью ободрали солдаты, а сразу за ним дорога сворачивала налево и шла слегка вниз, в сторону ручья Линганор. И там он увидел всадников-южан.

Он осадил лошадь. Пятеро всадников был в четверти мили и не двигались, а просто наблюдали за ним, словно ожидали его появления. Двое стояли на дороге, один прилично к северу, а остальные — на пастбище к югу от дороги. Несколько секунд они переглядывались, не пошевелившись, а потом Адам развернул кобылу и помчался обратно в город.

Он хотел удрать от группы мятежников, но его лошадь в этот жаркий день уже проехала слишком много миль и была не способна пуститься в галоп по полям. Осторожность в духе Макклелана была лучшей стратегией, и потому он направил лошадь обратно в опустошенный сад.

Адам ощутил, как по телу кобылы пробежала дрожь, а потом она споткнулась, и ему пришлось склониться к ее правому боку, чтобы помочь ей сохранить равновесие. На секунду он решил, что она, должно быть, попала копытом в яму, но потом последовал звук выстрела. Он снова стукнул каблуками, и лошадь пыталась подчиниться, но пуля попала ей в заднюю ногу, так что больше она ничего не могла сделать для Адама. Лошадь прошла последние отважные шаги, а потом изогнулась и заржала от боли. На пыльную дорогу брызнула яркая кровь.

Адам вытащил ноги из стремян. В горячем воздухе затрещало умирающее эхо единственного выстрела из карабина, затихнув в жарком мареве, покрывающем пейзаж. Он оглянулся и увидел, как пятеро мятежников скачут в его сторону. Адам вытащил золото и отпрянул от бьющейся в судорогах лошади. Он побежал к деревьям, вытаскивая револьвер. Пот застилал ему глаза. Лошадь жалобно ржала и молотила копытами по дороге, борясь с болью в ноге.

Адам прислонился к стволу яблони и поднял револьвер. Враги были еще в двухстах ярдах — безнадежная дистанция для выстрела из револьвера, но ему могло повезти, как и им с единственным судьбоносным выстрелом, так что он опустошал барабан, ячейку за ячейкой, целясь в двух ближайших всадников, которые двигались по дороге. Дым от выстрелов заслонял от него врагов, и Адам понятия не имел, попали ли пули в цель. Он выпустил последний патрон и побежал обратно в сад, где тяжело дыша присел, перезаряжая оружие. Он спешил и засовывал заряды вслепую, но потом заставил себя действовать методично. Его сковывал страх, но Адам обуздал его, напомнив себе об украденном приказе в кармане. Он должен был выжить.

Он вложил капсули в брандтрубки барабана и взглянул на восток. Два всадника на дороге медлили, не решаясь приблизиться под обстрелом, но остальные трое исчезли, и Адам внезапно понял, что они, должно быть, скачут на север и юг, чтобы обойти его с флангов. Он окажется в ловушке в этом саду, на него откроют охоту, как на загнанную в угол лисицу.

Он метнулся к западной границе сада. Город лежал не так далеко, и там находились перелески, несколько живых изгородей и остатки стогов сена, за которыми он мог бы

укрыться. Адам поглядел налево и направо и не заметил врагов, так что вверил свою жизнь в руки Бога и выбежал на солнечный свет.

Адам выбрал целью стог сена, который мятежники разбросали, пытаясь устроить постель, но сена осталось достаточно, чтобы спрятаться и перевести дыхание перед следующим рывком в сторону Фредерика. Может, горожане слышали стрельбу и придут на помощь? Он бежал изо всех сил, ожидая в любую секунду услышать свист пули, а потом упал на теплое ароматное сено, вдохнув полные легкие влажного воздуха.

Два мятежника появились на юге буквально через секунду после того, как Адам нашел укрытие. Они помедлили, всматриваясь в сад, и Адам испытывал искушение броситься бежать, но знал, что они заметят его, как только он покинет остатки стога. Он высунулся из своего устроенного в сене гнезда, чтобы взглянуть на север, но там никого не увидел, а потом топот копыт заставил его снова бросить взгляд на юг, теперь к саду мчался целый отряд вражеских всадников. На звук выстрелов откликнулись не горожане, а отряд мятежников.

Это не были кавалеристы Джеба Стюарта. Эти люди, как и сказал мясник, были партизанами, жителями северных округов Виргинии, фермерами днем и солдатами ночью, только в этот день они решили отложить фермерство, чтобы отправиться на север и посмотреть, что можно подобрать в покинутых лагерях мятежников, и чтобы устроить засаду любому патрулю кавалерии северян, пытающемуся последовать на запад за армией Ли. В своих "мундирах" они боролись с плугом и оскопляли телят, их оружием были охотничьи винтовки и пистолеты, которыми пристреливали бычков, а ненависть к янки питалась частыми набегами федеральных сил на их земли. Их грабили, оскорбляли и обрекли на нищенское существование, и теперь они искали отмщения с яростью голодной собаки, которая набрасывается на мертвечину.

Адам проверил капсюли в револьвере и поднял глаза, увидев, что новый отряд поскакал в сад. Пыль от сена прилипла к смазке револьвера, а запах сухой травы напомнил ему детские игры с сестрой Анной, а потом с уколом стыда пришли и неприятные воспоминания о том дне, когда он заметил, как отец слезает со стога сена с перекинутой через руку одеждой, а потом поворачивается, протягивая руку Бесси. Она была рабыней и работала в доме. Годом спустя отец освободил всех рабов, сделав их слугами, но многие годы Адам боялся Бесси из-за того, чему стал свидетелем. Сначала его это смущало, а потом мучили воспоминания о гибком и блестящем черном теле, ярком смехе, когда она спрыгнула рядом с отцом и натянула через голову бледно-голубое платье. Адам ненавидел рабство.

Но те, кто сейчас на него охотились, не были рабовладельцами, и он это знал. У них едва хватало денег на лошадь, не говоря уже о том, чтобы содержать негра, и они боролись не за то, чтобы сохранить рабство, а чтобы защитить свою землю, жестоко и беспощадно. Он глубже зарылся в сено, накидав поверх себя целые охапки, но сделал дыру, через которую мог наблюдать за преследователями.

Мятежники окружили сад и теперь большинство спешили, привязали лошадей к деревьям и шли между яблонями с поднятыми винтовками. Лошадь Адама всё еще ржала от боли, но после выстрела установилась тишина. Никто из оставшихся верхом мятежников, стоящих перед садом, не смотрел в сторону стога сена, и отсутствие слежки убедило Адама оглядеться и наметить маршрут к побегу. В сотне ярдов было открытое пространство, а за ним, в поле с высокой травой, остаток изгороди предлагал защиту, которая могла позволить ему добраться до города, где будет гораздо безопасней, чем в этом теплом, но предательском

укрытии. Когда мятежники обнаружат, что он ускользнул из сада, они первым делом обыщут стог, а Адам не хотел, чтобы его нашли прячущимся как ребенок, так что он подполз к краю стога, оглянулся, чтобы проверить, не наблюдают ли за ним, и низко пригнувшись ринулся в сторону открытого пространства.

Ножны сабли запутались в ногах, вынудив его шумно распластаться в траве. Он отстегнул перевязь, бросил ее и побежал. Почти сразу же он услышал выстрел и рванул со всей скоростью, на которую был способен. Адаму следовало бы петлять и изворачиваться, как пытающемуся оторваться от гончих псов зверю, но он бежал прямо через открытое пространство, тем самым предоставив мятежникам возможность прицелиться.

Один из них выстрелил, и пуля вонзилась Адаму в правую ягодицу. От удара пули Адам развернулся и упал навзничь, соскользнув на спине в овражек, который тут же скрыл его из вида. Кровь забрызгала траву, бедро болело, а в его глазах выступили слезы. Адам сжал зубы и заставил себя подняться. Боль была чудовищной, а разум затмил ядовитый туман, но Адам всё равно сообразил, что должен сохранить украденный приказ. Он похромал на север, чтобы добраться до изгороди, несмотря на то, что теперь она бы его не спасла, но Адам убедил себя, что если только дойдет до изгороди, то каким-то образом выживет. Он заставил себя двигаться, хотя каждый раз, перенося вес на раненую ногу, невольно вскрикивал от боли. За спиной Адам слышал улюлюканье и топот копыт мятежников.

Он оказался в ловушке. Адам сбросил с пояса кошелек с деньгами в надежде, что потеря этого веса позволит ему ускорить бег, но боль лишь усиливалась, и теперь он ясно понял, что надежд на побег нет. Топот копыт стал громче. У Адама оставалось всего несколько секунд, чтобы решить, как поступить, и от чистого отчаяния он заковылял к противоположному берегу оврага, вытащил конверт с сигарами и специальным приказом из кармана и засунул его в высокую траву. В воздухе рядом с ним просвистела пуля, и он метнулся обратно в низину. Конверт упал в высокую траву, и Адам мог лишь молиться, что мятежники не видели, как он от него избавлялся, и не найдут приказ. Вскоре в эти поля должна прийти армия Макклелана, и, может, приказ кто-нибудь обнаружит. А может, и нет, но Адам сделал всё, что смог, и знал, что теперь попадет в плен.

Он с трудом сделал еще несколько шагов на восток и рухнул. Левая штанина пропиталась кровью. Он поднял револьвер, поджидая, пока появятся враги, и подумал, что сожалеет обо всём, что пропустил в жизни. Он никогда не отводил девушку в стог сена. Он всегда лишь выполнял свой долг, а теперь оплакивал все несовершенные грехи, и эта мысль заставила его закрыть глаза и пробормотать молитву о прощении.

Его глаза были еще закрыты, когда вокруг него собрались мятежники. Это были жилистые люди с суровыми лицами, пахнувшие табаком, навозом, лошадьми и кожей. Они спешили, и один вытащил револьвер из бесчувственных пальцев Адама. Это было оружие его отца, английский Адамс, прекрасный револьвер с рукояткой из слоновой кости, и забравший его мятежник издал триумфальный вопль, оценив качество.

— У нас тут майор-янки, — сказал другой, рассмотрев знаки отличия Адама. — Настоящий майор.

Кто-то пнул Адама в правую ногу, чтобы понять, в сознании ли он. Адам громко вскрикнул от боли и открыл глаза, увидев круг бородатых загорелых лиц. Один из мятежников нагнулся и начал обыскивать карманы Адама, грубо дергая за китель, и с каждым толчком весь бок Адама пронзала боль.

— Прошу вас, доктора, — выдавил он.

— Вот же жалкий сукин сын, правда? — засмеялся мятежник.

Другой мятежник нашел золото, что вызвало новые радостные вопли, а потом третий принес чудесную саблю с того поля, где ее бросил Адам. Предводитель отряда, худой гладко выбритый человек, взял саблю и вытащил ее из ножен. Он прочитал надпись и, хотя и не знал французского, узнал имена.

— Фалконер, — прочитал он вслух, а потом, с удивлением в голосе: — Лафайет! Сукин сын.

У мятежника на боку болталась сабля с черной рукояткой — грубое, как мясницкий нож, оружие, и теперь он заменил ее на перевязь Адама, а потом снова посмотрел на французскую надпись на клинке.

— Фалконер. Это виргинское имя.

— Его зовут Фалконер, — сказал тот, что обыскивал Адама. Он нашел письмо из департамента генеральной инспекции в Вашингтоне с назначением Адама в армию Макклелана. В письме указывалось, что он инспектирует сигнальщиков, это была бумага, созданная полковником Торном в качестве объяснения присутствия Адама в штабе армии. Теперь она всё усложнила.

— Какого чёрта инспектор сигнальщиков делает во Фредерике? — поинтересовался предводитель отряда.

— Да еще везет золото, — добавил другой.

Предводитель присел у ног Адама и поднес острие сабли ему под подбородок.

— Вы виргинец, майор?

Адам устремил глаза в небо.

— Я задал вопрос, парень, — сказал мятежник, нажав на саблю.

— Я американец, — ответил Адам. Он чувствовал, что вот-вот потеряет сознание, и ощущал, как из раны вытекает кровь, пропитывая почву, а он впадает в беспамятство, но вдруг боль удивительным образом отступила. Ему стало тепло и почти уютно. — Я американец, — только и смог повторить он.

— Проклятье, да все мы американцы, — сказал предводитель мятежников. — Но вы из Виргинии?

Адам промолчал. Он думал о Бесси, такой черной и такой прекрасной, когда она натягивала голубое платье, закрыв смеющееся лицо. Он думал о Джулии Гордон в Ричмонде. Он думал о доме своей мечты в Новой Англии, доме священника, о книгах, кухне и детском смехе в тенистом саду под деревьями.

— Сукин сын плачет, — загоготал один из мятежников.

— И ты бы рыдал, если бы тебя подстрелили, — отозвался другой, вызвав взрыв хохота.

— Меткий выстрел, Сэм, — восхищенно произнес третий, — должно быть, ярдов двести без малого.

— Все двести пятьдесят, — заявил Сэм.

Подбородок Адама кольнула сабля.

— Что вы здесь делаете, майор?

— Ничего хорошего, это уж точно, — ответил за Адама другой мятежник и засмеялся.

— Сукин сын, — сказал командир отряда, встал и засунул чудесную саблю в ножны. Он вытащил револьвер и прицелился Адаму в голову. — Я не могу ждать весь день, майор, как и вы, и у меня не хватает терпения дожидаться, пока вы начнете соображать. Так что говори немедленно, сукин сын. Что тебе здесь надо?

Адам закрыл глаза. В небесах, сказал он себе, не будет ни слез, ни боли, ни сожалений. Не нужно будет делать сложный выбор — кому сохранять верность. Не будет войны. Рабства. Там ждет лишь радость и спокойствие и бесконечное мирное счастье. Он улыбнулся. Столько счастья на небесах, думал он, столько тепла и радостных сновидений.

— Он не собирается говорить, — заметил один из мятежников.

— Он сын Фалконера, — вмешался новый голос. — Помните? Сукин сын дезертировал весной.

— От Фалконеров никогда нельзя было ожидать ничего хорошего, — рявкнул кто-то, — богатенькие любители черномазых.

Командир мятежников выстрелил. По оврагу разнесся и затих треск, а пуля с чудовищной силой вошла в землю рядом с головой Адама.

— Как тебя зовут? — спросил предводитель мятежников.

Адам открыл глаза.

— Фалконер, — гордо произнес он. — И я виргинец.

— Так что же ты здесь делаешь, сволочь?

— Мечтаю о рае, — ответил Адам и больше не прибавил ни слова.

— Ты предатель, сукин ты сын, — сказал мятежник, поняв, что Адам намеревается молчать. Он выпустил вторую пулю, и она вошла Адаму в голову, заставив ее подскочить, когда пуля вырвала из затылка кусок черепа размером с кулак. Потом голова снова упала, с залитыми кровью белокурыми волосами и открытыми глазами, и больше не двигалась.

Мятежник убрал револьвер в кобуру.

— Оставьте сукиного сына прямо здесь.

На глазное яблоко Адама приземлилась муха, а потом слетела в рану, зияющую у его открытого рта. Мятежники ушли. Они получили хорошую добычу: золото, прекрасное седло и сбрую, саблю и револьвер. Конверта они не нашли.

Когда виргинские всадники вернулись на юг, из города появилась группа мужчин, узнать, что была за стрельба. Они обнаружили тело Адама. Один послал за двумя рабами и ручной тележкой, на которой тело отвезли в город, где состоялся спор о том, что с ним делать. Кое-кто хотел подождать до прихода армии Макклелана во Фредерик и тогда передать ей тело, но священник епископальной церкви настаивал на том, что никто не знает, появится ли армия северян вообще, и к тому времени, когда подойдут войска, тело наверняка уже начнет вонять, так что на кладбище вырыли могилу, и Адама похоронили в ней без гроба, но в мундире страны, которую он так любил, вознеся над ним молитвы. Почтальон запомнил имя погибшего офицера, хотя точно не знал, как оно пишется, и на деревянном кресте, воткнутом в кучку земли, написали "Адам Фалканер".

А в это самое время на пастбище, неподалеку от оврага и рядом со шрамами, оставленными старыми кострами мятежников, в траве лежал никем не замеченный конверт.

Билли Блайз стоял рядом с капитаном Томасом Деннисоном и наблюдал за Старбаком. Ни один не произнес ни слова, да в том и не было нужды. Оба испытывали одинаковую смесь зависти и неприязни, хотя неприязнь Деннисона была ближе к ненависти.

Старбак не замечал, что за ним наблюдают. Раздевшись до пояса, с блестящей от пота кожей, он тянул десятифунтовое оружие Паррота, которое нужно было затащить на

последний холм, тот, что смотрел на Харперс-Ферри. Путь к вершине был слишком крутым для лошадей или волов, так что пушку пришлось толкать вверх вручную, и этим занялись Желтоногие. Дюжину других орудий тем же способом тащили на холм, но Специальный батальон опережал всех, хотя несмотря на то, что пятьдесят человек впряглись в веревки, а еще полдюжины толкали колеса пушки, сейчас их усилия были бесполезны из-за глубокой расселины в скалах и густого подлеска.

— Да будь ты проклята, — обругал сержант Ротвел тяжелую пушку и заблокировал ее колеса камнями, чтобы орудие не откатилось назад, после последних драгоценных ярдов. Осталось пройти всего пятьдесят шагов, но на эти ярды, похоже, будет подняться труднее всего, и это может сместить их с первого места в неофициальном соревновании — кто первый доберется до вершины.

Старбак стер с глаз пот, вытащил штык и попытался перепилить основание одного из спутанных кустов.

— Срежьте их, — объяснил он стоящим рядом солдатам, — и заполните проем, — он показал на расселину в скале как раз за кустами, но согнувшись у кустов, Старбак понял, что штык не справится с задачей. После первого пореза твердый и волокнистый ствол упрямо сопротивлялся стали.

— Нужны пилы и топоры, — сказал Ротвел.

Капитан Поттер, который скорее ободрял солдат, чем помогал им физически, мотнул головой на север:

— Мы видели там кой-каких ребят из Джорджии.

Старбак распрямылся, поморщился от внезапной боли в пояснице, начисто вытер штык о штаны и убрал его в ножны.

— Люцифер!

Мальчишка взобрался по склону.

— Мистер Поттер знает, где можно украсть несколько пил, — сказал Старбак.

— Больше никакой шестой заповеди, — заявил Поттер, вызвав у истощенных людей смех.

— Идите, — велел Старбак, — оба.

Поттер с Люцифером поспешили заняться воровским промыслом, а Старбак спустился вниз по склону, чтобы помочь тем, кто тащил передок. На полпути он встретил капитана Пила, который взбирался с двумя дюжинами фляжек с водой для тех, кто тянул оружие.

— Решил, что вы захотите пить, — выдохнул Пил.

— И правильно. Благодарю, — ответил Старбак, приятно удивленный. Пил, один из четырех изначальных капитанов батальона, до сих пор показал себя как наиболее полезный. Он присягнул на верность Старбаку, забыв Деннисона, и хотя был слабым союзником, зато желанным. Картрайт с Липпинкоттом исполняли свой долг, но без энтузиазма, а Деннисон пребывал в мрачном расположении духа. Лишь Билли Тамлин, казалось, мог вразумить Деннисона, и Старбак был ему за это благодарен.

Как раз сейчас Билли Блайз разговаривал с Деннисоном. Они нашли укромную расселину чуть ниже вершины и устроились там покурить.

— Я потерял родителей, как и ты, — рассказывал Билли Блайз Деннисону. По правде говоря, его отец потерялся давно, его так и не нашли с тех пор, как он обрюхатил мать Блайза, которая и по сей день здравствовала, но вдалеке от помыслов сына. — Тяжело быть сиротой, — продолжил Блайз.

Деннисон, благодарный за сочувствие, но по-прежнему мрачный, пожал плечами.

— Наверное, для тебя это было тяжелей, чем для меня, Том, — великодушно признал Блайз.

Деннисон еле заметно кивнул и затянулся сигарой. Где-то вдалеке послышался приглушенный грохот больших орудий. Он решил, что это артиллерия федералистов обстреливает мятежников на холмах к северу от попавшего в ловушку гарнизона.

— Я выжил, — мрачно произнес он.

— О, конечно, мы выживаем, — энергично согласился Блайз, — но дело не только в этом, Том. Люди вроде Старбака никогда не поймут, что сироты крепче остальных. Прочнее. Им приходится такими быть. В смысле, у нас с тобой ведь не было настоящего дома, так? Не то что у Старбака. А может, он и понимает. Может, он знает, что мы крепче, и поэтому завидует.

— Завидует? — удивился Деннисон. Он никогда не думал, что Старбак ему завидует. Презирает — возможно, но только не завидует.

— Ясно, как Божий день, — со всей серьезностью заявил Блайз. — Вот почему он тебя унижает, Том, — Блайз умолк, чтобы выковырять изо рта кусочек табака. — Черт, он знает, что ты должен был стать командиром батальона. Всё дело в том, что этим людям нужна дисциплина, — Блайз махнул сигарой в сторону столпившихся у застрявшей пушки солдат. — Настоящая, серьезная дисциплина. Старбак с ними заигрывает и хочет, чтобы они его любили. Он с ними накоротке. Черт, мы с тобой мигом бы лишили Поттера звания, как только он надрался, но только не Старбак. Он обошелся с ним мягко. Но мягкотелость не работает с такого рода батальонами, только не во время сражения. Ты это знаешь, и я знаю.

Деннисон согласно кивнул.

— Старбак снял Ротвела с "коня". В тот день, когда приехал в лагерь "Ли". Он мягкотелый, ты прав.

— Ротвел! — фыркнул Блайз. — А теперь это опасный человек, — он замолчал, задумавшись. — С людьми вроде Ротвела нельзя быть мягкотелым, — продолжал он. — Конечно, я не тот человек, который может наладить дисциплину, я знаю. Я слишком добродушен. Вижу, когда что-то идет не так, но ничего не могу с этим поделать, такой уж у меня характер. Но я и не собираюсь здесь оставаться.

— Не собираешься? — спросил Деннисон с излишней поспешностью.

— Проклятье, нет, конечно. Я твердо намереваюсь вернуться в Луизиану. Там моя земля, Том, а не в Виргинии. Я не просил назначить меня сюда, я хотел поехать домой, на родину, и как только кампания закончится, я направлюсь на юг. Пять недель? Может, шесть? А потом Билли Тамлин поедет домой. Я лучше буду драться с янки в Луизиане, чем здесь, и вообще, виргинским полком должен командовать виргинец, ты не считаешь?

— Точно, — горячо поддержал его виргинец Деннисон.

— А Старбак, он ведь не виргинец, — продолжал Блайз. — Черт, да он даже не южанин. Какой смысл воевать за то, чтобы избавиться от северян, если северянин отдает приказы? — Блайз покачал головой. — Ни малейшего смысла, как по мне.

— Я думал, тебе нравится Старбак, — с обидой произнес Деннисон.

— Черт, Том, какой прок заводить явного врага, никому это пользы не принесет! И вообще, злиться — не в моем характере, но это не мешает мне как свои пять пальцев видеть, откуда ноги растут. На месте Свинерда, и спасибо, Господи, я не на его месте, я бы сместил Старбака и назначил бы тебя на его место.

По правде говоря, Блайз презирал Деннисона, как хвастливого труса, ему было сложно даже сидеть рядом с человеком, чье лицо покрывала короста от былых язв, но трусость, как хорошо выучил Блайз, не являлась преградой для людских амбиций, а в Деннисоне он разглядел отчаянные амбиции.

— Ты должен командовать, — продолжал он, — с Бобби Кейзом в качестве заместителя. А потом вы все вернетесь в лагерь "Ли" и там пройдете подобающий курс подготовки. Вот как можно превратить этот батальон в отличное боевое подразделение, а вовсе не методами Старбака, — Блайз покачал головой, словно в отчаянии.

— Кейз — достойный человек, — сказал Деннисон. На самом деле, Кейз его пугал, и он поразился, что Тамлин зовет того Бобби, но Деннисон понимал, что теперь Кейз стал его естественным союзником в личной войне против Старбака.

— Лучше Кейза тебе никого не найти, — энергично поддакнул Блайз, — это соль земли. И он тебя уважает, Том. Сам мне сказал, — Блайз засопел, словно был глубоко тронут откровенностью Кейза. — И скажу тебе еще кое-что. Мы вообще не должны тут находиться, — он сделал широкий жест сигарой, имея в виду осаду Харперс-Ферри. — Батальон не готов сражаться. Он не экипирован как следует и не обучен, — он говорил решительно, а Деннисон энергично кивал в ответ. — Что нужно этому батальону, так это добрые несколько месяцев учебы. Мы в ответе за то, чтобы пережить кампанию. Делай не больше того, что должен, а потом возьми батальон в свои руки и отправь на зиму на учения. Меня здесь не будет, так что помочь не смогу, потому что поеду на юг, но вы с Бобби Кейзом можете всё это устроить. Но чтобы это сделать, Том, тебе придется выжить, а Старбаку, видимо, плевать на жизни своих людей во время сражения. Ты же видел его вчера. У вас с Мейтлендом хватило здравого смысла отойти, сохранить людям жизнь, но только не Старбаку. Он прямо вальсировал вверх по холму, как священник, унюхавший бесплатный бордель! Он позволяет людям умирать, вот что делает Старбак, а так войны не выигрывают. Ты это знаешь, и я знаю.

— Так что ты предлагаешь? — спросил Деннисон, почесав один из струпьев на лице.

"Боже ты мой, — подумал Блайз, — и что теперь прикажете делать? Нарисовать на спине у Старбака мишень и дать в руки Деннисону оружие?"

— Черт, да ничего я не предлагаю, — ответил он, — разве что вы с Бобби Кейзом должны руководить этим батальоном. Как только я рвану на юг, Том, мне это уже будет безразлично, но так больно, правда больно, видеть, как оттирают таланты. Не в моем характере молчать, когда я вижу такое, а вас с Бобби именно оттерли.

Радостные возгласы заставили обоих обернуться и увидеть, что капитан Поттер с Люцифером вернулись с парой двуручных пил, которые быстро задействовали. За ворами следовала возмущенная группа людей с намерением вернуть пилы, и солдаты работали быстро, чтобы избавиться от кустов до того, как начнется стычка.

— Этот чертов раб Старбака, — тихо произнес Деннисон, — всё время начеку. Не спит по ночам и наблюдает.

— Черт, у себя на юге мы знаем, как сбивать спесь с ниггеров, — презрительно фыркнул Блайз, — особенно с ниггеров с оружием. В глубинке он бы и дня не протянул.

Послышался взрыв смеха. Поттер с невинным выражением лица заявлял, что пилы кто-то бросил. Он пустился в цветистый рассказ о том, как случайно набрел на две пилы, а пока он говорил, Желтоногие водили пилами взад-вперед и таскали спиленные кусты вверх по склону, в расселину.

Капитан из Джорджии потребовал, чтобы пилы немедленно вернули. Старбак, чью грудь покрывал пот и грязь, представился. Он признал, что кража — дело серьезное.

— Вы можете опознать пилы? — спросил он капитана.

— Проклятье, да мы же видели, как их заграбастал этот ниггер.

— Люцифер! — позвал Старбак. — Ты взял пилы этого джентльмена?

Люцифер покачал головой.

— Капитан Поттер сказал, что их кто-то потерял, сэр. Велел мне за ними присмотреть.

Солдаты спилили еще два куста, подобрались к следующей путанице веток и приступили к работе.

— Пилы лежали на наших мундирах! — возмутился капитан.

— Думаю, что нужно провести дознание как полагается, — сказал Старбак. — Если направите донесение вашему командующему бригадой, я предупрежу своего, что бумаги скоро поступят. Капитан Поттер? Можете написать детальный отчет об обстоятельствах, при которых вы обнаружили пилы?

— Сколько экземпляров, сэр? — откликнулся тот.

— Минимум три, — ответил Старбак.

Капитан из Джорджии покачал головой.

— Проклятье, мистер, — обратился он к Старбаку, — мои ребята просто заберут пилы немедленно. Не тратьте зря чернила. Пошли, ребята.

Он повел дюжину человек к пилам, но несколько солдат Старбака выступили на защиту имущества, и джорджийцы остановились, поскольку их шансы были малы.

Поттер похлопал по застрявшей пушке.

— Зарядить картечью, сэр? — спросил он Старбака.

Старбак ухмыльнулся и повернул голову, увидев, что срезаны последние кусты. Он подождал, пока пилы закончат свое дело, и забрал их.

— Спасибо, что дали их взаймы, — сказал он капитану из Джорджии, протягивая пилы. — Весьма благодарен.

Тот засмеялся, забрал пилы и пошел прочь, пока люди Старбака склонились над орудием и начали тянуть. Тяжелая пушка закрипела и загрохотала, начав движение, а потом подпрыгнула на стружке и опустилась на импровизированный мост, заполнявший расселину. Старбак бежал рядом с орудием, подбадривая остальных. Канониры бежали неподалеку, готовые разместить пушку и начать бомбардировку обреченного и попавшего в ловушку гарнизона Харперс-Ферри. Радостные возгласы приветствовали установку пушки на место, это было первое орудие, размещенное над приговоренным городом. Передок еще не прибыл, но люди Старбака выиграли гонку. А через два дня, как рассчитывал Старбак, они будут уже в городе, и если им улыбнется удача, разживутся топорами, лопатами, ботинками, пилами, боеприпасами и винтовками — всем тем, в чем нуждался Специальный батальон. А потом отправятся на север, и Старбак знал, что тогда они встретятся с янки лицом к лицу в настоящем сражении. И может, как он смел надеяться, это сражение станет последним, ведь именно ради такой надежды мятежники и затеяли эту кампанию. Пойти на север, показать янки, что Юг нельзя победить, и заключить мир — такой была мечта и причина, по которой они пересекли Потомак, мечта о том, чтобы положить конец резне.

Глава девятая

Армия Севера медленно брела по пустынным мэрилендским пашням, где генерал Макклелан ничто не оставил на произвол судьбы. Он приглядывал за флангами, обезопасил линии коммуникаций и продвигал свой авангард с ничтожной скоростью, делая по десять миль в день. Пинкертон, глава разведслужбы армии, заверил Макклелана, что ему противостоят двести тысяч превосходно вооруженных мятежников, и в представлении генерала эта ужасная орда поджидала его в засаде, подобно апачам, внезапно обрушивающимся на армейский состав с провиантом. Белый Дом поторапливал Макклелана, а Военный департамент присылал ему противоречивые приказы, гласящие, что с дальнейшим удалением от столицы возрастает вероятность, что мятежники форсируют реку и атакуют город. И Макклелан лишь полз вперед, всегда готовый отскочить обратно, как только возникнет угроза.

Полковник Торн оставил свою вашингтонскую контору. Он не смог выдержать гнетущую жару в столице, где вести из армии вызывали злобное ворчание, а любой слух о намерениях Ли с поспешной готовностью печатался в прессе. Филадельфия ожидала осады; отцы города Балтимора запретили продажу спиртных напитков, дабы побереечь нервы своих боязливых жителей; в то время как британский посол паковал чемоданы, готовясь к объявлению войны Соединенным Штатам.

— Это всё нелепо, Торн, — заявил полковнику лорд Лайонс ^[10] в приемной Белого Дома. — Нам нет смысла ввязываться в войну с вами, — беспечно добавил он, — по крайней мере до тех пор, пока Бобби Ли не выиграл ее за нас. Возможно, тогда мы и присоединимся, дабы подобрать оставшиеся крохи со стола и частично отомстить за Йорктаун.

— Что ж, посол, до этого вполне может дойти, — угрюмо отозвался Торн.

Услышав отчаяние в голосе полковника, Лайонс потрепал его по руке.

— Не дойдет, Торн, вы сами знаете, что не дойдет. Нет, пока у вас есть этот человек, — он кивнул через набитую битком комнату в сторону президента, в котором, как известно, Лайонс души не чаял. — Признаю, что определенные круги в Британии не в восторге при виде ваших затруднений, Торн, — продолжил посол, — но не думаю, что мы желаем и сами рискнуть их разделить. Поверьте мне, я не пакую свои саквояжи. Наведайтесь к нам, убедитесь собственными глазами.

Но Торну было совсем не до тонкостей вашингтонской дипломатии, по крайней мере, не в то мгновение, когда судьба республики решалась в Мэриленде, и поэтому с разрешения президента, упаковав свои седельные сумки, он отправился на восток, в штаб Макклелана, где разыскивая Адама, обнаружил, что его подопечный исчез. Начальник штаба Алана Пинкертона Джеймс Старбак, с которым Торну ранее уже доводилось встречаться на войне, заявил, что два дня тому назад Адам поехал в сторону Фредерика.

— Если он так поступил, — заметил Макклелан, находившийся в покоях Пинкертона и подслушавший ответ, — то заслуживает своей участи.

— И в чем же она, скажите на милость, состоит? — спросил Торн.

— Полагаю, в позорном плене. У него там не было никаких дел. Я думал, что он здесь, чтобы проинструктировать наших сигнальщиков?

— Так и есть, — солгал Торн, зная, что Макклелану известно о его лжи.

— Тогда ему следует работать с нашими телеграфистами, а не упражняться в верховой езде. Разве что он здесь совсем по иной причине?

Торн взгляделся в молодое свежее лицо генерала, на котором застыло постоянное выражение человека, пытающегося выглядеть старше своих лет и намного крепче, чем позволяли его внутренние страхи.

— И какой же могла быть эта причина, генерал? — презрительно спросил Торн.

— Вы бы ее знали, Торн, вы бы знали, — проворчал Макклелан. Он прекрасно понимал, что у Торна за спиной стоит полное доверие президента, и вполне обоснованно боялся, что седовласый полковник снабжает Линкольна непрерывным потоком кулуарной информации. Неудивительно, что глупец в Белом Доме понятия не имел, как выиграть войну! Если эта обезьяна позволит Макклелану действовать медленно и систематично, то Союз будет спасен, но нет, он вечно будет подгонять и побуждать генерала двигаться быстрее. А что, собственно, Линкольн знал о войне? Бог мой, да он ведь был железнодорожным юристом, а не солдатом. Такие невеселого рода мысли бродили в голове у Макклелана, когда он прислушивался к отдаленному рокоту тяжелых орудий у Харперс-Ферри.

В густой струе теплого воздуха рокот медленно перешел в неожиданное стаккато. Торн недоумевал, почему Макклелан не отрядил корпус к осажденному гарнизону, чтобы спасти тысячи солдат-северян и тонны драгоценных запасов от мятежников, но столь амбициозный порыв был вне понимания нового Наполеона.

— Полагаю, вы не станете возражать, если я отправлюсь во Фредерик?

— Воля ваша, полковник, сами решайте, но я не могу выделить вам людей для охраны. Кроме того, с уверенностью могу сказать, что сегодня ночью я разобью там лагерь, но если вы желаете проехать вперед, то на ваш страх и риск. А теперь прошу меня простить, мне предстоит вести войну.

Торн выехал впереди продвигающейся армии, но прибыл на место намного позднее авангарда Макклелана. Лошадь полковника потеряла подкову, и ко времени, когда он разыскал кузнеца и лошади прибили подкову к копыту, федеральная армия уже входила в изрытые поля, которые несколько дней назад занимали мятежники. В лесу застучали топоры, когда солдаты принялись рубить дрова, и куда ни глянь раскинулись длинными рядами грязноватые палатки. Выкопали ямы для нужников, лошадей отвели на водопой и выставили пикеты для наблюдения за пустынными полями.

Торн въехал в город, переполненный любознательными солдатами северян, разочарованными отсутствием историй о насилии и грабежах мятежников. Из окон струились звездно-полосатые флаги, они реяли на крышах и свешивались с балконов, но Торн цинично подозревал, что такое же количество флагов, только Конфедерации, привечало армию Ли. На тротуаре стояли бочонки с водой и лимонадом для утоления жажды солдат, а женщины передавали воякам круглые корзинки с печеньем. Один предприимчивый делец даже вел бойкую торговлю знаменами конфедератов. То были грубо сшитые флаги, которые, как предполагал Торн, только что сработали на швейной машинке, но солдаты отчаянно желали купить сувениры, которые потом прострелят, вывалят в грязи и затем отправят домой как военные трофеи. Даже презираемые бумажные деньги Конфедерации, не имевшие ценности за пределами Юга, расходились на сувениры. Четверо девушек в платьях с пышным кринолином, накидках с бахромой и с бумажными зонтиками невозмутимо прогуливались по центру Мейн-стрит. Они не были местными уроженками, их

деланная утонченность была слишком криклива даже для вкусов Фредерика. Торн догадался, что четверка была из последовавших за армией на запад вашингтонской сотни шлюх, которым велели обзавестись собственным транспортом, палатками и походными кухнями.

Высокий, седой как лунь священник нахмурился при виде девушек, и Торн, заключивший, что священник соответствует образу здравомыслящего человека, приблизившись представился и не питая никакой надежды разузнать что-либо стоящее, спросил про Адама.

Священнику потребовалось лишь несколько мгновений и полдюжины вопросов, чтобы установить личность пропавшего офицера. Он снял свою широкополую шляпу и сообщил Торну ужасную новость.

— Погребен во дворе моей церкви, полковник.

Священник отвел Торна к кладбищу и свежей насыпи с самодельным крестом, на котором с ошибкой было нацарапано имя Адама. К удовлетворению Торна, кто-то возложил на могилу цветы.

— Бедный ты засранец, — очень тихо, чтобы не расслышал священник, вымолвил Торн, — бедный ты наивный засранец.

Вот и делу конец, с отчаянием подумал он и в подавленном настроении направился назад к разраставшемуся лагерю федералистов. Отчаянное предприятие провалилось. Торн всегда знал, что это была опрометчивая и хрупкая попытка, но поддался иллюзии, что каким-то образом она может сработать. И всё же как мог Адам добраться до Дилейни? Это было бессмысленной потерей достойного человека. Когда Торн доехал до лагеря, он обнаружил, что слуга уже разбил палатку, и заставил себя понести наказание в виде письма к отцу Адама. Он не знал, была ли жива мать Адама, и поэтому адресовал письмо генералу Вашингтону Фалконеру, в котором заверил его, что сын умер героем.

"Несомненно, вас огорчит, что он пал смертью храбрых, сражаясь за свою страну, а не за родной штат, но всемогущий Господь счел, что патриотизм вашего сына так же неисповедим, как и пути Его".

Высокопарных слов было безнадежно недостаточно, но каких слов хватит, чтобы рассказать отцу о смерти сына? Торн сообщил генералу место упокоения тела Адама, закончив письмо своими искренними сожалениями. Капелька пота размывла его подпись, он заретушировал ее, запечатал письмо и отложил в сторону. Проклятье, подумал он. Пропала единственная возможность побудить Макклелана перейти к активным боевым действиям. Торн сделал свой ход и проиграл.

Вот только он не проиграл. Два солдата из Индианы, сержант и капрал, закончили устанавливать палатку и побрели из лагеря на север, через тянувшийся по пастбищу овраг на полоску более чистой травы, не испорченной оставленным мятежниками мусором. Они собирались развести там костер и сварить кофейку подальше от хищных взглядов товарищей, так что направились к изгороди, которая каким-то чудом уцелела, пока здесь стоял лагерь мятежников. Из нее получились бы отличные дрова, а кофе помог бы скоротать длинный жаркий вечер. Но как только они добрались до изгороди, капрал Бартон Митчелл заметил лежащий в траве конверт. Его толстые бока выглядели притягательно, так что капрал поднял конверт и вытряхнул содержимое.

— Бог ты мой, Джонни, — сказал он, когда появились три сигары. Он понюхал одну из них. — Чертовски хороша. Хочешь?

Сержант Блосс взял предложенную сигару вместе с листком бумаги, в которую была

завернута драгоценная находка. Зажав сигару в зубах, он взглянул на бумагу и через несколько секунд нахмурился. Он узнал фамилии — Джексон, Лонгстрит и Стюарт, а подписана бумага была командующим, генералом Р.Э. Ли.

Кофе был позабыт. Солдаты принесли бумагу командиру роты, который по цепочке передал ее вышестоящему начальству, пока, наконец, довоенный коллега полковника Чилтона не узнал почерк. Похоже, что приказ был подлинным, и его спешно доставили в палатку генерала Макклелана.

Торн услышал суматоху и, натянув синий китель, выскользнул из палатки, быстро зашагав к штабу генерала, где толпились люди. Многие из них были гражданскими, они пришли поглазеть на генерала северян, который ликовал в уверенности, что приказ был подлинным. Завидев Торна, Макклелан триумфально взмахнул бумагой.

— Вот документ, с чьей помощью я разобью Бобби Ли, Торн! А если у меня это не получится, я завтра же отправлюсь домой!

Торн, пораженный внезапным энтузиазмом со стороны Макклелана, застыл и лишь уставился на генерала.

— Завтра же мы нанесем удар по их центру, — бахвалился Макклелан, — и через два дня загоним в ловушку!

Торну удалось завладеть приказом. По мере чтения его удивление росло, потому что там были описаны все позиции войск Ли, и исходя из них можно было заключить, что Ли — первоклассный игрок. Он наверняка знал, что армия Макклелана идет на запад, но так глубоко презирал противника, что разделил собственную армию на пять частей и рассеял их по западу Мэриленда и северу Виргинии. Основная часть сил конфедератов осаждала Харперс-Ферри, другая ушла на север, чтобы подготовиться ко вторжению в Пенсильванию, а небольшие отряды преградили холмы перед армией Макклелана. Правда, приказы уже на четыре дня устарели, но постоянный гул далеких пушек подтверждал, что мятежники еще группируются вокруг Харперс-Ферри, и этот звук предполагал, что описанная в приказе диспозиция до сих пор в силе, а значит, если Макклелан в самом деле выступит быстро, то очень велика вероятность, что армия Севера действительно ворвется между разрозненными подразделениями армии Ли. Тогда войска конфедератов будут уничтожены, одно за другим, схватка за схваткой, окружение за окружением, страница за страницей — так завершится эта история.

— Конец мятежу, Торн, — сказал Макклелан, забирая обратно документ.

— И правда, сэр, — согласился Торн, ощутив прилив неприязни к коротышке-генералу с так тщательно уложенными волосами и напомаженными расчесанными усами. Просто кастрированный петух, подумал он, тут же устыдившись своего негодования, что этот дар безоговорочной победы был дан подобному созданию.

— Вы не считаете приказ подлинным? — осведомился Макклелан, не в состоянии скрыть терзающего его беспокойства, что приказ может оказаться уловкой, хотя обстоятельства, при которых его обнаружили, предполагали скорее небрежность, чем коварный замысел. — Питтман ручается за почерк, — продолжал генерал. — Это рука Чилтона, совершенно точно, по крайней мере, так считает Питтман.

— Я доверяю памяти Питтмана в этом вопросе, сэр, — признал Торн.

— Значит, мы победим! — ликовал Макклелан. Хотя слава за спасение Союза от распада и достанется обезьяне в Белом Доме, Джорджу Бринтону Макклелану достаточно будет и того, что избиратели на следующих президентских выборах будут знать, кого на

самом деле следует благодарить. Макклелан — президент в 1864 году! И в 1868, с Божьей помощью, а может, и навсегда, как только избиратели поймут, что лишь один человек во всей стране обладает стойкостью, здравым смыслом и мудростью, чтобы править Америкой! Всего мгновение Макклелан наслаждался этим мысленным образом, а потом хлопнул в ладони.

— Приказ выступить! — провозгласил он и разогнал посетителей, чтобы поработать в тишине.

Торн нашел полковника Питтмана и дальше по цепочке проследил происхождение приказа до сержанта Блосса и капрала Митчелла. От них он узнал, где был найден конверт, после чего поскакал во Фредерик и нашел человека, который помогал оттащить тело Адама. К удовлетворению Торна, тело обнаружили всего в нескольких ярдах от того места, где лежал конверт, и эти обстоятельства убедили Торна, что экземпляр Специального приказа 191 был подлинным, а не замысловатой ловушкой, устроенной превосходящим по численности врагом.

— Значит, всё было не напрасно, — произнес он над могилой Адама. — Вы справились, Фалконер, справились, — он молча отсалютовал могиле и вознес благодарственную молитву. Господь, похоже, не покинул свою страну.

И Дилейни тоже молодец, мысленно добавил Торн. Ричмондский адвокат заслужил награду.

Потому что первые федеральные войска уже готовились выступить с неожиданной спешкой и внезапной целью, готовились выступить на запад, где армия Ли так беспечно растянулась по горячим летним полям. Новому Наполеону предложили победу, и теперь он с нехарактерным проворством прыгнул, чтобы ее ухватить.

На заре Харперс-Ферри накрыл туман, вытекающий словно две белые реки из долин Потомак и Шенандоа, мягко сливающиеся над городом. Туман струился в полной тишине, но это молчание было зловещим, потому что теперь войска мятежников заняли возвышенности вокруг этого речного города и притащили огромные пушки на гряде, так что их холодные стволы в капельках росы нацелились вниз, на то, что скрывалось под мягкими белыми клубами. Канониры зарядили орудия, а самые дальние пушки стояли не более чем в миле от спрятавшихся в тумане укреплений федералистов, то есть всего лишь в шести с половиной секундах полета девятнадцати фунтовых снарядов, забитых в дула поверх двух фунтов крупного пороха, который подорвется, как только подаст сигнал Джексон. Пушки находились к северу от города, к югу и к западу. Кольцо пушек, молчащих в ожидании, пока пелена тумана поднимется над обреченным городом.

Генерал Джексон расхаживал по каменистой вершине высот Боливара к западу от города, откуда он сердито глядел в покрывший долину туман, словно в проделку дьявола, решившего лишить его победы. Его фуражка была надвинута на глаза, взгляд задумчив, но от него не ускользала ни одна деталь, пока генерал ходил вверх и вниз, вверх и вниз, время от времени вытаскивая из кармана дешевые часы и всматриваясь в медленнодвигающиеся стрелки. Канониры пытались не встречаться с ним взглядом. Они занялись всякой чепуховой работой вроде смазки уже всю намазанных подъемных винтов или выпрямляли запальные трубки, которые погнули еще на заводе, чтобы они случайным образом не воспламенились,

вызвав взрыв. Пехота в одних рубашках относилась боеприпасы наверх и складывала их подле ожидающих пушек.

Основная часть пехоты мятежников в предстоящем сражении должна была выступать лишь в роли зрителей, и холмы усеяли толпы в серых и ореховых мундирах, ожидая фейерверка в исполнении Старины Джека. Батальон Старбака находился поблизости от смешанной батареи из десяти- и двадцатифунтовых орудий Паррота, на лафетах была выжжена надпись "США" — свидетельство того, что Джексон оснастил свои батареи захваченными у янки пушками. Капитан Билли Блайз с кружкой кофе в руках присоединился к Старбаку.

— Это Старина Джек? — спросил он, кивнув в сторону потрепанной бородатой фигуры, расхаживающей в огромных ботинках с квадратными носами рядом с орудиями.

— Это Джексон, — подтвердил Старбак.

— Ну и странный же у него вид, — сказал Блайз.

— Дьявольски пугающий.

— Специально для янки, да? — Блайз отхлебнул чудовищно кислый кофе. Он не мог дождаться, когда наконец вернется на Север, где кофе обладал вкусом и ароматом, не то что эта дрянь из заменителей, которую пили мятежники. — Вы с ним встречались?

— Встречался, — по утрам Старбак не был особо расположен к беседам и отвечал коротко.

Блайз против этого не возражал.

— Думаете, он поздоровается? — спросил он Старбака.

— Нет.

— Черт, Старбак, я бы хотел пожать ему руку.

— Пожмите лучше мою, — заявил Старбак, но вместо рукопожатия выхватил из руки Тамлина кофе и сделал глоток. — А если выругаетесь рядом с ним, Тамлин, то пожалеете, что вообще с ним встретились.

— Оставьте кофе себе, Старбак, — великодушно предложил Блайз, — всё равно это просто арахисовое дерьмо. — Доброе утро, генерал! — прокричал он, когда Джексон приблизился к батальону Старбака. — Подходящее утречко для победы, сэр!

Услышав, как Блайз к нему обращается, Джексон с изумлением уставился на него, словно не ожидал увидеть на вершине холма военного, но промолчал. Блайз, ничуть не смутившись холодным откликом, шагнул вперед, будто генерал был его старым приятелем.

— Мы получили ответ на наши молитвы, сэр, — решительно произнес Блайз, — и сокрушим врага в том самом гнезде, где Джон Браун [\[11\]](#) бросил вызов нашим законным устремлениям.

— Аминь, — сказал Джексон, — аминь. А кто вы, сэр?

— Тамлин, генерал, — ответил Блайз, — капитан Билли Тамлин, горжусь встречей с вами. Я многие месяцы молился за вас и благодарен, что Господь соблаговолил меня услышать.

— Я воздам, говорит Господь [\[12\]](#), — сказал Джексон, отвернувшись, чтобы посмотреть на туман, из которого теперь показалась самая высокая часть города и шпиль церкви в его нижней части. Туман рассеивался, и укрепления янки скоро будут видны как на ладони. — Веруете ли вы в Господа, капитан? — спросил Джексон Блайза.

— Да святится имя Его, да, — бойко солгал Блайз.

— Не слышу, — рявкнул Джексон и приложил ладонь к уху. Многие годы

артиллерийской службы притупили слух генерала.

— Да святится имя Его, да! — крикнул Блайз.

— Мы благословенная Господом нация, капитан, армия праведников, — проревел Джексон. — Нас нельзя победить. Сражайтесь с этой уверенностью в сердце.

— Непременно, сэр, аминь, — отозвался Блайз и протянул руку, которую генерал, хотя и слегка удивленно, но пожал. — Да благословит вас Господь, сэр, — сказал Блайз, тряся руку Джексона, а потом развернулся и зашагал обратно к Старбаку. — Видали? — хохотнул Блайз. — Проще, чем голубя крошками покормить.

— И что же вы ему сказали?

— Сказал, что я один из помазанников Божьих, сказал, что день деньской за него молюсь, и благословил его.

— Вы не истинный христианин, Билли Тамлин, — язвительно заметил Старбак. — Всего лишь жалкий грешник.

— Все мы согрешили, Старбак, — с готовностью подтвердил Блайз, — и лишены славы Божией [\[13\]](#).

— Не нужно читать мне проповеди, Бога ради, я ими сыт по горло.

Блайз рассмеялся. Он гордился собой, поскольку смог пожать огромную руку Джексона, и этой историей можно будет похвастаться, проводя дни в комфорте после того, как он перейдет через линию фронта. Он также гордился тем, что заставил Джексона решить, будто он тоже добрый христианин. Сделайся всем для всех [\[14\]](#), таково было кредо Билли Блайза, но убедись, что извлечешь прибыль из обмана.

— И что будет теперь? — спросил он Старбака.

— А вы как думаете? Выбьем пушками дух из этих сучьих детей, они сдадутся, а потом мы выбьем дух из остальных жалких ублюдков, — Старбак вдруг замолчал, его внимание привлек далекий треск стрельбы. Он был совсем далеко, пожалуй, даже слишком приглушенным для орудий на другой стороне Харперс-Ферри. Прошлым вечером в воздухе дрожал такой же далекий гул, как раз перед тем, как солнце село в сияющем на западе пурпуре, и Старбак взобрался на вершину, разглядев далеко на севере-востоке белую пелену. Эта белизна, тронутая розовым отсветом уходящего дня, могла оказаться просто заблудившимся облаком, вот только шум выдавал ее истинное происхождение — то была стрельба. Где-то в глубине Мэриленда шла перестрелка или настоящее сражение. Старбак вздрогнул, радуясь, что находится не там.

Над долиной рассеялись последние клочки тумана, и стал виден город Харперс-Ферри, притулившийся у слияния рек. Слава этого места почему-то убедила Старбака, что город окажется большим, почти как Ричмонд, но на самом деле местечко было махоньким. Должно быть, когда-то это была милая тенистая деревенька, построенная на отроге холма, резко обрывающегося к берегам Потомака и Шенандоа, хотя теперь многие здания превратились в обугленные головешки, из которых торчали мрачные кирпичные трубы очагов. Над неповрежденной церковью развевался флаг, и когда Старбак одолжил у канониров бинокль, он увидел, что этот флаг британский.

— А я-то думал, что эти мерзавцы на нашей стороне, — сказал он офицеру-артиллеристу.

— Да кому какое дело? Все равно прихлопнем, — рассмеялся тот, наслаждаясь, что рассеявшийся туман предоставил такой богатый выбор мишеней... На окраине города находились земляные укрепления федералистов, и выставленные напоказ батареи так и

напрашивались, чтобы их накрыли залпом. обрамляли промышленные здания, когда-то там находился арсенал и фабрика винтовок, но сейчас от них остались только обугленные стены без крыш, а массивный мост, по которому раньше Потомак пересекала железная дорога Балтимор-Огайо, теперь превратился в вереницу каменных столбов, похожих на мостки для великана. Единственной переправой через широкий Потомак остался понтонный мост, сооруженный инженерами северян, но Старбак увидел, что рядом с мостом вздыбился фонтан воды, и бревна в мосту задергались на своих цепях. Несколькими секундами спустя раздалось рывканье пушки мятежников, пустившей снаряд с дальних холмов.

Джексон выглядел удивленным, потому что он еще не велел сигнальщикам передавать приказ о начале бомбардировки, но кто-то в рядах мятежников на северной стороне Потомака устал от ожидания, и внезапно все пушки на холмах вокруг города откатились на лафетах и изрыгнули дым и снаряды в сторону попавшего в ловушку гарнизона. Наблюдающая за ними пехота разразилась приветственными возгласами, когда тонкие дымовые следы от горящих в снарядах запальников прочертили в воздухе дуги, вниз к полуразрушенному городу, где ждали янки.

И где теперь они умирали. Канониры мятежников работали как дьяволы, засовывая в стволы банники, перезаряжая и забивая заряды, снаряд за снарядом с воем летел с холмов, разрываясь фонтаном дыма, пламени и грязи. Земляные укрепления янки за городом, казалось, исчезли в клубах дыма, а когда он рассеялся, наблюдавшие мятежники увидели, как враги отступают к руинам зданий. Немногочисленные орудия янки пытались отвечать на разрушительный обстрел, но артиллерия мятежников незамедлительно принудила замолчать батареи северян. На глазах у стоящих на холмах зрителей речной городок превращался в преисподнюю. Орудийные передки были объаты пламенем, густо валил дым, а огромные деревья дрожали, как молодая поросль, когда разрывы снарядов сдували с них листву. По лицам и голым торсам артиллеристов ручьем лился пот. После каждой отдачи орудия яростно отскакивали, вспахивая глубокие борозды в земле. Мокрые банники, удалявшие следы раскаленного пороха, остававшегося в стволе после каждого выстрела, шипели и пускали пар, когда их проталкивали в жерло пушки, а затем, в то же мгновение, когда банник погружали в ведро с грязной водой, заряжающий закладывал в ствол очередной заряд и с силой его забивал, пока остальной расчет закатывал орудие обратно на огневой рубеж.

— Товсь! — кричал канонир, и расчет пригибался в сторонке, зажав уши руками, когда раздавалась команда стрелять. Канонир дергал вытяжной шнур, терка фрикционного запала скользила по запальной трубке, и спустя мгновение пушка с грохотом и в облаке дыма откатывалась назад, а очередной снаряд с дымящимся запалом с воем несся к городу.

— Однажды мне довелось там побывать, — признался Старбаку Билли Блайз.

— Правда?

— Лицезрел повешение мистера Брауна, — довольно хмыкнул Блайз. — Напыщенный сукин сын.

— А чем вы там занимались?

— Покупал лошадей, — ответил Блайз. — Это, видите ли, моя профессия. И время от времени мы наведывались на север, подобрать пару кляч. Останавливались в отеле Вейджера.

Он посмотрел на городок и покачал головой.

— Похоже, что он выгорел дотла. Жаль. Я надеялся возобновить свое знакомство с тамошней девицей. Она была сладка как мед, только намного дешевле, — расхохотался

он. — Черт, мы с ней наблюдали из окна спальни, как вешали этого напыщенного ублюдка. Вздернули повыше небес. Он дергался как мул, и всё это время я заставлял маленькую милашку стонать от удовольствия.

Старбак почувствовал порыв отвращения к своему заместителю.

— Я встречался с Джоном Брауном, — вымолвил он.

— Неужели?

— Он прибыл в Бостон просить средства, — пояснил Старбак, — но ничего от нас не получил.

В то время Старбака озадачил отказ его отца помочь знаменитому аболиционисту, но теперь, оглядываясь назад, он гадал, а не завидовал ли преподобный Элиял Старбак суровому Брауну со свирепым лицом. Оба были во многом схожи. Опасался ли его отец столь грозного противника по аболиционистскому движению? Но теперь Браун мертв, а из-за его безнадежного восстания страну охватила эпидемия смертей.

— Он сказал мне, что я стану борцом против рабства, — Старбак вспомнил встречу в приемной отца, — полагаю, на этот счет он ошибся.

— Так вы сражаетесь за сохранение рабства? — спросил Блайз.

— Проклятье, да нет же. Я сражаюсь, потому что ничего лучшего под руку не подвернулось.

— Рабов все равно не освободят, — уверено изрек Блайз.

— Не освободят?

— Только не в этой жизни, и если у Господа есть хоть крупица здравого смысла, и в той тоже. Черт побери, да кто будет платить деньги этим ленивым сучьим выродкам?

— Может, они ленивы из-за того, что им их не платят, — предположил Старбак.

— Говорите совсем как ваш папаша, майор.

Старбак сдержал порыв гнева. Он был озадачен внезапно возникшими по отношению к Билли Тамлину подозрениями и гадал, не был ли к нему несправедлив, но нутром чуял, что за подвешенным языком Тамлина скрывалась коварная душонка мошенника. Билли Тамлин врал слишком легко, и Старбак в этом убедился, когда Билли беседовал с Джексонном, и теперь размышлял, сколько лжи Тамлин уже наплел. В Тамлине проскальзывала фальшь, и Старбак пытался понять, почему человек, якобы сбежавший из тюрьмы янки, был так упитан и чудесным образом снаряжен поясом с деньгами.

— Я собираюсь раздобыть в Харперс-Ферри карту, — сказал он после того, как ближнее орудие скользнуло назад по лафету.

— Карту? — удивился Блайз.

— Хочу посмотреть, где этот Юнион в Массачусетсе. Вы слегка пробудили мое любопытство. Я полагал, что знаю в Массачусетсе добрую половину городов, принимая во внимание, что сопровождал отца, когда он проповедовал в глуши, но чертовски уверен, что не припоминаю никакого Юниона. Рядом с чем он расположен?

— Дьявол, да нет там ничего поблизости! — внезапно ошетинился Блайз. — Не забывайте, это была тюрьма. Может, янки сами придумали название?

— Может, и так, — согласился Старбак, довольный, что вывел своего заместителя из равновесия, но как только Тамлин отправился на поиски более приятной компании, Старбак задумался о том, сколько врагов он может себе позволить завести в Специальном батальоне. Кейз прикончит его при первой же возможности, и Старбак подозревал, что Деннисон сделает то же самое, если только ему удастся собраться с духом. Он не мог полагаться на

Картрайта или Липпинкотта, которые исполняли свой долг, но с очевидным недостатком энтузиазма. Поттер был его другом, как и Кейтон Ротвел, но врагов у него было гораздо больше. В Легионе была та же ситуация, и Старбак, раздумывая над причинами этого раскола, опасался, что он возник из-за его личных качеств. Он завидовал людям вроде полковника Илайи Хадсона из Северной Каролины, чей батальон сражался рядом с Легионом у Манассаса, которого, казалось, любили все солдаты. Или Дятлу Бёрду, который сейчас еще поправлялся от ран, а пока командовал Легионом, вызывал только преданность. Потом Старбак заметил, как Старина Безумный Джек расхаживает вверх и вниз около пушек. Генерал как обычно держал левую руку в воздухе, словно давал присягу именем Господа, хотя на самом деле он поднимал руку в это странное положение лишь потому что в противном случае, как он считал, кровь прильет к его старой ране. Старбак смотрел на генерала и думал о том, что этот человек легко заводит как друзей, так и врагов.

Как раз в это мгновение Джексон повернулся и встретился взглядом со Старбаком. Секунду оба глядели друг на друга с неловким чувством узнавания, но молча, а потом Джексон что-то заворчал и опустил левую руку.

— Вы пришли к Спасителю, мистер Старбак? — рявкнул он, явно припомнив последний разговор со Старбаком.

— Нет, генерал.

Джексон свернул в сторону Старбака, а за ним засеменяли и штабные офицеры.

— Но вы пытаетесь? — с жаром осведомился он.

— Сейчас я думал кое о чем другом, генерал, — признался Старбак. — Я размышлял, как солдат может нажать себе врагов в собственных рядах, лишь исполняя свой долг.

Джексон прищурился, а потом нахмурился, опустив глаза на грязь рядом со своими нескладными ботинками. Он явно обдумывал вопрос, и тщательно, потому что смотрел вниз, пожалуй, еще целую минуту. Один из адъютантов обратился к нему, но генерал раздраженно махнул рукой, показывая, чтобы его не беспокоили, а когда адъютант позвал снова, просто проигнорировал этого назойливого человека. Наконец, его живые глаза остановились на Старбаке.

— Большинство людей слабы, майор, а слабые всегда смотрят на сильных с завистью. Ваша задача — сделать их сильными, но в одиночку у вас это не выйдет. У вас в батальоне есть капеллан?

Старбак гадал, считает ли генерал, что Нат по-прежнему командует Легионом.

— Нет, сэр.

— Сэр! — снова позвал адъютант из-за орудий.

Джексон снова не обратил на него внимания.

— Овцам нужны пастыри, майор, — сказал он Старбаку, — а самая большая сила исходит из веры человека, а не от его мускулов. Господу известно, что я самый слабый из смертных! — провозгласил он решительным тоном человека, уверенного в праведности своей души. — Но Господь наложил на меня обязательства и дал мне силу, чтобы их исполнить.

— Сэр! Прошу вас! — адъютант шагнул ближе к Джексону.

Джексон сделал неожиданный жест, дотронувшись до руки Старбака.

— Помните, майор, — сказал он. — "А надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся". Исаия.

— Глава сороковая, — отозвался Старбак, — тридцать первый стих.

Джексон улыбнулся.

— Я помолюсь за вас, майор, — обещал генерал и повернулся к адъютанту. Его улыбка тут же исчезла. — В чем дело?

Адъютант принес бинокль и протянул его генералу.

— Враг сдается, сэр, — объявил он, указывая в сторону осажденного города.

— Прекратить огонь! Прекратить огонь! — командир ближайшей батареи, не дожидаясь приказов, решил сам положить конец бомбардировке.

Джексон схватил бинокль, но даже без его помощи можно было разглядеть двух янки, идущих с белым флагом между дрейфующими клочками дыма. Янки держали грязный белый флаг, привязанный к шесту.

— Жалкая была оборона, — зло прорычал Джексон. — Им следует стыдиться, — он поспешил прочь, приказывая привести лошадь.

— Прекратить огонь! — прокричал другой командир батареи.

Расчеты мятежников на дальних холмах еще не заметили белый флаг и продолжали обстрел, пока сигнальщики своими флагами не передали сообщение о том, что враг сдается, и над покрытой пеленой дыма и израненной взрывами долиной постепенно установилась тишина, хотя и не полная, потому что издали, с поглощенного жарким маревом севера, из-за реки и далеких холмов, доносился звук других пушек. Где-то шло сражение, но где, почему и кто его вел, никто в Харперс-Ферри не знал.

Бельведер Дилейни впервые наблюдал за сражением и находил это зрелище гораздо ужаснее того, чем он мог вообразить. Он поскакал к холмам, преграждавшим янки путь с востока, и прибыл как раз вовремя, чтобы стать свидетелем атаки Макклелана на южный проход из тех двух, что остались под охраной жалкой кучки войск мятежников. Благоразумие требовало, чтобы проходы защищало большее число людей, но Ли сделал ставку на привычное бездействие Макклелана, оголив оборону, чтобы направить больше людей в атаку на Харперс-Ферри.

Но Макклелан больше не бездействовал. Он знал, что в голове у противника, и теперь бросился вперед, чтобы сломить армию мятежников.

Дилейни, глядящему с высокого наблюдательного поста над перевалом, казалось, будто на широкую долину хлынула волна синих мундиров, как океанские волны накатываются на пляж. Разрушительная приливная волна пенилась дымом от разрывающихся снарядов янки, которые с пламенем обрушивались на оборонительные сооружения мятежников, а вслед за дымом безжалостно надвигались вперед длинные шеренги пехоты в синем. Дилейни находился слишком далеко, чтобы ощутить запах крови или разглядеть похожие на тяжелые канаты человеческие кишки, выплеснувшиеся на летнюю траву, но и в одном только шуме слышалось столько жестокости, что просто невозможно было это вынести. Грохот пушек оглушал и сбивал с толка, и что гораздо хуже, он не прекращался. Как можно было жить под таким обстрелом, Дилейни не мог себе представить, однако они жили, а периодический треск винтовок давал понять, что какие-то подразделения мятежников еще сопротивляются натиску янки.

Приливная волна янки не продвигалась вперед гладко, вообще-то, Дилейни даже казалось, что она накатывается с необъяснимой медлительностью. Он наблюдал, как

шеренга пехоты идет в атаку под своими знаменами, а потом безо всякой очевидной причины останавливается, а солдаты припадают к земле. Пока всадники галопом мчались между наступающими войсками с какими-то бессмысленными поручениями, другая шеренга могла ринуться вперед. Лишь огромные орудия никогда не останавливались, наполняя узкий проход дымом, грохотом и ужасом.

Перед проходом, растянувшись в сторону тихих полей восточной части Мэриленда, собирались федеральные войска. Армия Макклелана толпилась позади атакующих в готовности броситься через проход и как тараном вонзить свои пушки и винтовки между разрозненными силами генерала Ли. К западу, за рядами мятежников, не было заметно ничего похожего на такую массу, там были лишь фургоны, везущие раненых по проселочными дорогам назад, к невидимому Потوماку.

— Полагаю, наше послание дошло, — сказал Дилейни Джорджу.

Джордж — привлекательный, довольно светлый негр — кивнул.

— Что-то заставило их пошевелиться, — весело согласился он.

Дилейни, вспомнив о своих страхах быть пойманным, почувствовал прилив облегчения. Он откупорил серебряную фляжку и сделал глоток, а потом протянул ее Джорджу.

— Тост за победу Севера, Джордж.

— За победу, — повторил тот, поднеся фляжку к губам. Некоторое время он смаковал вкус вина, а потом улыбнулся. — Вы привезли рейнвейн урожая сорок девятого года.

— Только одну бутылку.

— Жаль, что не охлажденное, — неодобрительно заметил Джордж.

— Когда падет Ричмонд, — отозвался Дилейни, — мы будем купаться в холодном рейнвейне.

— Вы, может, и будете, но не я.

Дилейни засмеялся. Рим, подумал он. Рим, вот куда нужно отправиться, или, если Рим посчитают для него слишком высоким постом, то Афины или Неаполь. Он будет послом свободы в залитом солнцем прекрасном городе разлагающей роскоши. Он оденет Джорджа в завитой парик и расшитый золотом сюртук и будет обедать под звуки струнного квартета, играющего в окружении благоухающих цветов. Днем он будет учить местных жителей искусству управления государством, а по ночам они будут учить его искусству разложения.

Внизу синие шеренги внезапно хлынули вперед, борясь за то, чтобы эта мечта осуществилась. Мятежники были сломлены. Солдаты, которые дрались и побеждали янки на полях Виргинии, теперь на своей шкуре испытали поражение. Их оборона распалась и сломалась. Небольшие группы удирали на запад, некоторые бросили все пожитки, чтобы бежать быстрее, а другие, раненые или мертвые, остались лежать на изорванной снарядами траве, пока победоносные янки прокатились по захваченным позициям. Уцелевшие пушки мятежников прицепили к передкам и увезли, полевые лагеря обезлюдели, везде двигались вперед звездно-полосатые флаги.

— Пора уходить, Джордж, — сказал Дилейни, присматривая пути к отходу.

— Но куда? В Ричмонд?

— Думаю, обратно к Ли. Я хотел бы засвидетельствовать его горький конец, — ответил Дилейни. Он решил, что это будет интересная история. Вероятно, трагедия, потому что несмотря на то, что Ли являлся врагом страны, он был достойным человеком, но Дилейни сомневался, что войны выигрывают с помощью достоинства, нет, в них побеждают твердая решимость и подлое предательство.

Дилейни развернул лошадь и поскакал на запад. Он предал Конфедерацию ради Макклелана и теперь молился, чтобы увидеть, как ее уничтожат.

Генерал федералистов, который официально объявил о капитуляции гарнизона Харперс-Ферри, был одет в великолепный голубой мундир с золотым галуном, на его перевязи висели сверкающие ножны, в то время как принявший этот великолепный трофей Джексон был в замызганном домотканном кителе, истрепанных башмаках и поношенной фуражке, натянутой на нечесанные и невымытые волосы. Джексон даже после победы выглядел мрачным, хотя и позволил себе улыбнуться при виде катафалка Старбака. Повозку тянули застрельщики роты Поттера, а сам Поттер сидел на козлах, щелкая воображаемым кнутом. Генерал-янки еще стоял рядом с Джексоном, в сотый раз задумываясь о том, почему Макклелан не пришел гарнизону на выручку, и, увидев катафалк, пришел в совсем подавленное состояние духа, устыдившись, что его победили подобные оборванцы. Ни один из победоносных мятежников не был одет лучше своего генерала, а большинство еще хуже, вообще-то некоторые солдаты Джексона ковыляли по городу босиком, а побежденные янки красовались в лучшей продукции индустриального Севера.

Полковник Свинерд спешил вдоль колонны в поисках Старбака.

— Можете отделаться от своего катафалка, Нат! — объявил он. — Город забит повозками. Новые фургоны, и отличные. Я отрядил юного Коффмэна охранять парочку для вас. Велел ему пристрелить любого мерзавца, который осмелится хоть пальцем их тронуть. И смею вас уверить, что теперь вы можете снабдить большинство ваших ребят винтовками, их здесь, наверное, тысячи! И провизия. Опять как на станции в Манассасе.

Джексон снова захватил основную базу снабжения федеральной армии, и снова его голодные, босые и плохо одетые войска получили от Севера щедрые дары. Каждый открытый ящик сопровождало радостное улюлюканье. Их наградой стали вскрываемые штыками жестяные банки с тушенкой, поставленный вариться на разведенном из разбитых ящиков костре настоящий кофе и новенькие винтовки. Офицеры-снабженцы Джексона прилагали все усилия, чтобы уберечь от разграбления самые ценные предметы, но возникла такая неразбериха, что основная часть поживы доставалась тем, кто прибудет первым. Солдаты Старбака пришли достаточно рано, чтобы найти винтовки, ботинки, провизию и боеприпасы, но не для каждого, хотя Старбаку удалось заменить ружья двух из четырех рот новенькими винтовками Спрингфилда, еще покрытыми фабричной смазкой. На прикладах была выгравирована надпись "1862", американский орел и "Спрингфилд, США". Катафалк и один из двух фургонов нагрузили патронами для новых винтовок.

Свинерд нахмурился при виде катафалка.

— Уверены, что хотите его сохранить? — спросил он Старбака.

— Людям он нравится. Заставляет чувствовать себя особенными.

— Да уж, не сомневаюсь, — отозвался Свинерд и поднял голову, чтобы прислушаться к звуку далеких пушек. — Утром выступаем, — мрачно объявил он. — Нет мира нечестивым [15].

— Что происходит?

— Янки атакуют, — неопределенно ответил Свинерд и пожал плечами, показывая, что больше и сам ничего не знает. — Ли хочет, чтобы все снова объединились. Это будет

тяжелый марш, Нат. Скажите своим ребятам, что придется перетерпеть мозоли и продолжать идти. Просто идти, — полковник развернул карту, чтобы показать Старбаку их маршрут. — Пойдем по южному берегу Потомака, — сказал он, проводя по дороге на запад обгрызленным ногтем, — к броду вот сюда, рядом с Шепердстауном, а потом на восток, вот сюда, — постучал он по карте.

Старбак поглядел на место встречи войск — это был лежащий у перекрестка город всего в нескольких милях вглубь Мэриленда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Шарпсберг, — произнес он. На карте был обозначен небольшой городок, расположенный на широкой полосе между Потомаком и одним из его притоков, речушкой Антиетэм-Крик. — Шарпсберг, — повторил Старбак. — Никогда о нем не слышал.

— Завтра ночью будете там ночевать, — обещал Свинерд. — Если будет на то воля Господа.

— Уж скорее, если будет на то воля ног моих солдат, — заметил Старбак. Он прикурил одну из трофейных сигар, которые Люцифер обнаружил вместе с новым нижним бельем, сорочками, сахаром и кофе. — Мы раздобыли каких-нибудь лошадей для повозок? — спросил он.

— Несколько, но паршивых, — полковник сложил карту. — Подъем будет ранним, Нат. Поспите немного.

Это было легче предложить, чем сделать, потому что солдаты не хотели спать. Они только что победили и праздновали эту легкую победу, а запасы янки предоставили достаточно спиртного, чтобы разгорячить праздник. Другие, как и Старбак, хотели осмотреть местные достопримечательности. Они пораженно глядели на ряды захваченных пушек, колесом к колесу стоящих во дворе арсенала, которые теперь займут свое место в армии Конфедерации, потом исследовали здание, куда загнали Джона Брауна с заложниками. Небольшое пожарное депо венчал красивый купол, напоминающий Старбаку "вдовьи площадки" ^[16] на прибрежных домах в Массачусетсе, хотя этот купол, как и кирпичные стены здания, покрывали шрамы от пуль морского десанта США, который под командованием генерала Роберта Ли вынудил Джона Брауна сдаться. Некоторые мятежники выступали за то, чтобы разрушить это здание, потому что оно стало для янки чем-то вроде святыни, но ни у кого не хватило решимости его снести, так что пожарное депо осталось нетронутым. Старбак поднялся к церкви, над которой развевался британский флаг, и обнаружил, что она католическая, и под нейтральным флагом в ней укрылись прихожане. Церковь неподалеку разбомбили, но католиков бомбардировка пощадила.

Пленные янки печально маршировали к выходу из города, направляясь к возвышенностям, где станут лагерем перед тем, как их пошлют в тюрьмы. Харперс-Ферри остался новым хозяевам, а они с приходом ночи разожгли костры, догорающие, пока солдаты завернулись в одеяла, и уснули на еще покрытой осколками снарядов земле. Старбак устроился в брошенном товарном вагоне на железной дороге, но не мог уснуть, и потому натянул башмаки и осторожно, чтобы не разбудить Люцифера, который после бессонных ночей на охране Старбака наконец провалился в сон, выскользнул из вагона и пошел между спящими к берегу Шенандоа.

Он безумно устал, но не мог заснуть из-за тех же страхов, что обуревали его во время утреннего разговора с Джексоном. Он предчувствовал неудачу и подозревал, что сам станет ее причиной. Нат не смог объединить Специальный батальон, в точности так же, как и

Легион. Ни один батальон, сказал он себе, не сможет полноценно драться, если его разрывает зависть и ненависть, но понимание проблемы не помогло ему найти решение. Правда, он приобрел в батальоне союзников, но их было меньше, чем половина от всей численности, а многие оставшиеся были его заклятыми врагами. Старбак вспомнил Илайю Хадсона, Дятла Бёрда и Роберта Ли и решил, что их популярность проистекает от характера, а если в характере чего-то недостает, распекал он себя, то нет надежды стать настоящим лидером. Гриффин Свинерд изменил характер благодаря милости Божией, и это решило дело — все обожали когда-то ненавистного полковника. Старбак поднял бульжник и бросил его в реку, которая здесь текла быстро, пенясь над скалами на своем пути к Потوماку.

Так неужели ответ в Боге? Неужели сам он ничего не может сделать? Старбак стал мрачнее тучи, подозревая, что его душевные метания были тем изъяном, который открылся солдатам. Именно они вместе с трусостью, которую он сам в себе видел. Или, возможно, Мейтленд был прав, и некоторые рождены для того, чтобы вести за собой. Старбак тихо выругался. Он представил себе идеальный батальон, действующий без заминки, словно только что смазанный механизм трофейной винтовки Спрингфилда. Как работающая машина.

Джексон утверждал, что лишь Господь может наделить человека силой, и лишь эта сила заставит батальон действовать сообща. Батальон состоял из людей с разными страхами, подозрениями и амбициями, и задача заключалась в том, чтобы объединить все желания в одно — желание вместе завоевать победу. Через пару дней, как опасался Старбак, Желтоногим придется столкнуться с настоящей армией янки, той самой армией, из-за которой в последние два дня горизонт затянула дымка, и как они будут сражаться? Из офицеров лишь Поттер был верен Старбаку, а Поттер, как известно, был слабаком. Старбак закрыл глаза. Какая-то часть его жаждала, чтобы Божья благодать вселила в него силы, но каждый раз, когда он испытывал искушение воззвать к помощи Создателя, вмешивалось другое искушение, и весьма заманчивое. Оно состояло из воспоминаний о телах, залитых огнями свечей, не о мертвых, перекошенных, изъеденных вшами, покрытых шрамами и грязью, а о телах на простынях. Салли откидывала волосы с лица. Девушка, погибшая от пули Блайза в таверне. Он вспомнил, как она нагибалась над камином, а рыжие волосы струились по обнаженной спине, как она смеялась, поджаривая хлеб с расплавленным куском сыра, вытащенным из мышеловки. Старбак считал, что рай состоит именно из таких мгновений, и не желал называть их адом. Его отец всегда говорил, что быть христианином нелегко, но последние два года показали Старбаку, насколько это чудовищно тяжело. Он не хотел расставаться с грехом, но опасался, что если этого не сделает, то не преуспеет в военном деле. Он раздумывал, не следует ли помолиться. Может, молитва у этой спешащей реки пробьет путь через дымный воздух к Господу, а он единственный может дать силу побороть искушение.

Справа от Старбака послышался шорох камней. Он открыл глаза и заметил, как среди бульжников и низкорослых деревьев на берегу мелькнула тень.

— Кто здесь? — крикнул он.

Никто не ответил. Он решил, что это, должно быть, крыса или один из одичавших тощих котов, обитающих на развалинах арсенала. Сквозь листву показались городские огни, но они ничего не высветили на берегу реки, где на осколках камней бурно разрослись сорняки. Он снова повернулся к воде. Наверное, думал он, нужно помолиться. Может, его путь обратно к Господу будет тернистым и медленным, но где закончится это путешествие? У янки? На

коленях перед отцом?

Раздался щелчок, и Старбак понял, что это звук взводимого курка. На секунду он замер, едва осмеливаясь поверить своим подозрениям, а потом откинулся на спину в то самое мгновение, когда из дула вырвалось пламя, и где-то справа раздался хлопок. Пуля просвистела над головой, и дымный след сдуло в сторону реки. Он залез в наполовину затопленную дренажную трубу, по краю которой пенилась вода, и вытащил револьвер Адамса из кобуры. Старбак услышал шаги, но никого не разглядел. Закричал часовой, желая знать, кто и по какой причине стрелял, а потом Старбак увидел силуэт на фоне приглушенных деревьями городских огней и поднял револьвер. Тут показался второй человек, и Нат сменил прицел, но оба врага убегали, пригнувшись и оставшись неопознанными, они удирали к ржавым рельсам железной дороги Балтимор-Огайо. Он выстрелил, но поверх голов, иначе в случае промаха пуля попала бы в отдыхающих солдат. В сторону реки бежали другие люди, выкрикивая предупреждения и вопросы.

Старбак вылез из грязной воды. Его заметил часовой и опустился на одной колено с нацеленной винтовкой.

— Вы кто? — прокричал он.

— Майор Старбак. Бригада Свиерда, — Старбак засунул револьвер в кобуру и отряхнул с панталон вонючую воду. — Положи оружие, приятель.

Прибыл офицер, желая узнать, кто и зачем стрелял. Старбак махнул в сторону реки.

— По-моему, я видел, как там кто-то плывет. Думаю, это янки удирает.

Офицер всмотрелся в блестящую в лунном свете реку, пенящуюся на скалах.

— Я никого не вижу.

— Значит, мне померещилось, — сказал Старбак. — А теперь пойду спать.

И отправился восвояси. Нат услышал вдогонку слово "напился", но ему было плевать. Он знал, что именно видел, но не знал, кто это был. Два человека, его человека, догадался он, и они по-прежнему находятся в батальоне и ждут своего шанса.

Вместе с сотней тысяч янки по ту сторону реки. Направляющихся к городу, о котором никто никогда не слышал. К Шарпсбергу.

Часть вторая

Глава десятая

Ручей пробивался из заросшего мхом родника в узкой расселине южной горной цепи, затем тек на юго-запад по каменистому ландшафту, по тощей почве и между старых деревьев. Первые несколько миль его ничто не тревожило — в этой части Пенсильвании не было поселений, но к востоку от Уэйнсборо ручей пересекал поля, и скот месил его копытами. Здесь не было мостов, потому что он был достаточно узким, чтобы пересечь его вброд даже во время зимних паводков, и ручей тек до границы с Мэрилендом, где в него вливались другие ручьи, и он становился глубже и шире, и у Хейгерстауна его пересекал первый мост. К тени моста плескались рыбы, а летом по пояс в воде играли дети.

За Хейгерстауном ручей бежал на юг, становясь глубже и мощнее по мере того, как собирал другие притоки, но по-прежнему оставался узкой речушкой. Местами он мельчал, когда тек по камням, пенясь в водоворотах через тенистые леса, а потом змейкой извивался по сочным зеленым полям. Из ручья пили олени, люди ловили в нем рыбу, а скот стоял в заводях, чтобы охладиться от летней жары.

В пяти милях от Хейгерстауна в речушку втекал ручей Бивер, и теперь она уже действительно становилась похожей на реку. Всадники еще могли перейти ее вброд, но местные жители построили прекрасные каменные мосты, чтобы не замочить ног. Извиваясь, река следовала дальше, но теперь она спешила к слиянию с Потомаком, где ее поглощали мощные воды, текущие к морю на востоке.

Примерно в четырех милях к северу от того места, где река впадала в Потомак, пологий галечный берег спускался к воде от рощи огромных вязов. Это было чудесное место летней прохлады, любимое детьми, которым нравилось сбегать в воду по камням или раскачиваться на веревке, привязанной над рекой к ветке вяза, но пару раз за лето, в воскресное утро, здесь никто не играл, потому что в эти дни по смоктаунской дороге двигалась процессия, огибая Восточный лес, а потом следуя по проселку через поле Миллера к крутому лесистому берегу реки. В процессии насчитывалось, наверное, человек пятьдесят, редко когда больше, они шли в торжественной тишине, которая прерывалась лишь когда кто-нибудь затягивал гимн. К нему присоединялись и остальные, их голоса становились сильнее, когда они держали путь через кукурузные поля и леса к воде. Мужчины были в плохоньких костюмах из темного толстого сукна, но неудобства официальной одежды являлись той данью, которые они отдавали этому дню. Женщины были в чепцах и шالях и крепко держали за руки детей, чтобы неподобающее поведение не испортило торжественное событие. Во главе процессии шагал священник в широкополой черной шляпе.

Добравшись до реки, он входил в воду и молился Богу Авраама, Исаака и Иакова, чтобы Господь благословил этот день и этих добрых людей, а потом один за другим все те, кого собирали окрестить в присутствии соседей, шагали в воду, и священник складывал их руки у груди, а свою руку клал им на спину, после чего с радостными возгласами благословлял их, потому что душа обрела свое место на небесах, и окунал спиной в реку, чтобы вода покрыла головы. Священник секунду держал человека в таком положении и снова поднимал его вертикально, а паства на берегу громко просила Господа смилостивиться над жалкими грешниками. Почти всегда только что окрещенные мужчины и женщины плакали от счастья,

выходя из реки, чтобы присоединиться к одетым в темное прихожанам, поющим для них гимны.

Пели они по-немецки. Многие местные поселенцы происходили из Германии и являлись прихожанами маленькой выбеленной церкви без шпиля, крыльца, кафедры и вообще каких-либо украшений, хотя, отдавая дань суровым зимам, между добротными церковными скамьями стояла черная железная печка. Со стороны церковь выглядела больше похожей на скромный дом, чем на святилище, хотя внутри была на удивление просторной, а в солнечные дни наполнена светом. Немцы были баптистами, хотя их говорящие по-английски соседи добродушно называли их данкерами ^[17] из-за традиции крестить новообращенных полным погружением в воду. По субботам немцы отправляли службы в одном месте, а англоговорящие в другом, но в рабочие дни Поффенбергеры и Миллеры, Кеннеди и Хоффманы, Мидлкауфы и Пайперы были добрыми соседями и работающими фермерами, и все сходились во мнении о том, что владеют прекрасной землей. То там, то сям среди тучных полей встречались выходы известняка, но на этих фермах можно было вести славную жизнь, пока семьи усердно трудились, верили в Бога и имели терпение. Именно потому они и приехали в Америку — чтобы преуспевать и жить в мире у мэрилендской речушки, что вытекала из узкой расселины в южных горах, стремясь вниз, к широкому Потомаку.

Река под названием Антиетэм-Крик и церковь данкеров находились чуть севернее деревушки Шарпсберг, и едва ли хоть одна душа в Америке за пределами округа Вашингтон в штате Мэриленд когда-либо о ней слышала.

Но потом пришли армии.

Первыми появились мятежники. Грязные, усталые, оборванные солдаты с кровоточащими ногами, волдырями на коже и вшами в бородах. Они шли на юг по хейгерстаунской дороге в облаке пыли, которую поднимали колеса их пушек и истрепанные башмаки. Некоторые и вовсе были без башмаков, совершенно босыми. С востока подошли и другие мятежники, они пересекли реку по прекрасным каменным мостам. У тех, что с востока, были повязки, синяки под покрасневшими глазами и покрытые порохом лица. Они сражались, чтобы задержать янки в проходах между холмами, и проиграли, и теперь собирались присоединиться к армии Ли в Шарпсберге.

То была совсем маленькая армия. Семнадцать тысяч человек растянулись по пастбищам и лесам к северу от деревни, и фермеры могли только молча наблюдать, как ломают их изгороди, чтобы развести костры или соорудить кров. Армейские пушки с почерневшими стволами и покрытыми грязью колесами выстроили на возвышенности у реки. Смотрели они на восток.

Потом пришли янки: шестьдесят тысяч солдат в синих мундирах пересекли Красный холм на восточном берегу реки и остановились. Просто остановились.

Пушки мятежников открыли огонь, выплевывая снаряды на поле, как только на противоположном берегу реки показали войска Севера. Генерал Макклелан, которому сообщили, что вражеская армия устроила линию обороны на другом берегу, приказал остановиться. Он знал, что нужно поразмыслить, составить план и осознать все опасности, поэтому войска северян рассеялись по полевым лагерям, и артиллерия мятежников, поняв,

что противник не собирается пересекать реку, прекратила стрельбу.

По долине дрейфовал пороховой дым, и угасающее солнце окрасило его в розовый цвет. Генерал Роберт Ли наблюдал за остановившимся противником на той стороне реки, а потом пошел обратно к хейгерстаунской дороге, где ждала карета скорой помощи, чтобы доставить его в штаб армии к западу от Шарпсберга. Руки генерала еще были забинтованы, так что верхом скакать было затруднительно, и он шел пешком, а один из адъютантов вел в поводу Бродягу. Спешившись, Ли казался каким-то странно уменьшившимся в размерах. В седле он выглядел высоким, а стоя на земле оказался среднего роста. Госпитальный экипаж ждал его у белой церкви данкеров, которая ярко сияла на фоне темного леса. Церковные скамьи порубил на дрова батальон из Джорджии, расположившийся рядом с маленьким молельным домом.

На обратном пути генерал почти не разговаривал, но теперь увидел скорчившегося у дороги перед церковью майора Дилейни. Ли улыбнулся.

— Так вы живы, майор?

— К счастью да, сэр, — Дилейни с трудом поднялся.

— И видели всё, что собирались, правда?

— Сражение, — мрачно подтвердил Дилейни.

— Даже больше того, что вам следовало видеть, как я надеялся, — уныло заметил Ли. — Похоже, у Макклелана больше энергии, чем я считал, — Ли махнул в сторону кареты скорой помощи. — Не очень-то похоже на транспорт генерала-триумфатора, майор, но приглашаю вас составить мне компанию до штаба. Полагаю, вы снова устроитесь на постой рядом с нами?

— Если это возможно, генерал.

— Если только вы не предпочтете поехать домой, — милостиво предложил Ли. Хотя он и нуждался в каждом, кто мог драться с Макклеланом, Ли едва ли мог представить, какая может быть польза от этого бледного, усталого адвоката.

— Мы будем сражаться? — спросил Дилейни, залезая в экипаж и предоставив Джорджу вести двух лошадей в поводу за медлительной повозкой.

— О, думаю, что да, — тихо ответил Ли. — Даже сказал бы, что нам придется, — он откинулся на спинку сиденья и сразу же приобрел усталый вид, но потом нахмурился, глядя на забинтованные руки, словно злясь на причиняемые ими ограничения. — По крайней мере, — уныло заявил он, — теперь я не могу грызть ногти.

Экипаж качался и трясся на разошедшей дороге. Это была захваченная у янки в Манассасе повозка на высоких рессорах, чтобы облегчать боль ее обитателям, но даже самые лучшие пружины не могли сгладить колеи хейгерстаунской дороги, когда она резко шла вниз к Шарпсбергу.

— Знаете, что однажды сказал Фридрих Великий? — внезапно сказал Ли, мысленно снова вернувшись к предстоящим испытаниям. — Что на войне непростительное преступление — это не принять неверное решение, а совсем не принимать решений. И я думаю, что нам придется здесь драться.

— Почему? — спросил Дилейни и поспешно добавил: — Мне любопытно узнать, сэр, ход мыслей генерала, когда он принимает решение.

Ли пожал плечами.

— Мы вторглись на Север, Дилейни. И улизнем, так ничего и не добившись?

— Мы захватили Харперс-Ферри, сэр, — напомнил Дилейни.

— Захватили-то захватили, но должны сделать кое-что поважнее. Мы шли на север, Дилейни, чтобы нанести врагу урон, и нам по-прежнему это предстоит. Я планировал, чтобы эта боль вонзилась глубоко на север, но признаюсь, генерал Макклелан меня удивил, так что придется ранить его здесь, а не в Саскуэханне. Но там или здесь, Дилейни, важно причинить ему такой ущерб, чтобы Север не мог снова к нам вторгнуться, а Европа увидела, что мы можем защищаться, а значит, заслуживаем поддержки. Если мы как следуем его отделаем, Дилейни, есть вероятность, что больше это уже не понадобится, но стоит нам сбежать, и Макклелан бросится вдогонку, так что нам придется драться с ним на своей земле. А бедная Виргиния уже достаточно настрадалась, видит Бог, — генерал говорил мягко, отчетливо выговаривая аргументы, не забывая о том, что Дилейни имеет вес в политических кругах Ричмонда. Если в следующие несколько часов что-то пойдет не так, неплохо будет обзавестись человеком вроде Дилейни, чтобы разъяснил мотивы генерала лидерам Конфедерации.

— У Макклелана гораздо больше людей, — сказал Дилейни, не в состоянии скрыть беспокойство.

— И правда, но у него всегда было численное преимущественно, — сухо заметил Ли, — хотя на сей раз, признаюсь, оно весьма значительно. Мы считаем, что у него восемьдесят тысяч, а у нас меньше двадцати, — он помолчал, улыбнувшись такому вопиющему неравенству сил. — Но люди Джексона на подходе. Мы сможем выставить против Макклелана тридцать тысяч.

— Тридцать? — Дилейни был потрясен этим неравенством.

Ли усмехнулся.

— Бедняга Дилейни. Думаю, вам и правда лучше находиться в Ричмонде. Не будет никакого бесчестья в том, чтобы нас покинуть. Ведь ваша работа здесь закончена?

И даже сделана гораздо лучше, чем вам известно, подумал Дилейни, но ответил цитатой из Шекспира:

— Чем меньше нас, тем больше будет славы [\[18\]](#).

Ли улыбнулся, узнав шекспировские строчки из "Генриха V".

— В той битве несколько человек победили огромную армию, а я знаю об этих людях одно, — он махнул забинтованной рукой в сторону оборванных солдат в бивуаках. — Они лучшие солдаты, Дилейни, которых когда-либо видел этот мир. Они усмиряют мою гордыню. Войны может выиграть хорошая стратегия, но главным образом их выигрывает моральный дух, а мы с вами, друг мой, и до ста лет можем дожить, не повстречав войск, подобных этим. Макклелан их боится, и думаю, у нас есть шанс порвать его армию на мелкие кусочки.

Дилейни поежился при мысли о сражении.

— В последние дни он не был осторожен, сэр, — предостерегающе заявил он.

Ли кивнул.

— Он что-то прознал о нашей диспозиции. Мы не знаем как, но наши сторонники из Фредерика послали сообщение о том, как Макклелан хвастался, будто загонит нас в ловушку. Что ж, так он и поступил, но одно дело — установить ловушку, и совсем другое — загнать в нее дикую кошку. Поверьте, Дилейни, его осторожность вернется. Уже вернулась! Будь я на том берегу, я бы не стал устраивать там лагерь. Я бы направил свои бригады через долину, давил бы со всей силы, дрался, но Макклелан выжидает, а с каждым часом промедления люди Джексона подходят ближе.

Но даже если люди Джексона придут, подумал Дилейни, армия Ли останется вполовину меньше армии Макклелана. Мятеж наверняка обречен, и Дилейни, ликуя при мысли, какую роль он сыграл в его разгроме, внезапно ощутил приступ сочувствия к Ли. Генерал был достойным человеком, добрым и честным, но Ли не мог сделать его послом, так что Дилейни молился, чтобы в день грядущий увидеть, как гибнет Конфедерация на созревших полях у Антиетэма.

Вторник, 17 сентября, с самого утра выдался жарким и душным. Заставы конфедератов, предупрежденные о возможной атаке врага, вглядывались по ту сторону реки через густой туман, который постепенно рассеивался по мере того, как над Красным холмом всходило солнце. Заставы опасались услышать залп заряженных картечью пушек и плеск пехоты со штыками и взведенными винтовками через речные броды, но нападения не последовало. Макклелан, сам того не осознавая, исполнил самую заветную мечту всех генералов — загнал вражескую армию в ловушку, разделив ее на две части, и если бы он пересек реку, то мог бы разделаться с армией Ли, а потом выступить в сторону разрозненных подразделений Джексона, которые спешили на север из Харперс-Ферри.

Но Макклелан не двигался, а выжидал.

Солнце выжгло над водой остатки тумана, и мятежники беспокойно вгляделись через реку на зеленую листву, из которой медленно просачивался дымок от костров. Кавалерия конфедератов разведала берега Антиетэма к северу и югу от позиции Ли, но войска Севера не пытались пересечь реку, к тому же, к удивлению разведчиков, на сонных полях отсутствовали и кавалерийские патрули янки. Там виднелись марширующие войска, но то был арьергард огромной армии Макклелана, которая перебралась через холмы на восточный берег Антиетэма. Шестьдесят тысяч янки превратились в семьдесят пять, но Макклелан так и не пошел в атаку. Он выжидал.

Он ждал всего в двух с половиной милях к востоку от церкви данкеров, на том берегу Антиетэма, где стояли янки, на ферме семьи Прай. Это был крепкий дом с просторными амбарами и осушенными полями, которые спускались от Красного холма к берегам реки. Сейчас большинство полей были убраны, хотя на некоторых стояла высокая кукуруза, готовая к сбору урожая. На одном поле высились стога сена, а на другом цвел клевер, верхние же поля уже вспахали под озимую пшеницу. Янки расположились на всех полях и разобрали сено на матрасы. Некоторые солдаты играли в бейсбол, некоторые писали домой, кое-кто читал, если мог найти хоть клочок тени в этот жаркий и душный день. Время от времени кто-нибудь выглядывал из-за деревьев на далекую шеренгу пушек мятежников, венчающую западный горизонт, но не получив приказа атаковать, солдаты наслаждались отдыхом. Малыш Мак прекрасно их понимал. Хотя газеты и называли Макклелана новым Наполеоном, но для солдат он всегда оставался Малышом Маком, и они знали и любили в нем то, что он никогда не станет без нужды рисковать их жизнями. Они ему доверяли и поэтому согласны были подождать.

Полковник Торн тоже был доволен. На заре он поскакал вдоль Антиетэма в сторону Потوماка, и к тому времени, как рассеялся туман, отметил на карте полдюжины мест. Он попытался пересечь реку, но был отброшен тревожным криком солдат в сером, которые быстро взвели винтовки и яростно выстрелили, пуля пролетела над головой Торна. Выше по

течению он заметил каменный мост и попытался сосчитать число мятежников, копающих окопы на противоположной стороне, Он увидел, как они спускаются к реке, чтобы наполнить фляжки, наблюдал, как они купаются, и слышал их смех.

Пока тянулось сонное утро, он выяснил, что генерал Макклелан с комфортом разместился в доме семьи Прай. Телеграфисты тянули провода вверх по склону, к сигнальной станции на вершине Красного холма, откуда сообщения шли через цепочку других станций, чтобы передать новости от Макклелана в Вашингтон. Одно сообщение уже дожидалось отправки, и Торн, увидев, как телеграфисты устанавливают оборудование в гостиной Праев, подобрал его.

"Сильный утренний туман помешал нам что-либо предпринять, мы лишь убедились, что враг еще здесь, — гласило сообщение. — Размер армии противника неизвестен. Атакуем, как только ситуация с врагом прояснится".

Торн фыркнул и бросил сообщение. Неужели мы будем дожидаться врага, подумал он. Боже ты мой, но ведь Адам Фалконер погиб, чтобы сюда пришла армия Севера, а Макклелану оставалось лишь дать войскам приказ наступать. Моральный дух армии был достаточно высок. Они изгнали мятежников из горных перевалов, и в рядах янки прошел слухок, что Ли ранен, может, и мертв, как и Джексон с Лонгстритом. Войска охотно вступили бы в сражение, но Макклелан ждал, пока ситуация с врагом не прояснится, что бы это ни означало. Торн вышел из гостиной и обнаружил генерала сидящим в одном из мягких кресел на лужайке, откуда открывался вид через реку. На треноге рядом с генералом высилась подзорная труба, а перед креслами, на круто спускающейся по склону лужайке, возвели завал из веток и досок изгороди. Завал предполагал, что Макклелан собирается обороняться на лужайке фермерского дома, сидя в удобном кресле и паля из револьвера, когда его побежденные войска устрелятся обратно.

— Я ездил на юг, — резко сказал Торн.

Макклелан болтал с Пинкертоном, который занимал соседнее кресло, и намеренно проигнорировал приход полковника, так что Торну пришлось вмешаться самому.

— Куда на юг? — наконец поинтересовался Макклелан.

— Вниз по течению, сэр. Там есть броды, и ни один мятежники не охраняют как следует. У одного есть пикет, но там всего горстка солдат. Лучшая переправа у брода Снейвли, — Торн вытащил блокнот, где грубо нарисовал карту. — Переправьтесь здесь, сэр, и через милю мыотрежем Ли путь к отступлению.

Макклелан кивнул, но больше никаким образом не отметил слова Торна.

— Бога ради, сэр, — настаивал Торн, — атакуйте немедленно! У Ли под ружьем не больше двадцати тысяч.

— Чепуха, — заспорил Макклелан. — Если вы верите этому, полковник, значит, готовы поверить во что угодно, — он засмеялся, а его адъютанты послушно хихикнули.

— Сэр, — Торн придал голосу почтительности. — Мы знаем, что Харперс-Ферри сдался, сэр, и знаем, что войска Джексона еще не добрались до Шарпсберга. Ни одна армия не сможет преодолеть так быстро подобное расстояние, но если мы выждем до вечера, сэр, то они будут здесь. Тогда у Ли будет сорок или пятьдесят тысяч солдат.

— У генерала Ли, — ледяным тоном заявил Макклелан, — уже восемьдесят тысяч человек. Восемьдесят тысяч! — он негодующе повысил голос. — И если это невежественное правительство сообразило бы прислать мне нужное число людей, чтобы успешно вести войну, я бы уже атаковал, но я не могу выступить, пока не знаю с полной уверенностью

положение врага!

— Положение врага, сэр, отчаянное! — настаивал Торн. — Они устали, голодны, а мы имеем численное превосходство, сэр, вы можете одержать такую безоговорочную победу, какой не было в истории.

Макклелан гневно покачал головой и перевел взгляд на Алана Пинкертона, который скрючился на кресле с цветочной обивкой. Он был в нескладно сидящем сюртуке и котелке.

— Полковник Торн полагает, что мы имеем численное превосходство над врагом, майор Пинкертон, — Макклелан обратился к руководителю Секретной службы по званию, — а каково ваше мнение?

— Хотел бы я, чтобы так и было, сэр! — Пинкертон вытащил изо рта короткую трубку и уверенно продолжал говорить с сильным шотландским акцентом: — Их гораздо больше, держу пари. Вчера один паренек ездил вдоль реки, как бишь его зовут? Кластер, вот как! Их там целая орда, просто несметная, так он говорит. Хороший парень, этот юный Кластер.

— Видите, Торн? — оправдывался Макклелан.

Торн указал на юго-запад, где на полуденном небе белело пятно.

— Сэр, — воззвал он. — Видите это облако? Это пыль, сэр, пыль, и она отмечает то место, где спешат на подмогу Ли люди Джексона, но они еще в десяти милях, сэр, и потому умоляю вас, сэр, выступайте немедленно! Атакуйте!

— Война всегда кажется такой простой для дилетантов, — отозвался Макклелан, его голос дрожал от презрения. — Ли не встал бы прямо перед нами всего с двадцатью тысячами, полковник, хотя я не сомневаюсь, он хотел бы, чтобы мы решили, будто их так мало. Это называется расставить ловушку, полковник Торн, но я стрелянный воробей, меня не проведешь.

Штабные офицеры засмеялись в ответ на остроумное замечание. Генерал улыбнулся.

— Вы слышали оценку майора Пинкертона, полковник, — сказал он. — Так вы в ней сомневаетесь?

Мнение Торна о Пинкертоне было непечатным, но он сделал еще одну попытку вбить в оппонентов хоть каплю разума.

— Тот человек, который вчера объезжал позиции, — спросил он Пинкертона, — пересекал реку?

— Как бы ему удалось это сделать? — возразил тот, вытряхивая из трубки табак. — На той стороне восемьдесят тысяч мятежников, полковник, а юный Кластер слишком сообразителен, чтобы пойти на самоубийство, — засмеялся шотландец.

— Восемьдесят тысяч, — повторил цифры Макклелан, а потом махнул в сторону облака пыли, — а эта пыль говорит нам о том, что на подходе и другие, — он вытянул ноги, установив их на странной, похожей на крепость баррикаде, уронил голову и нахмурился, бросив взгляд на возвышенность, где выстроились вражеские пушки. — К завтрашнему дню, джентльмены, — провозгласил он после долгой паузы, — мы, без сомнения, сразимся с сотней тысяч врагов, но таков наш долг. Америка меньшего от нас и не ждет.

Она ждет гораздо большего, яростно подумал Торн. Америка ожидает победу. Она надеется, что ее сыновья больше не будут убивать друг друга, что Союз останется неделимым, а по сточным канавам Вашингтона рекой потечет пиво, когда пройдет парад победы, но Макклелан молился лишь о том, чтобы выжить, и Торн, пораженный упрямством генерала, ничего не мог поделать. Он попытался, и из-за этого обрек Адама Фалконера на гибель, однако армией командовал Макклелан, и сражение состоится, когда это будет

угодно новому Наполеону.

Так что янки выжидали.

Совершенно невозможно было заставить всех поспевать. Старбак огрызался на еле хромающих на окровавленных ногах солдат, но они отставали один за другим, безнадежно ослабев. По обочинам сидели другие отставшие, из батальонов, что прошли раньше, и то там, то сям кто-нибудь ковылял, опираясь на винтовку вместо костыля, на ногах, оставляющих в пыли кровавые следы.

У батальона Старбака хотя бы были ботинки, но плохо сшитые и рвущиеся по швам. Действительной же проблемой была обычная слабость. Они для этого не годились, и те несколько маршей, что батальон предпринял за последние несколько недель, не подготовили его к этой раскаленной пыльной дороге, по которой войска подгоняли штабные офицеры Джексона. Большая часть других батальонов страдала от нехватки провизии. У армии кончились припасы, и хотя солдаты до отвала наелись захваченными в Харперс-Ферри деликатесами, от обжорства у них только разболелись животы. Теперь они снова вернулись к диете из яблок и собранной на полях кукурузы, и даже те, кто поспевал за изнурительным темпом марша, страдали диареей. Колонна шагала между рядами истощенных и больных людей, сопровождаемая постоянной вонью испражнений.

Полковник Свинерд наконец-то бросил попытки избежать отстающих в своей бригаде.

— Ничего не выйдет, Нат, оставьте их в покое, — сказал он. Свинерд вел лошадь в поводу. Он мог бы ехать верхом, как командующий Легионом подполковник Мейтленд, но предпочел дать лошади отдых и показать пример солдатам.

Старбак неохотно позволил самым больным отстать, но только не офицерам. Билли Блайзу приходилось хуже всех. Он потел под тесным кителем и спотыкался с остекленевшим взглядом, но как только он направлялся в сторону травянистой обочины, Старбак загонял его обратно.

— Вы офицер, Билли, — говорил он, — так будьте примером.

Блайз злобно плевался ругательствами, но больше боялся Старбака, чем слабости, так что хромал дальше.

— Я думал, что вы прошли весь путь на юг из Массачусетса, — добавил Старбак.

— Прошел.

— Черт, так та прогулка вполне сравнима с нашей. Шагайте дальше.

Сержант Кейз не выказывал слабости. Он шел твердой походкой и без усталости, натянув скатку Блайза поверх собственной. Когда каждый час колонна останавливалась для десятиминутного отдыха, сержант Кейз находил воду и приносил ее Блайзу. Старбак наблюдал за этими двумя и гадал, не они ли пытались его убить той ночью в Харперс-Ферри, но сейчас, под безжалостным солнцем, та попытка убийства казалась каким-то дурным сном. Он уже думал, не померещилось ли ему. Может, просто кто-то хотел почистить ружье от порохового нагара, или кто-то спьяну выпустил в ночи пулю. Он видел, как двое убегают, но это ничего не доказывало.

Батальон возглавляла рота Поттера. От нее не отстал ни единый солдат, но то были сливки Специального батальона. Поттер шел довольно бодро, напевая вместе с солдатами, рассказывая шутки и разные истории и время от времени помогая тащить катафалк с

драгоценным грузом боеприпасов. Остальные боеприпасы загрузили в фургон, но добытые в Харперс-Ферри тягловые лошади оказались совершенно негодными. Фургон всё больше и больше отставал, приводя к неразберихе, когда по дороге пытались пройти артиллерийские батареи и другие батальоны.

— Полагаю, — сказал Поттер Старбаку, — что в этих упражнениях есть какая-то цель?

— Если Старина Джек двигается подобным образом, — ответил Старбак, — можешь быть уверен, что идешь драться.

— Вам он нравится, правда? — весело заметил Поттер.

— Старина Джек? Да, — Старбака слегка удивило подобное признание.

— Вы пытаетесь ему подражать.

— Я? — поразился Старбак. — Никогда, — решительно возразил он.

— Не в отношениях с Богом, — признал Поттер, — и, наверное, не в эксцентричном поведении, но во всем остальном? Так и есть, подражаете. Целеустремленный Старбак, не сдающий ни дюйма, тверже подметки. Вы презираете слабость.

— Сейчас не время для слабости.

— Самые подходящее время, — сухо заявил Поттер. — Слабые отстанут и будут избавлены от резни. Это вы, сильные, любезно выйдете под пушки янки. Не беспокойтесь, Старбак, я останусь с вами, но должен признаться, что в моем ранце припасена бутылка виски на случай, если всё пойдет слишком худо.

Старбак улыбнулся.

— Только одна?

— Увы, только одна, но и одна бутылка может творить чудеса.

— Так придержи немного для меня.

— Может, глоток, — Поттер пошел дальше, следуя за катафалком с пыльным плюмажем. — Я просто поражен собственным воздержанием, — сказал он через некоторое время. — У меня есть целая бутылка, а я ее не откупорил.

— Значит, ты сильный.

— Возможно, это временно.

— Джексон говорит, что сила проистекает от Господа, — заметил Старбак.

— В самом деле? — сказал Поттер, искоса бросив взгляд на майора. — Я и правда узрел заблудшую душу?

Старбак посмотрел направо и заметил за густыми деревьями полоску Потомака. Они шли на север по южному берегу Потомака, но он знал, что скоро они пересекут реку и вторгнутся на Север.

— Вчера ночью я как раз размышлял о Боге, — уклончиво отозвался Старбак, раздумывая, стоит ли ему упомянуть о покушении на свою жизнь, но решил, что это прозвучит как фантазия. — Проклятье, — произнес он через некоторое время, — когда идешь сражаться, то обычно думаешь о Боге, так ведь?

Поттер улыбнулся.

— Разве кто-то решил, что в сражениях выживает больше христиан, чем неверующих? Хотел бы я знать. Черт, если приобщение к божественной благодати — это мой ключ к выживанию, то можете сейчас же вести меня в церковь.

— Дело не в жизни или смерти, — ответил Старбак, пытаясь не обращать внимания на боль в левой ноге, животе и пояснице, а также на горький привкус пыли в горле. — Дело в том, что произойдет после смерти.

— Едва ли это весома причина для обращения, — возразил Поттер. — Я потратил кучу времени в отцовской церкви и не желаю провести целую вечность с теми же людьми, — он поежился. — Достойный люди, конечно же, но постоянно всё не одобряли! Думаю, что воспользуюсь возможностью избрать другой пункт назначения, — он засмеялся, но резко оборвал смех, когда по небу прокатился грохот. — Начали без нас? — игриво предположил он.

— Это не пушки, — ответил Старбак, — просто гром. Летний гром.

На востоке собрались тучи, так что, возможно, к вечеру ливень прогонит удушающую жару, превратившую марш в такое испытание.

Час спустя они свернули и вброд перебрались через Потонак. На виргинской стороне брод охраняла усиленная артбатарея конфедератов — свидетельство того, что для Ли это будет единственный путь к отступлению, если с армией Конфедерации случится несчастье. Вода доходила до пояса, так что солдатам пришлось держать патронташи и коробки с капсулями над рекой. Оказавшись на другом берегу, наконец-то на территории янки, они по мосту пересекли канал Чесапик-Огайо и направились в сторону небольшой деревушки в четырех милях к востоку.

— Шарпсберг, — сказал Старбаку Свинерд, — а это, — он махнул рукой на дорогу, по которой они продвигались, — наш единственный путь к отступлению. Если янки нас отделают, Нат, мы будем спасаться бегством по этой дороге, а если они отрежут нас от брода, то нам конец.

— Они нас не отделают, — мрачно отозвался Старбак.

Лагерь мятежников беспорядочно протянулись по обеим сторонам дороги, это значило, что колонна наконец-то добралась до места назначения. Это был арьергард армии, где размещался обоз и артиллерийский парк, а в полевых госпиталях готовились скальпели, зонды и бинты. Деревня Шарпсберг состояла из сетки аккуратных домов с выбеленными верандами и тщательно политыми дворами, откуда смели все овощи и фрукты. Некоторые гражданские выставили для марширующей колонны бочки с водой, но заявляли, что еды не осталось.

— Мы сами с голода пухнем, ребята, — объяснила беременная женщина.

— Заберете припасы у янки, ребята, — прокричал старик, явно сторонник южан, — и да благословит вас Господь!

С главной улицы деревни они свернули налево, на хейгерстаунскую дорогу, которая круто взбиралась на возвышенность. К хвосту колонны проскакал штабной офицер, нашел Свинерда и направил его на север по дороге, что шла прямо между полей с клевером. Они миновали церковь данкеров и взяли курс на стоящий у дороги дом, а там свернули направо, на смоктаунскую дорогу и прошли последние полмили, добравшись до тенистой рощи высоких вязов и дубов. Перелесок тянулся с севера, а к югу от дороги лежало вспаханное поле, только что засеянное озимой пшеницей. В центре поля находилось семейное кладбище, и именно там Свинерд устроил штаб. Его бригада, похудевшая из-за оставших и истощенная летней кампанией, рухнула на вспаханное поле и два поля жнивья к востоку. Местность полого спускалась к речке, и Старбака бросил скатку в тени деревьев напротив пшеничного поля, через дорогу, и увидел орудия янки на дальних пастбищах на том берегу.

Но теперь не было времени разведывать местность. Остаткам батальона показали, где можно разбить лагерь, а потом рабочая партия отправилась за водой к колодцу на ближайшую ферму. Прихромали несколько оставших, а еще кучка прибыла в повозках,

которые послали обратно вдоль дороги, чтобы подобрать слабых. Старбак приказал мрачному капитану Деннисону вернуться в город и поискать других отставших, направив их к остальным на возвышенность.

Свинерд вызвал на маленькое кладбище командиров батальонов. Он показал им, где разместится небольшой запас боеприпасов бригады, и отвел офицеров на восток, к пушкам мятежников, которые смотрели на глубокую лесистую долину реки. Ли явно решил не оборонять берега реки, а вместо этого позволить армии северян переправиться через нее, чтобы карабкались по крутому берегу прямо на пушки, винтовки и ружья.

— С Божьей помощью, джентльмены, — сказал Свинерд, — мы их отсюда перестреляем.

Это место представляло собой открытое пространство, поля, где солдаты будут стоять в дыму, обмениваясь залпами с ордой янки, приближающейся из леса. Мейтленд направил свой дорожный бинокль на долину, в сторону вспаханного поля, где стояла батарея северян.

— С виду похожи на орудия Паррота, — сказал он, — и нацелены прямо на нас.

— Примерно в двух милях, — высказался Джон Майлз, командир небольшого Тринадцатого флоридского полка. — Может, сучьи дети не разглядят нас в дыму.

— Черт, да они просто будут целиться в дым, — возразил Хаксалл из Арканзаса.

— Наши пушки с ними разберутся, — заявил Свинерд, обрывая пессимистичный разговор.

Мейтленд перевел внимание на группу строений чуть ниже кладбища на занимаемом мятежниками берегу.

— Может, превратим эту ферму в крепость? — спросил он Свинерда. — Наш Угомон, — добавил он.

— Наше что? — спросил Хаксалл.

— Замок Угомон, — откликнулся Мейтленд с видом нескрываемого превосходства. — Укрепленная ферма, которую Веллингтон удерживал целый день против армии Наполеона. При Ватерлоо, — добавил он снисходительно.

— Он еще и при Мон-Сен-Жан укрепил ферму, — сказал Свинерд, неожиданно растоптав знания Мейтленда по истории войн, — и потерял ее, потому что французы окружили дом, а у бедняг закончились патроны. А завтра янки точно окружают ту ферму. Она слишком далеко.

— Значит, не будем принимать ее во внимание? — спросил Мейтленд, неохотно расставаясь с мыслью о твердых каменных стенах между ним и винтовками янки.

— Янки точно на нее внимание обратят, — вступил в разговор Старбак, — посадят туда снайперов.

— Значит, сожжем ее, — решил Свинерд. — Майлз? Ваши люди могут ночью поджечь строения?

— Думаю, что с удовольствием, полковник.

— Так займитесь этим, — велел Свинерд, а потом коротко обрисовал позицию бригады.

Большой виргинский полк будет удерживать правый фланг бригады, за ним последуют меньшие подразделения из Флориды и Арканзаса, а люди Мейтленда из Легиона Фалконера останутся слева.

— Вы в резерве, Нат. Держите своих людей в лесу. Это даст им небольшой шанс укрыться от пушек янки.

— А я-то думал, что наши пушки заставят замолчать их орудия, — язвительно заметил

Мейтленд.

Свинерд проигнорировал это заявление.

— Это будет жесткая схватка пехоты, господа, — мрачно объяснил он. — Хотя у нас полно артиллерии, а враг пойдет вверх по холму. Победит та сторона, которая продержится дольше и будет лучше стрелять, а это будем мы.

Он отпустил офицеров, но положил руку на плечо Старбаку и повел его на север, к лесу.

— В Легионе хорошие солдаты, — сказал он, — но я не доверяю Мейтленду. Заячья душонка. Думает, его белая шкура слишком драгоценна, чтобы ее продырявила пуля. Вот почему ваши ребята будут сразу за ним. Если Мейтленд начнет драпать, Нат, замените его.

— Заменить его? Он выше меня по званию.

— Просто замените. Поддержите для меня Легион, пока я не избавлюсь от Мейтленда. Может, этого и не случится, Нат. Или, может, Господь наш решит завтра прибрать меня к себе, а в таком случае Мейтленд получит всю бригаду, и да поможет Господь этим людям, если такое произойдет, — Свинерд остановился и всмотрелся вниз по склону. — Просто перестреляйте их, Нат, просто перестреляйте, — произнес он печально, представив массу в синих мундирах, которая наводнит холм на следующее утро.

Но Свинерд ошибся. Янки, может, и собирались пересечь реку и вскарабкаться вверх по холму, но сначала они намеревались пойти во фланговую атаку, и позже этим вечером, когда люди Старбака валили деревья и растаскивали остатки изгородей на костры, войска северян перешли реку по мосту, лежащему далеко на севере от позиций конфедератов. Янки поднялись на возвышенность и продолжали двигаться на запад, пока не добрались хейгерстаунской дороги, где разбили лагерь. Заставы мятежников обстреляли янки, и время от времени яростно и громки трещали выстрелы из винтовок, когда застрельщики янки пытались отогнать мятежников, но ни та, ни другая сторона не сделала попыток атаковать основным силами. Генерал Ли наблюдал, как федеральные войска устроили лагерь на его северном фланге, и их присутствие подсказало ему, чего ждать на следующее утро. Янки двинутся на юг, всей массой атакуя по хейгерстаунской дороге.

Но то будет не единственная атака, и Ли это знал. Другие янки бросятся через реку, а может, попытаются обойти Ли и с юга. Так тому и быть. У него не хватало людей, чтобы охранять все переправы, он мог лишь удерживать высоты у деревни и церковь данкеров. Но его армия, по крайней мере, подросла. Из Харперс-Ферри подтянулись две трети солдат Джексона, а оставшаяся треть поспешит к нему на следующий день, как только отправит пленников-янки в лагерь на юге. Ли начнет сражение меньше чем с тридцатью тысячами солдат, и знал, что на него готовится напасть вдвое большее число, но если Ли не станет драться с Макклеланом здесь, то придется делать это в Виргинии. Ли решил, что лучше сражаться здесь, где северянам придется забираться с берега реки на холм под дулами пушек.

Но тем янки, что встали лагерем на севере, не придется взбираться вверх по холму, они уже находились на возвышенности. Эти солдаты атакуют вниз по дороге, где стояли две длинные полосы леса — Западный лес и Восточный лес, сформировав природную воронку шести или семи сотен ярдов шириной. Это окруженное полями узкое горлышко вело прямо на основные позиции Ли. Оттуда пока нельзя было разглядеть янки, потому что несмотря на то, что северяне расположились в лесу на северной стороне воронки, между ними и мятежниками лежали тридцать акров кукурузного поля. Протянувшаяся вдоль воронки высокая кукуруза почти созрела и стояла прямо, как полк на параде. Початки

перешептывались в вечернем ветерке, и этот экран заслонял друг от друга армии, и утром, решил Ли, именно в этом месте атакующие федералисты встретятся с его потрепанными войсками.

— Значит, всё-таки вы не останетесь в резерве, Нат, — передал Свинерд новости о том, что янки прибыли к флангу. Желтоногие разместились у подножия Восточного леса, то есть обороняли одну сторону воронки и на рассвете могли ожидать нападения янки. — Могу поменять вашу позицию, — предложил Свинерд.

— Они будут сражаться, — поручился Старбак за своих солдат. А кроме того, уже вечерело, так что смена позиции в это время привела бы к путанице, потому что люди слишком устали, чтобы менять дислокацию. — Теперь вы не ждете атаку вверх по склону? — спросил он, указывая на поле, где встречались командиры батальонов, а теперь пламенели строения фермы — работа поджигателей Майлза.

— Они могут появиться и с обоих направлений, — ответил Свинерд, — если у Макклелана есть хоть капля разума, то так они и поступят. А это значит, что работа предстоит тяжелая, Нат. Но эти ребята, — он махнул рукой на север, в сторону расположившихся вверх по дороге янки, — ближе всех, так что о них и надо прежде всего беспокоиться, — он запустил руку с отсутствующими пальцами в спутанную бороду. — Завтра мы по полной отработаем свое жалованье, это уж точно. С вашими ребятами порядок?

— Они будут драться, — заверил его Старбак, отмечая собственные сомнения в Тамлине и Деннисоне.

— Передайте им, что я устраиваю молитвенное собрание через полтора часа, — сказал Свинерд. — Я приглашаю и вас, хотя и знаю, что вы не придете.

— Может, и приду, — неожиданно откликнулся Старбак.

Свинерд хотел было пошутить в ответ на это заявление, но подумал, что, возможно, его молитвы о душе Старбака были услышаны, и прикусил язык.

— Буду рад, если придете, Нат, — сказал он.

Но Старбак не пришел на молитвенное собрание полковника. Вместо этого он направился к правому флангу своей короткой шеренги, где расположилась первая рота капитана Деннисона. Старбак беспокоился: то, что он сейчас собирается предпринять, может быть воспринято как слабость, но нужно было выпустить дурную кровь из Специального батальона, и Нат разыскал рядового Кейза, а обнаружив его, мотнул головой в сторону деревьев.

— Вы мне нужны, — сказал он.

Кейз бросил взгляд на своих товарищей, пожал плечами, нарочито подобрал винтовку и проверил, заряжена ли она. Он последовал за Старбаком в лес, держась на полдюжины шагов позади. Старбак помнил ночной выстрел в Харперс-Ферри, но он вызвал Кейза не поэтому, ведь Кейз никогда бы не признался, что был одним из тех двух. Напротив, в преддверии сражения Старбак хотел заключить мир.

Нат остановился, когда они удалились на такое расстояние, чтобы их нельзя было услышать в батальоне.

— Ну так что, — спросил он, — королевские стрелки поступили бы по-другому?

Кейза, похоже, смутил этот вопрос, и он не ответил. Старбак всмотрелся в уродливое лицо и снова поразился тяжелому и яростному взгляду Кейза.

— Даже у королевских стрелков сержантам не сходит с рук оскорбление офицера, —

сказал Старбак. Чего еще вы от меня ожидали, черт побери? Что я позволю вам сохранить лычки?

И снова Кейз не ответил. Он лишь отвернулся и сплюнул струю табака на грудь известняка.

— Завтра, — продолжал Старбак, чувствуя, что вступает на зыбкую почву, — мы будем драться, и если первая рота будет сражаться так же трусливо, как в прошлый раз, то все вы умрете.

Это привлекло внимание Кейза. Его злобный взгляд переместился с далеких деревьев на лицо Старбака.

— Вы знаете, как нужно драться, Кейз, так заставьте остальную роту драться так же, черт возьми. Сделайте это, и получите лычки обратно. Ясно?

Кейз помедлил, а потом кивнул. Он переместил табак от одной щеки к другой, снова сплюнул, но по-прежнему молчал. Старбак уже готов был разразиться пылкой речью о том, что нельзя служить двум господам одновременно, о необходимости дисциплины, о ценности опытных солдат вроде Кейза для такого батальона, как Желтоногие, но удержался от этой тирады, не успев начать. Он сказал всё, что нужно, а Кейз услышал всё, что нужно, а дальнейшее было уже делом Кейза, но по меньшей мере, думал Старбак, он дал Кейзу возможность надеяться на что-либо кроме мести.

— Когда закончится завтрашний день, Кейз, — сказал он, — вы сможете перейти в другой полк, если хотите, сможете уйти сержантом, но завтра будете драться с нами. Ясно?

Кейз медлил.

— Вы закончили? — наконец спросил он.

— Закончил.

Кейз развернулся и пошел прочь. Старбак наблюдал, как он уходит, а потом побрел на восток, пока не поравнялся с краем леса, откуда мог рассмотреть долину. В дальнем лесу мелькали огоньки костров. Где-то за его спиной, на плато, выстрелила пушка. Потом настала тишина, и затем ее разорвал ответный выстрел янки. Батарея артиллерии мятежников, установленная на холме к западу от дороги, заметила, что северяне размещают свою батарею, и открыла огонь. С наступлением ночи обе стороны устроили дуэль, и залпы озаряли поля неестественными вспышками огня, выплевывая дымное свечение по зеленым полям и отбрасывая длинные тени от густых деревьев. К востоку, на спускающемся к реке склоне, горящие строения фермы выпускали в ночное небо густой черный дым и яркие искры. Выстрелы из пушек медленно затихли, а потом и вовсе прекратились, но тогда в этой отзвучающей эхом тишине начался дождь. Старбак наконец завернулся в одеяло под деревьями и услышал, как по зеленой листве стучат капли, он попытался заснуть, но сон не шел. Он направился к Шарпсбергу, охваченный таким страхом, которого никогда еще в жизни не испытывал. Потому что завтра должен сражаться.

Глава одиннадцатая

— Тут настоящий кофе, — сказал Люцифер, тормоза Старбака, — из Харперс-Ферри.

Старбак выругался, пытаясь не верить в происходящее, и еще раз выругался, когда осознал, что это происходит на самом деле. Еще не рассвело. Окутывавший деревья туман смешался с едким дымом от догоревших костров. С листьев стекали капли росы. Сегодня придут янки.

— Вы дрожите, — заметил Люцифер. — У вас лихорадка.

— Нет ее у меня.

— Дрожите. Как младенец, — Люцифер палкой поворошил ближние поленья, пытаясь вдохнуть жизнь в угасавшее пламя. — Янки не разожгли костров, — ухмыльнувшись, сообщил он. — Прячутся от нас. Думаю, они нас боятся больше, чем мы их.

— Они ведь на твоей стороне, Люцифер, — едко заметил Старбак.

— Я сам за себя, — зло возразил Люцифер, — и больше никто, черт возьми.

— Кроме меня, — ответил Старбак, пытаясь смягчить мальчишку. Он отхлебнул кофе. — Ты не спал всю ночь?

— Не спал, — кивнул Люцифер, — пока не убедился, что они заснули.

Старбак не стал спрашивать, кто "они".

— Не о чем беспокоиться, — вместо этого буркнул он. Он надеялся, что это правда. Надеялся, что унял кипевшую в Кейзе злобу. Надеялся, что переживет этот день.

— Вы не беспокоитесь, потому что это делаю я, — заметил Люцифер. — Мне не послышалось, что капитан Тамлин сказал вам, будто видел, как повесили Джона Брауна в Харперс-Ферри?

Старбаку пришлось напрячь память, чтобы вспомнить тот разговор, и затем он вспомнил, как Тамлин рассказывал ему, что вместе со своей шлюхой наблюдал из верхних окон отеля Вейджера.

— Да, — хмуро ответил он, пытаясь придать фразе оттенок неодобрения из-за того, что Люцифер подслушивает. — И что?

— А то, — ответил Люцифер, — что мистера Брауна не вешали в Харперс-Ферри. Его вздернули в Чарльзтауне. Все это знают.

— Я не знал.

— Ваш капитан Тамлин, — язвительно заметил Люцифер, — и дерьма от сахара не отличит.

Старбак сел и откинул липкое одеяло. Он дрожал, но решил, что просто от сырости. И еще от мрачного предчувствия. Он услышал, как в лесу хрустнула ветка, но на севере установили сильные заставы, так что звук производили его же заворочавшиеся солдаты. Он гадал, сколько еще до зари. Густой туман напоминал пороховой дым. Все отсырело — деревья, почва, одежда. Винтовку покрывала роса. Пока день был прохладным, но обещал стать опалюще жарким и чертовски влажным, когда пороховой нагар забьет стволы винтовок, как сажа дымоход.

— Дерьма от сахара, — повторил Люцифер, пытаясь добиться ответа.

Старбак вздохнул.

— Наш батальон собрали на скорую руку, Люцифер. Нам достались одни отбросы, — натягивая ботинки, он порвал шнурок.

Старбак выругался, пытаясь решить, не является ли это мелкое происшествие дурным знаком. Он вытянул порванный шнурок и в темноте снова продернул в ботинок остатки шнурка и завязал его. Затем он встал, каждая мышца и кость отозвались болью. В полях и лесах снова зажигались костры, их огни заслонял туман. Солдаты кашляли, сплевывали, ворчали и справляли нужду. Заржала лошадь, а потом внезапно раздался лязг, когда кто-то наткнулся на установленные в пирамидку винтовки.

— Что на завтрак? — поинтересовался Старбак.

— Галеты и половинка яблока.

— Дай мне половину от половинки.

Он подтянул ремень, проверил, наполнены ли патронташ и коробка с патриджами и заряжен ли револьвер. Уже сотни лет люди в точности так же просыпались накануне сражения, подумал Старбак. Они щупали лезвия клинков, проверяли, остры ли копья и крепко ли держится кремень в мушкете, а потом молили своих богов даровать им жизнь. Пройдут еще сотни лет, подозревал Старбак, и солдаты по-прежнему будут просыпаться в предрассветном сумраке и проделывать те же движения со своим смертоносным оружием. Он взял винтовку, проверил капсуль и перекинул ее через плечо.

— За дело, — сказал он Люциферу. — Надо отработать наше жалованье.

— Какое еще жалованье? — спросил Люцифер.

— Я тебе задолжал.

— Значит, я не раб?

— Ты волен, как птица, Люцифер. Хочешь улететь — лети. Но мне будет тебя не хватать. А если останешься на сегодня, — добавил Старбак, прекрасно зная, что ответит Люцифер, — то держись подальше от схватки. Это не твоя драка.

— Только для белых, да?

— Только для дураков, Люцифер, только для дураков, — ответил Старбак и медленно пошел через темный лес, на ощупь, потому что слабые огни вновь разожженных костров не освещали путь. Он поговорил с теми, кто уже встал, растормошил копуш и организовал рабочую партию, чтобы наполнить фляжки водой. После разрывания зубами патронов во рту оставался соленый привкус пороха, так что через час от начала сражения солдаты мучились от жажды, и вода ценилась на вес золота. Другой группе Старбак велел принести с кладбища боеприпасы, чтобы у батальона был собственный запас на опушке леса. Там, где лес примыкал к дороге, Старбак остановился, прислушиваясь к невидимым людям, которые тихо напевали гимн в темном, затянутом туманом лесу.

— Иисус — моя сила, моя надежда, — пели они. — Тебе я вручаю свою жизнь, на тебя я уповаю, я знаю, ты услышишь мои молитвы.

Знакомые слова были на удивление успокаивающими, но к пению прислушивался кто-то еще и затянул другой гимн, гораздо громче, чем те, кто собрался на утреннюю молитву.

— Внемли, как кричит дозорный! — запел капитан Поттер довольно чистым тенором. — Услышь призыв трубы. К оружию, враг близко, и ад уже кругом.

Старбак разглядел Поттера между деревьями.

— Не мешай им, — пожурил он капитана за то, что потревожил молящихся.

— Я просто подумал, что выбрал более подходящий гимн, — откликнулся Поттер.

Он был взбудоражен настолько, что Старбак даже на мгновение задумался, уж не

опустошил ли он бутылку виски, но спиртным от Поттера не пахло, и он уже гораздо тише запел последний куплет.

— Мы выстоим пред всеми дьяволами ада и всех их победим, их победим мы именем Иисуса, — он засмеялся. — Забавно, не правда ли? Янки, возможно, сейчас поют то же самое. Мы все призываем Иисуса. Он наверняка запутался.

— Как там твои заставы? — спросил Старбак.

— Не спят. Наблюдают за дьяволами ада. Я отнес им бадью с кофе. Думаю, заварушка не начнется до восхода солнца?

— Полагаю, что нет.

— А тогда, — произнес Поттер с нездоровым ликованием, — можно ожидать чего-то и впрямь жуткого. Это правда, что их гораздо больше?

— Да, насколько нам известно, — Старбак ощутил дрожь, которая словно началась в его сердце и спустилась по рукам и ногам. — Может, раза в два, — добавил он, пытаясь оставаться немногословным, будто он сражается каждый день. А какой сегодня день? Среда. Дома по средам не происходило ничего особенного. Не то что по воскресеньям, которые торжественно посвящали Богу, или по понедельникам, в день уборки, когда их бостонский дом заполнялся паром и суетящимися слугами. Интересно, а сегодня думает ли кто-нибудь дома о том, где находится второй сын?

Туман на востоке немного посветлел.

— *Per me si va ne la citt? dolente*, — неожиданно произнес Поттер, — *per me si va ne l'eterno dolore, Per me si va la perduta gente*.

— Это еще что за чертовщина? — уставился на него Старбак.

— "Я увожу к отверженным селеньям, — театрально продекламировал Поттер, — я увожу сквозь вековечный сон, я увожу к погибшим поколениям" [\[19\]](#). Данте, — добавил он. Эти слова высечены над воротами ада.

— Я думал, там написано "Оставь надежду, всяк сюда входящий".

— И это тоже.

— Когда ты успел выучить итальянский?

— Я и не учил, просто читал Данте. Было время, Старбак, когда я воображал себя поэтом, так что прочитал всю поэзию, которую смог раздобыть. Так я нашел кратчайший путь в Элизиум [\[20\]](#).

— Так какого черта ты изучал медицину?

— Отец считал, что мне следует приносить пользу, — сказал Поттер. — Он верил в полезность. Святой Павел шил палатки, значит и у Мэтью Поттера должна быть профессия, а поэзия, по мнению моего батюшки, это не профессия. Он объявил поэтов бесполезными, разве что кроме автора Псалтыря, а он уже мертв. Отец думал, что мне нужно стать доктором и писать вдохновляющие гимны в перерывах между убийствами ни о чем не подозревающих пациентов.

— Из тебя получился бы хороший доктор, — сказал Старбак.

Поттер засмеялся.

— Теперь вы говорите как моя матушка. Мне нужно найти кофе.

— Мэтью, — остановил Старбак Поттера, когда тот уже уходил. — Будь сегодня осторожен.

Поттер улыбнулся.

— У меня такое чувство, что я выживу, Старбак. Не могу этого объяснить, но я как

будто заговорен. Но благодарю вас. Может, вы тоже выживете.

И он пошел прочь.

Сквозь туман восточный горизонт посветлел, став из черного серым. Не было ни дуновения ветерка, лишь мрачно серело спокойное, молчаливое небо, проблеск света перед зарей, перед сражением.

Старбак вздрогнул и закрыл глаза, пытаясь вспомнить подходящую этому дню молитву, но ничего не пришло в голову. Он подумал о своих младших братьях и сестрах, спокойно спящих в бостонских постелях, и пошел строить солдат в шеренги.

Потому что на берегах Антиетэма наступил безветренный и прекрасный рассвет.

Большинство сражений начинают канониры. Пехота выигрывает или проигрывает сражения, но начинают резню канониры, и еще до того, как туман рассеялся, артиллерия янки по ту сторону Антиетэма начала бомбардировку. Пушки расставили накануне вечером, и теперь, ориентируясь только на торчащие из тумана верхушки деревьев, канониры открыли огонь.

Снаряды со зловещим звуком рассекали туман. Те пушки северян, которые перевезли за реку, тоже присоединились к какофонии, посылая снаряды через кукурузное поле в белую пустоту, где ожидали мятежники. Пушки конфедератов ответили, поначалу целясь вслепую, но когда туман поредел, смогли выбирать мишени по рассеянным вспышкам из дул орудий, багровыми отсветами проглядывающим сквозь туман, как только стреляла вражеская пушка.

Снаряды заново вспахали поле, где только что посеяли озимую пшеницу. Каждый взрыв выплевывал фонтан грязи, а земля, как отметил Старбак, была скорее коричневой, чем красной, как в Виргинии. После каждого выстрела в неподвижном воздухе застывали клубы дыма. Отвязавшаяся лошадь артиллерийского расчета неслась по полю позади батальона Старбака. В нее попал осколок снаряда, и кровь блестела у нее слева на крупе. Лошадь заметила ожидающую пехоту и остановилась, закатив глаза и вздымая красные бока. В конце концов канонир схватил ее за поводья и, похлопав по шее, повел обратно к батарее. Туман дрожал каждый раз, когда стреляла пушка мятежников.

Старбак медленно расхаживал позади батальона. Некоторые солдаты легли, некоторые присели на корточки, а некоторые встали на колени. Над головами пролетали снаряды от пушек янки на севере, некоторые со свистом. Задрав голову, Старбак разглядел в тумане крохотный след от дымящегося запала — струйку белого дыма чуть гуще, чем белизна вокруг. Серый свет дня стал ярче. Туман редел.

Канониры действовали так, словно считали, что они могут и сами победить в сражении. Снаряды приземлялись и взрывались на занимаемой мятежниками возвышенности, и звуки эхом отражались от плато. Солдат из батальона Старбака перебирал четки.

— Иисус, Мария и Иосиф, — молился он. — Иисус, Мария и Иосиф, — он снова и снова повторял эти имена и каждый раз при взрыве снаряда дергался. Один из снарядов угодил в ближайшее дерево, и за треском взрыва последовал медленный и жуткий скрип отрывающейся ветки. — Иисус, Мария и Иосиф, — в отчаянии завывал солдат.

— Откуда ты? — спросил его Старбак.

Солдат поднял глаза, они были пусты и испуганы.

— Откуда ты, солдат?

— Из Ричмонда, сэр, — он говорил с ирландским акцентом. — С Винабл-стрит.

— А до того?

— Из Дерри.

— Чем занимался, приятель?

— Я седельщик, сэр.

— Я рад, что ты стал солдатом.

— Правда?

— А разве ирландцы не самые лучшие вояки на свете?

Солдат прищурился в сторону Старбака, а потом улыбнулся.

— Так точно, сэр. Много практиковались.

— Тогда я рад, что ты здесь. Как тебя зовут?

— Коннолли, сэр. Джон Коннолли.

— Молись горячо, Джон Коннолли, и целься низко.

— Есть, сэр.

Небольшой по численности батальон Старбака находился на южном краю пастбища, в сотне шагов от кукурузного поля. Две левофланговые роты стояли на открытой местности лицом к кукурузе, а правый фланг сгруппировался в Восточном лесу. Застрельщики Поттера были еще дальше в лесу, ожидая янки. Остальная часть бригады Свинерда отклонилась назад и правее, выстроившись на краю леса и растянувшись через вспаханное поле в сторону семейного кладбища.

Свинерд присоединился к Старбаку.

— Без четверти шесть, — провозгласил он, — или около того. Мои часы ночью остановились, — он посмотрел налево. — Выглядят молодцом, — отозвался он о стоящей по соседству бригаде.

— Из Джорджии, — объяснил Старбак. Он представился полковнику соседнего батальона, и тот оказался сердечным человеком, но Старбак заметил проблеск беспокойства, когда полковник узнал, что его правый фланг защищают Желтоногие.

Свинерд отвернулся и посмотрел на юг через пастбище, в сторону смоктаунской дороги, которую открыл рассеивающийся туман.

— Нас прикрывают много подразделений, — сказал он.

— Много? — криво усмехнулся Старбак, понимая, что Свинерд просто хочет его приободрить.

— Ну есть кой-какие, — неловко признал Свинерд.

На пастбище размещали новую батарею мятежников, дула орудий зловеще смотрели на север в знак того, что Ли ожидал первую атаку как раз через образованную двумя лесами воронку. Прямо через кукурузное поле. Прямо на ожидающих солдат, которые присели за кукурузой. Некоторые застрельщики из Джорджии уже стояли среди ее стеблей в человеческий рост.

Свинерд запустил покалеченную руку в спутанную бороду, выдав этим жестом свою нервозность. Его беспокоил восточный фланг — длинный склон, всё круче спускающийся в сторону реки. Он боялся, что янки втянут бригаду в сражение в устье воронки, а потом атакуют вверх по склону, врезавшись в тыл. А как только янки окажутся на возвышенности около смоктаунской дороги, то ничто не помешает им раздробить армию Ли на кусочки, но до сих пор у реки не было заметно никакой активности янки. Никаких сообщений о солдатах, пытающихся пересечь реку, ни звуков пушек, которые тащат вниз к бродам и

мостам, ни мелькания синих мундиров, заполняющих сельские дороги на восточном берегу Антиетэма.

Донесся новый артиллерийский залп. Это были пушки мятежников, размещенные на холме к западу от главной дороги, они палили по косою в сторону северного края воронки.

— Подозреваю, что наши бывшие собратья зашевелились, — сказал Свинерд.

— Да поможет нам Бог, — буркнул Старбак.

Свинерд положил руку на плечо Старбаку.

— Поможет, Нат, поможет, — внезапно рука на плече Старбака дернулась, когда утро разорвал треск винтовочной стрельбы. Это принялись за дело застрельщики. — Теперь уже недолго, — произнес Свинерд неубедительным тоном дантиста, пытающегося успокоить нервного пациента. — Недолго, — его рука снова дернулась. — Прошлой ночью, — тихо сказал он, — мне пришлось побороть искушение выпить. Оно было таким сильным, как в первые несколько ночей. Я хотел лишь глоток виски.

— Но не стали пить?

— Нет. Господь тому свидетель, — Свинерд убрал руку. — А сегодня утром, — продолжает он, — Мейтленд обыскал вещи легионеров и конфисковал спиртное.

— Правда? — засмеялся Старбак.

— Забрал всё до капли. Говорит, что не хочет, чтобы они дрались пьяными.

— Пока они дерутся, какая разница?

Соседний батальон закреплял штыки, и некоторые солдаты Старбака последовали этому примеру, но он велел им убрать клинки.

— Сначала нужно выпустить несколько пуль, — объяснил он. Старбак не видел врагов, потому что к северу всё скрывала высокая кукуруза. Это поле было завесой, за которой прятался ночной кошмар. Нат услышал в лесу стрельбу и решил, что это открыл огонь Поттер.

Соседний батальон встал наизготовку.

— Поднимайте их, Нат, — велел Свинерд.

— Встать! — крикнул Старбак, и две левофланговые роты неохотно поднялись на ноги. Это были небольшие роты, похудевшие из-за отставших на марше, но оставшиеся выглядели довольно уверенно в ожидании сражения. Боевое знамя батальона находилось в центре двух рот, безжизненно свисая в неподвижном воздухе.

— Хотел бы я поглядеть на мерзавцев, — пробурчал Старбак. Его живот скрутило, а мышцы на левой ноге произвольно подрагивали. Уже два дня у него был запор, но вдруг Нат перепугался, что кишечник опорожнится. Он был избавлен от самого худшего — артиллерийского огня, потому что Восточный лес скрывал его солдат от пушек янки из-за реки, а те, что с севера, стреляли над головами, но всё равно его обуял страх. Где-то впереди, за укутанной туманом высокой кукурузой, приближались атакующие янки, а он их не видел, хотя теперь смутно различал топот башмаков, дробь барабанов и людские крики. Он искал глазами вражеские знамена, но не увидел их и решил, что первая атака еще не достигла кукурузного поля. Трещали винтовки застрельщиков, и время от времени пуля срезала кукурузный початок и со свистом проносилась над головами батальона. Одна из таких пуль прошла рядом со Свинердом, испугав его.

— Ахав, — сказал полковник.

— Сэр? — спросил Старбак, решив, что Свинерд присоединился к фантазиям Поттера насчет капитана Ахава, "Пекода" и Моби Дика.

— Был убит случайной стрелой, помните. Я всегда полагал, что так нелепо погибнуть от пущенной без цели пули, но думаю, что именно так во время сражения и погибает большинство.

— Король Ахав, — откликнулся Старбак, догадавшись, о чем говорит Свинерд. — Не думаю, что так уже велика разница между нацеленной пулей и случайной, — он прилагал все усилия, чтобы говорить спокойно.

— Если она быстра, — согласился Свинерд и издал вздох удивления.

Открыли огонь новые пушки янки. Канониры увидели застрельщиков-конфедератов в кукурузе и теперь, до того, как между высокими стеблями появится их собственная пехота, пытались вырвать с поля урожай вражеских стрелков. Пушки зарядили картечью, которая выкашивала кукурузу. Вылетал снаряд за снарядом, срезая один початок за другим. Каждый выстрел пригибал стебли и раскачивал их, словно в урагане. Пули отскакивали от твердой поверхности вверх, отбрасывая застрельщиков, хотя некоторые продолжали двигаться вперед через поле, чтобы налететь на ожидающую на пастбище пехоту. Двое солдат Старбака откатились назад, у одного из дыры в черепе вывалились мозги. Другой кричал, схватившись за живот.

— На кладбище есть врач, — сказал Свинерд.

— Пил! — крикнул Старбак. — Отведите этих людей назад!

Он собирался использовать солдат двух правофланговых рот, чтобы относить раненых к кладбищу.

— И убедитесь, что ваши люди вернуться! — приказал он Пилу, а потом сложил руки рупором у рта и велел двум левофланговым ротам снова встать на колени. Кукурузу хлестали и дергали пули, и ее ошметки взлетали высоко в туман, который на севере выглядел гуще, но это был лишь заслонивший небо пороховой дым. Кукурузу снова и снова срезала картечь, а над головами со свистом рикошетили пули. Оставшиеся в живых застрельщики мятежников отступали. Какой-то солдат полз между стеблей на окровавленных руках, другой хромал, а третий рухнул у края поля. Но кровавую землю поливала всё новая картечь, самый сильный огонь пришелся на центр поля, тем самым роты Старбака не попали в гущу канонады. Две гаубицы мятежников тоже метали снаряды поверх кукурузы, пытаясь обнаружить батареи врага, а пушка конфедератов на западном холме изрыгала снаряды вниз, на пастбище, по которому двигались янки. Сражение по-прежнему вела артиллерия, превратив его в сложную путаницу траекторий, под которыми шла на смерть пехота.

А потом, так же внезапно, как и начали, янки прекратили стрельбу картечью.

Кукуруза неподвижно застыла, и словно воцарилась тишина. Несколько пушек еще стреляли и раздавались людские крики, но день всё равно казался тихим. В некоторых местах еще стояла высокая кукуруза, а кое-где ее разметало. Среди упавших стеблей мелькали огоньки пламени — там, где у застрельщиков выпали пыжи. И наконец, в поле зрения над кукурузой появились флаги. Они безжизненно свисали с флагштоков, которые дергались вверх-вниз, пока знаменосцы шли по кукурузному полю.

Некоторые солдаты Старбака прицелились.

— Не стрелять! — крикнул он. — Ждите!

Янки теперь можно было разглядеть сквозь остатки высокой кукурузы.

В тумане за кукурузой они выглядели темной линией. Под яркими знаменами надвигалась целая орда. Смерть в синем, тысячи, влекомое барабанами полчище со штыками на винтовках.

— Полагаю, две бригады, — спокойно изрек Свинерд.

— Не стрелять! — снова приказал Старбак. Атакующих янки было достаточно, чтобы обогнуть кукурузное поле, а значит, восточный край синей шеренги теперь был в лесу. — Тамлин! — позвал Нат.

— Старбак? — на краю леса появился Тамлин. Деревья над его головой истрепали снаряды, оголив одни ветки и оторвав другие.

— Возьмите роту Деннисона и помогите Поттеру! — крикнул Старбак. — Сучьи дети идут через лес!

Тамлин скрылся из вида, не дав понять, что услышал приказ, и Старбак знал, что ему самому нужно убедиться, что рота Деннисона отправилась в лес, но вид наступающих через побитую кукурузу янки пригвоздил его к месту. Беспокорство отступило перед необходимостью заставить солдат выполнять свой долг.

— Коффмэн, — обратился Свинерд к юному лейтенанту. — Передай полковнику Мейтленду, чтобы выдвигался сюда на подмогу. Ступай, приятель.

Коффмэн убежал.

— Я поставлю роту Траслоу в лес, — сказал Свинерд, ощутив нервозность Старбака по поводу правого фланга батальона.

Следующие слова полковника потонули в треске разрывающихся снарядов. К смоктаунской дороге промчались штабные офицеры мятежников и оттуда всматривались на север в большие полевые бинокли, а канониры янки всю старались попасть во всадников. Залп снарядов изрыл дорогу и ее обочины глубокими кратерами. Всадников заслонил дым. Где-то громко и призывно заиграл горн. Вдали звучали барабаны янки.

Из леса к западу от кукурузного поля выстрелила пушка мятежников. Ее заряжали обычными снарядами, которые пропахивали ряды янки. Флаг упал, и его немедленно подхватили. Старбак нашел один из торчащих из почвы выходов известняка и встал на камень для лучшего обзора. Он услышал четкие звуки винтовочной стрельбы в лесу, но никто из его людей не выбежал из-за деревьев, значит, всё было под контролем. Рота Траслоу из Легиона прибежала к опушке, и Свинерд направил ее в лес. Старбак знал, что если Траслоу там, то он может забыть про лес.

— Не стрелять! — приказал он своим солдатам.

Теперь янки находились в середине кукурузного поля, и настала их очередь попасть под обстрел картечью. Многочисленные пули из снаряда срезали пучки кукурузы и вздымали вверх столбы пыли от пересохшей почвы. В рядах янки появились зияющие прорехи, но каждый раз, когда смертоносная коса срезала группу людей, на их место заступали другие, перепрыгивая через тела павших. Янки примкнули штыки. Их флаги свисали так же неподвижно, как и боевые знамена мятежников. Один храбрец размахивал флагом, чтобы выставить на обозрение звезды и полосы, но его любезность была вознаграждена залпом картечи, который откинул солдата вместе с флагом назад. Флаг взметнулся над головами наступающих солдат. Старбак слышал, как топчут кукурузу башмаки; мог различить, как сержанты северян хрипло кричат солдатам держать строй, встать плотнее и идти вперед; слышал, как барабанщики неистово пытались выиграть войну ритмом своих палочек.

— Цельтесь низко! — повторял он солдатам. — Цельтесь низко. Не тратьте почем зря патроны! И не спешите! Не спешите!

Он хотел, чтобы первый залп стал смертоносным.

Туман наполнился шумом. Над головами грохотали снаряды и свистели пули, ботинки

ломали кукурузу. В лесу трещали винтовки. Шеренга мятежников выглядела опасно тонкой, чтобы противостоять янки, надвигавшимися, словно молот.

— Не стрелять! — приказал Старбак. — Не стрелять!

Застрельщики янки прятались в глубине кукурузного поля и целились в солдат Старбака. Из шеренги выступил капрал с окровавленным плечом, а другой солдат харкал кровью.

Янки были уже в двухстах шагах. Они выглядели свежими, хорошо одетыми и уверенными. Старбак видел их разинутые рты, когда они выкрикивали боевой клич, но ничего не слышал. Он уставился на янки и внезапно подумал, что именно так создатели Америки встретились с британцами в красных мундирах. Мятежники были такими же оборванцами, а враг так же хорошо вооружен и одет с иголки, и его страх вдруг смело яростное желание разделаться с самоуверенным врагом.

— Пли! — крикнул он. — Убейте ублютков! — он выкрикнул последние слова, и две роты открыли огонь за секунду до того, как выстрелила остальная шеренга мятежников, накрыв пастбище одеялом дыма. — Бей их! — орал Старбак, расхаживая позади шеренги. — Бей их! — он протолкнулся сквозь ряды и выстрелил из собственной винтовки, а потом немедленно поставил приклад на землю, чтобы перезарядить. Его пульс бешено скакал, по венам тек огонь — безумие сражения начало свою магию. Чистая ненависть отогнала страхи. Он забил пулю в ствол.

— Пли! — торопил своих людей капитан Картрайт. Теперь сражение превратилось в схватку пехоты. Канониры янки ничего не видели, так что стрелкам в синих мундирах приходилось драться, убивать и получать пули в ответ. Пушки мятежников поливали атакующих картечью, проделывая новые прорехи в уцелевшей кукурузе. В воздухе повис кровавый туман, где-то издавал жуткие вопли раненый, пока они не оборвались, когда с чмоканием в плоть вошла пуля. Старбак чувствовал мерзкое зловоние горящего пороха, слышал у уха свист пуль минье, а потом снова приставлял к плечу винтовку, низко целился в кукурузу и стрелял.

Пороховой дым висел в неподвижном воздухе как слоистый туман. Некоторые солдаты ложились, чтобы разглядеть цель под этой завесой. Старбак пригнулся и увидел среди кукурузы ноги янки. Он выстрелил и опять прошел к тылу шеренги, чтобы посмотреть, как идут дела.

Желтоногие сражались. Они проталкивали пули, взводили курки и нажимали на спусковые крючки, но некоторые падали, а некоторые уже погибли. Гул стер все чувства — осталось лишь оглушающее небо, полное огня, и лишающий речи треск с добавлением воплей. Всё больше солдат падали. Шеренга Старбака редела, но неожиданно в их ряды влилась рота Дейвиса из Легиона. Дейвис ухмыльнулся Старбаку.

— Боже, — оторопело произнес он.

— Пли! — скомандовал Старбак. Выживание зависело только от того, смогут ли они подавить врага огнем. — Капитан Пил! — он побежал к лесу, вызывая остаток своего похудевшего батальона. — Пил! Приведите своих людей!

Рота Пила еще обладала старомодными ричмондскими ружьями, заряженными дробью, и Старбак посчитал, что залп из гладкоствольных ружей может сработать в этой дьявольской резне на таком близком расстоянии.

— Встать в строй! Где угодно! — он наскоро затолкал солдат в строй, больше не беспокоясь о том, чтобы роты сохраняли порядок. — Пли! Пли! Просто убейте их! — вопил

он, опустошая револьвер, ячейку за ячейкой, в дымную пелену. — Убейте их!

Со стороны янки прилетали ответные пули. Вспышки показывали, откуда они стреляют, и Старбак видел, как эти огоньки становятся ближе по мере того, как продвигались атакующие, а задние ряды занимали место павших. Мятежники отступали, без паники, но шаг за шагом, сохраняя строй, снова и снова стреляя по орде в синем, которая медленно и неумолимо пробивала себе путь к южному краю кукурузного поля, словно через высокий прилив. И там янки остановились, не потому что мятежники усилили огонь, а просто потому, что край поля служил естественной границей. За их спинами, где стояла уцелевшая кукуруза, осталось иллюзорное укрытие, а впереди лежали открытые пастбища и батареи мятежников, и офицеры янки не могли убедить солдат двинуться в эту дымную, выметенную смертью пустоту. Шеренга мятежников тоже остановилась и выровнялась, противники стояли и обменивались выстрел за выстрелом, смерть за смертью. Раненые ковыляли в тыл, но у мятежников не было лишних людей, чтобы отнести их к хирургам. Раненые мятежники просто истекали кровью до смерти или ползли на четвереньках под оглушающим шумом огромных пушек.

Пришел на подкрепление полк из Джорджии, и Свицерд появился за спиной Старбака с большим Шестьдесят пятым виргинским батальоном.

— Нат! Нат! — Свицерд был всего в нескольких ярдах, но грохот сражения был так силен, что ему приходилось кричать. — Кладбище под обстрелом! — он показал на Восточный лес, давая понять, что янки каким-то образом добрались до южной опушки и теперь угрожают резервному складу боеприпасов Свицерда. — Узнайте, что там происходит!

Свицерд боялся, что правый фланг вот-вот сметут, но пока он держался на пастбище, куда поместили бригаду — на узком пространстве, где разгорелась самая жаркая схватка, и бригада дралась, словно единый батальон. Старбак, побежав к правому флангу, понял, что резня этим утром была страшная. Он не мог даже припомнить сражения, которое бы так быстро превратилось в кошмар, никогда не видел столько раненых и убитых, и лишь каким-то чудом его презираемый всеми батальон выстоял под огнем и по-прежнему держался и отвечал с той же силой.

— Молодцы! — крикнул он солдатам. — Молодцы!

Никто его не слышал, они оглохли от сердитого грохота.

Старбак побежал в лес. Несколько раненых мятежников укрылись за ближайшими деревьями, а некоторые присоединились к ним, хотя и не были ранены, но у Старбака не было времени, чтобы отправить прохлаждающихся обратно исполнять свой долг. Он бежал на север под защитой толстых стволов, туда, где слышал стрельбу застрельщиков. Она была очень близко, а значит, янки и правда сильно их оттеснили. Люди Траслоу находились среди солдат Поттера, которые, в свою очередь, смешались с ротой застрельщиков из Джорджии, отступившей к лесу, чтобы не попасть под срезающую кукурузу картечь. Теперь все дрались вместе. Старбак увидел, как за иссеченным пулями вязом перезаряжает винтовку Траслоу. Он рухнул рядом с ним.

— Что происходит?

— Сволочи гонят нас назад, — мрачно сообщил Траслоу. — Думаю, они добрались до дороги на этой стороне леса, — он мотнул бородой на восток, предполагая, что теперь мятежники удерживают только южный угол леса. — У мерзавцев казнозарядные винтовки, — добавил Траслоу, объяснив причину успеха янки.

Казнозарядные винтовки было гораздо быстрее и проще заряжать, особенно лежа или пригнувшись за укрытием, так что застрельщики янки поливали мятежников гораздо более сильным огнем, чем те могли выдержать, но теперь атака застряла на краю леса, где густой кустарник, разбросанные поленницы и выходы известняка предоставляли мятежникам защиту, чтобы выстоять под сокрушающим огнем янки.

— Видел Поттера? — спросил Старбак.

— Это еще кто?

— Тощий парень с длинными волосами.

— Там, справа, — мотнул подбородком Траслоу. — Осторожней в лесу. Сучьи дети хорошо стреляют.

По коре вяза скользнула пуля.

— Как у мельницы Гейнса, — сказал Траслоу.

— Там была просто преисподняя.

— И здесь тоже. Будь осторожен.

Старбак собрался с духом для броска через лес. Он слышал треск стрельбы со стороны кукурузного поля, но теперь она казалась такой далекой. Он вошел в другую версию ада, где нельзя было разглядеть врага, а можно лишь увидеть дымки от винтовок, отмечающие, где затаились снайперы янки. Под пологом деревьев было темно из-за остатков тумана и густого порохового дыма. Старбак гадал, который теперь час. Он полагал, что янки атаквали в шесть, и считал, что сейчас уже около полудня, хотя сомневался, что с тех пор, как он увидел синее полчище, упрямо марширующее в сторону кукурузного поля, прошло хотя бы четверть часа.

— Если со мной что-нибудь случится, передай Салли, что я ее люблю, — сказал он Траслоу и понесся прочь от вяза, ныряя и виляя между деревьями. Его появление немедленно вызвало пальбу со стороны янки. Пули свистели вокруг, врезаясь в деревья, словно удары топоров, и мелькая в листве, а потом его спину обожгло выстрелом. Старбак знал, что ранен, но по-прежнему бежал, решив, что рана пустяковая, пуля просто задела кожу. Он заметил Поттера за поленницей и ринулся к нему. Янки загоготали в ответ на этот прыжок в безопасность.

— У меня чуть не возникло искушение помолиться, — сказал Поттер.

— Ты получил ответ на свои молитвы, — откликнулся Старбак. — Я здесь. Что происходит?

— Держимся, — лаконично объяснил Поттер.

— Где Деннисон?

— Деннисон? Не видел его.

— Я послал его тебе не подмогу. Тамлин?

— И следа его не было.

Каждые несколько секунд в поленницу вонзалась пуля янки, выбивая из кучи полено на полдюйма.

— Это пенсильванцы, — сказал Поттер. — Называют себя Оленьими хвостами.

— Откуда ты это знаешь, черт возьми? — спросил Старбак. Он пристроил винтовку в щель между двумя поленьями и не целясь выстрелил в невидимых застрельщиков.

— Взяли одного из них. Глупец забежал слишком далеко, и Кейз его свалил.

— Кейз? Значит, рота Деннисона здесь?

— Рядовой Кейз — да, — ответил Поттер, мотнув головой на запад, в сторону Кейза,

который пригнулся за поваленным деревом. За его спиной лежал мертвый янки, и Кейз отобрал у него казнозарядную винтовку и неустанно стрелял из нее в кусты, где облачка дыма выдавали позицию янки. — У парня к шляпе был привязан олений хвост, — продолжал Поттер. — С кучей блох, конечно же. Теперь он мертв. Трудно жить с перерезанным горлом, так мне кажется.

— Где сержант Ротвел?

— Послал его за боеприпасами.

— А там что происходит? — Старбак кивнул на восток, где через лес шла смоктаунская дорога.

— Одному Богу известно.

Старбак всмотрелся на восток, но ничего не разглядел за деревьями. Он знал, что некоторые пенсильванцы прошли по этому месту и теперь обстреливали кладбище с южного края леса. На секунду он решил было попытаться пойти в атаку, чтобы отрезать тот отряд от своих, но отказался от этой идеи. Янки слишком густо залегли и были слишком хорошими стрелками, чтобы с легкостью выполнить подобную задачу. Контратака янки уничтожила бы его застрельщиков и открыла фланг бригады для огня пенсильванцев с казнозарядными винтовками.

— У вас кровь на спине, — сказал Поттер.

— Пуля царапнула. Ничего серьезного.

— А выглядит впечатляюще, — Поттер проделал в поленнице щель и выстрелил через нее. В ответ прилетело с полдюжины пуль, так что поленница задрожала. — Ублюдки отвечают тремя пулями на одну нашу.

— Я слышал. Сможете продержаться?

— Пока янки не получат подкрепление.

— Тогда удерживайте их, — Старбак похлопал Поттера по спине и устремился налево. Его появление вызвало яростную пальбу, но Старбак уже упал за поваленным деревом, где укрылся рядовой Кейз. Тот посмотрел на Старбака, а потом снова устремил взгляд на врага. Глотка мертвого янки была перерезана почти до позвоночника, его голова откинулась назад в месиве запеченной и покрытой мухами крови.

— Где капитан Деннисон? — спросил Старбак.

Кейз не ответил. Вместо этого он прицелился, выстрелил и отвел курок, чтобы открыть казенную часть винтовки Шарпса. Оттуда заструился дымок, когда Кейз затолкал в ствол твердый патрон в льняной обертке. Он передернул курок, и Старбак заметил, как встроенный затвор скользнул по патрону, чтобы порох оказался у бойка. Кейз вложил в боёк новый капсюль и опять прицелился.

— Где Деннисон? — повторил вопрос Старбак.

— Не видел, — резко отозвался Кейз.

— Вы пришли сюда вместе с ним?

— Я пришел сюда, потому что здесь убивают янки, — ответил Кейз со своим обычным красноречием. Он опять выстрелил и был вознагражден вскриком боли, перешедшим в завывания, эхом прокатившиеся по лесу. Кейз ухмыльнулся. — Как же мне нравится убивать янки, — он перевел безжалостный жесткий взгляд на Старбака. — Просто обожаю.

Старбак гадал, было ли это угрозой, но решил, что это лишь бравада. Кейз выполнял свой долг, а значит, тот неловкий разговор в сумерках сделал свое дело.

— Тогда просто продолжайте их убивать, — сказал Старбак, подождал, пока треск

выстрелов обозначит, что ближайшие янки перезаряжают винтовки, и ринулся обратно между деревьями. Он бежал три или четыре секунды, свернул и приземлился за деревом как раз за мгновение до того, как воздух стегнули новые выстрелы в том самом месте, где он только что бежал. Старбак прополз несколько ярдов и перекатился в укрытие, подождал несколько секунд и бросился к опушке.

На пастбище еще гремела стрельба, хотя теперь противники залегли, а не стояли, обмениваясь смертоносными залпами. Свинерд присел с тревожным выражением лица.

— Молюсь, чтобы новости оказались хорошими, — поприветствовал он Старбака.

Тот покачал головой.

— Мерзавцы захватили большую часть леса. Нам остался только этот угол. Но там их немного, только застрельщики.

Прямо за их спинами приземлился снаряд, ударив в выход известняка, но не взорвался, а отскочил, перекувырнулся в воздухе и быстро исчез со зловещим завыванием.

— Что здесь происходит? — спросил Старбак.

— Патовая ситуация, — ответил Свинерд. — Они не идут вперед, и мы просто убиваем друг друга. Выиграет последний оставшийся в живых солдат.

— Всё так плохо? — Старбак пытался придать голосу беспечность.

— Но будет еще хуже, — пообещал Свинерд, — гораздо хуже.

Когда над Красным холмом встало солнце, в его косых лучах наблюдателям из дома Праев открылся прекрасный вид на сражение, по меньшей мере, на дым сражения. Уютно устроившемуся в кресле генералу Макклелану казалось, что лес на противоположном берегу реки горит, настолько густой дым висел над деревьями. Этот дым, конечно, отмечал, что враги погибают, но генерал по-прежнему пребывал в раздраженном состоянии, потому что ни один из адъютантов не позаботился прикрыть кресла на ночь, и обивка отсырела от росы, так что теперь влага просачивалась через панталоны. Он решил, что не станет жаловаться, главным образом потому, что около дома собралась небольшая группа штатских, уставившись на него с обожанием, но Макклелан раздраженно отказался от первой чашки кофе, потому что напиток оказался недостаточно крепким. Вторая порция была лучше, к тому же кофе подали в прекрасной фарфоровой чашке с блюдцем.

— Стол бы тут пригодился, — заметил генерал.

Из дома принесли приставной столик и каким-то образом установили его на склоне за баррикадой. Генерал отхлебнул кофе и поставил его на стол, а потом приложился глазом к подзорной трубе, для его удобства установленной рядом на треноге.

— Всё идет хорошо, — провозгласил он достаточно громко, чтобы расслышали поклонники в штатском, — Хукер их отгоняет.

Подзорную трубу заслонила тень, и Макклелан поднял глаза, увидев, что явился полковник Торн, встав рядом с креслом. — Вы еще здесь, Торн? — вспыхнул генерал.

— Очевидно, что так, сэр.

— Значит, вы несомненно меня слышали. Всё идет хорошо.

Торн так бы не сказал, потому что атакующий корпус Хукера скрывался за лесом и дымом. Судя по шуму, там шла серьезная схватка, по речной долине прокатывался грохот артиллерии и винтовок, но по этому шуму никто не мог судить наверняка, что там

происходит. Торн твердо знал лишь, что Первый корпус под командованием генерала Хукера с тридцатью шестью орудиями и восемью тысячами солдат пытается выдвинуться по хейгерстаунской дороге в самое сердце позиций мятежников. Всё это замечательно, но Торн не мог понять, почему Макклелан не перебрасывает остальные войска через Антиетэм. Хукер связал мятежникам руки, и настало время ударить им во фланг. Если бы Макклелан бросил все силы против мятежников, то наверняка выиграл бы сражение уже к обеду. Конфедераты сломались бы и побежали к Потомаку, где столпились бы у единственного брода и оказались легкой добычей для кавалерии северян.

— Как насчет других атак, сэр? — спросил Торн, разглядывая сражение через бинокль. Макклелан предпочел не слышать вопрос.

— Прекрасный фарфор, — заявил он, рассматривая кофейную чашку с чудесным узором из аютиных глазок и незабудок. — Неплохо они тут живут, — сказал он адъютанту с оттенком недовольства, словно фермер не имел права владеть хорошим фарфором.

— Цель хорошего правительства, сэр — обеспечить своим гражданам процветание, — огрызнулся Торн и развернул бинокль на север, где около хейгерстаунской дороги ожидал еще один корпус армии северян, пока корпус Хукера шел в атаку. Накануне два корпуса переправились через реку, но лишь один сейчас двигался на юг. — Мэнсфилд поддержит Хукера? — спросил он.

— Мэнсфилд будет исполнять, что должен, — рявкнул Макклелан, — как и вы, полковник Торн, если бы у вас были какие-нибудь обязанности кроме как досаждать мне расспросами о том, что вас не касается.

После этой неодобрительной ремарки Торн отступил. Он сделал, что мог, чтобы подстегнуть Макклелана, а если станет напирать, то рисковал быть арестованным за нарушение субординации. Он помедлил у всё увеличивавшейся толпы местных жителей, которые пришли ободрить северян на победу и поглядеть на великого героя Севера, Макклелана, и насколько мог судить Торн, атака Хукера заслуживала аплодисментов, но он по-прежнему опасался за исход дня. Торн боялся не поражения, потому что северяне настолько превосходили конфедератов в численности, что вряд ли существовала такая вероятность, он боялся завязнуть в сражении, позволить Ли уцелеть и снова вступить в схватку. Макклелану нужно было подавить мятежников атаками, утопить их в огне, сокрушить своей огромной армией, но всё указывало на то, что новый Наполеон осторожничал настолько, что сидел здесь, в кресле, вместо того чтобы находиться в седле на поле битвы. Торн знал, что Ли будет там, где идет сражение. Он был знаком с Ли до войны и восхищался им, зная, что генерал не стал бы рассматривать фарфор перед зачарованными зрителями.

Но ныне Ли стал врагом, которого нужно было сокрушить ради сохранения Союза. Торн вытащил блокнот. Он понимал — что бы сегодня ни случилось, Макклелан провозгласит это победой, а сторонники генерала в северной прессе и в Конгрессе будут требовать, чтобы их герой по-прежнему командовал армией, но лишь полная победа могла бы оправдать сохранение этого поста за Макклеланом, а Торн уже видел, как счастливый финал ускользает из нервных рук молодого Наполеона. Если Ли переживет этот день, чтобы сражаться на следующий, Торн решил, что Север должен обрести нового генерала, нового героя, который довершит то, что нужно было сделать сегодня. Торн писал свои заметки в блокноте, Макклелан беспокоился о внезапной атаке мятежников, которая собьет с толку его армию, а в это время по ту сторону реки умирали солдаты.

Подкрепление конфедератов усилило стрельбу со стороны обороняющихся, а янки на краю кукурузного поля продолжали умирать. Их огонь ослаб, и мятежники, почуввав преимущество, небольшими группами пошли вперед. Янки отступали, отдав край кукурузного поля, после чего внезапно раздался боевой вопль мятежников, когда бригада из Джорджии ринулась в кукурузу с примкнутыми штыками. Выжившие янки были сломлены и побежали. Свинерд придержал своих людей, велел им выровняться у кромки леса.

— Штыки! — крикнул он. — Вперед!

Полк из Джорджии ворвался в кукурузу. Несколько раненых янки пытались сдержать их из винтовок, но смельчаков закололи штыками, и мятежники по-прежнему наступали сквозь кукурузу, стебли которой были посечены картечью, растоптаны ботинками, спалены зажигательными бомбами и пропитаны кровью. За кукурузным полем полк из Джорджии обнаружил пастбище, которое полностью было заполнено отступающим врагом. Заорав свой боевой клич, южане ринулись вперед — гнать янки дальше.

Канониры северян обнаружили мятежников среди зарослей кукурузы, и картечные залпы возобновились. Над полем тысячами капель роилась смерть, опрокидывая людей на землю и вновь заливая кукурузу кровью. Пенсильванцы, укрывшись в лесу на фланге южан, открыли огонь из винтовок, и атака мятежников захлебнулась. Мгновение солдаты просто стояли на месте, умирая ни за что, а затем отошли назад, за поле.

Старбак разыскал остатки своих трех рот у леса. Рота Поттера по-прежнему вела бой среди деревьев, но люди капитана Деннисона куда-то испарились. Картрайт дрожал от возбуждения, капитан Пил же был бледен, как полотно.

— Липпинкотт погиб, — сообщил он Старбаку.

— Липпинкотт? Господи, я даже его имени не знаю, — произнес Старбак.

— Его звали Дэниел, — ответил Пил.

— Где Деннисон?

— Не могу знать, сэр, — ответил Пил.

— Я и вашего имени не знаю, — сказал Старбак.

— Натаниэль, сэр, как и вы, — похоже, Пил смутился от своих же слов, которые, как ему казалось, могли прозвучать манерно.

— Хорошая работа, Нат, — заметил Старбак. К ним приблизился лейтенант Коффмэн с приказами от полковника Свинерда. Солдатам Старбака вместе с Шестьдесят пятым виргинским предписывалось углубиться в лес и вытащить из-под смертоносного огня пенсильванских Оленьих хвостов застрельщиков бригады.

На построение трех рот Желтоногих ушло несколько минут, после чего Старбак, не дожидаясь прибытия виргинского полка, приказал солдатам выступать.

— В атаку! — воззвал он. — Марш!

Из груди его вырвался боевой клич мятежников. Он хотел вселить страх Божий в сердца врагов, но Желтоногие, миновав стрелковые цепи, обнаружили, что янки и след простыл. Оленьи хвосты стреляли с такой скоростью, что уже успели израсходовать боеприпасы, и теперь отступали, выходя из леса и оставляя убитых, каждая шляпа которых была украшена оленьим хвостом. Солдаты Свинерда, лишённые законной добычи, замедлили темп и наконец остановились.

— Возвращайтесь на исходные! — приказал Свинерд. — К исходным позициям, назад!

Капитан Траслоу, ко мне!

Траслоу, получив в свое распоряжение всех застрельщиков бригады, остался оборонять лес. Пенсильванцы вполне могли вернуться, пополнив свой уникальный боезапас. Траслоу, подобрав винтовку Шарпса, изучал ее механизм.

— Умно, — кисло заметил он, не желая чересчур нахваливать изобретение северян.

— Точная винтовка, — добавил Старбак, глядя на своих павших застрельщиков. Сержант Ротвел уцелел, как и Поттер, но всё же они потеряли слишком много хороших парней. Кейз выжил и по-прежнему дирижировал своим кружком прихлебателей. Как и парочка его приятелей, он воткнул олений хвост одного из погибших пенсильванцев в свою шляпу, дабы продемонстрировать, что он сам убил одного из смертоносных стрелков. Старбаку это пришлось по душе.

— Кейз! — прокричал он.

Кейз обернулся, уставившись на Старбака и не говоря ни слова.

— Вы — сержант.

Тень улыбки промелькнула на мрачном лице, и Кейз отвернулся.

— Ты ему не нравишься, — заметил Траслоу.

— Я с ним дрался.

— Лучше бы убил, — ответил Траслоу.

— Он хороший солдат.

— Из хороших солдат часто выходят опасные враги, — заметил Траслоу, сплюнув табак на землю.

Бригада собралась на том же месте, где и встретила начало дня, но с той разницей, что ряды ее были изрядно прорежены самой смертью. Солдаты арканзаского полка Хаксалла помогали раненым вернуться к кладбищу. Кто-то принес воду из колодца сгоревшей фермы. Старбак отправил десяток солдат обыскать мертвых и собрать боеприпасы. Люцифер приволок Нату полную флягу воды.

— Мистер Тамлин, — радостно поделился парень, — на кладбище.

— Помер? — грубовато поинтересовался Старбак.

— Прячется за стеной.

— Деннисон?

— Там же, — ухмыльнулся Люцифер.

— Сукины же дети, — пробурчал Старбак. Он повернулся, чтобы зашагать к кладбищу, но в этот момент прозвучал горн. Артиллерия янки возобновила обстрел, и Старбак развернулся обратно.

Северяне пошли во вторую атаку.

У Харперс-Ферри звуки сражения напоминали далекий гром, но гром этот всё не заканчивался. Завывания ветра то приглушали звуки сражения до невнятного грохота, то усиливали их так, что можно было различить зловещий треск каждого орудия.

Плененный гарнизон федералистов уже увели, и последние мятежники готовились покинуть разграбленный городок. Эти солдаты служили в Легкой дивизии генерала Хилла — три тысячи лучших бойцов Джексона. Им предстоял марш в семнадцать миль — туда, где

проходило сражение, звуки которого разнеслись по всему небу.

День обещал выдаться жарким, палящим и превратить марш в настоящий ад, который, однако, являл собой ничто по сравнению с адом, ожидавшим их в конце. На генерале Хилле была красная рубашка — знак того, что он собирался драться.

Марш Легкой дивизии начался. А тем временем в десяти милях к северу, отделенные от пехоты Хилла широким Потомаком, их товарищи снова и снова засыпали порох в почерневшие стволы винтовок и снова и снова янки — многочисленней, чем в первую атаку — шагали по главной дороге.

А ведь с начала сражения прошло едва ли полчаса.

Глава двенадцатая

Билли Блайз решил, что неправильно рассчитал. Он видел лишь одно сражение, неподалеку от Булл-Ран, где холмы были меньше и круче, чем это высокое плато между Антиетэмом и Потомаком, и у Манассаса было гораздо больше лесов, где можно было укрыться, пока накатывала жадная приливная волна сражения. Он планировал сделать то же самое, что и в тот день — ускользнуть в суматохе и найти какое-нибудь тихое местечко в глубине леса, где никто его не обнаружит, пока не закончится резня.

Но вместо этого он оказался на высоком голом пространстве, прорезанном изгородями и тропками, а единственный лес находился либо в руках мятежников, либо там шла жестокая схватка. А это означало, что негде было спрятаться и некуда бежать, так что Билли Блайз укрылся за низкой кладбищенской стеной, размышляя, как ему покинуть армию мятежников и присоединиться к войскам Севера. Он сделал всё возможное. Некоторое время Блайз занимался ранеными, хотя двигало им не милосердие, ему просто нужно было найти окровавленный серый китель, на который он мог бы поменять свой тесный мундир. Надев пропитанный кровью китель, он стал похож на одного из раненых и устроился в ожидании.

— Тебя ранило? — Деннисон заметил его у стены.

— Ничего смертельного, Том, — ответил Блайз.

Деннисон перезарядил винтовку, которую позаимствовал у одного из раненых. Каждые несколько секунд он высовывался из-за стены и стрелял по застрельщикам янки на краю Восточного леса. Чуть раньше он и сам сбежал из этого леса под ужасающим огнем пенсильванских винтовок и теперь с половиной своей роты укрылся за стеной кладбища. Другая половина роты пропала. Деннисон знал, что ему не следует здесь находиться, он должен был остаться с батальоном Старбака, но в первые же минуты сражения его обуял ужас, он никогда не подозревал, что бой может оказаться таким чудовищно жестоким. У мельницы Гейнса, где Желтоногие заслужили свое насмешливое прозвище, Деннисон и близко не подходил к настоящей схватке, но почему-то решил, что война должна выглядеть гораздо благопристойней, похожей на гравюры со сценами американской революции, которые висели на стенах дома его дядюшки. Там две шеренги противников всегда стояли прямо с благородным выражением мрачной решимости, мертвые обладали достаточно приличными манерами, чтобы лежать лицами вниз и с невидимыми ранами, а раненые были изгнаны на края гравюры, где чинно и с бледными лицами угасали на руках товарищей. Таковы были ожидания Деннисона, но в первые страшные мгновения этого кровавого дня у Антиетэма он обнаружил, что реальное сражение — это резня с вывернутыми кишками, когда разум гложет он грохотом, а раненые умирают со вспоротыми животами и разбрызганными по траве мозгами, без надежды на помощь вопя в агонии. И весь этот непрекращающийся грохот, шипение и свист пуль и ужасные, нескончаемые взрывы снарядов.

Доктор со покрытыми кровью ладонями, рукавами и рубашкой увидел китель Билли Блайза и перешагнул через валяющиеся на траве тела, направившись к нему.

— Нужна помощь, солдат?

— Скоро снова буду на ногах, доктор, — ответил Блайз. — Кровь больше не идет, и я

вернуть в строй как только переведу дыхание. Лучше присмотрите за остальными, сэр.

— Да вы храбрец, — заметил доктор и двинулся на поиски другого раненого.

Блайз усмехнулся и закурил.

— Думаю, ты поступаешь правильно, Том, — сказал он Деннисону.

— Да? — Деннисон уже встал на колени, чтобы сделать очередной выстрел, но в ту же секунду пуля врезалась в стену и отрикошетила в одно из деревьев, в тени которых находились могилы, и Деннисон снова шлепнулся рядом с Блайзом.

— Держишь своих людей в резерве, — пояснил Блайз. — Это говорит о том, что у тебя остался здравый смысл. Я восхищен.

Деннисон вздрогнул, когда неподалеку разорвался снаряд и металлические осколки клацнули по каменной стене.

— Мы не можем оставаться здесь целый день, — сказал он, поскольку внутренне всё-таки понимал, что должен выполнить свой долг на поле битвы.

Блайз перевернулся и высунул из-за стены голову.

— Теперь можешь отвести людей обратно в лес, — произнес он.

Всего несколько секунд назад на краю леса было полно янки, целящихся по кладбищу, но, похоже, эти стрелки исчезли, и наконец-то ближайшая опушка казалась покинутой, но приближалась другая атака янки, а значит, южный край леса снова превратится в поле битвы. И Блайзу опять придется ждать. Если мятежники овладеют лесом, то он мог бы вернуться туда и найти укрытие, но до тех пор предпочтет прятаться за каменной стеной.

Деннисон осмотрел сломанные ветки и расщепленные стволы Восточного леса, который выглядел так, словно гигантский дровосек гонялся среди деревьев за чудовищем, и снова пригнулся.

— Может, мне стоит пока держать солдат в резерве, — отозвался он.

— Правильное решение, — одобрил Блайз. — Но сомневаюсь, что с ним согласится Старбак. Он хочет смерти твоих солдат. Чёрт, да ему плевать, — при упоминании Старбака в глазах Деннисона мелькнул испуг, и Блайз покачал головой. — Полагаю, тебе придется разобраться с мистером Старбаком, если только янки не окажут тебе кой-какую услугу. А это значит, разобраться и с его лакеями. Вроде сержанта Ротвелла. Может, Бобби Кейз тебе бы помог?

— Я не видел Кейза, — ответил Деннисон. — Вероятно, он мертв.

— Молись лучше, чтобы был жив. Тебе понадобятся друзья, Том, иначе Старбак отправит тебя под трибунал. Я знаю, что ты ведешь себя правильно, и ты это знаешь, но понимает ли это Старбак? Тебе стоит в этом убедиться, Том. Терпеть не могу смотреть, как порядочных людей вроде тебя приносит в жертву какой-нибудь скотина-янки вроде Старбака. Думаю, тебе лучше найти Бобби Кейза и поговорить с ним. Исполни свой долг перед батальоном и перед страной.

Деннисона, похоже, поразила мысль, что его могут отдать под трибунал за трусость.

— Разобраться со Старбаком? — едва слышно спросил он.

— Если не хочешь провести несколько скверных лет в тюрьме. Конечно, тебя могут просто расстрелять, но в основном трибунал приговаривает к тюрьме, правда ведь? Тебя скупают с несколькими ниггерами, чтобы собирать хлопок или дробить скалы, — Блайз увидел, что его слова добрались до притупившегося разума Деннисона, и попытался смягчить впечатление: — Провалиться мне на этом месте, — продолжил Блайз, — если тебе не нужно срочно позаботиться о Старбаке. О Старбаке и Ротвелле.

— Старбаке и Ротвеле? — переспросил Деннисон.

— И о Поттере, конечно, — подтвердил Блайз. — И об этом чертовом негритенке. Убери со своего пути врагов, Том, и сможешь высоко взлететь! Ты будешь великим воином. Даже завидую. Меня здесь не будет, так что посмотреть не смогу, ведь я буду дома, в Луизиане, но я буду следить за твоей карьерой. Еще как!

— Думаешь, Кейз мне поможет? — беспокойно спросил Деннисон. Он побаивался Кейза. В его лице с непроницаемым выражением было что-то опасное. — Уверен, что он поможет?

— Я точно знаю, — твердо произнес Блайз. Это Кейз помогал Блайзу той ночью в Харперс-Ферри, но это нападение на Старбака было неспланированным и неуклюжим. Теперь всё стало бы гораздо легче, ведь что значит еще пара смертей среди такой резни? — Я сказал Кейзу, что ты произведешь его в офицеры, — пояснил Блайз. — Полагаю, Бобби Кейз этого заслуживает, а?

— Полагаю, что да, — энергично согласился Деннисон.

— Так найди его, Том, и исполни свой долг. Черт, ты же не хочешь стать свидетелем, как Старбак уничтожит весь батальон, правда?

Деннисон уселся, чтобы поразмыслить об этом разговоре, а Билли Блайз довольно прислонился к стене и затянулся сигарой. Просто, подумал он, как стащить из сельской церкви коробку с милостыней. Его неудобных врагов убьют, а потом он каким-то образом пересечет линию фронта и отправится за своей наградой на Север. Он дотронулся до своих бумаг офицера федеральной армии, которые по-прежнему хранились в кармане панталон, и стал ждать.

Для Старбака это было кошмаром, от которого он пробудился, лишь чтобы обнаружить, что кошмар стал явью. Мятежники отразили одно нападение, но теперь новые атакующие невозмутимо топтали землю в воронке между Восточным и Западным лесом. Словно в видении Иезекииля, когда лежащие в поле кости мертвецов обрастают жилами и плотью и обтягиваются кожей, а потом дыхание Господа превращает иссохшие кости в великую армию. И теперь в ожившем кошмаре эта армия надвигалась на Старбака, и он гадал, сколько еще воинов могут произвести на свет янки.

Новые атакующие заполнили пространство между Западным и Восточным лесом. Они шли под флагами в сопровождении барабанов, топча кровь и ужас, оставленный первой атакой. Застрельщики янки выбежали вперед, опустились на колени в остатках кукурузы и открыли огонь.

Заряженные картечью пушки мятежников загрохотали по продвигающейся шеренге. Старбак увидел, как одного застрельщика приподняло над землей ударом картечи и отбросило назад, как тряпичную куклу, которую выкинул обиженный ребенок. Солдат снова распростерся на земле, а потом, что совершенно удивительно, встал, нашел винтовку и похромал прочь. Застрельщик конфедератов подстрелил его в спину, и тот рухнул на колени, чуть задержался в этом положении и упал.

— Не стрелять! — Свинерд огибал свою шеренгу с тыльной стороны.

Солдаты лежали и на беглый взгляд походили на крепкую бригаду, но Свинерд знал, что слишком многие из лежащих уже мертвы. Их убили во время первой атаки, и многие

выжившие скоро разделят их участь. Свинерд оглянулся, но не заметил подкрепления.

— Мы должны сдерживать их, ребята, — громко призывал он. — Удержите их. Ждите, пока не различите пряжки на их ремнях. Не тратьте пули понапрасну. Держитесь, ребята, держитесь.

Через Восточный лес продвигалась еще одна группа янки. У мятежников там была лишь цепь застрельщиков Траслоу, и обменявшись несколькими выстрелами, они отступили, чтобы их не смяли. Старбак увидел, как у леса появился Поттер, и побежал к нему.

— Что происходит?

— Тысячи сучьих детей, — запыхавшись выговорил Поттер. Его глаза блестели, лицо исказила гримаса, а дыхание вырывалось с хрипом.

— Атакует бригада, — от следующего за Поттером Траслоу оказалось больше толку. Он поставил своих людей с края шеренги Свинерда, и они пригнулись там, ожидая, когда разразится буря.

Канониры мятежников увидели, как застрельщики в сером выходят из Восточного леса и, посчитав, что там находятся янки, нацелили несколько пушек в ту сторону. Снаряды стучали о древесину, и огромные вязы раскачивались, словно застигнутые ураганом. Ветки отламывались и падали вместе с металлическими осколками снарядов, листва осыпалась дождем. На лес приземлялось всё больше снарядов, а другие пушки мятежников в это время поливали картечью янки на кукурузном поле, которые теперь оказались в зоне досягаемости ждущих их винтовок.

— Пли! — скомандовал Свинерд.

Винтовки начали свою работу, но на место каждого павшего янки вставал человек из задних рядов. Опушку леса наводнили янки, которые прятались за деревьями и стреляли в мятежников на пастбище. Застрельщики северян целились в канониров, пытаясь подавить смертоносный обстрел картечью, и мало-помалу их пули добивались цели. Северяне шли вперед небольшими группами, вставали на колени, стреляли и снова бросались вперед. Звук залпов янки был похож на треск рвущейся ткани или горящего тростника. Шуму не было ни конца, ни края, лишь долгий ужас раскалывал небеса, наполнив воздух свистящим свинцом. Мятежники начали посматривать назад, пытаясь найти путь к спасению из этого ада. Над кукурузным полем снова тонким облаком протянулся дым.

Старбак присел между солдатами роты Картрайта и сражался как обычный стрелок. Больше он ничего не мог сделать. Бесполезно было выкрикивать приказы, невозможно привести подкрепление, можно было только сражаться. Тот страх, что владел им уже месяц, никуда не делся, но теперь он был покорен, загнан в угол и прятался в тени, как зверь. Старбак был слишком занят, чтобы думать о страхе. Для него, как и для остальных выживших в рядах мятежников, сражение сузилось до крохотного клочка земли, ограниченного дымом, кровью и горячей травой. Он потерял счет времени и представление о том, что происходит в других местах. Старбак слышал над головой гул снарядов и бесконечный грохот пушек вокруг, и знал, что зловонный воздух полон пуль, но теперь он сосредоточился на том, чтобы заряжать и стрелять. Он выбирал цель, наблюдая, как группа янки пытается проложить себе путь по краю Восточного леса. Старбак проследил за одним из солдат, подождал, пока тот остановится, чтобы зарядить винтовку, и выстрелил. Он заметил офицера и выстрелил в него, а потом опустил приклад винтовки на землю и вытащил из сумки патрон. Вражеская пуля ударила в ложе винтовки, чуть не вырвав ее из рук и выбив из приклада огромную щепку. Старбак выругался, забил пулю, приложил

поврежденный приклад к плечу, взвел курок, увидел, что офицер еще жив, по-прежнему приказывает янки идти вперед, и снова выстрелил. Плечо ныло от отдачи, а из-под ногтя шла кровь от выковыривания горячих использованных капсюлей из брандтрубки. Дуло винтовки стало таким горячим, что до него невозможно было дотронуться. Солдат рядом со Старбаком погиб, получив пулю в глаз, и Нат обыскал его карманы, обнаружив шесть патронов.

Траслоу подстрелили в бедро. Он выругался, хлопнув рукой по кровоточащей ране, и пошарил в сумке, выудив оттуда жестянку со мхом и паутиной, которую приберег для такого случая. Траслоу разорвал на раненой ноге штанину, стиснул зубы и набил этой смесью входное и выходное отверстие раны. Он затолкал мох с паутиной внутрь, преодолевая боль, а потом поднял винтовку в поисках подстрелившего его сукиного сына. Роберт Декер ползал среди мертвецов, вытаскивая патроны, и бросал их оставшимся в живых. Поттер стрелял и заряжал, стрелял и заряжал, постоянно держась к врагу лицом, чтобы пуля не попала в драгоценную бутылку виски в ранце.

Шеренга янки, казалось, не худела, а увеличивалась. В воронку входили всё новые и новые войска в синем, и атака ожесточалась, теперь лошади галопом втащили пушку северян на кукурузное поле и развернули ее там в фонтане грязи и сломанных стеблей, установив на небольшом возвышении у северного края поля. Лошадь упала от снаряда мятежников. Она заржала и засучила копытами в воздухе. Кровь хлынула из ее шеи, а канонир срезал упряжь, связывающую животное с остальными испуганными лошадьми, и побежал с ними из-под обстрела. Другой канонир пристрелил раненую лошадь, а потом его товарищи сделали первый выстрел — снаряд приземлился точно в центр шеренги мятежников. Канониры северян орали своей пехоте, чтобы очистили место для стрельбы и можно было зарядить картечь.

— Мы не сможем выстоять, — проревел Старбаку Траслоу.

— Иисусе, — произнес Старбак. Если и Траслоу предчувствовал поражение, то беда уже надвигалась. Он понимал, что Траслоу прав, но всё еще не хотел этого признавать. Янки были уже совсем близки к тому, чтобы сокрушить хрупкую шеренгу, а убив или захватив в плен этих солдат, они атакуют вверх по плато, ворвавшись в самое сердце армии Ли. Мятежники еще сопротивлялись огню янки, но Старбак решил, что большинство, как и он сам, просто слишком напуганы, чтобы бежать. Отступающий по плато человек стал бы слишком легкой мишенью, и казалось гораздо безопасней пригнуться за мертвыми телами и продолжать стрельбу.

Пушка янки на кукурузном поле выплюнула снаряд картечи, который перемешал мертвую и живую плоть, а потом отрикошетил на пастбище. Пушка мятежников целилась в орудие северян, но группа застрельщиков в синем перебила канониров. Знаменосец в рядах янки взмахнул флагом, и Старбак увидел герб родного штата Массачусетс. Безрассудный офицер янки скакал позади солдат, подбадривая их. Обычно подобные люди сразу становились мишенями, но мятежников осталось слишком мало и они находились в таком отчаянном положении, что могли лишь вслепую палить прямо в дымовую завесу в надежде сдержать напирających янки. Из пушки на кукурузном поле вылетала всё новая картечь, и всё больше мятежников умирало. Нога Траслоу покрылась кровью.

— Тебе нужно к доктору, — сказал Старбак. Он дрожал, не от страха, а от смешанного с отчаянием возбуждения. У него остался один патрон.

Траслоу кратко выразил свое ёмкое мнение обо всех докторах и выстрелил, а потом

пригнулся за телом, которое служило укрытием, пока он перезаряжал. Тело дернулось, когда в него попала пуля со звуком рубящего тушу топора. В промежутке между атаками Старбак перезарядил револьвер и теперь опустошил все ячейки в ближайшую группу янки. Траслоу был прав, подумал он. Нужно отступать, но отступление станет непростой задачей. Возможно, лучше лежать здесь и позволить победоносным янки прокатиться по их рядам. Он забил в винтовку последний патрон и взгляделся поверх тела, чтобы найти последнюю подходящую мишень.

— Вот сволочи, — мстительно произнес он.

Но внезапно раздался вопль, наполненный ликованием пронзительный и наводящий ужас вой, и Старбак взглянул налево и увидел заполнившее пастбище новое подразделение мятежников. Некоторые были в сером, некоторые в ореховых мундирах, но большинство носили то, что осталось от красочной формы зуавов, в которой они начали войну. Это были Луизианские тигры, внушающий страх полк отъявленных мерзавцев из Нового Орлеана, и они бросились в атаку мимо шеренги мятежников, с примкнутыми штыками и развевающимся в дыму боевым знаменем. Залп северян попал прямо в ряды полка, но солдаты сомкнулись и продолжали безжалостный вопль.

— Вперед! — крикнул Траслоу. — Давайте, ублюдки!

К удивлению янки из мертвых вдруг восстала хрупкая шеренга мятежников. Застигнутые врасплох северяне, казалось, остановились в недоумении. Пришел их черед узреть, как возрождаются мертвецы.

— Вперед! — кричал Траслоу. Он хромал, но ничто не могло его остановить.

— Штыки! — приказал Старбак.

Казалось, ряды мятежников охватило чудовищное безумие. Они готовились отступить, но подстегиваемые Луизианскими стрелками, бросились в атаку вместо того, чтобы удирать. На бегу солдаты орали боевой клич мятежников. Янки на кукурузном поле произвели нестройный залп и начали отступать. Некоторые, не желая выпускать из рук победу, кричали товарищам, чтобы остались на поле, собирались в небольшие группы и оказывали атаке мятежников сопротивление.

Клич мятежников стал предсмертной мелодией для этих янки. На несколько коротких секунд противники схлестнулись в кукурузе. Штыки отражали удары штыками, но мятежники превосходили в числе оставшихся драться северян. Старбак, не осознавая, что вопит, как безумец, отвел чью-то винтовку со штыком в сторону и воткнул собственный клинок кому-то в лицо. Он пнул солдата, когда тот падал, перевернул винтовку и ударил расщепленным прикладом по окровавленному лицу.

Послышался залп. Янки получили подкрепление к северу от кукурузного поля и поливали луизианцев огнем. Из лесов по обеим сторонам поля тоже стреляли. Там были янки.

Кто-то крикнул:

— Назад! Назад!

И мятежники побежали по кукурузному полю к старой позиции. Старбак задержался на достаточное время, чтобы забрать у убитого патроны, и побежал к своим. Пули свистели со всех сторон. Повсюду он видел тела — распластанные, искореженные, изодранные взрывами, скрюченные и с оторванными конечностями; белели кости, валялись мозги и синеватые внутренности в лужах крови. Некоторые тела лежали отдельно, но большая часть — группами, там, где их срезала картечь, а некоторые медленно ползли, покрытые коркой

запекшейся крови и облепленные мухами. Один человек стонал, другой взывал к Господу, а третий слабо покашливал. Старбак бежал пригнувшись и наконец миновал кукурузное поле и оказался вновь в рядах мятежников. Поттера ранило. Штык срезал ему половину левого уха, и теперь оно болталось вместе с залитым кровью клоком волос.

— Просто царапина, — настаивал Поттер, — просто царапина. — Излечит глоток виски.

Мятежники снова залегли. Солдаты передавали друг другу фляжки и делились скудными запасами патронов, найденными у мертвецов. Янки перегруппировались, но похоже, не желали возвращаться на кукурузное поле, которое для обеих сторон превратилось в бойню. Они тоже пригнулись, пока картечь мятежников свистела над их головами, а пушки северян огрызались в ответ. Одинокое орудие на пригорке в поле бросили, но другие пушки северян находились достаточно близко к нему и продолжали палить. Старбак прицелился в одного из канониров, но решил приберечь патроны.

Он встал. Кровь на его сорочке застыла, и теперь ткань с хрустом оторвалась от спины, причинив боль, и теплая жидкость потекла к ягодицам. Горло горело, глаза слезились от дыма, всё тело охватила болезненная слабость. Он нашел ирландца, который перебирал четки накануне сражения, и послал его назад к колодцу с дюжиной фляжек.

— Иди спокойно, — сказал он ему. — Держись подальше от леса.

Снайперы янки вернулись на опушку Восточного леса, хотя стелившийся в безветренном воздухе дым мешал им целиться, и их стрельба, которая в других обстоятельствах была бы смертоносной, казалась слабой на фоне ураганного огня, что предшествовал атаке луизианцев.

Полковник Мейтленд лежал лицом вниз неподалеку от смоктаунской дороги. Старбак не узнал его, пока не присел рядом, вывернув подсумок в надежде найти патроны для револьвера.

— Я не умер, — приглушенно выразил протест Мейтленд. — Я молюсь.

Старбак дотронулся до фляжки на ремне Мейтленда.

— Вода есть?

— Это не вода, Старбак, — неодобрительно заявил Мейтленд. — Это лекарство для сердца. Угощайтесь.

Во фляжке оказался отличный ром. Старбак закашлялся, когда алкоголь обжег его исцарапанную порохом глотку, и сплюнул остаток на траву.

Мейтленд перекатился и забрал фляжку обратно.

— Только зря на вас потратил хорошую вещь, Старбак, — возмутился он.

Полковник, конфисковав все запасы спиртного в Легионе, должно быть, сам выпил почти всё, потому что был пьян вдрызг. Пуля лязгнула по дулу ближайшего орудия, как удар колокола. Канониры развернули пушку и отправили порцию картечи в сторону янки в Восточном лесу. Мейтленд лежал навзничь на траве, уставившись в закрывший голубое небо дым.

— В детстве вам казалось, что лето никогда не кончится? — спросил он.

— И зима тоже, — ответил Старбак, сев рядом с полковником.

— Конечно. Вы же янки. Снег и бубенцы. Я как-то путешествовал в санях. Тогда я был совсем ребенком, но помню, что снег окружал нас словно облако. Но наши зимы — это слякоть и непроезжие дороги, — Мейтленд на мгновение замолчал. — Не уверен, что смогу встать, — наконец жалко произнес он.

— Сейчас в этом нет необходимости.

— Меня стошнило, — торжественно объявил Мейтленд.

— Никто об этом не узнает, — сказал Старбак, хотя вообще-то элегантный мундир полковника был густо покрыт блевотиной. Она запеклась на желтом галуне и застряла под блестящими пуговицами.

— По правде говоря, — очень торжественно сообщил Мейтленд, — я не выношу вида крови.

— Досадная помеха для военного, — мягко заметил Старбак.

Мейтленд на секунду закрыл глаза.

— И что происходит?

— Мы снова отогнали ублюдков.

— Они вернуться, — мрачно заявил Мейтленд.

— Вернутся, — Старбак встал, вытащил фляжку из дрожащих пальцев полковника и вылил ром на траву. — Принесу вам воды, полковник.

— Весьма вам обязан, — сказал Мейтленд, по-прежнему устремив глаза в небо.

Старбак пошел назад к неровной шеренге. Свинерд рассматривал кукурузное поле пустыми взглядом. Его правая щека подергивалась, как это бывало, когда он пил. Он посмотрел на Старбака, не сразу его узнав.

— Мы не сможем сделать это еще раз, — мрачно заявил он. — Еще одна атака, и нам конец, Нат.

— Я знаю, сэр.

Свинерд вытащил револьвер и пытался его перезарядить, но его правая рука слишком сильно дрожала. Он отдал оружие Старбаку.

— Не поможете, Нат?

— Вас задело, сэр?

Свинерд покачал головой.

— Просто оглушило, — он медленно встал. — Я был слишком близко, когда разорвался снаряд, Нат, но Господь меня уберег. Меня не задело, только оглушило, — он потрянул головой, словно чтобы привести в порядок мысли. — Я послал за патронами, — сказал он, пытаясь четко выговаривать слова, — вода тоже скоро прибудет. Но людей больше нет. Хаксалл тяжело ранен. Получил кусок металла в живот. Долго не протянет. Очень его жаль. Я его любил.

— Я тоже.

— Я не видел Мейтленда, — сказал Свинерд. — Спасибо, Нат, — поблагодарил но Старбака за заряженный револьвер, которые полковник засунул обратно в кобуру.

— Мейтленд еще здесь.

— Так он не сбежал? Молодец, — полковник оглядывал ряды солдат. На бумаге он командовал бригадой, но из оставшихся в шеренге по довоенным меркам едва ли удалось бы составить полк, так что теперь солдаты просто держались ближе к друзьям или соседям, а офицеры и сержанты присматривали за теми, кто остался в поле зрения. — В учебнике, — сказал Свинерд, — наверняка в таком случае велели бы разойтись по батальонам, как положено, но думаю, что мы забудем об книгах. Пусть дерутся как есть.

Старбак подозревал, что полковник имел в виду, что они умрут как есть, и действительно, в то мгновение никакой другой исход кроме смерти не казался возможным. Янки затихли, но явно ненадолго, потому что Старбак разглядел, как за рваными остатками

кукурузы показались новые синие мундиры. Враг шел в атаку дважды, и дважды его отбрасывали, но теперь янки собирали силы для третьего броска.

Старбак послал Люцифера к Мейтленду с фляжкой воды. Мальчишка вернулся, ухмыляясь.

— Если кто здесь и счастлив, так это полковник, — сказал он.

— Он не первый, кто надрался на поле битвы.

— Мистер Тамлин, — радостно доложил Люцифер, — облачился в новый китель. Окровавленный.

Старбака больше не заботили ни Тамлин, ни Деннисон. Он разберется с ними после сражения, если будет с кем разбираться. Теперь, снова вернувшись к мертвецам, которые служили укрытием для живых на почерневшем от снарядов пастбище, он ждал янки.

Чьи барабаны снова загрохотали. Чьи пушки снова начали стрелять.

Потому что приближалась новая атака.

В двух милях к северу, где Антиетэм резко поворачивал на запад, к Потوماку, ожидал целый корпус северян, укрывшись на восточном берегу реки. Двадцать девять батальонов закаленных в боях войск с поддержкой артиллерии готовились переправиться через реку и двинуться на север, к дороге, бегущей на запад от Шарпсберга. Как только северяне захватят дорогу, войска Ли к северу от городка будут отрезаны от путей к отступлению, и этот корпус как нижняя челюсть заглочет мятежников в ловушке.

Некоторые солдаты дремали. Другие готовили завтрак. Мятежники знали, что они там, потому что артиллерия конфедератов по ту сторону реки метала снаряды над их головами, и они разрывались, не причинив никому вреда, в лесу или на пастбище.

Приказ пересечь реку не поступал, за что командиры ближайших к реке батальонов были признательны. Каменный мост через реку был узким, а противоположный берег — обрывистым и заполнен пехотой мятежников, которые вырыли на склоне окопы, так что любая атака вдоль дороги и по мосту превратилась бы в кровавую схватку.

Еще дальше к югу группа офицеров прибавала себе путь через густой кустарник и лес к тому месту, где они разглядели брод. Это был способ обойти с фланга обороняющих мост мятежников, но когда офицеры приблизились к воде, их надежды растаяли. Другой берег был крут, как и лежащий за мостом холм, а брод охранял пикет из пехоты в сером, окопавшейся на склоне.

— Кому это пришло в голову? — спросил один из них, генерал.

— Какому-то чёртовому полковнику-инженеру, — ответил адъютант. — По фамилии Торн.

— Тогда путь мерзавец первым и переправляется, — сказал генерал, разглядывая противоположный берег в бинокль. Воздух наполнили звуки идущей на севере схватки, но сквозь этот рокот он расслышал голоса с другого берега. Мятежники казались беспечными, словно бы знали, что в этот день чудовищной резни они вытянули длинную соломинку.

Топот ног в лесу заставил генерала скрыться за деревьями. Приближались два адъютанта вместе с одетым в плотный шерстяной сюртук фермером в широкополой шляпе. На его штанах засох коровий навоз.

— Мистер Крёгер, — представил адъютант фермера, который сохранил достаточно

раболепия Старого Света, чтобы стащить с головы шляпу, когда генералу назвали его имя. — Мистер Крёгер, — объяснил адъютант, — говорит, что это не брод Снейвли.

— Не Снейвли, — подтвердил Крёгер с немецким акцентом. — Снейвли вон там, — указал он вниз по течению.

Генерал выругался. Он привел семь батальонов и полдюжины пушек не в то место.

— И далеко? — спросил он.

— Далековато, — ответил Крёгер. — Я там коров перегоняю, понимаете? Здесь для скота слишком круто, — он махнул рукой, чтобы показать на крутой берег по ту сторону реки.

Генерал снова выругался. Если бы у него была кавалерия, сказал он себе, он бы разведал эти низкие берега речушки, но Макклелан настоял, чтобы кавалерия осталась поблизости от фермы Праев. Одному Богу известно, какой там прок от кавалерии, разве что Макклелан воображает, что она защитит его во время отступления.

— К броду Снейвли есть дорога? — спросил генерал.

— Только пастбища.

Генерал выругался в третий раз, а фермер в ответ неодобрительно нахмурился. Генерал прихлопнул муху.

— Джон, пошли разведчиков вниз по течению, — обратился он к адъютанту. — Может, мистер Крёгер покажет им дорогу?

— Хотите выстроить войска по-походному, сэр? — осведомился адъютант.

— Нет-нет. Пусть пьют свой кофе, — генерал нахмурился, погрузившись в размышления. Если этот вымазанный в навозе фермер прав, и брод далеко вниз по течению, тогда, вероятно, он слишком далеко, чтобы его люди могли обойти защитников моста с фланга. — Я должен поговорить с Бернсайдом, — сказал он. — Нет нужды торопиться, — добавил генерал.

Всё равно еще было слишком рано. Большинство американцев еще даже не закончили завтракать, уж точно не респектабельная часть общества, и Макклелан не прислал приказов для "нижней челюсти" захлопнуть пасть. Вообще-то Макклелан не прислал никаких приказов, а значит, для кофе осталось еще предостаточно времени.

Офицеры пошли прочь от реки, оставив лес в покое. К северу от Шарпсберга армии сражались, но на юге варили кофе, читали письма из дома, спали и выжидали.

Третья атака войск Союза проходила не по кукурузному полю, а вниз по главной дороге в сторону Восточного леса. Старбак следил, как она продвигается, по густому облаку дыма, поднимавшемуся от снарядов мятежников, которые рвали передние ряды солдат в синем, а потом по треску винтовочной стрельбы с северной стороны Восточного леса. Звук сражения перерос в такое же неистовство, как и две прежние схватки на краю кукурузного поля, но сейчас там дрался кто-то другой, а Старбак мог передохнуть. Его глаза болели, а горло, несмотря на несколько больших глотков воды, по-прежнему было сухим, но подсумок снова наполовину заполнился патронами, некоторые из которых Нат забрал у мертвецов, а другие получил из последних запасов бригады, которые принесли с кладбища. Канониры янки снова использовали пушку на кукурузном поле, но вся картечь попадала в импровизированный завал из мертвецов, защищавших оставшихся в живых солдат в сером. Самая большая угроза

для них исходила от больших орудий федералистов на противоположном берегу Антиетэма, но те пушки целились главным образом в батареи мятежников рядом с церковью данкеров.

Поттер подбежал к Старбаку и протянул ему фляжку.

— Ваш Траслоу вернулся в лес.

— Он не мой. Скорее, он сам по себе. Янки ушли?

— Еще там, — сказал Поттер, мотнув головой в сторону северного края Восточного леса, — но не те мерзавцы с винтовками Шарпса. Те ушли.

Поттер лег за мертвецом, что служил Старбаку защитой от картечи. Ухо капитана было наспех перевязано, но кровь капала через ткань, застывая на кителе и воротничке сорочки.

— Хотите, чтобы мои люди вернулись в лес? — спросил он.

Старбак взглянул в сторону леса и был вознагражден вспышкой ярких синих перьев.

— Синешейка, — показал он.

— Это не синешейка. Это овсянка. У синешеек красноватые грудки, — возразил Поттер. — Так мы остаемся здесь?

— Оставайтесь здесь.

— Я слышал, полковник Мейтленд набрался?

— Да, сейчас он не слишком энергичен, — признал Старбак.

— Это мое первое сражение трезвым как стеклышко, — гордо сообщил Поттер.

— Виски еще при тебе?

— Ага, в бутылке, завернуто в две сорочки, кусок холста и экземпляр эссе Маколея [\[21\]](#) без обложки. Это неполный том. Я нашел его болтающимся в одном укромном уголке в Харперс-Ферри, и первые тридцать страниц уже использовали в гигиенических целях.

— Разве тебе не нравится его поэзия?

— В сортире? Не думаю. И вообще, в моей голове уже целая кипа поэзии Маколея, вернее в том, что от моей головы осталось, — сказал Поттер, дотрагиваясь до окровавленной повязки на левом ухе. — Каждый человек на грешной земле рано или поздно смерть узрит, и нет почетней смерти, чем ей в лицо смотреть, — продекламировал Поттер, потрянув головой, словно в подтверждение уместности этих слов. — Слишком хорошо для сортира, Старбак. Отец вешал в нашем домике для уединений труды теологов римской католической церкви. Он говорил, что только для этого они и годятся, но оскорбления пропали втуне. Я чуть было не обратился в эту веру, когда прочел лекции Ньюмана. Отец думал, что у меня запор, пока не разобрался, чем я там занимаюсь, после чего мы использовали газеты, как все остальные христиане, но отец всегда заботился о том, чтобы перед тем, как повесить бумагу на веревку, оттуда вырезали все цитаты из священного Писания.

Старбак засмеялся, а потом предупреждающие окрики смешанной группы солдат из Джорджии и Луизианы, лежащих слева, заставили его высунуться из-за трупа, по которому уже ползали мухи, откладывая яйца. Янки снова находились на кукурузном поле. Старбак еще их не видел, но разглядел три знамени, показавшиеся над побитой кукурузой, и оставалось всего несколько секунд до того, как в поле зрения появятся застрельщики северян. Он взвел курок и стал ждать. Флаги — два звездно-полосатых и одно знамя полка — были слева от него, а значит, эти атакующие остались ближе к дороге, вместо того, чтобы разойтись по всему кукурузному полю. До сих пор так и не показались застрельщики. Старбак услышал, как где-то в рядах янки играет оркестр, непрерывный треск снарядов, картечи и винтовок превратил мелодию в погребальный плач. Где же застрельщики северян, черт возьми? Теперь уже виднелись головы передних рядов атакующих, и Старбак внезапно

понял, что нет никаких застрельщиков, только колонна выстроенных в боевой порядок войск безо всякой осторожности движется по открытому пространству. Может, они считали, что настоящее сражение идет в Западном лесу, где какофония снарядов и винтовок была самой громкой, но скоро янки узнают, что оборонительная линия мятежников на пастбище состоит не из одних мертвецов.

— Встать! — раздался голос среди выживших солдат из Джорджии.

— Встать! — подхватил крик Старбак, услышав, как эхом откликнулся Свинерд.

— Пли! — крикнул Старбак, и по обе стороны от него ободранные остатки шеренги мятежников встали среди окровавленных мертвецов, похожие на пугало на поле, и обрушили залп на тесный строй янки. Первый ряд атакующих рухнул, а потом остатки снёс снаряд, как врезавшийся в кегли шар.

Старбак забил в ствол пулю, протолкнув ее шомполом, выстрелил и перезарядил. Янки рассеялись, по-крабьи разбежавшись по кукурузному полю, чтобы ответить на огонь мятежников. За ними двигались новые синемундирники. Боже, подумал Старбак, неужели ублюдкам не будет конца? Шеренга мятежников разбилась на группы, поскольку солдаты инстинктивно держались вместе, но потом, когда стрельба янки стала жаркой, снова легли, чтобы сражаться, спрятавшись за мертвецами. Лежащие солдаты стреляли медленнее, чем стоя, и ослабление огня со стороны мятежников убедило офицеров северян приказать своим людям идти в атаку, но она тут же споткнулась, когда пушки мятежников открыли огонь шрапнелью — металлическими снарядами, которые взрывались в воздухе, рассыпаясь дождем ружейных пуль — и этот смертоносный ливень заставил янки залечь. Рота Траслоу стреляла по открытому флангу янки — свидетельство того, что северяне атакуют вдоль Восточного леса, но затем Старбак увидел, как по пастбищу зигзагами бежит Боб Декер, пригибаясь и явно кого-то высматривая.

— Боб! — крикнул Старбак, чтобы привлечь его внимание.

Декер побежал к Старбаку и упал рядом с ним.

— Я ищу Свинерда, сэр.

— Бог его знает, — Старбак приподнялся, чтобы выглянуть из-за скрывавшего его тела, и увидел, как знаменосец янки рухнул на колени в кукурузе. Он выстрелил и снова пригнулся.

— Траслоу говорит, что янки за лесом, сэр, — Декер указал на восток.

Старбак выругался. По сих пор тот открытый фланг был, по счастью, чист от янки, но если атакующие и правда появились с открытого пространства к востоку, то выжившим на пастбище мятежникам никак с ними не справиться. Янки пройдут по Восточному лесу, потом по пастбищу, а те северяне, что залегли на кукурузном поле, присоединятся к атаке.

— Найди Свинерда, — приказал он Декеру, — и скажи ему, что я пошел посмотреть.

Он побежал на восток. Мимо свистели пули, но стелившийся дым мешал янки прицелиться. Старбак увидел Поттера и крикнул ему, чтобы привел свою роту, а вскоре уже был в лесу. Он перепрыгнул через только что упавшую ветку, обогнул два трупа солдат Конфедерации и побежал вперед, пока не добрался до смоктаунской дороги. Там он остановился, пытаясь понять, удерживают ли еще лес за ней янки, но не заметил никакого движения, пересек проселочную дорогу и устремился дальше в лес. Раненый янки просил воды, но Старбак не обратил на него внимания. Он направился к краю леса, мимо выщербленных и расщепленных пулями стволов.

Старбак скрылся в тени на краю леса. К востоку, где местность понижалась к реке, он

ничего не заметил, но на севере, где из-за деревьев выходила смоктаунская дорога, исчезая за аккуратно вспаханным холмом, были янки. Еще одна чертова орда янки. Они находились через два широких поля и пока не двигались. Старбак различил скачущих вдоль строя офицеров и свисающие в неподвижном воздухе знамена, он понял, что северяне готовятся к атаке. Между ними и центром позиции Ли остались только две съёжившиеся роты застрельщиков.

— Сегодня Господь нас испытывает, — сказал Свинерд при виде Старбака. Полковник присел на колено рядом с ним, рассматривая ожидающих янки. Поттер находился за его спиной с дюжиной солдат — остатками своей роты.

Старбак ощутил облегчение от того, что появился Свинерд.

— Что будем делать, сэр?

— Молиться? — пожал плечами тот. — Если переместим людей сюда, то откроем кукурузное поле, если оставим их там, то откроем эту дверь.

— Значит, будем молиться, — мрачно отозвался Старбак

— И пошлем за подкреплением, — добавил Свинерд. — Оставьте кого-нибудь за ними наблюдать, Нат, и дайте мне знать, когда они выдвинутся, — и он побежал через лес.

Старбак оставил сержанта Ротвела наблюдать за янки и повел Поттера с его людьми обратно через смоктаунскую дорогу в краю Восточного леса, откуда Траслоу обстреливал фланг северян на кукурузном поле.

— Чем занимаются сучьи дети? — спросил Траслоу, имея в виду тех янки, которые собрались на смоктаунской дороге.

— Строятся и слушают напутствия.

— Будем надеяться, что длинные, — Траслоу оторвал штанину с поврежденной ноги и перевязал рану бинтом, нарезанном из сорочки мертвеца. Он сплюнул струю табака, поднял винтовку и выстрелил. Траслоу целился в пушку, которая еще стояла на пригорке в кукурузном поле, чтобы канониры держались в укрытии и не могли поливать картечью ряды мятежников. Он перезарядил, выбрал мишень и повернулся направо прежде чем спустить курок. Там среди деревьев послышались выстрелы, и Траслоу крикнул солдатам, чтобы отходили. Через лес снова приближались янки.

Старбак увидел сквозь посеченную листву флаг. Он выстрелил в знаменосца и отступил вместе с ротой Траслоу.

— Ротвел! — крикнул он в лес, зная, что его не услышат, но понимая, что должен предупредить сержанта. — Ротвел! — он не хотел, чтобы сержант оказался отрезан в лесу, и пытался решить, нужно ли за ним сбегать.

Но потом на дальнем краю кукурузного поля разразился ад.

Генерал Макклелан промокнул губы салфеткой и стряхнул хлебные крошки с коленей. Он знал, что на него смотрят гражданские и сохранял суровое выражение лица, чтобы никто из зрителей не догадался о снедающей его тревоге.

Он рисковал попасть в ловушку. Макклелан нутром это чуял, хотя и не знал, какую форму может принять эта западня. Он был уверен, что армия Ли превосходит его войска по численности, Ли сражается в обороне, а это значит, что враг скрывает свои намерения. Где-то в полях готовилась к атаке большая группа мятежников, и Макклелан решил не допустить,

чтобы его застали врасплох. Он будет держать людей в резерве, чтобы противостоять этой атаке. Он разочарует Ли и сохранит армию.

— Сэр? — у кресла Макклелана склонился адъютант. — Дэниел Уэбстер в беде, сэр.

— В беде? — удивился Макклелан. Дэниелом Уэбстером звали его коня.

— Штатские, сэр, выщипывают волосы из его хвоста на сувениры. Попросить их уйти, сэр? Вверх по холму?

— Тут ведь должна быть конюшня?

— Он на конюшне, сэр.

— Так закройте ее! — Макклелан не желал терять публику. Он предпочел бы получать удовольствие от их восхищенных взглядов. Вообще-то, снова вытянув ноги, он решил поболтать с этими людьми и заверить их, что всё будет хорошо. Не было нужды беспокоить штатских его опасениями или рассказывать им, что он послал телеграмму в Вашингтон со срочным требованием прислать в его армию всех имеющихся солдат. Конечно, эти солдаты не прибыли бы на поле битвы вовремя, чтобы успеть принять участие в сражении, но могли бы составить арьергард, который прикрывал бы отступление армии, если в результате ловкого хода Ли возникнет паника. Горячие головы в армии Макклелана, глупцы вроде полковника Торна, недоумевали, почему он не бросил людей через реку, чтобы атаковать врага с фланга, но эти глупцы не понимали, в какой опасности находится армия.

К колоннам, ожидавшим приказа переправиться через реку, присоединились новые люди. Проходя рядом с фермой Праев, одно подразделение запело "Тело Джона Брауна", и Макклелан бросил на солдат хмурый взгляд. Он ненавидел эту песню и пытался запретить ее исполнение. Макклелан был уверен, что в глупой аванюре Джона Брайна нечем восхищаться. Бога ради, ведь этот человек попытался устроить восстание рабов и полностью заслужил повешение, по мнению Макклелана. Генерал пытался не обращать внимания на мелодию, нагнувшись у подозрительной трубы, чтобы понаблюдать за войсками на противоположной стороне реки, где они строились для новой атаки в укутанном дымом лесу.

— Это корпус Мэнсфилда? — спросил он адъютанта.

— Да, сэр.

— Прикажите им выступать!

Он разрешит Мэнсфилду атаковать и посмотрит, как пойдет дело. При наилучшем исходе они оттеснят людей Ли, а в худшем вызовут страшный ответный удар. Макклелан чуть не взмолился, чтобы этот ответный удар наконец-то случился, потому что тогда, по крайней мере, его страхи обретут твердую форму, и он узнает, с чем придется иметь дело. Но пока он атакует с севера и будет готов к тому ужасу, который наверняка его ожидает.

В трех милях, в рощице неподалеку от Шарпсберга, Роберт Ли уставился на карту. Он не изучал ее, вообще-то он едва ли понимал, на что смотрит. Бельведер Дилейни находился среди топчущихся рядом адъютантов. Дилейни нравился генералу, и Ли пригласил адвоката составить ему компанию. Хорошо иметь под рукой кого-то не столь почтительного, кто может развеселить вместо того, чтобы давать советы.

С возвышенности к северу от городка раздалось крещендо стрельбы. Ли знал, что через мгновение пороховой дым лавиной надвинется на небосклон, отметив то место, где так внезапно началась схватка.

— Вот оно, — тихо произнес он.

— Что? — спросил Дилейни.

— Люди Худа, Дилейни, практически последний наш резерв. Честно говоря, не могу даже назвать их резервом, — Ли безжалостно оголил войска на южном фланге сражения, чтобы защитить северный периметр, так что теперь позади тонкой полоски войск на краю реки у него не было ничего, чтобы противостоять фланговой атаке с юга.

— И что мы будем делать? — спросил Дилейни.

— Доверимся Макклелану, конечно же, — улыбнулся Ли, — и будем молиться, что Эмброуз Хилл прибудет вовремя.

Легкая дивизия выступила так, как никогда до сих пор. Она еще находилась к югу от Потوماка и далеко от брода в Шепердстауне, но нескончаемый грохот огромных орудий был тем призывом, который заставлял их двигаться. Вдоль колонны скакали штабные офицеры, подгоняя солдат. Обычно войскам на марше каждый час давали десять минут отдыха, но не сегодня. Сегодня не могло быть и речи об отдыхе, нужно было идти. От сухой дороги поднималась пыль, забивая глотки солдатам, некоторые хромали на босых кровоточащих ногах, но никто не отстал. Если кто-то падал, то как мертвый, в полном истощении, но большинство мрачно продолжали идти. У них не осталось дыхания, чтобы петть, даже чтобы разговаривать, сил хватало только чтобы идти, идти и идти. Туда, где звучали пушки и становились всё выше завалы из мертвецов.

Глава тринадцатая

Дивизия генерала Худа вырвалась из Восточного леса, ударив по флангу наступающих янки как приливная волна. Большинство солдат Худа были техасцами, но в его распоряжении имелись и батальоны из Алабамы, Джорджии, Миссисипи и Северной Каролины, все ветераны. Они намертво остановили продвижение янки по главной дороге и, выстроившись цепью на лугу, развернулись в сторону кукурузного поля на севере. Одного залпа оказалось достаточно, чтобы скосить ряды наступающих по кукурузному полю янки, а потом техасцы рванулись вперед с примкнутыми штыками, выкрикивая боевой клич мятежников. Небольшие группы янки оказали сопротивление и были уничтожены, но большинство обратилось в бегство. Атака северян выдохлась, контратака мятежников разрасталась, и оставшиеся в живых защитники старой оборонительной линии — побитые, истекающие кровью солдаты из Луизианы, Джорджии и Виргинии — устремились вперед вместе с солдатами Худа.

У Северного леса в бой вступила артиллерия янки. Она не могла пустить в ход картечь, поскольку местность была усеяна ранеными северянами, так что канониры укоротили запалы разрывных снарядов насколько осмелились и открыли огонь. Снаряды рвались на кукурузном поле, разбрасывая людей и добавляя новые клубы дыма к похожей на облако завесе над побитой кукурузой. Звук канонады достиг новой и ужасающей силы. Артиллеристы северян лихорадочно работали, стреляя из некоторых пушек "дуплетом", выбрасывая пару снарядов, которые разрывались спустя мгновение после выстрела. Орудиям у главной дороги не мешали раненые, и они обрушили свою картечь на продвигавшихся по дороге техасцев. Один из набитых пулями цилиндров прошел сорок футов изгороди и осыпал своими осколками роту мятежников. Из Северного леса появилась пехота северян, добавив залпового огня, и всё это время пушки мятежников забрасывали снаряды с длинными запалами над знаменами дивизии Худа, беспокоя артиллеристов северян.

У северной кромки кукурузного поля упорно сопротивлялись артиллеристы янки. Они пытались продолжить сражение, но находились в радиусе стрельбы техасских застрельщиков, и одно за другим орудия были брошены. Конфедераты еще рвались вперед, оставляя на кукурузном поле груды убитых и умирающих, пробиваясь сквозь ярость пуль и снарядов, словно могли отбросить янки за Хейгерстаун. Некоторые из офицеров пытались сдержать своих людей, зная, что продвинулись слишком далеко, но в шторме стали и свинца невозможно было расслышать ничей голос. Сражение превратилось в уличную драку, ярость против ярости, солдаты умирали на превратившемся в царство смерти кукурузном поле.

Полк миссисипцев преследовал разбитых янки до северной кромки переломанной кукурузы в уверенности, что добыет разбежавшиеся войска, но у изгороди поджидала пенсильванская пехота. Стрелки в синих мундирах залегли, положив дула ружей на нижний ярус изгороди. Стоящий человек ничего не смог бы рассмотреть в дыму, но на уровне земли поджидавшая пехота могла увидеть ноги атакующих.

Они выжидали. Ждали, пока мятежники не окажутся в тридцати шагах, и дали залп, прошивший ряды солдат Худа и одним резким ударом заставил мятежников замолчать. На один лишь миг, одно мгновение полного оцепенения, на поле битвы воцарилась тишина,

словно над головами пронеслись крылья ангелов смерти, но затем ее нарушил скрежет шомполов в стволах, когда пенсильванцы поднялись, чтобы перезарядить оружие, а пушки северян с грохотом отскочили назад на лафетах, добавив еще больше крови к резне на кукурузном поле. Передние ряды конфедератов превратились в хаос извивающихся тел, крови и стонов. Солдат подхватил павший флаг Миссисипи и был застрелен. Второй солдат схватил знамя за бахрому и потащил его назад через кукурузу, когда пенсильванцы дали второй залп, с ужасающей силой вгрызшийся в плоть. Знамя опять пало, пробитое пулями. Третий солдат схватил флаг и высоко его поднял, а потом стал отходить от обстрела, пока не повалился наземь, с пулями в животе, паху и груди. Четвертый водрузил знамя на штык и отнес его назад, где остатки батальона наспех сформировали шеренгу, отвечая на выстрелы пенсильванцев. Пространство между двумя шеренгами выглядело шевелящейся массой грязи, вздымающимся и ползущим клубком гигантских слизней, которые безуспешно пытались найти укрытие. Это были раненые, отбрасывавшие в сторону мертвецов в попытке воссоединиться со своими соратниками по оружию.

Правый фланг атаки Худа ворвался в Восточный лес. Там, под защитой расщепленных пушками северян деревьев, тexasцы налетели на янки, которые продвигались на юг. Люди сражались на расстоянии плевка. Время от времени обе стороны обменивались выстрелами, не желая отступать, но в то же время не в силах и продвинуться вперед, но постепенно мятежники взяли вверх, когда из долины подтянулись новые солдаты. Янки отступили, и это отступление подстегнула штыковая атака мятежников.

Старбак и его солдаты изнывали от усталости, ушибов, ран и жажды, но сражались в лесу с отчаянием людей, верящих, что одно последнее усилие избавит от врагов. Снова и снова янки наступали, и раз за разом их отбрасывали назад, и на сей раз оказалось, что лес можно полностью от них очистить. Одна группа северян превратила штабель дров в небольшой редут. Дула их винтовок выбрасывали над поленницей длинные языки пламени. Старбак стрелял из револьвера с убийственно близкого расстояния, и янки неожиданно оставили поленницу, когда стремительная атака вопящих тexasцев ударила по ним справа. Небольшая черная собачонка осталась рядом со своим мертвым хозяином, бегая туда и сюда и жалобно лая на пробегающих мятежников. Старбак снял с плеча винтовку, остановился, чтобы ее перезарядить, и побежал в гущу сражения. Он подошел к извивающейся по лесу дороге и пригнулся на обочине, наблюдая, как янки бросились в стороны, спасаясь от атаки. Он выстрелил, увидел, как янки растянулся на растущей посреди дороги траве, и пересек проселочную дорогу. Сражение, похоже, начало затихать, когда янки устремились из леса, и, присев на небольшом выступе известняка, Старбак кропотливо перезарядил револьвер.

Через дорогу перебежал Люцифер, ведя на самодельном поводке из двух винтовочных ремней черную собачонку.

— Тебе не следует здесь находиться, — сказал Старбак, освободив для паренька место за выступом.

— Всегда хотел иметь собаку, — гордо произнес Люцифер. — Надо подобрать ему кличку.

— В лесу еще остались янки, — сказал Старбак, рычажком забивая заряд в ячейки револьвера.

— Одного я подстрелил, — заявил Люцифер.

— Чертов ты дурак, — ласково пожурил его Старбак. — Они сражаются за твою свободу.

Он забил заряд в последнюю ячейку и перевернул револьвер, чтобы насадить капсули.

— Я бы и больше пристрелил, — продолжил Люцифер, — только оружие дало сбой, — он протянул Старбаку свой револьвер. Спусковой крючок едва держался.

— Ему нужна новая боевая пружина, — заключил Старбак, вернув оружие, — но тебе не следует сражаться. Черт, да эти ублюдки пытаются освободить тебя, а ты убиваешь бедных сучьих детей.

Люцифер не ответил. Он нахмурившись посмотрел на свое оружие и дернул спусковой крючок в надежде, что приведет в действие хоть какую-то часть механизма. Собачонка поскуливала, и он ее приласкал. Это был недавно отнятый от матери щенок с жесткой темной шерстью, приплюснутым носом и обрубленным хвостом.

— Эти сволочи тебя убьют, — предупредил его Старбак. — Вместе с твоей собакой.

— Значит, я умру, — дерзко ответил Люцифер. — И на небесах мы будем вашими хозяевами а вы — нашими рабами.

Старбак ослабился.

— Я не рассчитываю увидеть небеса.

— Но, может, ваш ад — это наш рай, — довольно заключил Люцифер. — Бес, — добавил он.

— Бес? — Удивился Старбак, — Бес дьявола?

— Щенок! Я назову его Бесом, — удовлетворенно пояснил Люцифер, потрепав Беса за уши. — Надо достать тебе мяса, Бес.

Обрубок хвоста неожиданно завилял, когда собака лизнула лицо Люциферу.

— Всегда хотел собаку, — повторил Люцифер.

— Тогда позаботься о нем, — сказал Старбак, — и о себе тоже.

— Меня не убить, — уверенно заявил Люцифер.

— Каждый из лежащих здесь трупов думал так же, — с ухмылкой заметил Старбак.

Люцифер покачал головой.

— Не убить, — настаивал он. — Я съел могилу янки.

— Что ты сделал?

— Я нашел могилу мертвого янки, — признался Люцифер, — и ждал до полуночи, а потом съел щепотку земли с могилы. Никому из янки теперь меня не убить. Этому меня научила мать.

В последних словах Старбаку послышалось нечто трогательное.

— Где твоя мать, Люцифер?

Мальчик пожал плечами.

— Она жива, — неохотно ответил он.

— Где она?

Мальчик мотнул головой и снова пожал плечами.

— Она жива, — он дергал за бесполезный крючок. — Но меня продали. Решили, что я чего-то да стою, — он дотронулся до своей кожи. — Я не сосем черный. Если бы я был действительно черным, меня ни за что бы не продали, но они думали, я смогу стать домашним рабом, — он пожал плечами. — Я сбежал.

— Так где твоя мать? — настаивал Старбак.

— Черт, ее уже наверняка продали. Хозяин никогда не оставлял тех негрятенок, с которыми спал. Я не знаю, где она, — последние слова он произнес злобно, словно подчеркивая, что не желает больше говорить на эту тему.

— И твоя мать обучила тебя колдовству? — спросил Старбак.

— Это не колдовство, — возразил всё еще сердитый Люцифер. — Это способ остаться в живых. И он не для вас.

— Потому что я белый?

— Элис Уиттакер, — неожиданно сказал Люцифер, не глядя на Старбака. — Так ее зовут. Разве он не прелестный щенок?

— Прелестный, — согласился Старбак. Он размышлял, стоит ли продолжить расспросы, но подозревал, что Люцифер и так выложил больше, чем хотел. Старбак нагнулся и погладил Беса, который лизнул в ответ. — Замечательный, — повторил он, — как и ты, — Старбак вложил в кобуру заряженный револьвер и встал. В лесу еще слышалась периодическая стрельба, но он хотел посмотреть, что случилось с шеренгой войск, ожидавшей на смоктаунской дороге, и, велев Люциферу оставаться на месте, он начал осторожно пробираться среди деревьев. Нат ожидал увидеть удирающих янки, но эта часть леса оказалась почти пустой. Два мятежника прохромали мимо него к хирургам, а мертвый пенсильванский Олений хвост лежал, прислонившись к дереву, с застывшей на лице маской удивления, но в остальном лес был пуст.

Сержант Ротвел лежал у кромки леса, в том месте, где его оставил Старбак. На его спине расплылась кровь, и Старбака поначалу решил, что он умер, но потом увидел, как пошевелилась рука. Старбак подбежал к сержанту и осторожно перевернул его. Ротвел застонал. Его зубы стучали, лицо пожелтело, глаза были закрыты, а грудь в крови.

— Ротвел! — окликнул его Старбак.

— В спину, — сумел выговорить Ротвел, а затем он напрягся, и его тело содрогнулось в судороге. Из его рта снова вырвался вопль. — В спину, — повторил он, — но я не показывал спины. Мне нечего скрывать пред лицом Бога. Я не поворачивался спиной к врагу, — он отчаянно отрицал, что его рана выдавала малодушие. — О Иисусе, Боже правый, Иисусе, — простонал он. Он плакал от боли. — Боже, Иисусе.

— С тобой будет все в порядке, — утешил его Старбак.

Ротвел схватил Старбака за руку и с силой ее сжал. Его дыхание стало прерывистым, зубы опять застучали.

— Меня пристрелили, — сказал он.

— Я отнесу тебя к доктору. — Старбак оглянулся в поисках помощи. Примерно дюжина мятежников бежала по лесу на север, но оглушительные звуки сражения в кукурузном поле поглотили крики Старбака. Солдаты пробежали мимо.

— В спину, — прошептал Ротвел и внезапно вскрикнул, когда его тело пронзила боль. Крик перешел в жалобный стон. Он жадно глотал воздух, дыхание стало прерывистым. — Бекки, — простонал он, и слезы полились по покрытому грязью и потом лицу, — бедняжка Бекки.

— С Бекки всё будет хорошо, — бессильно проговорил Старбак, — как и с тобой, — свободной рукой он смахнул слезы.

Тело Ротвела свела судорога, а по его лицу полились слезы.

— Больно, — сказал он, — больно. — Он был крепким мужчиной, но теперь рыдал как дитя, каждый вздох давался ему всё трудней. — О, Бекки, — напоследок пробормотал он таким слабым голосом, что Старбак едва его расслышал. Ротвел еще был жив, его пальцы сжимали руку Старбака. — Помолитесь, — попросил он и опять застонал.

Старбак начал "Отче наш", но прежде чем дошел до слов "Наступит царствие Твое",

сержант умер. Его живот задрожал от судороги, и внезапно изо рта хлынула кровь, стекая по обеим щекам. Он дернул головой и медленно завалился назад.

Старбак выпустил пальцы мертвеца. Его трясло, он был потрясен ужасным концом Ротвела, и когда Нат поднял голову, чтобы посмотреть на поля, где выстроились янки, то не смог ничего разглядеть из-за стоявших в глазах слез. Он вытер слезы и увидел, что янки еще ожидают с дальнего края двух больших полей. Другие северяне отступали к этим войскам под пулями мятежников. Сейчас Восточный лес очистили от янки, но только не кукурузное поле, потому что Старбак по-прежнему слышал ожесточенную трескотню винтовок и грохот артиллерии у дальней кромки леса.

Он поднялся и закинул винтовку за плечо. Настало время разобраться с беспорядком, найти выживших из батальона и доложить Свинерду. Он пошел через лес, обратно к смоктаунской дороге. Перед ним пошатываясь и со стонами появился янки — оглушенный, с кровавой маской на лице, сквозь которую белели глаза с застывшим в них ужасом. Двух пленников подгонял острием штыка небольшого роста солдат с щетинистой бородой и гладкоствольным ружьем. С пояса мятежника свисали две белки, убитые осколками снаряда.

— Ужин! — весело крикнул он Старбаку, вновь погнав своих пленников вперед. Там, где шли самые ожесточенные схватки, грудями лежали раненые и убитые, и везде висела похожая на осенний туман дымовая завеса. С деревьев разрывами снарядов сорвало столько листвы, что земля между стволами зеленела, как газон в парке. После печальной смерти Ротвела Старбака неожиданно охватила усталость и отчаяние, и он прислонился к исцарапанному пулями стволу. Пот капельками струился по его лицу.

Он рылся в ранце, надеясь найти среди множества оставшихся патронов сигару, когда среди дальних деревьев показалась знакомая фигура. В поле зрения находилось много мятежников, большинство обыскивали мертвых в надежде на добычу и боеприпасы, но было нечто особенно подозрительное в этой тучной фигуре, с тщательной осторожностью пробиравшейся среди деревьев, которая неожиданно что-то заметила и метнулась в сторону, присев на колени.

Тамлин. Чертов Тамлин. Старбак оттолкнулся от дерева и последовал за здоровяком. Тамлин в очередной оглянулся по сторонам, но не увидел ничего тревожного. Он сдирал с трупа янки синий китель, и так увлекся стягиванием рукавов со скрюченных рук мертвеца, что не замечал приближения Старбака, пока теплое дуло винтовки не уткнулось ему в затылок. Тогда он встревоженно вскочил.

— Так и тянет на мундиры, Билли? — спросил Старбак.

— Мундиры? — пролепетал Блайз, отпрянув назад, к стволу вяза.

— Сегодня на вас новый китель. Не так мал, как прежний, — Старбак закинул на плечо винтовку и потрогал кровавое пятно на груди Тамлина. — Подстрелили, да, Билли?

— Ничего серьезного, — ответил Блайз. Он утер пот с лица, ухмыльнувшись Старбаку.

Старбак не ответил на улыбку.

— Так где же вас носило, Билли?

Тамлин пожал плечами.

— Наведался к доктору, — заявил он.

— Он вас подлатал?

— Вроде того.

Старбак хмуро посмотрел на кровавое пятно на сером кителе.

— Жутко выглядит, Билли. Просто кошмарно. От такого попадания в грудь можно и

помереть.

Блайз выжал из себя, как он надеялся, бравую улыбку.

— Я пережил.

— Вы уверены? — спросил Старбак и ткнул пальцем в кровавую прореху, достаточно сильно, чтобы прижать здоровяка к стволу дерева. Блайз моргнул от удара, но не повел себя как человек, которого стукнули по свежей ране. — Я слышал, вы прятались на кладбище, Билли, — сказал Старбак.

— Нет, — неубедительно протянул Блайз.

— Ублюдок, — вскричал Старбак, охваченный приступом гнева, — трусливый кусок дерьма, — он вновь ударил Тамлина по кровавой прорехе, и в этот раз тот даже не вздрогнул. — Это не рана, Билли. Это даже не ваш китель.

Блайз промолчал, и Старбак почувствовал острый приступ ненависти к человеку, не исполняющему свой долг.

— На Джоне Брауне был сюртук, когда его вешали? — спросил он.

Блайз облизнул губы и огляделся по сторонам, но пути к отступлению не было.

— На Джоне Брауне? — смешался он.

— Вы видели, как его вешали, так ведь?

— Конечно, видел, — подтвердил Блайз.

— С вашей шляхой, да? Она выглянула из окна, а вы над ней, так?

Блайз нервно кивнул.

— Вроде того.

— Так расскажите мне об этом, Билли, — потребовал Старбак.

Блайз вновь облизнул пересохшие губы. Он гадал, не сошел ли Старбак с ума, но решил, что стоит уступить глупцу с таким напряженным и мрачным выражением лица. — Я же говорил, — ответил Блайз, — мы видели, как его вздернули перед отелем Вейджера.

— В Харперс-Ферри? — спросил Старбак.

Блайз кивнул.

— Видел своими глазами, — он вздрогнул, когда над головой сквозь ветви с треском пролетел снаряд и разорвался где-то вдалеке. Сверху посыпались обрывки листьев.

Старбак не дрогнул, когда над головой просвистел снаряд.

— Джона Брауна повесили в Чарльзтауне, — сказал он, — а это на приличном расстоянии от отеля Вейджера, Билли, — он выхватил револьвер. — Какую еще ложь вы наплели, Билли?

Блайз промолчал, мельком взглянув на револьвер.

Старбак отвел курок.

— Снимайте китель, Билли.

— Я...

— Снимайте! — рявкнул Старбак, приставив дуло револьвера к пухлой щеке Блайза.

Блайз торопливо отстегнул ремень, бросил его и снял позаимствованный китель. На его сорочке было лишь небольшое пятнышко крови, просочившейся сквозь подкладку.

— Бросайте китель, Билли, — приказал Старбак, наведя мушку револьвера Адамса на пухлое тело. — Вы не достойны его носить. Вы не мужчина, Билли Тамлин, вы трус. Бросайте китель.

Блайз бросил мундир, и Старбак отвел револьвер, опустив курок на предохранительный взвод. Блайз облегченно вздохнул, но Старбак тут же смазал Блайза по физиономии тяжелым

стволом револьвера, разбив тому правую скулу.

— Вот теперь вы и в самом деле ранены, Билли, — ухмыльнулся Старбак. — А теперь проваливайте с глаз долой. Проваливайте!

Блайз наклонился, чтобы подобрать револьвер, но Старбак наступил на ремень.

— Безоружным? — спросил Блайз.

— Убирайся! — заорал Старбак и смотрел, как здоровяк уходил, спотыкаясь.

Старбак подобрал револьвер и пошел в обратном направлении.

— Люцифер! — он увидел, как мальчишка ведет свою новую собаку. — Вот! Твой новый револьвер, — он передал мальчику пояс Тамлина. — А теперь дуй отсюда, пока тебя янки не пристрелили.

Старбак заметил Траслоу, призывавшего солдат прекратить грабить мертвецов и подтянуться к кромке леса, а потом услышал нечто похуже. Бой барабанов и крики. Он повернулся и побежал назад, к тому месту, где лежало тело Ротвела. И выругался.

Потому что янки опять наступали.

Билли Блайз всхлипывал, прокладывая путь на север среди деревьев. Он хныкал не из-за пореза на лице, а из-за стыда, потому что Старбак его унижил. Он представлял себе изошренные способы мести, но сперва нужно было пережить ужас сражения и вернуться в родные пенаты, на Север.

Он нашел тело, с которого снимал мундир, и убедившись, что Старбака поблизости нет, стащил китель. Он поискал револьвер, но тот пропал. Выругавшись, Блайз подобрал лежащий около вяза серый китель. Прижав его к телу, Блайз дотронулся до кармана панталон, убедившись, что его драгоценный патент офицера Соединенных Штатов в целости и сохранности, и продолжил путь на север. Мимо пробежали солдаты, направлявшиеся к восточной кромке леса, где он наполнился новыми звуками винтовочных залпов. Солдаты не обращали внимания на Билли Блайза, принимая его за очередного раненого.

Он зашел так далеко на север, насколько осмелился, где обнаружил искомое. Блайз нашел штабель дров, а за ним три тела янки, еще теплые, и все мертвы. Блайз нагнулся, скинул серый мундир и нацепил синий, а затем скорчился рядом с поленницей и навалил трупы сверху. Он знал, что янки вновь атакуют, и на сей раз, как он решил, мятежникам не выстоять. Блайз полагал, что сражение меняет курс и настало время измениться и ему. Снаряд с треском пролетел в деревьях над головой, заставив Блайза вздрогнуть, но в конце концов он глубоко зарылся в опавшую листву возле поленницы, сверху его защищали теплые тела. Блайз лежал неподвижно, чувствуя, как кровь мертвеца растекается по его спине. Он хотел бы отплатить Старбаку за удар по лицу, но полагал, что тот не доживет до расплаты. Блайз надеялся, что смерть Старбака будет мучительной, и эта мысль утешала его, пока он ждал спасения под телами мертвецов.

Билли Блайз выжил.

Бельведер Дилейни старался быть полезным. Ли отбыл на господствующие высоты, но не пригласил Дилейни сопровождать его, и адвокат отправился на поиски своего слуги

Джорджа, подумывая, что настало время им двоим приготовиться к тактичному отступлению. Дилейни нашел Джорджа, таскавшим бадьи с водой для раненых, которые ожидали хирургов в саду, в доме с северной стороны деревни.

Этим людям посчастливилось попасть в число раненых, которых забрали с поля битвы в сравнительный покой в тыл мятежников. Большинство стало жертвами снарядов янки, так как солдаты с пулевыми ранениями слишком продвинулись вперед, чтобы их могли отвезти назад немногочисленные санитарные повозки, и тем солдатам придется страдать весь день не сходя с места, а эти получают лучший уход, который могла предоставить армия конфедератов. Тяжело раненые и вовсе не получают ухода, потому что усилия хирургов приберегались для тех, у кого оставались шансы на выживание. Оставалось совсем мало эфира, и лишь немногие счастливики получили анестезию, прежде чем пилы и ножи отхватывали сломанные ноги, большинству давали лишь глоток бренди, кожаный кляп, чтобы вцепиться зубами, и наказывали вести себя молодцом, не шуметь и не дрыгаться. Санитары прижимали их к столу, пока хирург в пропитанном кровью переднике вгрызался в истерзанную плоть.

Первым побуждением Дилейни было скрыться от этого ужаса, но затем неодолимый порыв жалости принудил остаться. Он разносил солдатам чашки с водой и придерживал головы, пока они пили. Один солдат забился в агонии и укусил край чашки так сильно, что фарфор вдребезги разлетелся. Дилейни держал за руку другого, пока тот умирал, вытирал пот со лба офицера с забинтованными глазами, который больше никогда не сможет видеть. Раненым помогали шесть или семь женщин из деревни, и одна из них, передвигаясь по саду среди крови, блевотины и зловония, вызывающе носила небольшой звездно-полосатый флажок янки, приколотый к переднику. Джордж сидел на корточках рядом с сержантом из Южной Каролины и пытался остановить кровь, толчками выходящую из наспех перебинтованной раны на поясе. Солдат умирал и требовал заверений, что сражение, а вместе с ним и война будут выиграны, и Джордж бесконечно повторял в утешение, что мятежники наступают, и победа неминуема.

— Хвала Господу, — произнес сержант и умер.

Один солдат попросил Дилейни разыскать дагерротип своей жены на дне патронташа. Дилейни высыпал патроны, и под ними лежал драгоценный прямоугольник из меди, обернутый в кусок ситца. У женщины была тяжелая челюсть и мрачное выражение глаз, но лишь один взгляд на ее лицо принес умирающему умиротворение.

— Вы напишете ей, сэр? — спросил он Дилейни.

— Напишу.

— Доркас Бриджес, — сказал солдат, — Дерборн-стрит в Мобиле. Скажите, что я никогда не переставал ее любить. Вы запишете это, сэр?

— Вы поправитесь, — пытался приободрить его Дилейни.

— Со мной все будет отлично, сэр. Прежде чем закончится этот день, сэр, я буду со своим Господином и Спасителем, но Доркас, теперь ей придется управляться без меня. Вы напишете ей, сэр?

— Напишу, — у Дилейни с собой был огрызок карандаша, и он тщательно записал адрес Доркас на обрывке газеты.

Дилейни собрал дюжину других имен и адресов и пообещал всем им написать. Он и напишет, и в каждом письме будет говориться об одном: что их мужья или сыновья умерли спокойно и смертью храбрых. Вот только правда заключалась в том, что все они умерли в

страшных мучениях. Счастливицы потеряли сознание, а тех, кому не посчастливилось, боль терзала до последнего вдоха. В задней части дома, где находился огород, росла груда ампутированных конечностей. Ребенок, держа палец во рту, смотрел на нее, вытаращив глаза.

А в это время на возвышенности не переставая громыхали орудия.

Старбак обнаружил остатки роты Поттера, чудесным образом еще державшиеся вместе. Они находились неподалеку от тела Ротвела, выстроившись цепью на краю Восточного леса и стреляя по марширующим на юг янки. В шеренге мятежников стояла пестрая компания оборванцев. Тут были солдаты из Джорджии, Техаса, Виргинии, Алабамы, и почти все потеряли связь со своими офицерами и просто присоединились к ближайшей шеренге мятежников, продолжая сражаться. Звуки в лесу оглушали. Янки подтянули свежие орудия, которые лупили картечью по лесу, тут были и застрельщики северян, прятавшиеся на вспаханных полях за выходами известняка, и всё это время сражение на кукурузном поле набирало свою прежнюю ярость.

Янки наступали, построив роты колоннами и превратив себя в заманчивую мишень для стрелков мятежников.

— Вот бы нам пушку, — прокричал Поттер Старбаку и спустил курок. Траслоу мрачно и неторопливо стрелял, каждая пуля влетала в кучу синих мундиров, упорно идущую вперед, хотя чем больше приближалась атака, тем больше неразберихи возникало в ее передних рядах. Среди деревьев появился полковник Мейтленд, с пьяными воплями размахивая саблей, призывая убивать свиней. С юга через лес прибежал Свинерд и встал на колени рядом со Старбаком у опушки. Он подождал, пока Старбак выстрелит.

— Они опять в лесу, — прокричал Свинерд, указывая на север.

— Сколько их?

— Тысячи!

— Дерьмо, — выругался Старбака и засыпал в ствол порох, сплюнул пулю, схватил шомпол и яростно загнал его в ствол. Его правая рука устала, и плечо нестерпимо ныло от отдачи винтовки. — Кто их сдерживает? — спросил он Свинерда.

— Никто.

— Хрень Господня, — опять чертыхнулся Старбак. Он подождал, пока рассеялся дым, и прямо перед собой увидел верхом на лошади офицера янки. У него была седая борода и вышитый позументом мундир, и он отчаянно кричал на шагавших северян, шарахавшихся от стрельбы из леса. Старбак задумался, а не генерал ли это, и прицелился в заманчивую мишень. По крайней мере с дюжину мятежников заметили офицера, раздался треск выстрелов, а когда пороховой дым рассеялся, осталась лишь лошадь без всадника.

Стрельба на кукурузном поле достигла нового пика. Свинерд похлопал Старбака по плечу.

— Оглянитесь, что творится, Нат. Я не хочу, чтобы нас тут окружили.

Старбак побежал через лес. Над ним жужжали пули и со свистом прошивала листья картечь, вызывая непрерывный ливень листвы. В глубине леса было пусто, никого кроме мертвых и раненых, но ближе к западной кромке опять появились мятежники. Они стреляли по единственному полку янки, похоже, ринувшемуся в одиночную атаку через побитое

кукурузное поле. Янки выглядели сбитыми с толку и брошенными, так как другие батальоны не поддержали их наступление, и теперь, окруженные мятежниками, они сбились в плотную кучу, которая напрашивалась на суровое наказание со стороны мятежников. Один из синемундирников размахивал знаменем Нью-Йорка, пытаясь ободрить своих собратьев, но затем прямо над флагом с треском разлетелась в дыму шрапнель, и знамя тут же упало. Янки начали отступать, и воодушевленные небольшой победой конфедераты опять рванули вперед, к кукурузному полю. Старбаку показалось, что каждый мятежник в Мэриленде перешел в наступление в одной последней и отчаянной попытке удержать позицию. Солдаты выбегали из Восточного леса, вливаясь в шеренгу, которая грузно мчалась к кукурузному полю. Там был капитан Пил вместе выжившими из батальона Старбака, и Нат побежал к ним. Земля на кукурузном поле покрылась буграми из-за побитой кукурузы и обилия пуль от картечи и шрапнели, усеявших землю. Завеса дыма на поле поднялась почти до уровня груди, как повсюду стояли лужи крови, валялись изодранные останки людей и осколки снарядов, над ними роились мухи..

Шеренги мятежников наступали по кукурузному полю, но на северном краю их остановили ряды поджидавших янки, чей сокрушительный залп обрушился на наступающих южан. Пушки выплевывали картечь, батальоны вели залповый огонь, но мятежников охватило безумие сражения, и они упрямо вели ответный огонь по янки вместо того, чтобы отступить под градом вражеского огня. Старбак сгреб в сумке последние патроны и прислушался: над головой с жутким свистом проносилась картечь, смахивая поваленную кукурузу, и глухо шлепали пули, попадая в цель. Некоторые солдаты приседали на колени, кто-то — лежал на земле, вглядываясь в сгущающийся дым.

Казалось, сражение длится бесконечно, но Старбак, пересчитывая боеприпасы, понимал, что прошла всего пара минут. Хотя сам он этого и не слышал, но охвативший его ужас вызывал из его груди жалобные стоны, похожие на причитания. По обе стороны от него падали солдаты, каждую секунду он ожидал, как его оглушит попавшая в тело пуля. Но он по-прежнему стоял на месте, заряжал и стрелял, пытаясь отсечь вопли, выстрелы и пушечные залпы, напевая неизменную мелодию. Оглушенный хаосом сражения, он действовал медленно, тщательно продумывая каждое свое движение. Сгоревший порох забивал нарезы ствола, с трудом позволяя шомполу забивать пулю. Старбак заткнул шомпол за пояс, чтобы было легче вытаскивать его, но шомпол постоянно падал в кукурузу, и, каждый раз, наклоняясь и поднимая его, Старбак хотел лечь и больше не вставать. Старбак готов был оказаться где угодно, лишь бы подальше от этого царства смерти. Он в очередной раз заряжал, когда увидел одного из своих солдат, скрючившегося на земле и с трудом дышащего. Еще один солдат с перебитой ногой на локтях пытался выползти с поля, с каждым движением оставляя позади кровавый след. Барабан янки валялся там же, простреленный пулями. Кое-где тлела кукуруза, подоженная пыжами. Офицер из Джорджии стоял на коленях, прижимая руки к паху, тяжело дыша, и уставился на кровь, стекающую на бедра. Он поднял голову и перехватил взгляд Старбака:

— Пристрели меня, — попросил он, — ради всего святого, пристрели меня, парень.

С северного края Восточного леса раздался еще один залп.

И шеренги мятежников дрогнули.

Они сражались с рассвета, но теперь, под угрозой новой атаки янки, их оборона рассыпалась. Сначала побежал один батальон, его паника передалась соседним подразделениям — и вдруг вся бригада понеслась прочь. Сперва Старбак не понял, что

вызвало панику. Он услышал мощный залп справа от себя, услышал крики и радостные вопли с лесной опушки, но упорно продолжал заряжать винтовку, пока офицер из Джорджии умолял о смерти, но неожиданно солдат неподалеку предупреждающе вскрикнул, и Старбак увидел бегущих сквозь дым янки. Он подхватил шомпол и побежал вместе с остальными. Кто-то из северян вырвался вперед, перерезав путь Старбаку. Нат выпустил шомпол и, выхватив из-за пояса револьвер, выстрелил по синим мундирам. Сержант-южанин, перехватив винтовку за ствол, опустил тяжелый приклад на голову северянина. Старбак услышал звук удара как раз в то мгновение, когда бородатый янки ринулся на него со штыком. Старбак отступил в сторону, пропустив клинок мимо, уткнул ствол револьвера в живот врага и нажал на спусковой крючок. Но оружие не выстрелило. Закричав в отчаянии, он взмахнул неуклюжей винтовкой, и ее разбитый пулей приклад обрушился янки в висок. До Старбака донеслась вонь вражеского мундира, дыхание, смешанное с запахом табаком. Его противник споткнулся, и Старбак, дав ему напоследок хорошего пинка, побежал дальше. Он спотыкался о стебли кукурузы, тела и осколки картечи. За спиной он слышал вопли радости, впереди — крики паники. В любую секунду он ожидал получить пулю и ради скорости бросил винтовку.

Атака янки докатилась до Восточного леса, и в результате еще больше мятежников присоединилось к отступлению. Пушки северян на хейгестаунской дороге подстегивали беглецов всё новыми залпами картечи. Мятежники повалили со двора сожженной фермы, оставили кладбище, они бежали к лесу на западе, таким образом оставив поле битвы за янки. То тут, то там медленно, не ломая строя и стреляя на ходу, отступали группы людей, но большая часть пехоты в сером просто бежала, замедляя бег, лишь когда осознала, что погони нет. Северяне были сбиты с толку так же, как и мятежники, и хотя некоторые подобно гончим рвались вперед, большинство остановилось на кукурузном поле, чтобы перезарядить винтовки и дать залп по быстро исчезающему противнику. Старбак заметил нескольких солдат из Легиона Фалконера и присоединился к ним. Он подобрал у убитого тегасца винтовку Спрингфилда и проверил, работает ли она. Группа Желтоногих по-прежнему была с ним, и у смоктаунской дороги он увидел Люцифера с Бесом, шагавших на запад вместе с ротой Поттера. Он присоединился к ним, потом пересек грязное месиво хейгерстаунской дороги, добравшись до леса.

Полковник Свинерд выкрикивал свое имя, пытаясь стянуть бригаду. К нему присоединилась группа солдат, в растерянности толпившаяся среди деревьев к северу от церкви данкеров. Позади них осталась полоска лугов, теперь превратившаяся в подступы к аду, поле битвы было усеяно трупами и пропиталось кровью — окутанное дымом кладбище непогребенных тел, по которому батальоны янки беспорядочно преследовали убегающих мятежников. Разрывы снарядов вспахивали луг, разбрасывая мертвецов и подгоняя последних конфедератов к Западному лесу.

Некоторые из запаниковавших мятежников не остановились и в Западном лесу, а продолжили бежать по полям за ним. Отрядили кавалерию, чтобы собрать их и отправить обратно в Западный лес, где офицеры и сержанты выкрикивали номера подразделений. То тут, то там формировались остатки рот, и потрепанные батальоны собирались под своими порванными и потертыми знаменами. Другие офицеры не стали присоединяться к своим батальонам, а просто сбивали солдат во временные роты у кромки леса, приказывая им открывать огонь по преследующему врагу. На хейгерстаунской дороге перевернулась повозка, оттударассыпались ящики с боеприпасами для артиллерийских расчетов, которые в

спешке развертывали перед лесом. Упряжку фургона накрыл вражеский снаряд, и лошади жалобно ржали, их кровь густо лилась по глубоким колеям дороги. Пространство перед батареями мятежников наконец освободилось от беглецов, и канониры открыли огонь картечью, добавив смерти к той армии мертвецов, что уже лежала под дымовой пеленой.

На мгновение показалось, что пушки сдержат наступление северян, но затем из окутывавшего местность к востоку от батарей дыма появились шеренги в синих мундирах. Канониры отчаянно пытались развернуть пушки, чтобы встретить новую угрозу, но затем хлесткий залп обрушил град пуль минье, с лязгом застучавший по дулам пушек, расщепивший колеса пушек и бросивший наземь канониров. Воспользовавшись затишьем, пока пехота перезаряжала винтовки, выжившие командиры расчетов привели конные упряжки и оттащили орудия обратно в лес. Раздались радостные вопли янки, и батальон рванулся вперед на пустынную местность, где трава была примята и выжжена залпами орудий. Им никто не противостоял, и большое подразделение пенсильванцев заняло позиции в Западном лесу. Они захватили переполненную ранеными церковь данкеров, и там остановились, так как лес вокруг был полон оставшихся в живых мятежников, продолжавших обстрел. Командир пенсильванцев отправил адъютантов с просьбой о подкреплении и боеприпасах. На помощь пенсильванцам подошла часть артиллерии северян, но артиллеристы сняли орудия с передков слишком близко от леса и снайперы мятежников срезали их огнем. Орудия откатились назад, одно тащила пехота, потому что всех тягловых лошадей пристрелили. Брошенный фургон охватило пламя, и один за другим взлетели на воздух ящики со снарядами, изрыгнув в раскаленное небо серые облака дыма.

Разъяренный генерал Джексон носился по лесу, приказывая солдатам построиться поротно и найти свои батальоны, развернуться и сражаться. Джексон понимал, что назрел момент для прорыва. Если одно подразделение северян, даже одна бригада, усилит позицию пенсильванцев у церкви данкеров и поведет атаку прямо через лес, то усталые солдаты в сером сломаются. Победа останется за янки, а армия конфедератов превратится в толпу, отступающую к узкому броду, и к зиме улицы Ричмонда наводнят напыщенные янки. Генерал Ли, предвидя подобную опасность, выстраивал линию орудий на перекрестке к западу от леса, так что если одержавшие верх янки прорвутся сквозь лес, их встретит смертоносный шквал огня, который по крайней мере замедлит преследование и даст людям Ли время построиться для отступления с боем к Потوماку.

Но янки были измотаны не меньше мятежников. Стремительность прорыва северян разбросала их подразделения по всему полю. Вся местность к востоку от хейгерстаунской дороги и к северу от церкви данкеров была в руках янки, некоторые подразделения северян пересекали дорогу, стремясь найти сомнительное укрытие у края Западного леса, но необходимых подкреплений нигде не было видно. К югу от поля битвы орудия мятежников молотили побитую землю снарядами, а пехота южан стреляла из леса, и преследование остановилось, когда янки, как и мятежники, пытались навести порядок в этой неразберихе.

Паника в рядах мятежников в Западном лесу улеглась. Солдаты пересчитали патроны, и некоторые тревожно оглядывались назад, в попытке найти путь к отступлению из этого кровавого побоища, но как только стрельба северян затихла, мятежники начали перестраиваться. Одну за другой сформировали роты, устранили бреши в цепи и пополнили запас патронов.

— Я позаимствовал у Хаксалла часы, — полковник Свинерд присоединился к Старбаку. — Бедняга, на небесах они ему не понадобятся, но я отошлю их его жене.

— Он мертв? — спросил Старбак.

Свинерд кивнул, а потом встряхнул часы и поднес их к уху.

— Кажется, работают, — с сомнением протянул он и посмотрел на циферблат. — Почти девять, — произнес Свинерд, и Старбак мгновенно нахмурился, пытаясь понять, почему не темнеет. — Утра, Нат, — мягко сказал Свинерд. — Утра.

День только занимался.

Янки прошли Восточный лес и вышли на кукурузное поле. Одного из солдат при виде поля вывернуло. Вонь стояла похуже, чем на бойне. Лежали разорванные на ошметки люди, повсюду кровь и развороченные кишки. Из дымовой пелены глядели неподвижные глаза, рты были разинуты и кишели мухами. Мятежники и янки лежали вповалку. Раненые звали на помощь, некоторые плакали, а кое-кто просил себя прикончить милосердным выстрелом в голову. Немного, до боли немного, санитаров принялись за работу. Потрясенный этим кошмаром капеллан упал на колени, слезы лились на раскрытую Библию. Кое-кто рыскал посреди этого ужаса в поисках добычи, прихватив щипцы, чтобы вырывать золотые зубы, и ножи — отсекал пальцы с обручальными кольцами или просто унять сетования жертвы. Артиллерийская батарея остановилась у края поля, возницы не желали провозить тяжелые орудия по телам, но офицер прикрикнул, проклиная за брезгливость, и они щелкнули кнутами, протащив орудия по телам. Кровь потемнела. Из луж полились кровавые ручейки. Солнце поднималось, и над рекой исчезли последние остатки тумана, усиливалась удушливая жара.

Мистер Крёгер, вызвавшийся провести янки через брод Снейвли фермер, настоял на том, чтобы сначала заехать на ферму. Коров следовало подоить, но когда пришли приказы от Макклелана с требованием с боем форсировать реку, никто и не подумал поторопить фермера. Войска янки, отряженные пересечь мост вниз по течению, выглядывали из своих укрытий, недоумевая, как во имя милосердного Господа, они должны были пересечь несколько сотен ярдов по открытой местности, а затем толпой влететь на мост лишь в двенадцать футов шириной, и всё это время под обстрелом из окопов мятежниками, которые поджидали их на другом берегу.

Свежие и усиленные войска северян пересекли реку вброд к северу от нижнего моста. Их переправе ничто не препятствовало, и свежие войска начали долгое восхождение на плато, на подмогу тем янки, что выбили мятежников из Восточного леса и с кукурузного поля. По холму карабкались тринадцать тысяч человек, с музыкой и развевавшимися знаменами, всё ближе и ближе подбираясь к зловонию поля смерти, поджидавшему их у вершины холма. Длинные шеренги наступающих солдат каждый раз останавливались и распадались при приближении к огаде, но, пройдя ее, вновь смыкались и продолжали марш. Вновь прибывшим потребуется определенное время, чтобы достичь вершины, но как только они туда доберутся, то должны будут выяснить, в каком месте атаковать, и это в то время, когда мятежники отчаянно восстанавливали северную часть своей армии, так что на некоторое время на плато воцарилась зловещая тишина. Время от времени постреливала пушка или трещала винтовка, но обе стороны приберегали дыхание.

По крайней мере один человек пережил сражение и больше не будет в нем драться. Билли Блайз подождал, пока затихли звуки выстрелов, и еще довольно долго после того, как

первая возбужденная волна штурмовавших янки пронеслась мимо его убежища, и лишь тогда избавился от груза скрывавших его мертвецов. Лес был полон пытливых янки, но никто не обратил внимания на Билли Блайза в болтающемся на нем синем мундире. Он шел нетвердой походкой, чтобы изобразить одного из множества раненых, ожидающих помощи под покровом деревьев.

Он нашел мертвого офицера мятежников возле гнилого ствола и забрал его ремень с револьвером Уитни в кобуре. Затем, еще шатаясь, прошел на восток, к смоктаунской дороге, где скопление повозок месило грязную колею и траву на обочине. Фургоны подвозили боеприпасы для пушек, а санитарные повозки подбирали раненых. Один из фургонов вез умирающего генерала Мэнсфилда, которого подстрелили, когда он сидя верхом пытался повести своих людей в Восточный лес.

— Можете идти? — окликнул Блайза сержант.

Блайз что-то невнятно пробормотал и еще убедительней зашатался.

— Давай парень, забирайся! — сержант помог тяжелому Блайзу взобраться на дно пустой повозки для боеприпасов, катившей на север к Смоктауну, прежде чем пересечь реку у верхнего моста.

Блайз лежал на повозке, глядя в небо. Он улыбался. Кейтон Ротвел, один из тех двух людей, что поклялись его убить, мертв, застрелен в спину самим Билли Блайзом, и Блайз посеял достаточно раздора, чтобы быть полностью уверенным в том, что еще до заката устранят Старбака. Он хохотнул, восхищенный собственной сообразительностью. Черт побери, подумал он, лишь немногие могли сравниться с Билли Блайзом в умении строить козни. Он коснулся своего патента и с трудом присел. Офицер пенсильванских Оленьих хвостов, раненный в ногу, присел рядом и протянул сигару.

— Дьявол, — выругался пенсильванец.

— Жизнь — сладкая штучка, — протянул Блайз.

Пенсильванца покоробил акцент Блайза.

— Вы что, чертов мятежник?

— Майор вашей армии, капитан, — Блайз повысил себя в звании, отпраздновав таким образом собственное спасение. — Я никогда не изменял своей стране, и тем более не из-за кучки каких-то черномазых, — он взял предложенную пенсильванцем сигару. — Дьявол, — продолжил он, — я могу понять драчку из-за земли или женщин, но из-за ниггеров? — Блайз покачал головой. — Просто в голове не укладывается.

Капитан прислонился спиной к борту повозки.

— Иисусе, — прошептал он, еще дрожа после сражения на кукурузном поле.

— Восславим имя Его, — подхватил Блайз, — славься имя Твое.

Потому что Билли Блайз был в безопасности.

Капитан Деннисон тоже спасся. Он был в Западном лесу, где обнаружил сержанта Кейза. Оба находились ярдах в двадцати от остатков батальона Старбака и растворились в беспорядочной толпе дезорганизованных и потерявших командира солдат.

— Капитан Тамлин этого не сделал, — нервно сказал Деннисон, — по крайней мере, я не видел. А Картрайт мертв. Как и Дэн Липпинкотт.

— Значит, батальон ваш, — отозвался Кейз и после паузы добавил: — Или будет, когда

умрет Старбак.

Деннисон вздрогнул. Он был напуган до полусмерти отступлением по открытой местности, когда вокруг свистели пули, раздавались насмешки янки и взрывались снаряды.

— Ваш, — повторил Кейз, — и вы обещали вернуть мне роту. Как капитану.

— Да, — подтвердил Деннисон.

Кейз подтолкнул винтовку в руки Деннисона.

— Хорошо стреляет, — сказал он. — И заряжена.

Деннисон уставился на оружие, словно никогда не видел ничего подобного.

— Свиноерд может не подтвердить мое назначение, — заметил он помолчав.

— Черт возьми, капитан, нужно пользоваться возможностью, — ответил Кейз и отвел курок трофейной винтовки Шарпса, чтобы проверить, на месте ли патрон. Он был на месте. Это значило, что осталось всего три патрона, после чего винтовка станет бесполезной. Деннисон взглянул на Старбака и неуверенно приставил винтовку к плечу, но Кейз опустил ее.

— Не сейчас, капитан, — презрительно буркнул он. — Подождите, пока снова придут янки. Пока станет достаточно шумно.

Деннисон кивнул.

— Вы тоже выстрелите? — спросил он, нуждаясь в поддержке.

— В голову, — подтвердил Кейз. — А вы цельтесь по корпусу, — он похлопал Деннисона по спине, чтобы показать нервному капитану, куда целиться. — Один из нас прикончит ублюдка. А теперь ждите.

Кейза не обманула снисходительность Старбака. Он решил, что сволочь-янки его опасается и попытался подкупить Кейза, вернув ему лычки, но Роберт Кейз был не их тех, кто так дешево спускает обиды. Старбак его унизил, и Кейз жаждал мести. А еще он хотел получить повышение. Сержант рассудил, что через месяц будет командовать Желтоногими и тогда с Божьей помощью сколотит из этих мерзавцев дисциплинированное подразделение. Возможно, он изменит их название, например, на Виргинские стрелки, а потом заставит ублюдков идти в бой, как будто они вышагивают на параде в Олдершоте [\[22\]](#).

После чего оба пригнулись, пережидая, когда на поле битвы закончится эта странная тишина.

Янки ударили в первый раз, и этот молот смял ряды мятежников на севере поля битвы. Теперь вторая атака медленно надвигалась вверх по склону со стороны реки, а третья, скрытая в лощинах и лесах за Антиетэмом, ожидала приказа, чтобы переправиться через тихо струящийся поток и отрезать мятежникам путь к отступлению.

На противоположном берегу Потомака продвигающаяся Легкая дивизия услышала, что пушки внезапно замолчали. Вспотевшие солдаты беспокойно переглядывались, гадая, означает ли эта тишина, что сражение уже проиграно.

— Продолжайте идти! — крикнул штабной офицер. — Продолжайте идти!

Они прошли уже многие мили и пересекли глубокую и широкую реку, но продолжали двигаться в зловещую тишину и к погребальному дыму, плывущему по небу над полем мертвецов.

Глава четырнадцатая

— Семьдесят девять человек, сэр, — доложил Старбак Свинерду.

— В Легионе осталось сто четыре, — печально сообщил Свинерд. — А из людей бедняги Хаксалла и роты не составишь. В Шестьдесят пятом осталось сто два, — он сложил лист бумаги, на котором были подведены итоги. — Кто-нибудь еще объявится — некоторые прячутся, некоторые в бегах.

Бригада Свинерда похудела настолько, что ее можно было выстроить на поляне в Западном лесу размером в пол-акра. Янки, засевшие в церкви данкеров, находились не далее чем в двух сотнях шагов, но ни у кого не осталось боеприпасов, так что противники вели себя осторожно. Время от времени один из окруживших пенсильванцев застрельщиков конфедератов стрелял, но ответная пуля прилетала редко.

— Одному Богу ведомо, сколько человек погибло, — с горечью произнес Старбак.

— Но ваши люди стояли и сражались, Нат, — заметил Свинерд, — а это гораздо больше, чем удалось сделать штрафному батальону при Манассасе.

— Некоторые стояли и сражались, сэр, — возразил Старбак, подумав о Деннисоне. Он не видел капитана, и ему было плевать, увидит ли снова. Если повезет, подумал Старбак, Деннисон мертв или взят в плен, да и Тамлин тоже.

— Вы хорошо дрались, — настаивал Свинерд. Он смотрел, как на ведущей к поляне проселочной дороге остановился фургон с боеприпасами. Винтовочные патроны предназначались для бригады — знак того, что сражение для нее сегодня еще не закончилось.

— Я ничего не сделал, сэр, — откликнулся Старбак, — разве что гонялся за своими солдатами.

Почти с самого начала сражение превратилось в неразбериху. Солдаты теряли свои роты и дрались с кем придется, и лишь немногие офицеры сохранили контроль над своими ротами. Оборона мятежников состояла просто из солдат, которые стояли и сражались, иногда не получая приказов, но всегда преисполненные гордости и решимости, пока в конце концов их не уничтожила атака за атакой.

— Заговоренный, — язвительно произнес Свинерд.

— Сэр? — удивился Старбак, но потом заметил, что Свинерд смотрит на подполковника Мейтленда, который вышагивал вдоль съёжившихся рядов Легиона. Мейтленд бессмысленно ухмылялся и щедро сыпал комплиментами, однако с некоторым трудом держался на ногах. Солдаты посмеивались при виде пьяного командующего.

— Он пьян, так ведь? — спросил Свинерд.

— Трезвее, чем был, — ответил Старбак. — Гораздо.

Свинерд поморщился.

— Я наблюдал за ним на кукурузном поле. Он расхаживал под обстрелом, словно по саду Эдема, и я решил, что он, должно быть, храбрец, каких мало. Но полагаю, он отнюдь не храбрец. Наверняка вылакал всё спиртное, которое конфисковал.

— Мне тоже так кажется.

— Прошлой ночью, — продолжал Свинерд, — он рассказывал мне, как боится не

исполнить свой долг. Мне это понравилось. Бедняга. Я и не понял, как он на самом деле перепуган.

— Если Старина Джек увидит, как он напуган сейчас, — сухо заметил Старбак, — то ему повезет, если сохранит звание, — он кивнул налево, где в сторону бригады Свицерда вдоль заново построенной шеренги скакал Джексон.

— Полковник Мейтленд! — крикнул Свицерд зычным сержантским голосом. — Смирно!

Мейтленд, пораженный таким категоричным приказом, застыл по стойке смирно. Он стоял лицом к солдатам, так что только они могли увидеть удивленное выражение его лица. Джексон с адъютантами остановил лошадей за спиной пьяного полковника и ничего не заметил. Генерал подъехал поближе к Свицерду.

— Ну? — коротко спросил он.

— Они могут драться, сэр, — ответил Свицерд, предположив, что означает этот вопрос. Он повернулся и указал на испещренную пулями стену церкви данкеров, которую можно было разглядеть сквозь листву. — Янки там, сэр.

— Ненадолго, — заявил Джексон. Он медленно поднял в воздух левую руку, пока разворачивался, чтобы оглядеть людей Свицерда. — Бригада? — спросил он. — Или батальон?

— Бригада, сэр.

Джексон кивнул и поскакал вдоль шеренги истощенных людей, которым, как он знал, вскоре снова предстоит сражаться.

— Троекратное ура Старине Джеку! — внезапно всполошился Мейтленд, и Легион прокричал три воодушевляющих слова, которые Джексон подчеркнуто проигнорировал, прищорив коня в сторону следующей бригады.

— Что будете делать с Мейтлендом, сэр? — спросил Старбак.

— Делать? — казалось, Свицерда удивил вопрос. — Ничего, естественно. Он выполняет свой долг, Нат. Он не сбежал. Когда сражение закончится, я с ним переговорю и намекну, что ему лучше найти себе место в Военном департаменте. Но по меньшей мере он сможет заявить, что участвовал в сражении при Шарпсберге. Его гордость не пострадает.

— А если он не уйдет?

— О, он уйдет, — мрачно заявил Свицерд, — поверьте мне, Нат, уйдет. А как только он уйдет, я поставлю ваших ребят в Легион и отдам его вам.

— Благодарю вас, сэр.

Свицерд взглянул Старбаку через плечо и мотнул бородой, показав тем самым, что кто-то требует внимания майора. Старбак обернулся и к своему удивлению увидел капитана Деннисона, который официальным тоном доложил о прибытии.

— Где, черт возьми, вы были? — огрызнулся Старбак.

Деннисон взглянул на Свицерда и пожал плечами.

— Где мне было приказано, сэр. На кладбище.

— Увиливая от сражения? — рявкнул Старбак.

— Сэр! — запротестовал Деннисон. — Капитан Тамлин приказал нам двигаться туда, сэр. Сказал, что застрельщики янки напали на наших раненых. Вот мы туда и пошли, сэр. И дрались с ними, сэр, — он похлопал по почерневшему дулу винтовки, которая висела у него за плечом. — Пристрелили нескольких, сэр.

— Тамлин приказал вам идти туда?

— Да, сэр.

— Вот сукин сын, — выругался Старбак. — А где Тамлин, мать его?

— Не знаю, сэр. Нам встать в строй, сэр? — невинно спросил Деннисон. Вместе с Деннисоном была дюжина солдат первой роты, и ни один не выглядел усталым, напряженным или испуганным, как остальные выжившие Желтоногие.

— Становитесь, — велел Старбак. — И капитан.

— Сэр?

— Я вернул Кейзу звание.

— Он мне сказал, сэр.

Старбак смотрел, как Деннисон присоединяется к остаткам своей роты. Там был и сержант Кейз, к его серой шляпе по-прежнему был приколот олений хвост, и на секунду Старбак задумался о пуле в спине Кейтона Ротвела. Но потом отмел подозрения. По лесу бродило достаточно янки, которые могли быть ответственны за эту смерть. Если кто и был в ней виноват, подумал Старбак, так это он сам, потому что не оставил присматривать за краем леса двоих.

— И что это было? — поинтересовался Свинерд, когда Деннисон встал в строй.

— Бог знает, сэр. Либо он лжет, либо Тамлин нарушил мой приказ. Но этот мерзавец, — кивнул он в сторону Деннисона, — в прошлом был не слишком со мной вежлив, так что черт его знает, с чего вдруг стал сейчас.

— Сражение, Нат, — заметил Свинерд. — Оно меняет людей.

На востоке протрубил горн. Старбак повернулся и взгляделся сквозь листву в сторону кошмарного поля, где полегло столько солдат. До сих пор он дрался с врагом, который появлялся с севера, но поражение мятежников на кукурузном поле означало, что теперь им придется развернуться на восток. Снова зазвучал горн.

— Ублюдки опять надвигаются, — сказал Старбак.

— Тогда давайте подготовимся, — официальным тоном отозвался Свинерд.

Потому что сражение еще не было ни проиграно, ни выиграно, а янки снова приближались.

Первая дивизия подкреплений армии Союза появилась из-за реки в четком порядке, но когда она добралась до плато, никто не объяснил, куда двигаться. Один генерал янки погиб, а другой был тяжело ранен, так что никто не мог сказать вновь прибывшим войскам, где атаковать. Их собственный генерал увидел, где стелится самый густой дым, и указал туда саблей.

— Вперед! Туда! Марш!

Со стороны реки взбиралась вторая дивизия янки, но генерал не стал ее дожидаться. Он выстроил своих людей в три длинные шеренги, одна за другой, и послал их через Восточный лес. Добравшись до деревьев, они перестроились и пошли через кукурузное поле, где кричали раненые, призывая их остановиться и помочь.

Атакующая дивизия прекрасно бы выглядела, вышагивая подобным образом на параде, но на поле битвы сомкнутые ряды служили приглашением для усталых канониров мятежников, ожидающих за главной дорогой. Пушки открыли огонь. Шрапнель серым облаком разрывалась над головами атакующих, а ядра стегали шеренги, одного было

достаточно, чтобы убить или ранить дюжину солдат. Янки напирали, смыкая ряды после падения каждого тела и оставляя за собой новый след из мертвецов и раненых.

Пенсильванцы вокруг церкви данкеров слышали орудийную канонаду и молились, чтобы кто-нибудь пришел им на помощь. Они широким клином вонзились в центр армии мятежников, но теперь остались почти без боеприпасов. Полковник пенсильванцев послал за подмогой, но никто не пришел. Застрельщики исследовали лес вокруг церкви в поисках войск северян, которые могли там скрываться, но поблизости не оказалось никого, кто пришел бы на помощь, и одного за другим пенсильванских застрельщиков перебили или ранили снайперы мятежников. Полковник северян оглядывался в надежде на подкрепление, а пикеты докладывали о топотедвигающихся по окружающему лесу войск.

Это были войска мятежников. Те, которые в этот день еще остались свежими и не нюхавшими крови. На заре они охраняли мосты и броды в нижнем течении реки, но атака янки так и не последовала, и теперь в отчаянии Ли оголил оборону на юге, задействовав всех имеющихся солдат. Они шли через Шарпсберг и вверх по холму, а оттуда Джексон направлял их к церкви данкеров.

По лесу прокатился эхом боевой клич мятежников. По стене церкви застучали пули, с глухим звуком вонзаясь в древесину и отскакивая от камня. некоторое время пенсильванцы сопротивлялись смыкающемуся кольцу, но они были окружены и в меньшинстве, так что в конце концов сломались. Они побежали, бросив раненых, пересекли главную дорогу и не останавливались, пока не оказались вне пределов досягаемости винтовок конфедератов.

Мятежники их не преследовали. Джексон избежал от пенсильванцев и теперь развернул людей на север, где войска янки прошли как на параде через кукурузное поле и в северную часть Западного леса. Атакующая дивизия несла тяжелые потери от пушек мятежников, но выжило достаточно солдат, чтобы добраться до леса и смести со своего пути канониров мятежников. Группа застрельщиков-конфедератов ускользнула, и внезапно над Западным лесом взвился звездно-полосатый флаг.

— Вперед! — кричал офицер, зная, что у солдат возникло искушение остаться под защитой посеченных пулями стволов. — Вперед!

Три шеренги маршировали на запад, словно собирались дойти так до Потомака, но на опушке их появление поприветствовали орудия, которые Ли разместил за лесом. Там лежало еще одно кукурузное поле, заполненное снайперами мятежников, скрытыми в высоких стеблях, и они поливали солдат в синем огне. Янки остановились, чтобы перестроиться, потому что в лесу ряды смешались.

Три впечатляющие шеренги теперь шли в беспорядке, хотя и продолжали двигаться на запад, словно их генерал считал целью похода добраться до далекого Потомака. На самом деле враг находился на юге, где Джексон собрал всех, кого смог найти, и вел их через лес к незащищенному флангу янки. Пушки скрывали топот наступающих войск. С западного холма стреляли пушки мятежников, а орудия северян отвечали с возвышенности у хейгерстаунской дороги, но потом, заглушив даже грохот артиллерии, воздух расколол мощный треск ружейной пальбы, так что содрогнулись небеса.

Вторая дивизия подкреплений янки взобралась на берег реки. Предполагалось, что она должна последовать за первой, что оказалась отрезанной в Западном лесу, но вторая дивизия отстала и теперь, достигнув плато, солдаты не видели никаких признаков подразделений, которым они должны были прийти на подмогу. Некоторое время они просто выжидали, офицеры пытались найти нужное направление в этой неразберихе, но потом, не получив

приказов, направили дивизию на юго-восток, в сторону манящего белого шпиля церкви в Шарпсберге, который сиял над лесом. Несколько мгновений янки продвигались по полю незамеченными и беспрепятственно, но их путь проходил в сторону проселочной дороги, которая была кошмаром для любого атакующего. За многие годы тяжелые крестьянские повозки разбили поверхность, и поскольку дорога шла вниз, к открытому пространству, дожди вымывали камни, так что год за годом, поколение за поколением, дорога становилась все ниже поверхности полей, и теперь стоящий на ней человек не мог ничего разглядеть за крутыми обочинами. Янки этого не знали, но они безмятежно двигались по залитому солнцем пастбищу в сторону природного бруствера, за которым засели мятежники. Эти войска конфедератов обороняли центр позиции Ли, и за всё утро не сделали ни единого выстрела, но теперь, наконец, выставили дула винтовок из-за высокой травы, что росла за изгородью у обочины дороги, и прицелились в ничего не подозревающих янки. Они позволили янки подойти совсем близко и нажали на спусковые крючки.

Старбак услышал, как из заглубленной дороги прогремел первый смертоносный залп. Этот звук подсказал ему, что сражение расширяется, поскольку через реку переправились новые янки, но эта схватка по-прежнему шла в северной части поля, где пять тысяч янки готовились продолжить атаку в западном направлении, не зная, что на их открытый правый фланг движется Джексон.

Бригада Свинерда выдвинулась справа, выступив из-за деревьев в том месте, где лес сужался, чтобы пересечь небольшое пастбище. Хейгерстаунская дорога находилась справа от Старбака, а за ней лежало пастбище, на котором мятежники противостояли атаке с кукурузного поля. Луг был заполнен телам, наваленными рядами, словно линии прибоа, показывая, где шли схватки. Многие тела висели на изгороди, эти солдаты погибли, пытаясь перебраться через нее, чтобы сбежать от атаки северян. Люди Старбака шли мимо этого ужаса молча. Они устали и потеряли способность чувствовать, слишком устали, чтобы даже просто взглянуть на то место, где они так долго сражались. Артиллерийская батарея янки стояла на дальней стороне пастбища, вне пределов досягаемости пули из винтовки. Орудия стреляли на юг, а каждый залп сопровождался потоком огня и дыма, который пушка выплевывала на пятьдесят ярдов, этот дым вливался в еще стелившийся в неподвижном воздухе туман. Канониры, похоже, не заметили мятежников за дорогой или у них имелись более заманчивые мишени на юге. Старбак смотрел, как канониры отпрыгивают от массивного орудия, когда оно откатывается от каждого выстрела. Словно они ведут собственное сражение, подумал он.

Канониры были единственными живыми янки в поле зрения, и Старбаку показалось странным, что столько людей могли полностью раствориться на таком маленьком клочке земли. Грохот сражения был ужасающим, но здесь, где еще несколько часов назад погибли тысячи, казалось, не осталось ни единой живой души.

А потом, как раз пока Старбак удивлялся пустому ландшафту, из леса всего в пятидесяти ярдах от бригады проскакал офицер-янки. Это был юноша с бородой и прямой спиной, держащий в руке длинную сияющую саблю. Он осадил лошадь, чтобы рассмотреть находящихся вдалеке канониров, а потом какое-то чутье заставило его повернуть голову направо, и он разинул рот, когда увидел приближающихся мятежников. Юноша обернулся, чтобы прокричать в сторону леса предупреждение, но потом, до того как поднять тревогу, снова обратил взор на конфедератов, словно хотел убедиться, что они не плод его воображения.

— Пристрелите его кто-нибудь, сделайте милость, — печально призвал Свинерд.

Янки осознал опасность и вонзил в бока лошади шпоры, снова дернув за поводья. Лошадь развернулась и прыгнула в лес до того, как кто-нибудь из мятежников успел взять эту заманчивую мишень на мушку. Старбак услышал, как изумленный янки выкрикивает предупреждения, а потом этот крик потонул в боевом кличе мятежников, который, в свою очередь, поглотил разорвавший воздух залп винтовок и людские вопли.

— Штыки! — приказал Свинерд. — Быстро, ребята!

Бригада вытащила длинные клинки из ножен и закрепила их на почерневших дулах винтовок. Солдаты ускорили темп ходьбы. Теперь полковник Свинерд шел впереди с саблей в руках, и Старбак почувствовал, как усталость отступила, а ее место заняло внезапное и неожиданное радостное возбуждение.

— Пли! — крикнул Свинерд.

Появились янки. Группы людей в беспорядке высыпали из леса, но бригада Свинерда атаковала их с фланга.

— Пли! — снова прокричал полковник. Из винтовок вырвалось пламя, а потом штыки двинулись вперед. — Не давайте им стоять на месте, ребята! — ревел Свинерд. — Заставьте их бежать, ребята!

У янки не было шансов. Их атаковали с открытого фланга, и три боевые шеренги распались. Ближайшим к месту атаки солдатам не хватало пространства, чтобы развернуться лицом к мятежникам, этих несчастных оттесняли мстительные конфедераты, а более удачливые смешались с батальонами, идущими сзади, пытавшимися развернуть роты на девяносто градусов. Этому неповоротливому маневру препятствовали деревья и снаряды мятежников, отрывающие высокие ветви и осыпающие возникшую сумятицу листьями и шрапнелью. Янки в северной части леса находились в наилучшем положении, и некоторые батальоны смогли развернуться, но полки мешали друг другу, офицеры выкрикивали противоречивые приказы, бегущие наталкивались на нервных, пытающихся построиться солдат, и отовсюду доносилось злое гиканье мятежников. В панике некоторые подразделения северян открыли огонь по своим. В грохоте невозможно было слышать приказы, и атака мятежников накатывалась, как наводнение, находя в разрушающейся дамбе самое слабое место. Некоторые подразделения северян вступили в схватку, но одного за другим обороняющихся обошли с фланга и вынудили присоединиться к отступлению. Некоторое время батальоны в северной части леса сопротивлялись атаке, но наконец и их обошли с фланга, и вся дивизия обратилась в паническое бегство, устремившись под защиту Северного леса.

Мятежники преследовали их по открытому пространству, и теперь батареи янки у хейгестаунской дороги тоже вступили в схватку, их шрапнель разрывалась над рядами в сером. Застрельщики янки укрылись за стогами и фермерскими строениями и поливали ряды мятежников огнем, а из Восточного леса, который совсем недавно казался обезлюдевшим, появились новые батареи пушек северян, приняв на себя фланговую атаку мятежников и обстреливая их снарядами с опасно короткими запалами.

Старбак встал на колени у обрамляющей дорогу сломанной изгороди. Его батальон, едва ли выглядевший крупнее роты, растянулся вдоль дороги, укрывшись от артиллерии северян, стрелявшей с другой стороны кукурузного поля. Старбак в ужасе глядел на вытоптанную кукурузу, где лежали в кучах тела. В некоторых местах еще стояли прямые стебли, но основная часть поля выглядела словно кладбище, изрытое стадом огромных кабанов. Правда,

некоторые тела принадлежали живым, и время от времени, когда ненадолго стихала стрельба, из кукурузы доносились слабые вопли о помощи.

Пушки янки резко прекратили стрельбу. Старбак нахмурился, пытаясь понять причину. Некоторые солдаты беспокойно бросали на него взгляды, когда он осторожно встал и взобрался на хлипкий отрезок уцелевшей изгороди. Поначалу он разглядел лишь облако порохового дыма, такое густое, что сквозь него солнце казалось серебряным долларом, а потом чуть ниже дыма Старбак заметил то, чего боялся. Там из Восточного леса продвигалась шеренга янки, чтобы обойти мятежников с фланга.

— Обратно в лес! — крикнул Старбак. — Стройтесь там!

Он подумал, что это сражение превратилось в бесконечный кошмар. Оно текло по плато, как расплавленная лава, и этот поток мотал его несчастный батальон от одного несчастья к другому. Старбак остановился на полпути через маленькое пастбище, отделяющее Восточный лет от дороги, чтобы срезать патронташ мертвого янки, и последовал за остальными.

— Снимите штыки, — приказал он. — Нам нужно будет просто перестрелять мерзавцев.

Он уже собрался послать кого-нибудь к Свицерду, чтобы поделиться новостями, но внезапно нужда в этом отпала из-за прибывших к опушке мятежников, которые присоединили свои винтовки к похудевшему батальону Старбака.

Янки шли навстречу смерти. Они пересекли кукурузное поле, наступая на тела, и двинулись в сторону дороги, изгороди вдоль которой были переломаны, а добравшись до нее, янки оказались в радиусе стрельбы для поджидавших в тени винтовок.

— Не стрелять! — призвал Старбак, когда янки добрались до сломанной изгороди на дальней стороне дороги. Северян оказалось не так много, как он поначалу опасался. Он подумал, что кукурузное поле пересекает целая бригада, но теперь увидел лишь два звездно-полосатых флага и пару знамен штатов, безжизненно свисающих в неподвижном воздухе. То была пара позабытых батальонов, брошенных в кошмар.

— Не стрелять, — сказал он, — пусть подойдут поближе.

Четкие ряды двух батальонов янки сбились в беспорядке, когда солдатам пришлось перешагивать через мертвецов и умирающих в кукурузе и через остатки первой изгороди, а потом Старбак отдал приказ стрелять. Залп оглушил янки, отбросил их назад, к новой приливной отметине из мертвецов и умирающих. Задние ряды выдвинулись вперед и выстрелили в поднявшийся от винтовок мятежников дым, но янки стреляли в тень, а перед мятежниками стояли мишени во плоти и крови. Старбак взвел курок, громко вскрикнув от боли, когда приклад винтовки стукнул по превратившемуся в сплошной синяк правому плечу. С такого расстояния невозможно было промахнуться, янки стояли меньше чем в сотне ярдов, и пули мятежников входили в истончающиеся ряды, рикошетили от прикладов, отбрасывали тела назад и разбрызгивали фонтаны крови, но враг каким-то образом сохранял позицию, пытаясь отстреливаться.

Сержант Кейз находился на правом фланге шеренги Старбака, хотя теперь в янки стреляло так много подразделений, что сложно было судить, где заканчивается один батальон и начинается другой. Сержант подался назад от линии стрелков. Он ни разу не выстрелил, приберегая три пули для собственных целей, но теперь пробивал себе путь на север, пока не увидел стоящего у дерева Старбака. Кейз нырнул в кусты, поднял голову и наблюдал, как стреляет Старбак. Кейз увидел, как тот опустил винтовку, чтобы

перезарядить, огляделся, убедившись, что его никто не видит, поднял винтовку Шарпса и прицелился Старбаку в голову. Ему нужно было торопиться. Прицел он установил точно на мишень, потому что находился так к ней близко, что тяжелая полудюймовая пуля во время этого короткого полета не отклонится от траектории даже на собственную ширину. Он навел мушку на голову Старбака, выровнял ее с целиком и спустил курок. Когда Кейз выбирался из куста и направился обратно к шеренге, его скрыло облако дыма.

Старбак опустил голову, чтобы выплюнуть в дуло пулю. Мимо его щеки просвистела пуля, вонзившись в ближайшее дерево с силой топора. Волосы засыпали кусочки коры. Он обругал янки, поднял оружие, взвел курок, прицелился и выстрелил. Знаменосец северян резко дернулся, когда пуля угодила ему в плечо, и пока он падал, флаг затрепетал в дыму. Другой солдат подхватил знамя, и его тоже немедленно сразила пуля, отбросив назад через сломанную изгородь. Наконец, янки стали отступать от безжалостного обстрела. Они делали это с неохотой, держа строй, пока шагали обратно, и ни один не показал врагу спину.

Мятежники не стали их преследовать. Они стреляли по отступающим янки, пока оба батальона не исчезли в висящем над кукурузным полем дыму. Два батальона ушли так же таинственно, как и появились, оставив свою дань этому дню в виде ряда тел у посеченной пулями изгороди на обочине дороги. После того как янки ушли, на некоторое время настало затишье, а потом снова посыпались снаряды, треща высоко в ветвях, обрушивая на головы ливень из листьев и веток и рассеивая по лесу металлические осколки.

Штабной офицер приказал бригаде Свинерда построиться в лесу. Свинерд лично отправился к мрачному генералу Джексону. Полковник кивнул и побежал обратно к своим.

— Янки снова в церкви, — мрачно объяснил он.

Бригада побрела через лес на юг. Солдаты слишком устали, чтобы разговаривать, их рты слишком пересохли даже для ругательств, они шли туда, где их ожидали янки — чтобы убивать и быть убитыми.

Еще даже не закончилось утро.

Полковник Торн мрачно наблюдал, как генерал Макклелан пытается разобраться в поступающих из-за реки донесениях. Один пыльный гонец говорил только о поражении, об орде мятежников, уничтожившей войска генерала Самнера в дальнем лесу, а другие адъютанты привезли срочные требования подкреплений, чтобы завершить удачную атаку. Макклелан встречал всех курьеров с одинаково суровым выражением лица, под которым научился прятать неуверенность.

Новый Наполеон прилагал все усилия, чтобы понять ход сражения со своей обзорной точки у реки. На заре это казалось простым — его люди снова и снова шли в атаку, пока в конце концов не вытеснили мятежников из ближайшего леса, но за последний час всё смешалось. Как разгорающийся лесной пожар, сражение охватило две мили полей, из одного места приходили хорошие новости, а из другого ужасные, а смысла не было ни в тех, ни в других. Макклелан по-прежнему опасался ловкого хода Ли, который разрушит армию Севера, и придерживал резервы, хотя сейчас потный и покрытый пылью посыльный умолял его направить всех имеющихся людей на подмогу генералу Грину, который отбил церковь данкеров и удерживал ее, сопротивляясь контратаке. Макклелан, по правде говоря, не совсем точно знал, где находится церковь данкеров. Посыльный генерала Грина обещал, что

успешная атака разделит армию мятежников надвое, но Макклелан в этом сомневался. Он знал, что корпус генерала Самнера находится в отчаянном положении к северу от церкви, а к югу по пустым полям проносился вихрь снарядов. Этот огонь обрушивался на каждую новую бригаду, которая пересекала реку.

— Скажите генералу, что он получит поддержку, — обещал Макклелан и быстро позабыл об обещании, попытавшись выяснить, что происходит далеко на юге, где генерал Бернсайт должен был переправиться через реку и выступить к единственной дороге, по которой будут отступать мятежники.

Но до того, как генерал Бернсайт смог бы перерезать дорогу к отступлению, ему пришлось бы сначала пересечь каменный мост шириной в двенадцать футов, охраняемый снайперами мятежников, отлично окопавшимися на крутом западном берегу, и люди генерала Бернсайда полегли целыми группами, пытаясь штурмовать переправу. Снова и снова они устремлялись на мост, но снова и снова пули мятежников превращали первые ряды в дрожащие груды окровавленных тел, лежащих под палящим солнцем, моля о помощи или воде — хоть как-нибудь облегчить их страдания.

— Генерал Бернсайт не смог перевести своих людей через Рорбахский мост, — признался посыльный генералу Макклелану. — Его слишком хорошо обороняют, сэр.

— Почему же этот глупец не воспользовался бродом! — возмутился Макклелан.

Но никто точно не знал, где находится брод, а от карты не было толку. Макклелан в отчаянии повернулся к Торну.

— Ступайте же, покажите им! И поспешите!

По крайней мере, так он избавился от Торна, чей недобрый взгляд беспокоил генерала всё утро.

— Велите им поторопиться! — прокричал он вслед полковнику и развернулся в сторону полей по ту сторону реки, где сражение приобрело такую необъяснимую ярость. Прибыло донесение о том, что продвижение сдерживают окопавшиеся войска, но Макклелан не был даже уверен, что его армия штурмует это скрытое препятствие. Он ничего подобного не приказывал. Он хотел ударить с севера и, смяв фланг врага, напасть на мятежников с юга, а потом довершить славную победу в центре, но каким-то образом армия северян оказалась втянутой в центр задолго до того, как сокрушила фланги врага. И не просто втянутой, но, судя по клубившемуся над полями белому дыму, в центре шла самая жестокая схватка.

Жестокая, потому что мятежники находились на заглубленной в полях дороге, и с ее бровки превратили поле с только что посеянной озимой пшеницей в поле мертвецов. Тысячи солдат смешались в беспорядке, перебравшись через реку, и шли в сторону этой бойни, бригада за бригадой, пока огонь мятежников рвал их ряды. Один батальон северян потерпел поражение еще даже до того, как увидел мятежников, не говоря уже о том, чтобы успеть дотянуться до винтовок, потому что пока он маршировал мимо разбросанных фермерских строений, снаряд мятежников разорвался в рядах солдат, и оттуда как из улья вылетели пули, словно рассерженные насекомые впиваясь в ближайшие цели. Солдаты разбежались в полном беспорядке, пока всё новые снаряды слепо приземлялись на паникующую толпу. Вступили в сражение пушки северян, метая снаряды над головой собственной пехоты в мятежников у дороги, а из-за реки тяжелые орудия Паррота стреляли по тылу мятежников, чтобы разрушить фургоны, которые подвозили защитникам дороги боеприпасы.

Время близилось к обеду. На кухне фермы Праев повара готовили для генерала легкие холодные закуски, пока телеграфисты посылали сообщения в Вашингтон.

"Мы ведем самое ожесточенное сражение этой войны, — сообщал Макклелан, — может, и в истории. До сих пор всё идет хорошо, но мы деремся с превосходящими силами. Срочно присылайте войска".

Двадцать тысяч человек в резерве Макклелана, которые принесли бы победу, пошли он их через реку к церкви данкеров, играли на лугу в "подковки". Некоторые писали письма, некоторые спали. Для них это был сонный жаркий день вдалеке от крови и вони солдат, которые дрались и умирали по ту сторону реки.

А в это время на юге, еще далеко на юге, Легкая дивизия мятежников двигалась в сторону пушек.

Старбак пригнулся за деревьями. Пот градом стекал по лицу и залеплял глаза. Оставшиеся от Желтоногих солдаты вернулись в лес у церкви данкеров, и, очевидно, янки тоже подтянули к маленькому строению новые силы, потому что когда застрельщики Поттера побежали вперед, их поприветствовал залп винтовок, уложивший одного и заставивший остальных найти укрытие. Пули северян засвистели в ветвях, когда церковь начали атаковать новые батальоны мятежников. Старбаку это сражение за церковь казалось чем-то вроде личного поединка, который был мало связан со звучащей на юге стрельбой. Если схватка и имела какой-то план, то он давно перестал его понимать, напротив, она превратилась в серию отчаянных, кровавых и случайных столкновений, которые вспыхивали и затихали без какого-либо смысла.

Новая схватка за церковь тоже обещала стать кровавой, потому что пока Старбак выжидал в лесу, янки привезли две пушки и сняли их с передков прямо за главной дорогой, идущей из церкви данкеров. Лошадей увели, а канониры уже заряжали орудия, но вместо того, чтобы открыть огонь, командир расчета побежал к церкви. Он явно хотел поучить указания. Ближайшая пушка стояла не далее чем в сотне ярдов, и Старбак понял, что единственного заряда картечи будет достаточно, чтобы уничтожить остатки его батальона.

Тогда его осенило, но он так устал и вымотался, что ему понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что идея может сработать, а потом еще несколько секунд, пока он решал, есть ли у него силы, чтобы ее осуществить. Он испытывал искушение предпринимать как можно меньше усилий. Его солдаты дрались, как никто от них не ожидал, и никто теперь не стал бы их обвинять, если они предоставят умирать и сражаться другим. Но Старбак не мог сопротивляться такому искушению. Он повернулся и увидел присевшего рядом со своим псом Люцифера.

— Мне нужны здесь все офицеры кроме мистера Поттера, — сказал он мальчишке.

Тот устремился через кусты, а Старбак повернулся обратно, разглядывая ближайшую пушку. Это было орудие Наполеона — французская пушка, рабочая лошадка обеих армий. Ее расширяющееся дуло могло заряжаться двенадцатифунтовыми круглыми ядрами, картечью, снарядами и шрапнелью, но пехота больше всего боялась картечи. Может, орудие Наполеона и не обладало достаточным радиусом стрельбы и мощностью большой нарезной пушки, но его гладкое дуло регулярно изрыгало картечь, в то время как большие нарезные орудия выстреливали градом свинца по какой-то странной траектории, и иногда пули благополучно пролетали над головами. Наполеон, когда дело касалось пехоты, был огромным дробовиком на массивных колесах.

Канониры янки расслабились, не зная о присутствии вражеской пехоты. На стоящем с открытой крышкой зарядного ящика передке висел выцветший звездно-полосатый флаг. Канонир в одной рубашке подтаскивал боеприпасы и складывал их возле пушки, а другой прислонился к дулу и чистил ножом ногти. Время от времени он бросал взгляд через правое плечо на восток, словно ожидая увидеть подкрепление, но там были лишь лошади расчета, щипавшие на пастбище окровавленную траву в сотне ярдов от пушки. Спустя какое-то время он зевнул, сложил нож и стал обмахивать лицо шляпой.

К Старбаку присоединились Деннисон и Пил. Это были все его оставшиеся капитаны не считая Поттера. После сражения, подумал Старбак, нужно будет произвести повышения, но это может подождать. Сейчас он сообщил эти двоим, чего от них хочет, оборвал их жалобы и отослал обратно. Минуту спустя похудевшие роты подошли к краю леса, где Старбак скрыл их в тени и густом кустарнике. Он шел позади шеренги, объясняя, чего от них ждет.

— Не стреляйте, пока не выстрелит пушка, — сказал он, — и убейте канониров. А потом идите в атаку. Один выстрел, и в штыковую, не останавливайтесь, чтобы перезарядить.

В голосе Старбака слышалось возбуждение, которое передалось солдатам, а те, несмотря на усталость, ему улыбнулись.

— Говорят, что от нас нет проку, ребята, — сказал им Старбак, — говорят, что мы Желтоногие. Что ж, давайте подарим армии пушку. Может, и парочку. Помните, только один залп, не стреляйте, пока не выстрелит пушка, и бросайтесь вперед, как будто в расчете одни голые шлюхи.

— Вот бы они там были, — произнес кто-то.

За спиной Старбака внезапно хрустнула ветка, он обернулся и увидел пьяного полковника Мейтленда, который где-то отыскал свою лошадь и теперь ехал с саблей наголо в сторону батальона Старбака.

— Я вас поведу, ребята! — крикнул Мейтленд. — Только победа! Встать! Готовьсь!

Старбак схватил лошадь под уздцы до того, как Мейтленду предоставилась возможность отправить солдат в преждевременную атаку. Нат развернул лошадь в сторону леса и хлопнул ее по крупу. Мейтленду удалось удержаться в седле, и он ускакал с криками и сверкая саблей. Произведенный им шум потонул в звуках яростной стрельбы где-то на юге.

— Не стреляйте, ребята, — приказал Старбак. — Не стреляйте.

Сержант Кейз уставился на них о чем не подозревающих канониров. Он испытывал искушение выстрелить в их сторону, как только началась атака на церковь данкеров, и тем самым лишить Старбака победы, предупредив канониров об опасности, но у сержанта осталось лишь две пули для винтовки Шарпса, и он не решился потратить одну из них. Его ненависть к Старбаку подпитывалась тем, что он считал непрофессионализмом майора. Вскоре, как полагал Кейз, батальон настолько уменьшится, что прекратит свое существование, и что тогда останется от обещания Деннисона? Кейз хотел стать офицером и жаждал командовать Желтоногими, которых планировал вымуштровать и превратить в лучший батальон армии Конфедерации, но сейчас Старбак угрожал еще больше проредить батальон. Это было поведение любителя, думал сержант, клятый непрофессионализм.

В лесу раздался боевой клич мятежников. Свинерд крикнул из тени:

— Вперед, Нат! Давайте!

— Не стрелять! — крикнул солдатам Старбак. — Ждите!

В ответ на атаку мятежников последовал треск винтовочных выстрелов, а потом более громкий залп, когда мятежники выстрелили в янки. Канониры оживились. Дуло ближайшей пушки нацелили примерно туда, где разместились застрельщики Старбака, и Нат молился, чтобы их не задела картечь. Он наблюдал, как капитан расчета пригнулся в стороне и дернул за шнур, чтобы фрикционный запал царапнул по трубке. Орудие резко откатилось, а из его дула в сторону леса вырвалось пламя и дым.

— Пли! — крикнул Старбак. Сквозь треск винтовок он смутно расслышал клацание пуль о пушку. Старбак вытащил револьвер. — В атаку!

Он выбежал из леса и увидел, что канонирам серьезно досталось. Командир расчета упал на колени, одной рукой держась за живот, а другой — за колесо пушки. Двое других артиллеристов упали, а остальные были в замешательстве — то ли перезаряжать, то ли узнать, откуда исходит опасность.

Желтоногие пошли в атаку. Орудие стояло за перекрестком главной дороги со смоктаунской, и на пути солдат валялись остатки изгородей, но они перепрыгнули через балки и побежали дальше с максимальной скоростью, на которую были способны их усталые ноги. Теперь началась гонка между изможденной пехотой и раненым расчетом, который пытался развернуть Наполеон дулом к атакующим. Раненый канонир держал заряд картечи, готовясь опустить его в дуло, но потом увидел, что гонка проиграна, бросил снаряд и побежал на восток, подтяжки щелкали его по ногам, пока он хромал прочь.

Второе орудие попыталось спасти первое, но до того, как канониры смогли зарядить его и развернуть, защитники церкви данкеров сдались. С двух сторон их с воплями атаковало мстительное зло в сером, и тысяче янки под командованием генерала Грина этого хватило. Они рассеялись и побежали, а канониры второго расчета просто привели лошадей, прицепили пушку к передку и ускакали. Люди Старбака, по-прежнему выкрикивая боевой клич, налетели на первую пушку, похлопывая ее горячее дуло с победными криками, а всего в нескольких ярдах улепетывали сломленные янки, которых преследовали выпускаемые из леса пули. Солдаты Старбака смотрели, как удирают янки, но слишком устали, чтобы что-нибудь предпринять. Раненый канонир умолял принести воды, и один из солдат встал рядом с ним на колени и поднес фляжку к его губам.

— И не подумал бы, что вы здесь, ребята, — сказал канонир. Он попытался сесть и наконец смог прислониться к колесу пушки. — Нам сказали, что в лесах только наши, — он вздохнул и пошарил в кармане, вытащил завернутую ферротипию с женским портретом и положил на колени. Артиллерист уставился на карточку.

— Мы найдем доктора, — пообещал Старбак.

Канонир бросил на Старбака быстрый взгляд и снова перевел глаза на карточку.

— Слишком поздно для докторов, — сказал он. — Один из вас, ребята, пустил пулю мне в кишки. Пока еще не сильно болит, но еще не родился тот доктор, который мог бы мне помочь. Будь я собакой, вы бы меня уже пристрелили, — он с нежностью прикоснулся к портрету. — Самая прекрасная девушка Фичберга, — тихо произнес он, — мы были женаты всего два месяца, — он помолчал, закрыл глаза от приступа боли, вонзившейся во внутренности, и поднял взгляд на Старбака. — Откуда вы, ребята?

— Из Виргинии.

— Так ее зовут. Виргиния Саймонс.

Старбак присел рядом с канониром.

— Красавица, — сказал он. На фотографии была стройная белокурая женщина с

написанной на лице тревогой. — Думаю, вы снова с ней встретитесь, — добавил он.

— Не по эту сторону жемчужных ворот, — ответил канонир. Он отрастил жидкую каштановую бородку в явной попытке выглядеть старше. Янки посмотрел на револьвер в руке Старбака, а потом снова заглянул Нату в глаза. — Вы офицер?

— Да.

— Думаете, рай существует?

Старбак помедлил, пораженный глубиной вопроса.

— Да, тихо произнес он. — Я знаю, что он есть.

— Я тоже.

— Я знаю, Искупитель мой жив [\[23\]](#), - процитировал Старбак.

Канонир кивнул и снова посмотрел на жену.

— Я буду тебя ждать, девочка, — сказал он, — с кофе на плите, — он улыбнулся. Она любит обжигающе горячий кофе, — по его лицу скатилась слеза. — Никогда бы не подумал, что вы здесь, ребята, — произнес он ослабевшим голосом.

Некоторые мятежники погнались за сломленными янки по лугу, но их отогнал залп картечи. Одна пуля щелкнула по дулу захваченной пушки, и Старбак приказал солдатам вернуться к лесу. Он нагнулся над раненым канониром, чтобы спросить, не хочет ли тот, чтобы его унесли, но янки был уже мертв, а в его рот заползла муха. Старбак оставил его.

Вернувшись к краю леса, некоторые солдаты обхватили головы руками и заснули. Другие вглядывались усталыми глазами на восток, где словно морской туман лежал дым, а в кукурузе, на пастбище и в истрепанном лесу кричали покинутые раненые.

Основное сражение переместилось на юг, и сцена утреннего боя заполнилась измотанными выжившими, которые слишком ослабли, чтобы драться. Теперь гигантской мясорубкой служила заглубленная дорога. Батальон за батальоном янки шли под огонь мятежников, и батальон за батальоном погибали на открытом пространстве, но с востока приходили всё новые солдаты, добавляя новые смерти к богатой жатве этого дня.

Но мятежники тоже умирали. Дорога хотя и была настоящей мечтой для оборонявшихся, но имела один недостаток. Она шла прямо на восток от хейгерстаунской дороги, а потом резко сворачивала на юго-восток, так что как только янки разместили батарею к востоку от первого поворота дороги, то смогли накрыть упрямых конфедератов продольным огнем. Снаряды приземлялись на заглубленную дорогу, и ее крутые обочины увеличивали ущерб от каждого взрыва. Стрельба защитников стихала, но они всё равно отражали одну атаку за другой. Ирландцы из Нью-Йорка чуть не прорвались. Им сказали, что конфедераты — друзья британцев, и это оказалось достаточным стимулом, чтобы зеленые флаги двинулись вперед. На зеленых полотнищах были вышиты ирландские арфы, и солдаты пронесли их гораздо дальше, чем любой другой флаг до сих пор, но одной храбрости оказалось недостаточно, чтобы пройти под обстрелом последние смертоносные ярды. Один чернобородый верзила выкрикнул боевой клич по-гаэльски, торопя своих соотечественников, словно в одиночку мог выиграть войну и отомстить за своих, но его уложила пуля мятежника, и атака, как и многие другие, в конце концов превратилась под беспощадным огнем в кровавые ошметки. Ирландцы составили новый ряд тел, ближе к огненной преграде, чем другие, хотя на самой дороге, куда приземлялись снаряды, разрывая

на клочки уже мертвые тела, тоже росла гора трупов конфедератов.

Другие солдаты гибли у реки, где провалились все попытки взять Рорбахский мост. На восточном берегу трупы громоздились словно баррикада, и сам вид этих мертвецов сдерживал ожидающие батальоны янки, которые знали, что может прийти их черед атаковать смертоносную переправу. Сюда приехал и Торн, который мог отдавать приказы от имени своего врага Макклелана. Он разыскал генерала Бернсайда на холме напротив моста.

— Где пушки, черт побери? — рявкнул Торн.

Генерал Бернсайд, пораженный, что к нему обращаются в столь высокомерной манере, начал оправдываться:

— Ждут переправы, — объяснил он, махнув в сторону дороги за холмом, где скрывались пушки.

— Они нужны здесь, — настаивал Торн.

— Но здесь нет дорог, — возразил адъютант.

— Так проложите дорогу! — взъярился Торн. — Приведите тысячу человек, если понадобится, но притащите чертовы пушки. Сейчас же! Две двадцатифунтовые пушки, картечь и шрапнель. И Бога ради, поторопитесь!

К югу от Потомака шагавшую в клубах пыли под безжалостным солнцем Легкую дивизию тоже подгоняли и велели не останавливаться, только не останавливаться, идти вперед, на звук резни.

А тем временем на лужайке дома Праев генерал Макклелан наслаждался ланчем.

Глава пятнадцатая

Пару орудий Наполеона приволокли к вершине холма над Рорбахским мостом, и их появление открыло сражение за переправу. Первый же картечный залп сбросил на землю полдюжины прятавшихся в кронах деревьев стрелков, а другие безжизненно повисли на веревках, удерживавших их на ветвях. Второй и третий залпы изрешетили обороняющихся мятежников в стрелковых окопах.

Пенсильванскому батальону посулили бочонок виски за взятие моста, и он с энтузиазмом бросился в атаку. Передние шеренги янки полегли от огня уцелевших мятежников, но напиравшие сзади солдаты перескакивали через трупы и неслись по каменной поверхности, переброшенной через ручей. За ними следовало всё больше и больше северян, толкаясь и мешая друг другу, горя жаждой мести. Мятежники повыскакивали из своих окопов и понеслись за холм.

Ниже по течению, у брода Снейвли, вторая бригада наконец переправилась на западный берег, и янки оказались в тылу позиций Ли. Однако мало было переправиться через ручей — требовалось еще построить батальоны и бригады в колонны. Нужно было переправить орудия, привести всё в порядок и разведать местность. Торн на чем свет стоит проклинал Макклелана, придержавшего у штаба кавалерию, от которой там не было ровным счетом никакой пользы. Будь у него в распоряжении конница здесь, в тылу мятежников, он мог бы внести панику в ряды войск Ли, но кавалерия была в двух милях, а генерал Бернсайд не собирался никуда выдвигать свою пехоту, пока не приведет всё в порядок. Горстка застрельщиков-южан обстреливала переправлявшихся через ручей войска. Торн с проклятиями и руганью призывал Бернсайда поторопиться, но генерал торопиться не собирался.

— День еще только начался, — указывал он на короткие тени, — и нет нужды торопиться. Мы сделаем всё как полагается. Кроме того, — продолжил Бернсайд, словно все его слова были неопровержимой истиной, — мы не можем наступать, пока пехоту не снабдят боеприпасами. Их патронташи пусты, Торн, абсолютно пусты, а солдаты не могут сражаться без патронов.

Торн едва не спросил, как генерал умудрился не захватить с собой достаточно боеприпасов для предстоящего тяжелого сражения, но в последнюю секунду прикусил язык. День и впрямь только начался, и это было хорошо, ибо войска Бернсайда тащились медленней задумавшейся улитки, а, перейдя на тот берег, бесцельно разбрелись, пока офицеры не собирали их на надлежащих позициях. Наступление Бернсайда обещало стать медленным штурмом вместо молниеносного удара. Торну же оставалось только молиться, чтобы Ли не отвел войска до того, как ловушка северян захлопнется. Торн пришпорил коня и поскакал к вершине холма, у которого так упорно сражались мятежники. Оказавшись наверху, он устремил свой взгляд на кукурузное поле, темные леса и пастбища. В замутненной жарким маревом дали он разглядел пыль, поднятую каретами скорой помощи, медленно тащившимися на юг к реке — туда, где находился единственный для мятежников путь домой. У самого уха Торна просвистела пуля, выпущенная застрельщиком мятежников. Он увидел дымное облачко и прикинул, что выстрел тянул на все четыреста ярдов. Торн

приподнял шляпу в ироничном жесте, отдавая дань хорошему выстрелу, почти поразившему цель, развернул коня и направился обратно вниз.

Оборона у заглубленной дороги наконец пала. Янки, захватив участок, не могли пересечь его, не ступив на тела защитников. И пусть эти защитники погибли, но урон, который они нанесли северянам, не оставил последним сил на дальнейшее продвижение.

Неистовое пламя сражения после полудня превратилась лишь в тлеющий костер. Усталые солдаты шатались у плато, укутанного дымом и отвратительным запахом гниющих на палящем солнце тел. Орудийные батареи ожидали подвоза боеприпасов, солдаты пересчитывала патроны, а офицеры пересчитывали солдат. От подразделений, насчитывавших пятьсот солдат, осталась едва ли сотня. Полем битвы правили мертвые, живые же искали воду и вглядывались сквозь режущий глаза дым в поисках врага.

Мятежники понесли наибольшие потери. Подкреплений не осталось — ни одного человека, и Ли пришлось доверить оборону Шарпсберга и единственной дороги, ведущей в Конфедерацию, артиллерийской батарее. Едва орудия разместили на позициях, из города на изможденной, побелевшей от пота и покрытой пылью лошади прискакал не менее изможденный гонец. Легкая дивизия Хилла дошла до брода. Последние войска Конфедерации пересекли реку и выступили на север.

Вся остальная армия Ли застыла в ожидании. Войска знали, что потрепанные янки готовились к бою, знали, что скоро из-за кромки плато покажутся синие мундиры, знали, что вновь начнется сражение. Мертвых, которые ранее обыскали в поисках боеприпасов, обыскали снова. Бесценные патроны поделили среди выживших. Не было ни воды, ни даже мочи, чтобы прочистить забитые порохом стволы. Солдаты изнывали от жажды и пота. И ждали.

Пружина, которой суждено было захлопнуть устроенную янки ловушку, напряженно сжималась, ибо войска Бернсайда медленно готовились к наступлению, но Макклелан всё не мог стряхнуть с себя опасения за северный участок поля битвы. Именно с того направления он ожидал мощный контрудар мятежников, способный поставить под угрозу само существование его армии. Один из генералов утверждал, что северные поля представляют огромную опасность, другой же уверял, что стоит еще чуть поднажать — и армия Севера без труда выбьет мятежников из Западного леса и погонит через Шарпсберг. Их споры были настолько яростными, что сразу после обеда Макклелан пересек ручей — в первый и единственный раз за день. Он встретился с генералами, выслушал их доводы и затем огласил свое решение. Осторожность, заявил он, превыше всего. Генералам предписывается держать позиции, какие бы силы ни бросили на них мятежники. Но атаковать им запрещено. Противника, заявил он, не следует провоцировать. С этим Макклелан и отбыл обратно к своему креслу, утешаясь тем, что у него по-прежнему имелись мощные резервы для отражения атаки мятежников. А она придет, он был уверен. В конце концов, объяснял он Пинкертону, мятежники действительно превосходят его числом, разве не так?

— Превосходят, шеф, что и говорить, превосходят! — горячо поддержал его Пинкертон. — Орда негодяев, самая настоящая орда! — шотландец с энтузиазмом высморкался и, развернув платок, внимательно осмотрел результаты сего действия. — Просто чудо, что мы всего этого добились, шеф, — не отрываясь от пристального изучения платка, добавил он. — Ни много ни мало, настоящее чудо.

Макклелан что-то невнятно пробурчал — в конце концов, он полагал, что дело тут не столько в чуде, сколько в его талантах полководца, предотвративших катастрофу. Он

наклонился к подзорной трубе и начал наблюдать за войсками в центре поля, наконец пришедшими в движение. Их задачей было удержать войска Ли в пределах Шарпсберга, пока Бернсайд не отрежет их с тыла. Великолепное зрелище, подумал Макклелан. Под знаменами маршировали тысячи солдат. Дымные облачка проплывали перед подзорной трубой, придавая наступлению некий романтический налет.

В строю, однако, романтики не чувствовалось вовсе. Войска наступали по открытой местности — туда, где над деревней возвышался холм с расположенными на нем артиллерийскими орудиями. Северяне несли потери, и угасшее было сражение снова вспыхнуло ярким пламенем. Дальнобойные пушки били по пехоте, которая могла лишь упорно двигаться вперед, сквозь дым, разрывы снарядов и кровь товарищей. Перед ними расстилался горизонт с силуэтами орудий, выплевывавших языки пламени и сгустки дыма. Снаряды визжали, выли, грохотали и убивали. За ручьем ответный огонь вели тяжелые орудия федеральных войск. Их огромные ядра тоже грохотали в небе, разбрызгивая над батареями мятежников кровавые капли.

Войска Бернсайда наконец перешли в атаку. Лишь на их участке, одном-единственном, заиграл оркестр. По холму поднимались знамена. Главное наступление, которое отрежет мятежникам путь к отступлению, началось.

Наконец, капкан, заготовленный янки, захлопнулся. Кульминация резни этого долгого дня приближалась.

Янки, засевшие в Северном и Восточном лесу, вели себя тихо, но северный фланг атаки на Шарпсберг был виден из леса у церкви данкеров. Эти войска, как и толпа, двигавшаяся от заглубленной дороги, была встречена кошмаром артиллерийского огня южан. Некоторые солдаты Старбака стреляли в далекого противника из винтовок, но большая часть просто укрылась среди деревьев и наблюдала за разрывами снарядов, вносящих опустошение во вражеские ряды.

Их собственное орудие, захваченный Наполеон, расположилось в полусотне ярдов. Поттер начал было выводить на лафете "подарок от Желтоногих", но жесткое дерево быстро затупило лезвие его карманного ножика, и он бросил свои попытки.

— Странно, — обратился он к Старбаку, — но когда-нибудь все это попадет в книги по истории.

— Странно? — Старбак нахмурился, пытаясь переключиться со своей усталости на беззаботное замечание Поттера. — А что тут странного?

— Просто я никогда не думал, что в Америке можно творить историю, — ответил Поттер. — По крайней мере, не после Революции. История — это нечто, относящееся к другому миру. Крым, Наполеон, Гарибальди, индийское восстание, — он пожал плечами. — Мы ведь прибыли в Америку, чтобы сбежать от истории, разве нет?

— Сейчас ее творим мы, — коротко ответил Старбак.

— Тогда нам лучше одержать победу, — сказал Поттер, — потому что историю пишут победители, — он зевнул. — Разрешите напиток?

— Не сейчас. Мы еще не закончили.

Поттер скорчил кислую мину и посмотрел на пушку:

— Всегда хотел пострелять из такой, — задумчиво произнес он.

— Я тоже, — согласился Старбак.

— Это сложно? — поинтересовался Поттер. — Это же просто огромная винтовка. Тут ученая степень не нужна.

Старбак посмотрел в сторону противника, чей энтузиазм поугас после бойни этого дня. Их наступление приостановилось под градом артиллерийских снарядов. Может быть, еще одна пушка, открывшая огонь с фланга, немного оттеснит янки назад.

— Можно попробовать, — сказал он, подбодренный мыслью о слишком длинной дистанции, на которой застрельщики янки не смогут стрелять точно. — Пару выстрелов, почему бы и нет.

— Это ведь наше орудие, — твердо заявил Поттер. — Не хотелось бы проявить небрежность, не удостоверившись толком, что оно стреляет, прежде чем отдавать его в другие руки.

— И то правда, — Старбак помешкал, снова прикидывая дистанцию между орудием Наполеона и янки. И наконец, решил. — Ладно, попробуем.

Тройка солдат из роты Поттера вызвалась обслужить орудие. Один из них, Джон Коннолли, в прошлом шорник, получил ранение в левую руку, висевшую теперь на перевязи, но упрямо рвался в бой. Затем выскочил Люцифер, заявивший, что кое-что смыслит в орудиях, хотя Старбак считал, что малец просто хотел принять участие в увлекательной орудийной стрельбе.

Ни один янки не заметил, как они бежали к орудью. Пушка по-прежнему была направлена к лесу у церкви данкеров, и Поттер со своими людьми подняли лафет и развернули тяжелый ствол кругом, пока Старбак копался в зарядном ящике, где прежде отыскал три полные фляги с водой и завернутую в брезент вареную ветчину. Он извлек пакет с порохом, картечный снаряд и упаковку взрывателей. Руководство на упаковке предписывало разорвать бумагу и прижать короткий конец взрывателя.

— Я-то думал, тут все просто, — заметил Старбак. Он извлек один из взрывателей — обычную бумажную трубку, наполненную порохом, но каким образом эта трубка относится к инструкции, он так и не понял.

— Дайте мне, — потребовал Люцифер. Разорвав бумагу пополам, он пропихнул один кусок в медный разъем на картечном снаряде. — Пять секунд — слишком много, — оценив расстояние до противника, заметил он. — Две с половиной пойдет.

— Ты-то откуда это знаешь, черт возьми? — спросил Старбак.

— Просто делайте, как я сказал, — ответил Люцифер, в очередной раз скрывая свое прошлое. Его пес был привязан к поясу шлевкой из винтовочных ремней, которая почти запуталась в ногах парнишки, пока он тащил снаряд к орудью. — Сначала надо затолкать порох, — сказал он Старбаку.

Нат пропихнул пороховой мешок в отверстие, а потом Люцифер забил в ствол картечный снаряд. Над головой просвистела пуля, но Старбак решил, что это случайный, неприцельный выстрел.

Теперь всем заправлял Люцифер. Он нашел фрикционный взрыватель, остроконечный стрежень для очистки запального отверстия и, как только заряд пропихнули в ствол, склонился над дулом и проткнул стержнем пороховой мешок. Вставив фрикционный запал, Люцифер прикрепил шнур, отобранный у мертвого канонира, и отошел назад.

— Готово, — доложил он.

— Как насчет поправки? — к ним присоединился полковник Свинерд, увидевший

приготовления импровизированного орудийного расчета. — На мой взгляд, низковато, — добавил он, указывая на винт для поправок.

Старбак несколько раз прокрутил винт, но особой разницы не заметил. Видимо, для этого дела всё же требовалась ученая степень.

— Слушайте, давайте уже просто выстрелим, — предложил он и поднял руку. — Погодите.

Мертвый канонир с лежащей на колене фотокарточкой жены завалился за колесо, и Старбак вытащил тело и подобрал ферротипию. Выбрасывать фото показалось ему кощунственным, и он убрал карточку в карман, после чего кивнул Люциферу:

— Пали.

В полусотне ярдов сержант Кейз целился из винтовки. Он разыскал капитана Деннисона, и парочка засела в кустарнике на опушке леса. Кейз уже почти выбросил из головы идею убить Старбака, но вот он — в полусотне ярдов, на открытой местности, а их с Деннисоном скрывает кустарник.

— Стреляйте, когда ниггер потянет за шнур, — сказал Кейз. — Вы стреляете засранцу в корпус, я — в голову.

Деннисон с пересохшим ртом лишь кивнул. Его отчаянно трясло. Он собирался совершить убийство, и рука его дрожала, пока он укладывал винтовку на кочку. Люди у орудия повернулись к ним спиной, и он сначала не понял, кто же из них Старбак, но потом распознал кобуру для револьвера, которую Старбак всегда носил за спиной. Деннисон прицелился чуть выше кобуры, туда, где на сером кителе темнело кровавое пятно. Кейз, гораздо более спокойный, чем Деннисон, взял на прицел черные волосы Старбака:

— Ждите, пока не выстрелят, — велел он Деннисону.

Тот снова кивнул, и этого короткого движения хватило, чтобы сбить прицел. Он торопливо прицелился снова, и лишь когда Люцифер отпрыгнул от орудия и дернул шнур, до него дошло, что он целится не в того человека.

Орудие отбросило назад, колеса подпрыгнули на шесть дюймов от земли. Грохот стоял невообразимый — хлесткий грохот мог оглушить любого в полусотне шагов. В воздухе витал закрученный пламенем дым, и под прикрытием орудийного треска и радостных воплей Желтоногих Кейз и Деннисон выстрелили.

Поттера швырнуло на землю.

Старбак как раз поворачивался, когда пуля попала в Поттера, и, когда Нат развернулся, кровь брызнула с виска Старбака, и он тоже рухнул на землю.

Снаряд с визгом полетел через поле. Поправка на дальность была слишком малой, и дымящийся картечный снаряд срикошетил от сухой земли и разорвался позади шеренг янки, не нанеся им вреда. Никто не погиб.

— Теперь всё ваше, — заметил Кейз, опуская винтовку Шарпса. — Всё ваше.

И скоро, подумал он, всё будет моим. Виргинские стрелки, образцовый полк Конфедерации.

— Спасибо, капитан, — выдавил Деннисон.

А в это время к югу от них грохотали огромные пушки, и янки приближались к Шарпсбергу.

Ли мог только наблюдать за надвигающейся катастрофой. Он стоял на небольшой возвышенности над городом, где его пушки выстроились в линию по краю шарпсбергского кладбища, и наблюдал за тем, как нахлынувшие янки наводнили всю местность к востоку и к югу.

Его люди всё еще сражались. Их орудия проделывали огромные бреши в рядах северян, а пехота в серых мундирах упрямо отстаивала каждую изгородь, стену или фермерский дом, но превосходство было на стороне янки. Казалось, что их неисчислимо множество. Куда бы ни глянул Ли, отовсюду появлялся батальон или бригада, присоединяясь к наступлению на город и дорогу, ведущую на юг, в сторону Конфедерации. Адьютант осматривал каждое новое наступление через бинокль, и каждый раз, когда Ли надеялся, что, возможно, на фланге появился один из батальонов Легкой дивизии, адъютант лаконично заявлял:

— Это янки, сэр.

— Вы уверены? — один раз спросил Ли.

— Сэр? — адъютант протянул бинокль.

— Не смогу им воспользоваться, — ответил Ли, размахивая своими перебинтованными руками.

Орудия продолжали громыхать, устлав землю новой завесой дыма. Часть орудий была сбита с лафетов ответным огнем янки, другие наклонившись лежали на разбитых колесах, которые канониры безуспешно пытались сменить. Разорвалось одно из тяжелых орудий Паррота, убив двоих канониров и тяжело ранив еще троих.

— Попробуйте узнать, смазывали ли они снаряды, — обратился Ли к адъютанту.

— Сэр? — в недоумении нахмурился адъютант.

— Расчет орудия Паррота, — пояснил Ли. — Узнайте, смазывали ли они снаряды. Не сейчас, когда выдастся минутка.

— Есть, сэр, — ответил адъютант, снова наведя бинокль на юг.

Бельведер Дилейни поднимался по кладбищу, чтобы присоединиться к беспокойной компании адъютантов, которые стояли в паре шагов позади Ли. Мундир Дилейни был перепачкан кровью, лицо блестело от пота.

— Чужая кровь, сэр, — объяснил Дилейни. Он весь вымотался и находился в смятении от увиденного. Он даже и не представлял, что где-то помимо бойни существуют подобные ужасы. Город был переполнен ранеными, и под крышей каждого дома лежали умирающие и изувеченные люди. Худшее происшествие дня случилось, когда Дилейни спустился в погреб, чтобы набрать яблок, которыми на зиму запасся хозяин дома и теперь предлагал раненым. Когда Дилейни наполнял кадку яблоками, он почувствовал, как по его голове стекает влага. Это оказалась кровь, сочившаяся сквозь половицы. Он принялся стирать ее, но его глаза по-прежнему застилала кровь.

Ли заметил, что адвокат охвачен ужасом.

— Спасибо за ваши усилия, Дилейни, — мягко сказал он.

— Я ничего не совершил, сэр, — произнес Дилейни, — ничего, — и внезапно почувствовал себя виноватым, ведь именно он, несомненно он, устроил эту бойню. Адвокат отмахнулся от этой мысли, боясь, что воспоминания о крови, стекающей сквозь половицы, разрушит его идиллическую жизнь в некой иностранной столице. Он отбросил эти подозрения, нахмурился и сумел буркнуть то, ради чего его прислали. — Полковник Чилтон подумал, не стоит ли вам отступить, сэр.

Ли рассмеялся.

— И вы оказались единственным храбрецом, чтобы передать это сообщение? Может, вам стоит бросить деятельность на ниве закона, Дилейни, и стать военным. Нам нужны храбрецы. Ну а пока можете передать Чилтону, что мы еще не проиграли.

Дилейни вздрогнул, когда шрапнель янки просвистела в воздухе над головой. Ли, кажется, и не заметил свиста раскаленного металла.

— Мы еще не проиграли, — задумчиво повторил он.

— Нет, — согласился Дилейни, не потому что доверял генералу, просто не его делом было указывать на очевидное. Янки выигрывали. Половина армии южан полегла, другую безжалостно теснила массивная атака северян. Полковник Чилтон держал наготове санитарную повозку, чтобы умчаться Ли с места неизбежной катастрофы, но Ли, похоже, никуда не желал уходить.

На юге появились новые войска. Ли бросил на них взгляд, но даже с этого расстояния можно было заметить, что новоприбывшие носили синие мундиры. Он вздохнул, не сказав ни слова. Адьютант навел бинокль на новые войска, которые находились в опасной близости от единственной дороги на юг. Обзор затрудняла жара и клочки дыма, и адъютант долгое время всматривался, прежде чем заговорил.

— Сэр? — позвал он.

— Знаю, Хадсон, — тихо произнес Ли. — Я видел их. Они в синем, — его голос звучал крайне устало, словно генерал неожиданно осознал, что всё кончено. Он знал, теперь нужно постараться отступить, спасти остатки своей армии, но Ли, казалось охватило крайнее безразличие. Если он не сбежит, то попадет в плен и станет гостем за ужином у Макклелана, а он не мог вынести унижение подобной трапезы.

— Обмундированные в Харперс-Ферри, сэр, — сказал адъютант.

— Прошу прощения? — спросил Ли, решив, что не расслышал адъютанта.

Голос Хадсона неожиданно сорвался от волнения.

— Это наши люди в мундирах янки, сэр. Это наше знамя!

Ли улыбнулся.

— В безветренную погоду флаги похожи.

— Это наше знамя, сэр! — настаивал Хадсон. — Оно самое, сэр!

И неожиданно по всей местности прокатился треск ружейной пальбы, а далекие войска в синем окутались дымом, дав залп по другим войскам, тоже в синем. Новые орудия сняли с передков и их продольный огонь скашивал ряды наступающих янки. Это была наконец объявившаяся Легкая дивизия, и Ли закрыл глаза будто в молитве — Отлично сработано, Хилл, — прошептал он, — отлично, отлично сработано, — ему не придется преломлять хлеб с Макклеланом.

Войска на юге всё пребывали, на этот раз уже в серых мундирах, и неожиданно наступление янки, которые были уже у садов на окраинах Шарпсберга, застопорилось.

Потому что прибыла Легкая дивизия.

Люцифер, дернув за вытяжной шнур, выстрелил из пушки и увидел огоньки двух выстрелов у кромки леса. Мгновение спустя он связал два выстрела с двумя телами у дальней стороны орудия. Поттер лежал, распластавшись на животе, Старбак стоял на коленях, опустив голову, с которой капала кровь. Ни один из них не шевелился, пока Старбак не упал

после безуспешной попытки выпрямиться.

С гневным криком Люцифер выхватил револьвер. Он побежал к облачкам дыма с щенком на поводке.

Полковник Свинерд осознал, что выстрелы сделаны со стороны мятежников, секундой позже Люцифера. Он последовал за мальчиком и увидел, как из кустов поднялся человек. Люцифер поднял револьвер и прицелился. Полковник крикнул ему:

— Нет! Нет, парень! Нет!

Люцифер не обратил на него внимания. Он выстрелил, и пуля прошла высоко среди деревьев. Он замедлил бег, чтобы получше прицелиться, зная, что тому, кто подстрелил Старбака, понадобится двадцать секунд, чтобы перезарядить винтовку.

— Убийца! — заорал он на Кейза и вновь поднял револьвер.

Кейз сдвинул спусковую скобу вперед и заложил в казенник винтовки Шарпса последний патрон. Потом поднял затвор и надел на брандтрубку капсюль.

Люцифер снова выстрелил, но даже с двадцати ярдов револьвер бил неточно.

— Нет! — снова закричал Свинерд и побежал за мальчиком.

Кейз поднял винтовку. Он увидел, как на лице Люцифера промелькнул ужас, и это выражение лица ему понравилось. Стреляя, он ухмылялся.

Мальчика отбросило назад. Сила удара тяжелой пули была так велика, что оторвала его от земли, протащив вместе с ним и щенка. Тот испуганно завизжал, когда Люцифер упал, и заскулил, когда тело мальчика дернулось. Кровь толчками пошла из отверстия в черепе Люцифера, и судороги быстро прекратились.

Свинерд остановился рядом с мальчиком, но понял, что тот мертв, задолго до того, как положил руку на его маленькое горло. Он поднял взор на Кейза, который пожал плечами.

— Он стрелял в меня, полковник, — заявил Кейз, — вы сами видели.

— Фамилия? — рявкнул Свинерд, поднявшись на ноги.

— Кейз, — вызывающе ответил сержант, закинув винтовку на плечо. — И нет никакого чертова закона, запрещающего пристреливать ниггеров, сэр. Особенно вооруженных ниггеров.

— Существует закон, Кейз, запрещающий стрелять в своих офицеров, — заметил Свинерд.

Кейз покачал головой.

— Дьявол, полковник, мы с капитаном стреляли в парочку чертовых янки на поле, — он кивнул головой в сторону смоктаунской дороги. — Вон там, полковник. Полагаю, они и убили Старбака, уж точно не я.

Рядом с Кейзом выроста вторая фигура. Свинерд узнал нервно облизовавшего губы капитана Деннисона, который кивнул в знак подтверждения слов Кейза.

— Вон в тех зарослях, полковник, — заявил Деннисон, указывая в сторону дороги. — Пара снайперов янки. Полагаю, мы обоих пристрелили.

Свинерд обернулся. Где-то в трехстах ярдах, рядом со смоктаунской дорогой, находились заросли шиповника, где густо лежали в беспорядке трупы под накрывшей поле тонкой завесой дыма. Маловато дыма, решил Свинерд, для стреляющих из кустов пары снайперов янки, но полковник ощутил страшную усталость, когда осознал, что эта парочка будет настаивать на своей истории, и очень сложно окажется ее опровергнуть. Он опять повернулся к ним. В любом случае он посадит их под арест. Свинерд знал, было время, когда он пристрелил бы их как собак, но теперь он следовал законам Всевышнего и поступит

надлежащим образом, даже если и считает, что это бесполезно.

Он раскрыл было рот, но заметил выражение неподдельного ужаса на лицах обоих мужчин. Они смотрели куда-то в другую сторону, и Свинерд обернулся, чтобы посмотреть на то, что их так напугало.

Там стоял Старбак. Левая сторона его лица превратилась в мешанину крови. Он пошатнулся и сплюнул большой плевком густой крови с обломками зубов. Пуля попала в его раскрытый рот, царапнула по языку, выбила четыре зуба верхней челюсти и вышла сквозь щеку. Он пошатываясь шел к этой парочке и остановился рядом с Люцифером. Старбак опустил на колени возле мальчика, и Свинерд заметил, как вперемешку с кровью полились слезы.

— Нат, — окликнул его Свинерд, но Старбак покачал головой, словно не желая ничего слышать.

Он погладил лицо Люцифера и спустил с поводка скулившего щенка. Нат встал и подошел к Кейзу с Деннисоном. Он заговорил с ними, но ранение превратило его речь в кровавое бормотание. Он вновь сплюнул и ткнул пальцем в сторону кустов.

— Идите, — сумел выговорить он.

Свинерд понял.

— Идите и найдите убитых вами людей, — приказал он обоим.

— Черт, да там целое сборище мертвых янки! — запротестовал Кейз.

— Тогда принесите мне два теплых тела! — рявкнул Свинерд. — Потому что если они остыли, капитан Деннисон, я пойму, что вы лжете. А если вы лжете, капитан Деннисон, я поставлю вас двоих перед расстрельным взводом.

— Идите! — взревел Старбак, разбрызгивая еще больше крови.

Оба пошли на восток. Старбак подождал, пока они не скрылись из вида, и вернулся к орудию. Кровь лилась по его лицу, когда он поднял рычаг, чтобы повернуть лафет на несколько футов, чтобы пушка глядела в сторону смоктаунской дороги.

— Нет, Нат, — запротестовал Свинерд. — Нет.

Старбак не обращал внимания на полковника. Он подошел к передку и вернулся с пороховым картузом и зарядом картечи. Двое солдат Поттера прочищали оружие, пока Коннолли побежал забрать протравник у мертвого Люцифера.

Поттер перекатился по земле. Он плакал. Свинерд, и не ждавший, что его запрет возымеет действие, опустил рядом с ним на колени.

— Больно, сынок?

— Бутылка виски, — запричитал Поттер, — с самым лучшим виски, который я когда-либо видел. Я приберегал ее, полковник, а они ее разбили. Разбили ко всем чертям. Теперь вся моя спина пропитана виски, но он весь вытек, а я так молился, чтобы что-нибудь осталось.

Свинерд попытался не улыбнуться, но не сумел сдержаться.

— Ты не ранен? — спросил он.

— Из меня весь дух вышибло, — улыбнулся Поттер и сел. Он принял протянутую Свинердом руку и поднялся на ноги. — Показал им спину, полковник, — проговорил он, — вот в спину и подстрелили.

— Существуют соответствующие процедуры, — запинаясь вымолвил Свинерд.

Насчет соответствующих процедур у Старбака было особое мнение, так настолько приглушенное кровью, что вышло бессвязным бормотанием со сгустком крови и костей. Он

нагнулся, вновь сплюнул, и поднявшись сложил руки рупором у изуродованного рта.

— Кейз! — заревел он.

Кейс и Деннисон, осторожно пробираясь по открытой местности, так же сильно боялись далеких янки, как и ожидавшей их по возвращении в батальон участи. И тут они поняли, что никакого возвращения не будет. Пушка, всего в каких-то пятидесяти ярдах, смотрела прямо на них. Деннисон замотал головой, Кейз побежал, и Старбак дернул за вытяжной шнур.

Дым пушки скрыл обоих мужчин, но только после того, как разрыв картечи превратил их в красные клочки плоти.

Старбак даже не взглянул на результат работы картечи. Он вернулся к Люциферу и бережно взял на руки мертвого мальчика. Он обнял его, покачивая маленькое тельце, обливая кровью и без того окровавленное лицо мальчика. Рядом с ним опустился и Свинерд.

— Вам нужен доктор, Нат.

— Я подожду, — сумел выговорить Старбак. — Я никогда не знал его настоящего имени, — добавил он, медленно и отчетливо выговаривая каждое слово, несмотря на кровавую кашу во рту, — так что же я напишу на его могиле?

— Что он был brave солдатом, — произнес Свинерд.

— Он им был, — тихо ответил Старбак, — он действительно им был.

Пушки на юге внезапно замолчали. Тишина казалась неестественной, ведь весь день небо сотрясала пальба, но теперь воцарилась тишина. Тишина и легкий ветерок, который наконец разогнал дым и унес зловоние битвы за реку. Резне пришел конец.

В ночи кричали раненые. Некоторые из них умерли. Мигающие костры показывали, где отдыхали армии, маленькие огоньки отмечали, как далеко продвинулись янки за день. Им принадлежали Северный и Восточный леса и вся местность от реки до возвышенностей над городом. Но мятежники еще не были сломлены, они не бежали. Легкая дивизия, вся в поту после изнуряющего марша, ударила во фланг Бернсайда, отбросив тщательно сформированные колонны как раз в то мгновение, когда они уже полагали, что ворвались в город.

Военная полиция Конфедерации обыскивала городские дома в поисках скрывшихся от сражения солдат. Пойманных вытаскивали из подвалов и чердаков, из коровников и кладовых и тащили беглецов в их подразделения. Девочка, убитая снарядом янки, обрушившимся на Шарпсберг, лежала в своем лучшем платье на столе гостиной. Один из домов полностью выгорел, и на заре в четверг от него остался лишь каменный дымоход. Плато по-прежнему было окутано дымом и запахом мертвых тел, усеявших выжженные поля.

Всю ночь в бригаду Свинерда возвращались солдаты. И теперь в Легионе Фалконера насчитывалось сто двенадцать человек, а семьдесят восемь — в батальоне Старбака. Ослепленные взошедшим солнцем, солдаты шурились, глядя на восток от лесов вокруг церкви данкеров в ожидании атаки янки. Но янки так и не пришли. Через час после рассвета через поле прискакал гонец с белым флагом и просьбой разрешить северянам собрать своих раненых, которые до сих пор с криками катались по кровавым полям. Солдаты, еще вчера проклинавшие и убивавшие друг друга, теперь объединились, отыскивая умирающих и отделяя их от погибших. Янки и южане работали вместе, заполняя медицинские повозки

талами. Уже выкопали первые неглубокие могилы, хотя казалось, что сколько ни рой — невозможно вместить всех мертвецов.

Капитан Траслоу назначил себя врачом Старбака. Для легкораненых не осталось хирургов, так что Траслоу, обзаведясь парой ржавых плоскогубцев, теперь извлекал осколки костей и зубов. Он уложил Старбака и склонился над его развороченным ртом.

— Да Господи ты Боже мой, — ворчал он, пока Старбак дергался от боли, — хуже девчонки, ей-богу. Просто лежи спокойно, Христа ради. Воды!

Лейтенант Поттер налил воды из ведра и смыл кровь с раскрытого рта Старбака. Траслоу снова полез внутрь плоскогубцами, еще раз прополоскал рот и вновь принялся выкорчевывать и выдергивать, пока не убедился, что каждый кусочек кости и зубов извлечен. Тремя грубыми швами он зашил щеку Старбака.

— Поубавит лоска с твоей милой физиономии, — затягивая узелок, радостно сообщил Траслоу.

— Шрамы красят мужчину, — заметил Поттер.

— Он и так уже немало кошачьих концертов устроил, безо всяких там шрамов, — буркнул Траслоу, — так что теперь женщины и вовсе обречены, — он обзавелся бутылочкой бренди с трупа янки и теперь вливал неразбавленный спирт в окровавленный рот Старбака. — Прополощи, — приказал он и вложил в рот тампон из куска ткани. — Прикусывай, пока не перестанет кровоточить.

— Как скажете, доктор, — промычал Старбак.

В полдень Старбак выкопал под вязом могилу Люциферу, а как Поттер вырезал на стволе дерева слова "Храбрый солдат". Поттер собрался снять с Люцифера револьвер, прежде чем опустить тело в неглубокую могилу, но Старбак остановил его.

— Пусть остается, — сказал он, — револьвер может ему понадобится там, куда он отправляется.

Поттер кивнул, но раскрыл патронташ, чтобы извлечь оставшиеся патроны. Внутри сумки он обнаружил пакет, тщательно завернутый в промасленную бумагу, и показал его Старбаку. Старбак взял пакет, развязал тесемку и обнаружил кусок бумаги, который Кейтон Ротвел показал ему в ночь накануне схватки с Кейзом. Он прочитал подпись вслух.

— Билли Блайз, — пробормотал он. — Сукин сын.

— Кто?

Старбак показал ему бумагу.

— Это был револьвер Тамлина, — пояснил он, указав на револьвер, который Поттер вложил в правую руку Люциферу, — а эта бумага принадлежала сержанту Ротвелу. — Иисусе, — он остановился, осознав, что это Тамлин, должно быть, убил Ротвела. — Какого черта понадобилось Тамлину забирать эту бумагу с тела Ротвела?

— Господь его знает, — пожал плечами Поттер.

— Хотелось бы мне вновь столкнуться с мистером Тамлином, — проговорил Старбак и сплюнул кровь. — Боже, — мстительно продолжил он, — как бы мне хотелось, — он положил бумагу в карман и помог опустить Люцифера в могилу. Они засыпали его землей.

— Хотите произнести молитву? — спросил Поттер.

— Уже произнес. — Старбак подобрал поводок Беса и повел собаку к опушке леса. Он прикусил тампон, почти наслаждаясь болью, пока смотрел на поле, с обеих сторон заполненное солдатами. Они обменивались новостями и меняли северные газеты на южные. У некоторых лица были замотаны тканью, чтобы приглушить запах мертвечины.

Приблизился Поттер и встал рядом со Старбаком.

— Виски мне так и не достался, — с сожалением произнес он.

Старбак вынул кровавый тампон изо рта.

— Когда вернемся на юг, мы с тобой напьемся, — пообещал он.

— Думаю, мы возвращаемся на юг, — отозвался Поттер.

— Наверняка, — согласился Старбак и сплюнул струю кровавой слюны.

Армия Ли была не в состоянии ни остаться, ни сражаться. Она получила изрядную трепку, и хоть и дала сдачи, ей не оставалось иного выбора, кроме как отступить.

Канониры прицепили захваченное солдатами Старбака оружие к передку и отвезли к Шарсбергу. Свинерд настоял на том, чтобы надпись, которую Поттер начал выбивать на лафете, была закончена, дабы канониры знали, что пушку захватили презренные Желтоногие, и Траслоу выжег слова на дереве раскаленным острием штыка. Теперь Свинерд подошел к Старбаку.

— Как рот?

— Побаливает, сэр.

Свинерд отвел Старбак подальше от Поттера, чтобы тот не их расслышал. Мистер Мейтленд, — начал полковник, — признался мне, что не может переносить вида крови.

Несмотря на боль в челюсти, Старбак улыбнулся.

— Он и мне в том же признался, — сказал он.

— Он слишком впечатлителен, — пожал плечами Свинерд. — Сказал, что однажды упал в обморок, когда у одного из рабов пошла из носу кровь. Полагаю, он желал получить возможность преодолеть свой страх, но не сработало. Он согласен со мной, что Ричмонд для него более приемлемое место службы, — мрачное лицо полковника расплылось в улыбке. — Так что Легион ваш, Нат. Вернее то, что от него осталось. Легион и Желтоногие.

— Благодарю, сэр.

Свинерд остановился, посмотрев на поле, где живые медленно бродили среди мертвецов.

— У меня и другие новости есть.

— Добрые, надеюсь.

Свинерд кивнул.

— Джексон только что повысил меня в звании. Теперь я бригадный генерал.

Старбак опять улыбнулся, сорвав швы на щеке. Не обращая внимания на боль, он протянул руку.

— Мои поздравления, генерал.

У Свинерда в глазах стояли слезы.

— Господь был добр ко мне, Нат, так добр. Почему я так долго ждал, чтобы обрести его?

Старбак промолчал, а генерал улыбнулся.

— Сегодня вечером я провожу молитвенное собрание, — сказал он, — но не надеюсь, что вы придете.

— Не думаю, что приду, — ответил Старбак.

— А после молитвы мы выступаем, — сказал генерал Свинерд.

— Домой? — спросил Старбак.

— Домой, — подтвердил генерал.

Потому что вторжение закончилось.

Историческая справка

Сражение при Антиетэме (известное на Юге как сражение при Шарпсберге) знаменито тем, что стало самым кровавым днем в истории Америки. Погибли почти двадцать три тысячи человек, всего лишь за один день. Иначе как бойней назвать это нельзя.

Ли, будучи азартным игроком, приняв решение сражаться в полях у Шарпсберга, сделал одну из самых рискованных ставок в своей жизни. Опасаясь политических последствий в случае отступления без драки, он надеялся, что природная осторожность его оппонента вселит в Макклелана неуверенность и подарит уступающим в численности мятежникам громкую победу. Азарт его подвел. Гордость заставила Ли оставить армию на своих позициях на следующий день после сражения, ибо того требовали воинские представления о чести, отрицавшие поражение. Кампания, тем не менее, провалилась. Северные штаты были избавлены от вражеского вторжения, и ни одна европейская страна не пожелала поддержать Юг. Оставив армию на поле битвы, Ли технически одержал победу, но тем не менее, ночью в четверг повстанческая армия ускользнула, и к вечеру пятницы на территории США не осталось ни одного мятежника, не считая убитых и военнопленных.

Вторжение под командованием Ли потерпело неудачу, но едва ли причиной тому стал Джордж Макклелан. У него были все возможности окончательно завершить войну при Антиетэме. Атакуй он сутками раньше, армия Ли была бы, без сомнения, уничтожена, а ведь на тот момент в распоряжении Ли было меньше войск, чем когда-либо. Но Макклелана захлестнули сомнения, и он дождался, пока к Ли не прибудет подкрепление. Даже в этом случае, когда Макклелан наконец собрался с духом и атаковал, он мог бы координировать свои атаки и наголову разбить Ли, но войска северян наступали поочередно, и у Ли была возможность перебрасывать свои войска с позиции на позицию, отбивая каждую атаку противника. Макклелан планировал сначала атаковать Ли на флангах, затем, лишив южан резервов, нанести сокрушительный удар по центральным позициям. Реальное сражение оказалось крайне далеко от его планов, взамен превратившись в серию кровавых стычек, в которых ни одна сторона не могла одержать полной победы. Это было солдатское сражение, ибо дрались обычные солдаты, и дрались они с небывалым мужеством. Макклелан также мог бы возобновить сражение в четверг — подтянув огромные резервы, свежие, не сделавшие ни единого выстрела, он наверняка покончил бы с противником. Но он боялся. Он утверждал, что солдаты устали, и в итоге армия Ли сумела ускользнуть, чтобы позже продолжать сражаться. Мятежники понесли тяжелые потери, получив в итоге лишь захваченные в Харперс-Ферри орудия и припасы.

Антиетэм стал последним сражением Макклелана. Сам он полагал, что продемонстрировал блестящий талант полководца, но президенту Линкольну надоела нерешительность нового Наполеона. Армии Севера суждено было получить новых командующих. Макклелан же продолжил доставлять всем неудобства уже в сфере политики. Он выставил свою кандидатуру на пост президента от Демократической партии в 1864 году, но, к счастью для Союза, заменить Линкольна ему не удалось. До конца своих дней новый Наполеон отстаивал правильность своих действий на посту главнокомандующего, но правда состоит в том, что с разжалованием Макклелана мятежники лишились своего полезнейшего

помощника.

История потерянного приказа 191 широко известна. Никто не знает, каким образом был потерян один экземпляр приказа. После войны, во время бесконечных разбирательств, выжившие все как один отрицали, что знают что-либо об этом приказе. Нам лишь известно, что двое солдат из Двадцать седьмого индианского полка нашли три сигары, завернутые в приказ, и этого было достаточно, чтобы избавить Макклелана от его обычной осторожности. Не будь приказ найден, Ли, вероятно, дошел бы до Саскуэханны, как и планировалось, но с раскрытием его стратегия вторжение было обречено. Блосс и Митчелл, обнаружившие приказ солдаты, получили ранения на кукурузном поле.

Сражение на кукурузном поле и у заглубленной дороги стали самыми кровавыми эпизодами того дня. Схватка за Рорбахский мост (известный ныне как Бернсайдский мост) отстала от них ненамного. Стоит лишь попасть в те места, как становится очевидна небывалая храбрость солдат, наступавших по открытой местности под ужасным огнем. Поле битвы хорошо сохранилось, хотя Восточный и Западный лес значительно уменьшились в размерах. На юг от кукурузного поля простирается дорога, щедро заставленная полковыми памятниками. У поворота заглубленной дороги возвышается наблюдательная вышка. Желаящим узнать больше о той кампании и сражении стоит прочесть труд Стивена Сира "Земля, окрашенная красным" — книгу, что сопровождала меня на всём пути создания "Кровавой земли" и является, по моему мнению, лучшей книгой, повествующей о сражении Гражданской войны, может, даже лучшей о сражении девятнадцатого века вообще.

Антиетэм воистину был настоящим кошмаром. Войска Севера сражались с небывалым мужеством, но их героические усилия были потрачены впустую из-за бездарного командования. Однако отступление мятежников дало возможность президенту Линкольну объявить о победе северян и, следовательно, издать Прокламацию об освобождении рабов. Война, начавшаяся из-за споров о правах штатов, превратилась в этическую кампанию по освобождению рабов. Но недостаточно было объявить рабов свободными — их еще нужно было по-настоящему освободить. Путь до Ричмонда, как покажет будущее, окажется долгим и тяжелым. Ли получил отпор под Антиетэмом, но до поражения ему было далеко.

Старбак снова двинется в путь.

notes

[1] Колдстримский гвардейский полк — второй по старшинству полк Великобритании после Гвардейской дивизии. Сформирован в 1650 году.

[2] Бухта Убийц (Murder Bay) — район трущоб в Вашингтоне к югу от Пенсильвания-авеню, где во время Гражданской войны размещались бордели. Этот район также получил название "Дивизия Хукера", так как проститутки обслуживали солдат генерала Джозефа Хукера.

[3] Эндрю Джексон (1767–1845) — 7-й Президент США (1829–1837). Первый президент США, избранный как кандидат от Демократической партии; считается одним из её основателей.

[4] "Пекод" — китобойное судно, на котором отправился в плавание главный герой романа Г.Мелвилла "Моби Дик". Ахав — одноногий капитан этого судна.

[5] Американский дуэльный кодекс Джона Лайда Уилсона (1858 год) создан на основе ирландского кодекса юристом и заядлым дуэлянтом, экс-губернатором Южной Каролины Джоном Лайдом Уилсоном.

[6] Шекспир, "Гамлет", акт I, сцена III.

[7] "Мы для богов — что мухи для мальчишек: Им наша смерть — забава". В.Шекспир, "Король Лир", акт IV, сцена I, пер. Т.Щепкиной-Куперник.

[8] Бродяга (Traveller) — самый известный и последний боевой конь генерала Ли, приобретенный в феврале 1862 года. И Бродяга, и генерал захоронены в маленьком университетском городке Лексингтоне в Виргинии.

[9] "Чем в этот мирный и тщедушный век мне наслаждаться?" В. Шекспир, "Ричард III" акт I, сцена I, пер. А.Радловой.

[10] Лорд Лайонс, Ричард Бикертон Пемел, (1817–1887) — английский государственный деятель и дипломат, посол Великобритании во Франции и США. Сторонник строгого нейтралитета в период Гражданской Войны.

[11] Джон Браун (9 мая 1800 — 2 декабря 1859) — американский аболиционист. В октябре 1859 г. Браун и с группой сторонников переправился через Потомак в Виргинию, обезоружил охрану на железнодорожном мосту и захватил арсенал в Харперс-Ферри. Регулярная армия вернула арсенал и пленила Брауна, он предстал перед судом и был казнен.

[12] "Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь". Библия, Послание к Римлянам, 12:19.

[13] Библия, Послание к Римлянам, 3:23.

[14] "Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых". Библия, Первое послание к Коринфянам 9:19–22.

[15] "Нечестивым же нет мира, говорит Господь". Библия, Исаия 48:22.

[16] Огороженная площадка на крыше дома моряка в Новой Англии в XVII–XVIII века: С такой площадки хорошо просматривалось море и можно было издали разглядеть возвращающееся судно, которое часто везло скорбную весть жене моряка о гибели мужа.

[17] Данкеры (от нем. tunken — окунать, погружать) — протестантская секта, возникшая в Германии в начале XVIII века. Подвергались преследованиям, в 1719 г. данкеры переправились в Пенсильванию, где и существуют в настоящее время в виде различных течений. Над каждым новым членом общины совершается обряд тоекратного погружения лицом в воду реки, стоя на коленях. Данкеры практикуют ритуальный поцелуй при встрече, омовение ног перед причащением хлебом и вином. Будучи пацифистами, они не приносят присягу и не служат в армии, не кладут деньги в банк, носят простую одежду и стараются максимально отделиться от мира.

[18] В.Шекспир, "Генрих V", акт III, сцена III, пер. Е.Бируковой.

[19] Данте Алигьери, "Божественная комедия", пер. М.Лозинского.

[20] Элизиум — в античной мифологии часть загробного мира, где царит вечная весна, и где избранные герои проводят дни без печали и забот.

[21] Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) — британский государственный деятель, историк, поэт и прозаик викторианской эпохи. Получил известность благодаря своим трудам по истории Англии, значимым произведением Маколея считается также стихотворный сборник «Песни Древнего Рима» (1842).

[22] Олдершот — город в Британии, известен как "Дом британской армии". В середине XIX века этот город стал базой для обучения британских солдат.

[23] Библия, Иов, 19:25.